

Виктор Стомба

Оржицкие "фермопилы" Костенка

16+

Виктор Григорьевич Стомба Оржицкие «фермопилы» Костенка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63762118

SelfPub; 2021

Аннотация

Совсем скоро исполнится 80 лет с того момента, как в сентябре 1941 года был окружен и разгромлен Юго-Западный фронт. Но годы не властны над памятью. Каждый день всплывают все новые факты и события. Данная работа является попыткой воссоздания хронологии событий в Оржицком очаге Киевского котла в сентябре 1941 года на основе известных публикаций, воспоминаний участников тех событий или рассказов их родственников.

Виктор Стомба

Оржицкие

"фермопилы" Костенка

**ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, КОНЕЦ СЕНТЯБ-
РЯ 1941**

До конца августа войска Юго-Западного и Южного фронтов отошли за Днепр. Нацеленный на окружение Юго-Западного фронта противник более чем вдвое превосходил его по количеству самолетов и в 4,2 раза по количеству танков.

По левому берегу Днепра, от устья Ворсклы до Черного моря, оборонялся Южный фронт, в который, кроме 9-й и 18-й армий, вошли восстановленные 6-я и 12-я армии.

Приморская армия, прижатая к морю, оставалась в тылу противника, защищая Одессу.

Но основная опасность Юго-Западному фронту шла с севера от танковой группы Гудериана, успевшей захватить два плацдарма на реке Десне – у Коропа и Новгород-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Кирпоноса. В первых числах сентября здесь развернулись ожесточенные бои. В междуречье Сейма и Десны, севернее Конотопа и Бахмача, дивизии 40-й армии сдерживали натиск танков Гудериана.

Реки Днепр и Десна, которая впадает в него, образуют естественный выступ, на острие которого и был Киев. В рам-

ках этого выступа скопилась киевская группировка наших войск – практически весь Юго-Западный фронт. Штурм Киева, да еще и с необходимостью форсирования Днепра, в планы немцев не входил, а упорство наших войск в обороне города способствовало тому, что ударив в основание выступа в 200—250 км южнее и севернее Киева, в течение нескольких дней немцы взяли группировку в кольцо.

Ввиду ожесточенного сопротивления советских войск, бездорожья, отставания средств переправы, нарушений снабжения форсирование немцами Днепра затягивалось.

Рундштедт опасался, что советские войска будут отходить дальше на восток, чтобы избежать окружения на Левобережной Украине, поэтому 28 августа потребовал от 1-й танковой группы, 6-й и 17-й армий с утра следующего дня приступить к форсированию Днепра как можно на большем количестве участков, без оглядки на фланги и соседей.

31 августа 17-я полевая армия захватила плацдарм в Дериевке, под Кременчугом.

По ходу событий противник быстро расширял плацдарм, и 4 сентября Рундштедт решил перебросить сюда 1-ю танковую группу.

Главнокомандующий юго-западным направлением Маршал Советского Союза С. М. Буденный сразу понял, какую опасность для его войск представляет этот плацдарм. Он потребовал немедленно сбросить немцев с левого берега Днепра.

Фронт прорвался. В десятых числах сентября немецкие танки появились в Бахмаче и Конотопе. Через трое суток, они оказались в Ромнах. Они шли по мирным тыловым дорогам, по полям, где заканчивалась жатва. Слухи о них считались или провокацией, или паникой. Люди пожимали плечами: немцы здесь? А вы не сошли с ума... Соппротивление мотомеханизированным дивизиям изредка пытались оказать разрозненные, случайные части, местами зенитные батареи.

В ночь на 12 сентября под проливным дождем 16-я тд переправилась через Днепр, а утром внезапно всей своей массой обрушилась на пехотинцев 297-й сд полковника П. П. Чувашева. На второй день немецкие танкисты подошли к реке Сула, южнее города Лубны. Но здесь путь им преградили советские зенитчики и отряды городской самообороны.

А в это время 3-я тд генерала В. Моделя из группы Гудериана подошла к Лохвице с севера.

Между 3-й тд и 16-й тд вермахта еще оставался 40-км «коридор», которым советские войска уже не могли воспользоваться для отхода на восток: во-первых, потому что Ставка категорически запретила им отходить, а во-вторых, было уже слишком поздно.

13 сентября Тимошенко, который прибыл в штаб Юго-Западного направления заменить Буденного, заверил Верховного, что Киев будет удержан.

Почти 80 лет назад, в воскресенье 14 сентября 1941 го-

да, после проливных дождей предыдущих дней установилась удивительно светлая и солнечная погода.

К концу этого солнечного дня, в 18.20 берлинского времени у города Лохвица встретились передовые отряды 3-й тд 2-й ТГ Гудериана и 9-й тд 1-й ТГ Клейста. Тем самым было замкнуто кольцо окружения за спиной четырех армий Юго-Западного фронта. Таким образом, было осуществлено окружение войск Юго-Западного фронта.

14 сентября вражеские части овладели и Лубнами. Бои вокруг Лохвицы и под Лубнами продолжались и на следующий день, но к Лохвице с юго-востока полностью подошла 9-я тд.

Войска, оборонявшие Киев, находились в 200 км к западу от места соединения вражеских дивизий. Гигантское кольцо вокруг четырех советских армий замкнулось. В «котле» оказалось и управление Юго-Западного фронта. Огромный «котел» вскоре был рассечен немцами на несколько изолированных группировок.

Размеров угрозы сначала, видимо, не представлял никто. Она внезапно встала во весь рост. Командование Юго-Западного фронта поспешно покинуло Прилуки. Через день после короткого жестокого боя немцы ворвались в Лубны. Последняя железная дорога из Киева на восток была перерезана.

Когда огромное количество людей и техники Юго-Западного фронта, начали движение на восток, командование и штаб фронта потеряли все рычаги управления. Очень

ясная погода помогала немецкой авиации буквально «утюжить» в степных просторах Киевщины и Полтавщины разрозненные группы отступающих войск, которые оставляли на полях десятки тысяч единиц вооружения и техники.

Силы 2-го и 4-го немецких воздушных флотов действовали последовательными волнами, постоянно поддерживая танки и пехоту. Попытки свежих, но плохо обученных резервных дивизий с Дальнего Востока и кавалерийских корпусов, которые возглавил сам маршал Семен Буденный, прорвать извне кольцо окружения, были безуспешными. Вся система материально-технического обеспечения и внутренние коммуникации Юго-Западного фронта оказались в руках врага. Отступление часто превращалось в беспорядочное бегство, но отдельные группы солдат и офицеров пытались организованно прорваться на восток.

Тогда слово «окружение» со скоростью радиogramмы облетело разрозненные части нескольких армий, дивизий, которые ждали подкреплений, города, станции, поселки. Оно неслось по телефонным проводам. Передавалось шепотом. Тревожило. Будоражило. Угнетало. А клешни немецкой военной машины продолжали сближаться. Группы окруженных советских войск, огромные армейские обозы, специальные формирования, запоздалые беженцы многими дорогами и бездорожьем рванулись на восток. Атаковали, откатывались назад и снова кружили полями Полтавщины, перелесками Киевщины, болотами Приднепровья.

Южная группа, в которой оказались десятки тысяч людей, стремилась на Миргород. Попытки найти разрыв в немецком кольце не привели ни к чему. Надлежало с боями перейти болотистую долину Сулы.

«Окружение» – это страшное для войск слово. Рвалась связь штаба фронта с армиями, штабов армий с дивизиями, штабов дивизий с полками. Даже штабы полков теряли свои батальоны и роты. В условиях неизвестности, невозможности управлять подчиненными, немного командиров могли удержать порядок в частях и оказывать организованное сопротивление. Разрозненные группы бойцов и командиров смешивались, разделялись, пробиваясь к своим, как могли. Заканчивалось топливо – выводили из строя или просто бросали танки, машины и тягачи. Нечем было буксировать артиллерию – выводили из строя или бросали ее. Неизвестность порождала страх, часто панический. Немцы ведь не хлынули в прорыв сплошным потоком, но достаточно было слухов о том, что они уже в тылу и страх увеличивал их количество многократно. Благодаря высокой маневренности немцев казалось, что они везде.

Лейтенант Василий Петров, пробившийся из окружения, который стал впоследствии дважды Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом артиллерии, потерявший в боях обе руки, но продолжавший воевать, вспоминал после войны о судьбе бойцов и командиров, которые оказались в Киевском котле:

«...Система оперативного руководства войсками исчерпала свои возможности. Соппротивление пошло на спад. Прекратились поставки. Моторы глохли. Останавливались танки, автотранспорт, пушки. Ни частей, ни соединений не было. Горели бесчисленные колонны на дорогах, а мимо брели толпой тысячи, десятки тысяч людей. Никто не ставил перед ними задач, не торопил, не назначал срок. Они были предоставлены сами себе. Хочешь – иди, хочешь – оставайся в селе, во дворе, который понравился. Кольцо окружения с каждым днем все больше сжималось. Войска Юго-Западного фронта сделали свое дело в войне, и сошли со сцены...»

С 16 по 20 сентября состоялось расчленение войск фронта на различные группы (очаги) вследствие вклинения на разных направлениях сильных группировок противника.

Основных очагов, где стихийно скопились наши войска, до 20 сентября образовалось шесть.

Очаг №1 – из остатков 26-й армии в районе 20—30 км северо-восточнее Золотоноши; это очаг, постепенно сокращаясь, держался до 24 сентября, пытаясь пробиться на восток в районе Оржицы.

Очаг №2 – из остатков 37-й и 26-й армий в районе 40—50 км к юго-востоку от Киева; это очаг также держался до 23.09.1941г.

Два очага №3 и №4 – из остатков 5-й, 21-й армий, это была так называемая «Пирятинская группа», которая вела борьбу до 23.09 в районе 20—30 км к юго-востоку и востоку

от г. Пирятин, в непосредственной близости от кольца окружения.

Очаг №5 – из остатков 37-й армии в 10—15 км к северо-востоку от Киева, продержалась до 21.09.

Очаг №6 – остатки 37-й армии в районе Яготина, что сумели организованно продержаться в кольце немецкого окружения до 24—26 сентября.

Такова общая картина заключительного эпизода битвы под Киевом в отношении действий войск 21-й, 5-й, 37-й и 26-й армий, оказавшихся в окружении.

Наиболее управляемым организмом оказалась группа войск 26-й армии Ф. Я. Костенко, сохраняя длительное время устойчивость, делая организованы попытки выйти из окружения. В немецких источниках эту группу связывают с названием населенного пункта Оржица, который они называли «Оршица».

В своей книге **«Кто сорвал блицкриг?»** Ф. Т. Моргун утверждал, что и по сей день люди не знают всей правды о том, что происходило в аду, в которое Сталин вогнал в сентябре 1941 года полтора миллиона наших солдат и офицеров и еще большее количество гражданского населения.

От западных границ окружения (города Киева и правого берега Днепра) до восточных (города Лубны Полтавской области на реке Суле) – 220 километров; от южных (город Кременчуг на Днепре) до северных (город Прилуки Черниговской области) – почти 300 километров. И все это про-

странство, не только по центральным и межрайонным дорогам, но и по обочинам были забиты танками, броневедомками, тягачами, пушками, автомашинами, конными подводами и бесконечными колоннами пехоты, которые отступали. А между ними, а чаще рядом с ними, слева и справа дорог, занятых армиями, двигалась бесчисленная масса беженцев – также на автомобилях, повозках, тракторах и комбайнах. (Была категорична команда союзных и республиканских верховных властей – эвакуировать на восток сельскохозяйственную технику, весь скот, зерно и продукты).

Федор Трофимович писал:

«Вспомни, читатель, мой ровесник, как мы тогда верили пропаганде, как были убеждены, что дальше Днепра враг не пройдет, будет остановлен, а затем пробьет и наше время, а Красная Армия, оправившись от внезапности нападения, сделает «и на нашей улице праздник». Особенно страстно этого желали многочисленные массы украинцев, русских, евреев, людей других национальностей, семьи военнослужащих, руководящих работников Западной и Правобережной Украины. Большинство из них, эвакуировавшись через Киев, Черкассы и Кременчуг, уже в июле оказались на левом берегу Днепра и после ужасов бомбардировок и пулеметных обстрелов на прифронтовых дорогах Правобережья здесь, в селах у гостеприимных полтавчан, чувствовали себя почти как у Бога за пазухой. Потому, что находились не только в глубоком тылу и среди хороших людей, но и в зоне, ко-

торая врагу, как были убеждены, недоступна. Красная Армия не позволит форсировать Днепр. В каждом селе, почти в каждой полтавской семье жили беженцы: евреи, украинцы, россияне и другие люди, которые попали в беду. Добрые и заботливые полтавские женщины, оставшись без мужей и сыновей, ушедших на фронт, по горло занятые работой на полях, фермах, не всегда находя минуту накормить своих детей, делились последним куском хлеба с семьями, загнанными в их дома большой бедой. Полтава, Кременчуг, Миргород, Лубны и все другие города и села, были заполнены убегающими от рабства людьми. Таких беженцев были сотни тысяч только в Полтавской области, не говоря уже обо всем Левобережье.

И когда вдруг раздалась бомбовые и артиллерийские канонады, уже на левом берегу Днепра, загорелись полтавские села и города в приднепровских Золотоношском, Ирклиевском, Чернобаевском, а затем и в Драбовском, Оржицком, Згуровском, Яготинском и других районах, все эти беглецы снова оказались на дороге, ведущей дальше на восток. Непрерывные потоки людей шли, неся на руках младенцев, ведя подростков, а за плечами – мешки и сумки. Многие тянули за собой тележки. Полями и лугами молодые полтавчанки гнали на восток стада коров, табуны лошадей, стада овец.

Множество военной техники и красноармейцев смешались с не меньшей массой народнохозяйственной техники

и гражданских людей, они теснили друг друга, образовывали непреодолимые пробки и заторы на нормальных широких степных дорогах.

А что делалось на многочисленных переправах через реки Трубеж, Слепород, Оржицу, Супой, Удай, Сулу, Хорол и многие другие? Кто там не был, не может представить всего этого. Даже тогда, когда не налетали немецкие самолеты, в таких местах бушевали давки и толпы, военный транспорт на много суток задерживался у переправ, а тут еще напирали громоздкие комбайны и колхозно-совхозные трактора с прицепами, груженые продуктами и личными вещами крестьян, которые перегоняли технику. Спокойнее были только в те дни и часы, когда шел дождь. В ясную погоду множество самолетов: бомбардировщики с низких высот, а истребители с бреющего полета – сеяли смерть и ужас среди человеческих масс. И если военные, наученные горьким опытом, знали, что надо рассыпаться, искать борозду или ямку (если нет времени выкопать себе углубление саперной лопаткой), то испуганные безумно гражданские люди толпами бросались из стороны в сторону, и везде их настигала смерть от пулеметного огня.

Летописцы и историки донесли до нас свидетельства, как «вся чудовищная сила Батыева, как густое облако, с разных сторон облегла Киев. Через скрип многочисленных бричек, рев верблюдов и быков, ржание лошадей и яростный вопль противника едва слышали друг друга витязи, которые за-

щищали Киев». Летописец донес до нас страшную картину ужасной судьбы и гибели от Батыевых захватчиков.

Сейчас, через 700 лет, картина как бы повторилась, но ужасы и размеры трагедии не подлежали никакому сравнению. Эта катастрофическая драма развернулась не в одном или нескольких местах, а на территории не менее шести тысяч квадратных километров. Сначала был только этот огромный котел. Пронзительный свист, а затем оглушительный грохот падающих на землю бомб; не стихающий грохот пушек и разрывов снарядов; напряженный гул моторов танков и тягачей; непрерывная стрельба из пулеметов и автоматов многочисленных гитлеровских колонн машин и мотоциклов; нечеловеческие крики беженцев; ржание взбесившихся от страха лошадей, рев коров и волов – все это породило массовую панику...

Люди гибли тысячами. Пулеметы с низко летающих самолетов и наступающих с разных сторон танков и танкеток буквально выкашивали не только огромные колонны людей, но и немногочисленные их группы, которые разбежались в поисках укрытия. «Мессершмитты» и танкетки гонялись даже за одиночными беглецами.

Наша авиация, понеся огромные потери на аэродромах на рассвете 22 июня, была ослаблена и не могла отогнать немецкие самолеты.

В первые дни окружения войска хотя и несли большие потери, но все же с боями продвигались на восток, надеясь про-

рваться сквозь танковые заслоны Гудериана и Клейста.

Нефтебазы и склады с полными цистернами и достаточным количеством бочковой тары, были расположены в основном в районе Киева, Черкасс и Кременчуга. По категорическому требованию – Киев не оставлять, их хорошо охраняли и не перемещали на восток, чтобы спокойно заправлять огромное количество прифронтной техники, которая вела бои западнее и южнее Киева. А когда кольцо возле Лубен замкнулось и Ставка наконец поняла размеры трагического конца, поступило устное распоряжение Сталина об отступлении.

Кирпонос дал команду перед отступлением заправить все баки танков и машин, – залить топливом все бензовозы и водовозы города, заполнить всю имеющуюся тару, а резервы, оставшиеся – уничтожить. Все это было сделано, но полных баков хватило только где-то на половину дороги до Лубен.

Аналогичное положение сложилось и с боеприпасами. Враг наседал со всех сторон, огромный котел был разрезан на три части, все имеющиеся войска Рундштедт бросил на разгром окруженных. Наши танкисты и водители, оставшись без горючего, вынуждены были бросать свою, теперь ненужную, технику и драться врукопашную. Войска потеряли возможность маневрировать артиллерийскими пушками на тракторной тяге, которые также не заправлялись. Многие экипажи танков закапывали свои машины в землю или другие укрытия и продолжали бой.

Вражеская сила, ревя моторами и звеня гусеницами железных чудовищ, заглушая теперь уже почти безоружных наших воинов выстрелами пушек, взрывами снарядов и непрерывными густыми пулеметными очередями, стальной лавиной, будто гигантским прессом, сжимала кольцо окружение со всех сторон.

Наблюдая тот ужасный беспорядок, что творился во время отступления, и, не имея возможности прекратить этот ужас, некоторые командиры от отчаяния пускали себе пулю в лоб. Стрелялись и те, кто не хотел идти на восток, к Сталину, а сдаваться в плен добровольно не мог – не позволяло достоинство офицера. Многие срезали командирские отличия, дезертировали, бросая своих солдат. Некоторые из комиссаров и старших командиров пытались организовать ударные группы, чтобы пробиться на восток, однако парализованные страхом части просто разбегались.

Бойцы, разделившись на отдельные группы и в одиночку, продвигались в поисках переправы берегами рек Оржица, Удай, Сула, Псел, не догадываясь о природных ловушках в виде непроходимых болот и пагубных трясин, подступы к которым закрыты зарослями высокого и густого камыша. Не зная броду, люди в поисках спасения бросались в плавни, пробирались через заросли и нарывались на эти гиблые места, становясь жертвами болотного плена».

Из книги **Ф. Моргуна «Правда о Генерала Кирпоносе»** (1994г.):

«Обессиленные и скованные страхом, они тонули и гибли за считанные часы. Некоторым удавалось зацепиться и вылезти на отдельные устойчивые кочки. Немало солдат находили временное спасение на дрейфующих в этой жидкости островках тростника, который густо сросся. И эти несчастные были обречены на страшную смерть. Расстаться с кочками или островком камыша нельзя, потому что сразу попадешь в болото. Те, кто остался на этих кочках, рано или поздно погибали без еды, воды и от мириад комаров.

Местные крестьяне и рыбаки в послевоенные годы рассказывали, что над болотами много дней сначала раздавались нечеловеческие крики, а потом слышался стон. Были места в болотах, где вода была проточной и чистой, здесь люди держались дольше и крики о помощи слышали больше недели.

Местные жители на лодках, плотях и просто вброд спасали от неминуемой гибели многих...

Судьба тех, которые остались в непроходимых болотах, была ужасной. Они погибли в конце сентября или в начале октября. А морозы в том году сковали льдом плавни Сулы в декабре-январе! Только тогда местные жители отыскивали трупы, обрубали топорами лед и везли на санках для захоронения».

17 сентября, буквально за несколько минут до окончательной потери связи со штабами армий, Кирпонос успел отдать приказ 5, 21, 26, 37-й армиям на прорыв в восточном направлении. Находящимся вне «котла» силам 38-й и 40-й

армий предстояло поддержать выход войск фронта из окружения ударом на Ромны и Лубны. Однако планомерный выход не состоялся. Окруженные со всех сторон немцами, расчлененные на части и оставленные без управления, войска, понесшие большие потери в предыдущих боях, действовали разрозненно и хаотично, а чаще небольшими группами.

В районе Оржицы дольше всех – до 26 сентября – дрались остатки 26-й армии Костенко.

Армия Власова оказалась в двух районах: один – в 40—50 км к юго-востоку, другой – в 10—15 км северо-восточнее Киева. Она смогла продержаться до 21—23 сентября.

Пирятинская группа из войск 5-й и 21-й армий держалась до 25-го. Часть сил и управление 5-й армии вынуждены были присоединиться к колонне штаба фронта, и двигались вместе с ней на Пирятин. Остальные, расчлененные на мелкие группки, пытались вырваться самостоятельно.

Трагически закончились попытки прорыва Военного совета и штаба Юго-Западного фронта, который потерял связь с армиями. 20 сентября сводная колонна штабов фронта и 5-й армии подошла к хутору Дрюковщина, что в 15 км к юго-западу Лохвицы. Там она была атакована главными силами 3-й тд противника. Потеряв несколько орудий и бронемашин, остатки колонны отошли в урочище Шумейково. В руки врага попал командующий артиллерией 5-й армии генерал В. Н. Сотенский вместе со всем штабом.

В группе оставалось не более тысячи человек, из них

800 офицеры, в том числе командующий фронтом М. П. Кирпонос, члены Военного совета М. А. Бурмистенко, Е. П. Рыков, начальник штаба В. И. Тупиков, генералы управления фронта Д. М. Добикин, А. И. Данилов, В. В. Панюхов, командующий пятой армией М. И. Потапов, члены Военного совета его армии М. С. Никишев, Е. А. Кальченко, начальник штаба армии Д. С. Писаревский.

Урочище насквозь простреливалось пулеметным огнем. Транспорт и люди рассредоточились по краю оврага, что его пересекал, бронемашин заняли позиции на опушке леса. Немецкие танки и пехота атаквали рощу с трех сторон. Сначала они ворвались на восточную опушку. Вооруженные связками гранат и бутылками с бензином, люди отражали атаки. В рукопашной схватке участвовали все – от солдата до командующего фронтом. Кирпоноса сначала ранило в ногу, а вскоре осколки мины разорвавшейся рядом, изрешетили его грудь. Командующий тут же умер. Бой длился долго. Вырваться из рощи было невозможно. Бойцы и командиры оборонялись отчаянно.

Погибли начальник штаба фронта В. И. Тупиков и начальник штаба 5-й армии Д. С. Писаревский. Был замучен Е. П. Рыков, который попал в руки немцев.

Попробуем воспроизвести события 12 – 26 сентября 1941 года, которые происходили в районе Оржицы, основываясь на известных нам фактах, публикациях и воспоминаниях участников тех событий и их потомков.

12 СЕНТЯБРЯ

В ночь на 12 сентября на плацдарме 17-й армии 16-я танковая дивизия генерал-майора Г. Хубе завершает форсирования Днепра. Всю ночь по наведенному саперами понтонному мосту солдаты дивизии под ливнем перебирались на другой берег.

Из книги **В. Вертена: «История 16-й танковой дивизии»** (1958 г.):

«Со всех сторон вливались части дивизии в маршевую колонну, двигавшуюся с предельным напряжением сил к Днепру. Офицеры и нижние чины сменяли друг друга у рычагов управления. У Павлыша, южнее Кременчуга, дивизия переправилась через реку по 700-метровом понтонном мосту. Это был Днепр, широкий и величественный».

Окружение войск Юго-Западного фронта во многом оказалось делом трех соединений немецкой армии – 3, 9 и 16-й танковых дивизий. Первая из них нанесла удар с севера, две остальные – с юга навстречу друг другу и в тыл советским армиям. Немецкое наступление началось 12 сентября. В этот день 9-я и 16-я танковые дивизии приступили к вскрытию кременчугского плацдарма. Перед ними стояла задача прорваться в глубь советской обороны и заблокировать железную дорогу Харьков – Полтава – Лубны, чтобы воспрепятствовать отходу войск генерал-полковника М. П. Кирпоноса из формирующегося котла.

К утру 12-го 16-я тд сосредоточилась в нагорной части

Кременчуга, вслед за ней заканчивали переправу части 9-й тд. Не дожидаясь сосредоточения всех своих сил и не давая частям ни малейшей передышки, Клейст приказал утром 12 сентября 16-й тд нанести удар в направлении с. Песчаное – Гориславцы – Донивка, в общем направлении на с. Семеновка – г. Хорол.

Утром 12 сентября 16-я тд перешла в наступление при поддержке частей и артиллерии 239-й пехотной дивизии и нанесла сосредоточенный удар в направлении Майбородовка-Погребы, и далее вдоль железной дороги на Глобино-Семеновку.

После артиллерийской подготовки в атаку пошла пехота XI армейского корпуса 6-й армии, вслед за ней в 9.00 повели наступление 16-я и 9-я танковые дивизии. Сравнительно легко и без значительных потерь оборона была прорвана, и, смяв советскую артиллерию, танки вышли на тыловые коммуникации 38-й армии. К вечеру колонны 16-й танковой дивизии находились уже в 40–60 км от первоначальной линии фронта. Фронт обороны 38-й армии оказался разрезан надвое. 297-я сд была рассечена на две части.

В 16-й тд дивизии на 10.09.1941 г. значилось 54 боевых танка. Кстати, в 239-й пехотной дивизии на 1 сентября уже были выбиты около 40% боевых подразделений. То есть в ротах оставалось по 90 солдат из 150. Атака проводилась в районе села Песчаного вдоль шоссе. Несколько первых атак были отбиты. Только через 4 часа, в 14.00 немцы про-

рвали оборону 297-й сд и вышли на оперативный простор.

На направлении главного удара танковой дивизии было не больше батальона личного состава 1059-го сп 297-й сд.

Также в этом направлении держали оборону артиллеристы 4-й батареи 824-го артполка 297-й сд 38-й А Юго-Западного фронта.

Оказавшись за старшего, после гибели командира орудия, военком батареи **политрук Лисун Алексей Емельянович** поставил пушки на прямую наводку и открыл огонь по танкам противника, руководя работой расчетов. Огнем его орудия были подбиты два немецких танка. Всего же огнем его батареи были подбиты четыре танка 16-й тд. За этот бой политрук Лисун А. Е. был представлен к ордену Красной Звезды.

Но, увы, силы были слишком неравными. 16-я тд прорвала «жидкую» оборону 297-й сд и бросилась на север.

1059 сп 297 сд понес значительные потери 12 сентября, когда немцы прорвали фронт – 258 бойцов, которые, в основном, пропали без вести (оказались за внутренним кольцом окружения). 12 сентября под с. Недогарками погиб и **командир полка майор Дутченко В. С.**

На 12 сентября приходятся и основные потери артиллеристов: 40 человек из 824-го ап и 12 с 583-го оазд. В основном все пропали без вести, убито 13 человек (из 824-го ап).

Печальная судьба постигла и 342-й отдельный медсанбат, он попал как раз на острие атаки прорвавшихся немецких

танков. Считаются пропавшими без вести 80 человек. Около 20 медиков были убиты и похоронены в с. Яроши, под Глобино. С ними вместе были убиты и некоторые тыловики.

Смяв советские заслоны, немцы раскололи 38-ю армию пополам, прервав связь между штабами. Советские подвижные части не могли ни угнаться за немецкими танками, ни преградить им путь.

В 16.00 немцы захватили станцию Погребы и склады 297-й сд расположенные на ней вместе с 728-й авторотой (что окажется весьма кстати для их наступающих частей).

В 19.00 немцы захватили Семеновку и, выведя разведку на 6 км к северу от Семеновки (с. Карпиха), остановились на ночлег, организовав круговую оборону. В Семеновке также было захвачено автотранспорт и ГСМ.

В первом эшелоне на вечер 12.09.41г. было 25 боеспособных танков.

Второй эшелон дивизии в составе 2-го батальона 79-го стрелкового полка на бронетранспортерах, 1-й и 3-й танковых рот 2-го танкового батальона 2-го танкового полка и 3-го дивизиона 16-го артиллерийского полка в конце дня находился в районе Яроши-Опришки. Во втором эшелоне на вечер 12.09.41г. было 15 боеспособных танков.

Третий эшелон в составе 64-го стрелкового полка на автомобилях и 2-го дивизиона 16-го артиллерийского полка к вечеру 12 сентября занимал линию Погребы – Бабичевка.

Второй и третий эшелон создали заслон на пути отхода

297-й сд.

Из книги В. Вертена:

«После сильной артиллерийской подготовки пехота XI корпуса двинулась в атаку. В 9.00 танки двинулись вперед тремя эшелонами: I батальон, II батальон и 2 танковая рота, с I батальоном 79 полка на броне; ей следовал II батальон 79 полка на броне и 64 полк из боевой группы Вагнера. Обогнав пехоту, 16-я танковая дивизия отбросила захваченного врасплох противника и его артиллерию и взяла под контроль линию снабжения врага.

...Сопrotивление врага был слабым. В первой половине дня 12 сентября танковый полк и I батальон 79 полка с I дивизионом 16 артиллерийского полка достигли Семеновки и в сумерках Карпихи. Здесь боевая группа заняла круговую оборону. 60 км было позади. 64 полк занял оборону у с. Яроши».

Семеновка – это населенный пункт на полпути от Кременчуга до Лубен, по дороге к которой 16-я тд разгромила тылы 297-й сд. Судьба Юго-Западного фронта была решена.

Таким образом, к исходу 12 сентября не только были охвачены фланги Юго-Западного фронта, но образовалась реальная угроза обхода с тыла основных сил фронта. В вечерней оперативной сводке штаба Юго-Западного фронта о прорыве немцев были весьма расплывчаты данные.

Историк 16-й танковой дивизии В. Вертен:

«Враг не успел даже как-то защититься. Колонны, откаты-

вались, были подорваны, танки, пушки, повозки остались лежать слева и справа от дороги на протяжении 40 км. Черные знамена чада догорающего топлива поднимались в небо».

До Лубен оставалось 40 км. Отрезанные от главных сил три правофланговые дивизии 38-й армии (97-я, 297-я стрелковые и 37-я кавалерийская дивизии) заняли оборону на правом берегу Сулы.

Группа немецких танков и пехоты внезапно атаковала штаб 38-й А неподалеку от Глобино. Колонна штабных машин едва успела переправиться через Псел и отойти к Решетилровке (40 км к северу от левого КП 38-й А в Козельщине и 70 км к востоку от штаба армии в Очеретоватом у Семеновки).

Сюда же (в Решетилровку) прибыла группа штабных офицеров ЮЗФ во главе с полковником И. Х. Баграмяном. Связавшись с главкомом, И. Баграмян получил приказ навести порядок в частях, которые выходили из окружения, и организовать оборону на р. Псел. Командованию 38-й А удалось выставить небольшие заслоны у Великой Багачки, но дальше линия фронта прерывалась.

Полтавское направление оставалось неприкрытым. Угроза нависла над штабом Юго-Западного направления, который находился в Горбаневке.

За 16-й тд двинулась 9-я тд (Венская) генерала Г. фон Хубицки и другие части 1-й танковой группы Э. фон Клейста. 9-я танковая дивизия фон Хубицки продвигалась на Лох-

вицу на соединение с 3-й танковой дивизией Вальтера Моделя.

Кроме складов 297-й сд в Погребях, госпиталя в Семеновке и складов в Ромодане, на пути немцев до самого места встречи со 2-й танковой группой советских войск **ВООБЩЕ НЕ БЫЛО!!!** (Если, конечно, не считать Лубны).

По численности танков в 16 тд. В советских донесениях зафиксировано прохождение вечером Устимовки отрядом из 25 танков и о нахождении в районе Бабичевка 15 танков. Что согласуется с распределением немецких танков по немецким данным, по сравнению с их первоначальной численностью (на 10 сентября – 54 боеспособных танка, учитывая боевые потери при прорыве и в результате неисправностей при непрерывных маршах 10, 11 и 12 сентября вполне возможно что в строю оставалось чуть более 40 танков) и распределением в два эшелона – в первом 4 линейные и штабная рота, во втором 2 линейные и штабная рота.

Авангард майора Франка (вторая танковая группа Гудериана) прорвал оборону советских войск вдоль дороги строго на восток от Сулы. Под покровом темноты Франк сумел незамеченным продвинуться вглубь расположения противника на 45 километров. В двух километрах от Лохвицы немцы захватили невредимым мост через Сулу

Завязалась ожесточенная схватка с российскими частями, которая продолжалась вплоть до прибытия передовых частей 3-й танковой дивизии.

В ночь на 13 сентября солдатам было приказано замаскировать машины под стога сена, а снизу обложить снопами колосьев. На высоте офицеры изучали в бинокли очертания Лохвицы, неясно вырисовывающийся впереди населенный пункт был виден как на ладони немного внизу. Заходящее солнце красило дома в нежно-золотистый цвет.

Над домами были заметны клубы дыма и пыли, звучала автоматная и пулеметная стрельба, раздавались и артиллерийские залпы. Сомнений не оставалось – передовые части вышли в тыл русским войскам. Ударный клин наступления группы армий «Юг» находился всего в нескольких километрах.

В этот же день, 12 сентября, был образован Лубенский боевой участок, его начальником назначили командира 16-го запасного полка связи **полковника М. К. Перепелкина**, военкомом – **старшего батальонного комиссара Е. И. Серебрякова**, начальником штаба **майора П. Ф. Дейнего**. В состав вошел истребительный батальон, которому поручили держать оборону со стороны с. Круглики, а также 94-й пограничный и 125-й артиллерийский полки. В городе также базировался химический полигон фронта, начальником которого был **военинженер В. М. Галлак**.

В г. Лубны на момент появления передовых частей 16-й танковой дивизии оказался **подполковник О. С. Ярохович** из штаба 38-й армии. После атаки немцев на штаб армии он вместе с тремя командирами поехал в северном на-

правлении, пока не добрался до г. Лубны. Решив, что на восток ему не прорваться, он со своими спутниками направился на запад и разыскал в с. Кандыбовка штаб 26-й армии. Там он оставался вплоть до 21 сентября, так и не получив никакой новой должности.

13 СЕНТЯБРЯ

Утром 13 сентября завязался встречный бой. Оторванная от основных сил, группа Франка оказалась в затруднительном положении.

На выручку бросилась вторая боевая группа обер-лейтенанта фон Левински. Около 16 часов его танки вступили в Млыны и соединились с передовым отрядом. На коротком совещании в местной церкви оба командира решили нанести удар по Лохвице, не дожидаясь подхода пехоты и артиллерии.

Решительной атакой немцы завладели переправой, захватив невредимыми все три моста через Сулу.

Около 17 часов немецкие танкисты достигли города. Жестокий бой продолжался до наступления темноты. Ночью немецкие боевые машины были выведены в окружающие овраги.

13 сентября немецкое наступление продолжилось. Из воспоминаний **Х. Емельянова** о бое 13 сентября за с. Омельник. Он служил в батарее управления 665-го ап (212-й сд).

«Разведка в район с. Рокитное. Атака немцев при поддержке танков. Скорее всего, ударную группировку нанесла

удар в направлении с. Погребы, а вторые эшелоны сворачивали советскую оборону по правому берегу р. Псел и отжидали рассеченные части 297-й сд к р. Днепр, при этом они расходились веером».

В 6.30 13 сентября наступление 16-й тд дивизии было продолжено. Советское командование, осознав грозящую опасность, бросило против нее авиацию. Но немецкие истребители надежно прикрывали продвижение своих наземных войск, и советская авиация в этой ситуации нанести существенный урон танковым колоннам была бессильна.

16-я танковая дивизия повела наступление на Лубны (Вертен):

«Авангард, оставляя Хорол слева, достиг восточного берега р. Сулы южнее Лубен. 120 км были позади. Хорол остался в руках врага; длинные колонны русских покидали город в направлении на северо-восток. До сего времени никакого существенного противодействия со стороны советских войск немцы не испытывали. Вот и теперь хорошо различимая в бинокли советская пехота, не принимая боя, поспешно отходила в северном и северо-восточном направлении. Немцев такое положение дел вполне устраивало, отсутствие сопротивления оставляло им полную свободу рук в выборе времени и места следующего удара.

Уже к 14.00 64-й моторизованный полк вышел к южным окраинам г. Лубны. Одновременно под прикрытием дымовой завесы солдаты 16-го саперного батальона захватили

мост через р. Сула и, переправившись на противоположный берег, создали плацдарм для дальнейшего наступления в город.

Вскоре им на помощь подоспела 8-я рота 64-го полка, и плацдарм на западном берегу стал быстро расширяться. Вскоре город был полностью очищен, и отступившие красноармейцы закрепились вдоль реки».

К вечеру 16-я танковая дивизия закрепилась в советских окопах по восточному берегу реки фронтом на запад.

Если миновать в Лубнах городской парк, пересечь главную городскую площадь с массивной трибуной из бетона, выйти на улицу Шевченко, то за ней начинается крутой, извилистый спуск Степана Разина или, как его, по давней привычке, именовали лубенцы – Хорольский. Это «стихийное» название больше подходило спуску. Никто из горожан не слышал, чтобы отважный предводитель волжских повстанцев Разин бывал когда-нибудь здесь, а что спуск вел на мост через Сулу, за которым пролегла дорога к соседнему такому же седому, как и Лубны, Хоролу, знал каждый.

На противоположном берегу Сулы тянулись густые заросли осоки и высоких сочных камышей, а дальше, сколько видит глаз, зеленели буйные луга. Правый берег крутой. Вверху над обрывом возвышался подернутый легкой розовой дымкой древний опустевший Мгарский монастырь. Внизу, на узенькой пологой полосе, протянувшейся между кручей и рекой, росли одинокие развесистые вербы и осокоры.

Лубенское население, мобилизованное на окопы, целыми днями роет в Засулье противотанковый ров. Так было и 13 сентября. Да только уже ходит слух от одного к другому, что «Кременчугу уже хана», мол его немцы взяли еще три дня назад. Что не ходят туда уже поезда из Полтавы.

Гудит понемногу народ. Странно, зачем тогда копать этот ров? Лубны по эту сторону Днепра, почти за двести километров...

Заводы вывозят, скот из колхозов угоняют на восток, документы всякие сжигают, и сажа от бумаг, словно черный снег, падает на город.

Раньше здесь летали только наши самолеты, фашистские изредка появлялись, и то ночью, теперь же они шныряют в небе когда хотят. Бомбят если не Лубны, так Ромодан, Пирятин, Гребенку. На станции женщину какую-то убило, в Засулье бомба попала в хату: вся семья погибла, один только маленький ребенок жив остался. Уже несколько раз пролетали и надо рвом, строчили из пулеметов, бросали листовки. Хотя до сих пор никого не убило, но страха набрались все. Женщины больше не покрывают голову белыми платками, все одеваются в черное и серое. А когда заметят самолет, разбегаются, прячутся в кустах

Уже ров глубокий, скоро закончат. Еще день, два. С противоположной стороны тоже такой роют. В случае чего перекопают перешеек, и танки не пройдут. Но разве фашистов сюда, в Лубны, пустят?

Опять, гудит потихоньку народ. Мол, немцы в листовках пишут; «Придут наши таночки и заруют ваши ямочки...».

С утра по дороге мимо Засулья мчались военные машины, ехали в Полтаву беженцы на крытых фанерой и брезентом подводах, погонщики гнали на восток стада коров и отары овец. Потом к обеду движение приостановилось. Разве что изредка проедет подвода из соседнего села, пронесется велосипедист или пройдет пешеход. Что бы это значило? Ведь раньше такого не случалось. И вчера и позавчера дорога целый день была запружена.

В полдень с востока донеслись далекие орудийные выстрелы. Прислушались. Подумали – зенитки.

Вскоре на дороге появился всадник. Пригнувшись к гриве, бил сапогами взмыленного вороного жеребца. На перешейке возле рва остановился. Немцы! Немцы идут!.. – закричал истошно погонщик скота из Вил, немцы близко. Уже Покровскую Богачку заняли. Не слышите – гроыхает? Из танков бьют. Как ударили по стаду, с десятков коровок упало. Потом по погонщикам стали строчить из пулеметов или черт их знает из чего.

А потом вслед за погонщиком примчался на мотоцикле вспотевший, запыленный старшина-связист. Не выключая мотора, он наклонился, опершись одной ногой в землю, лихорадочно забегал глазами по толпе. – Чего митингуете? Немцы недалеко! Говорю: прорвались танки! С Хорола... Надо мосты взрывать!..

Вдруг кто-то крикнул испуганно: – Самолет!.. Все посмотрели в небо. Южнее Солониц вынырнул фашистский самолет и стал снижаться над железной дорогой. Протяжно загудел паровоз. И в это время где-то возле железнодорожного переезда один за другим встряхнули воздух и землю три сильных взрыва. Самолет развернулся и взял обратный курс. Тут же от переезда стали доноситься более слабые, но частые взрывы. Отчаянно, тревожно гудел паровоз. Очевидно, бомбы попали в вагон со снарядами...

Народ из Засулья бросился к Лубнам. Прошли мост, выбрались на середину спуска. Остановились, чтоб посмотреть на Хорольскую дорогу, на железнодорожные пути, пересекающие ее недалеко от Засулья. Возле переезда на железной дороге валил дым. Наверное, горели военные вагоны, в которые угодил вражеский самолет. Взрывов уже не было слышно.

Дорога была непривычно пуста. Только где-то под Войнихой высоко вверх поднималось сизое облако дорожной пыли, розоватой в предвечернем солнце, казалось, что облако медленно движется к Лубнам. – Танки идут, – сказал кто-то из мужчин.

В городе возле дворов толпились люди. Здесь, видно, еще раньше узнали о приближении фашистов. В центральном парке собралось много народу. Краснощекий юноша с патронташем и винтовкой (по-видимому, из истребительного отряда) призывал горожан не паниковать и не бояться.

Он заверял, что вражеский десант скоро будет разбит, фашистам не удастся захватить Лубны. За городом началась стрельба, вероятнее всего, на мосту или на спуске.

Неожиданно раздался сильный трескучий взрыв. Было слышно, как где-то недалеко на мостовую посыпались камни или куски кирпича. Бомба угодила в музей, который загорелся. По улице пробежало несколько вооруженных дружинников и красноармейцев, очевидно – тушить. Дружинники и красноармейцы, не добежав до пылающего музея, почему-то повернули обратно. Теперь уже совсем близко, с улицы Шевченко, доносился надрывный рев моторов и треск пулеметов. Бесперывно били пушки. – Танки!.. Танки!.. – кричал кто-то в парке.

К этому времени танки, мотопехота и саперы 3-й роты 16-го саперного батальона заняли налетом мост через Сулу и под защитой дымовой завесы проникли в Лубны, чтобы захватить плацдарм на западном берегу. Теперь сопротивление врага становилось жестче. Цивилисты (имеются в виду, видимо, бойцы истребительного отряда в гражданской одежде) – сражались с танками с помощью бутылок с зажигательной смесью («коктейлями Молотова»), шла стрельба из окон, с чердаков.

Метательные бомбы, «наземные Штуки» (крупнокалиберный реактивный миномет на шасси бронетранспортера, который имел прозвище *Stuka zu Fuss*, буквально «штука пешком») 8-й роты 64-го полка выли в воздухе и оглуши-

тельно разрывались в районе городских казарм. Здесь любое сопротивление угасло.

Появился на фланге русский бронепоезд (скорее всего охраны тыла НКВД), который был уничтожен танками и саперами. Однако на болотистых берегах р. Сулы и даже на мостах через реку россияне еще держались.

Козин Сергей Михайлович: 1904 года рождения, **подполковник юстиции**. Приказом по войскам ЮЗФ от 22.02.1942 года награжден орденом Красной Звезды.

Из наградного листа:

«13 сентября 1941 года в г. Лубны, попав с аппаратом ВП фронта в окружение противника, смело и самоотверженно собрал роту вооруженных бойцов и вместе с возглавляющим ее командиром вывел к берегу р. Сула – на линию обороны. Когда в город прорвались вражеские танкетки, т. Козин, подвергаясь большой опасности, пробрался в переулок, где были оставлены автомашины с имуществом и всей секретной документацией, собрал шоферов и всех технических работников и организовал вывод машин из города. ... были выведены из окружения и доставлены в г. Ахтырка 6 автомашин со всеми документами и имуществом военной прокуратуры фронта, а также 15 человек личного состава ВП фронта».

Около 14.00 пикировщики атаковали восточную часть города, наступление 64-го пехотного полка 16-й тд вермахта было приостановлено и к Лубнам были подтянуты батальоны (так в оригинале, видимо, речь идет о танковых батальо-

нах дивизии).

Прошло несколько часов. Не стало слышно грохота танков, утихла стрельба, только изредка рвались снаряды. Над городом стояло зарево – все еще горел музей. Вокруг стлался едкий, смрадный дым. Низко, над самыми крышами домов и кронами деревьев, кружили напуганные галки. В отблесках пожара они казались призрачными тенями.

Отбили наступление, да недалеко. Возле моста немцы стоят. Ждут, наверное, рассвета, чтобы снова ринуться. Они мост перешли и остановились. Не захотели ночью входить в город. Вот от моста и стреляли до полуночи.

Как просто написать: «... танки Хубе с боем взяли Лубны ...». На самом деле, насколько это можно восстановить по воспоминаниям очевидцев, произошло следующее.

Под вечер 13 сентября для обороны Лубен стали прибывать подразделения (собственно штаб) полка пограничников (94-го пограничного отряда) под командованием **майора Врублевского**. Штаб и политотдел полка расположились в школе. Вероятно, в первой школе, где до революции была гимназия, там и теперь гимназия.

Через р. Сулу из Лубен вели три моста, два деревянных напротив села Засуллье и ниже по течению, напротив с. Солоница, железнодорожный мост. Деревянные мосты, один из которых был только что построен, находятся примерно там же, где стоит и нынешний железобетонный мост, построенный уже после войны пленными немцами. По преданию

первыми по новому деревянному мосту проехали немецкие танки.

В Лубнах на местном ликеро-водочном заводе было развернуто стратегическое производство «коктейлей Молотова», так называли финские бутылки с горючей смесью английские журналисты во времена советско-финской войны. В боях за Лубны много и часто использовали, как «замену» артиллерии, «коктейль Молотова». Как повлияло название, данное журналистами, неизвестно, однако в июле 1941 года постановление «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)» вышло именно за подписью Молотова. Возможно, Сталин так пошутил, «твой коктейль, ты и подписывай».

Встретив ожесточенное сопротивление в Лубнах, Хубе решил не торопить события и закрепиться на левом берегу реки, образуя внутренний фронт окружения (Вертен):

«Потом командир дивизии приостановил наступление, только одна рота осталась как передовая охрана на высотах по ту сторону реки. Основная часть дивизии заняла позиции на восточном берегу Сулы, где российские полевые укрепления с фронтом на запад оказались для этого весьма кстати. Линия обороны дивизии начиналась в 15 км северо-восточнее города у Тишок (населенный пункт на реке Удай) и тянулась через Гребнице, Березоточку (искаженное название села Березоточа) и Пески вдоль берега реки».

Жители Городища (Полтавская обл. Зеньковский р-н)

13 сентября слышали грохот сильного боя, а ночью – видели зарево пожаров над Лубнами.

Против немецкой 16-й танковой дивизии воевали бойцы Лубенского истребительного батальона, 6 мсп войск НКВД, отдельного артиллерийского полка и 94-го пограничного отряда.

14 СЕНТЯБРЯ

В полночь 14 сентября командование 14-го танкового корпуса 1-й танковой группы передало приказ своему авангарду, 9-й танковой дивизии, овладеть железнодорожной станцией Ромодан в 138 километрах к северу от переправы через Днепр у Кременчуга.

Приказ на следующий день предсказывал отражение дивизией возможных атак российских войск к востоку от Миргорода и наступление на север с целью овладения переправой через реку Сула и соединения с частями 2-й танковой группы,двигающихся к югу от Лохвицы. Именно в этом месте и намечалось соединение двух танковых клиньев. Для выполнения поставленной задачи предполагалось сформировать группировку в следующем составе: одно подразделение тяжелой артиллерии для блокировки сил русских войск и второе из танков и моторизованной пехоты – для выхода в места соединения. Это был последний рывок перед завершением операции по окружению.

Ударная танковая группировка, наступающая на север к Сенчи, атаковала русскую колонну грузовиков в количе-

стве 50 автомобилей. Захваченные в плен русские солдаты совсем не ожидали такого поворота, будучи убежденными, что находятся в глубоком тылу своих войск.

Группа майора Франка, во взаимодействии с возглавляемой наступление 3-й танковой дивизией, пробилась в Лохвице к 5:00 утра, когда еще не рассеялся утренний туман, и бой под Лохвицей возобновился.

Большой северный мост через реку Сула, которая разделяла город, был захвачен в результате дерзкой операции. Немецкие мотопехотинцы нейтрализовали расчеты шести противотанковых орудий, лафет к лафету установленных на улице в 200 метрах от моста. Никакого сопротивления со стороны русских не было – расчеты крепко спали.

Из «Истории 3-й танковой дивизии»:

«То, что не удалось вчера, удалось сделать сегодня. Третья рота 3-го моторизованного полка под командованием гауптмана Пешке неожиданно быстро штурмует город и внезапным налетом захватывает большой северный мост!

К удивлению немецких солдат, в 200 м напротив стоят без охраны шесть тяжелых зенитных орудий. Стрелки с победным криком бросаются к орудиям и извлекают спящих россиян из-под одеял. Боевые машины 3-го батальона 6-го танкового полка в 10.30 беспрепятственно вступают в город».

Закрепившись на окружающих высотах, немцы начали «зачистку» местности.

В то же время командир 9-й танковой роты обер-лей-

тенант Вартманн сформировал дозорную группу (45 чел., 2 танка с радиостанцией и бронетранспортер), с которой двинулся дальше на юг. Примечательно, что горючее для этой группы сливали из всех машин полка. Пройдя передовую охранную линию в районе Искивцы-Сенчанское, группа начала свой марш-бросок.

Через 5 часов в город вступили части немецкого 6-го танкового полка (ком. – подполковник Мюнцель).

Из «Истории 3-й танковой дивизии»:

«При приближении немецких машин Советы бросают свои повозки и убегают в ближайшие поля подсолнечника.

Опять появляются Советы. На этот раз огромная колонна из батарей, обозов, строительных батальонов, передков, повозок и тягачей. Здесь же были конные казаки и два танка. Опять застрочили пулеметы. Стреляя на ходу, наши танки с большой скоростью врезались в середину этого потока. Обер-лейтенант Вартманн и его солдаты знают только одно: вперед! Его отряд катится дальше – впадинами, приболотнинами низинами, лесами, полями, хрупкими деревянными мостами.

Уже давно солнце стало красно-золотистым. В бинокли солдаты рассматривали силуэт города (Лубны).

Облака дыма и гари вились над домами, гремели артиллерийские выстрелы, трещали пулеметы. Без сомнения, в нескольких километрах отсюда ведет бой ударный отряд группы армий «Юг»!

«Танки вперед!» – приказывает обер-лейтенант Вартманн. Боевая группа приходит в движение, вдруг выскакивают какие-то серые персонажи, перемазанные глиной, обросшие щетиной, и машут, машут. Это солдаты 2-й роты 16-го саперного батальона 16-й танковой дивизии (группы армий «Юг»)! Время – точно 18.20. Солдаты указывают место, где можно перебраться через ручей. Обер-лейтенант Вартманн переходит его со своими машинами и поворачивает на Лубны. Через некоторое время он дает знать о себе генерал-майору Хубе. Клинья обеих групп армий сомкнулись!.

На склоне дня танки с буквой «G» достигли окрестностей Лубен, где стали рядом с танками на борту которых красовалась буква «K»».

А что же в самых Лубнах? Как развиваются события?

Утром 14 сентября в Лубнах комендантский взвод, связистов, штабных работников и политсостав полка (94-го пограничного) подняли по тревоге. Командир приказал занять оборону в районе двух деревянных мостов через Сулу. Железнодорожный мост обороняли внутренние войска НКВД.

Около 6 утра 14 сентября немцы предприняли попытку с ходу прорваться по мостам через р. Сула, однако эта атака была отбита. Часов в 6 утра, скорее несколько позже, из с. Засулье появились грузовики с немецкой пехотой. Они пытались с ходу прорваться через мосты в город. Натолкнувшись на сильный огонь пограничников, немцы отступили. Подтянув минометы и артиллерию, начали обстрел и атаковали.

Пехоту пограничники задержали, но три танка проскочили через мосты и ворвались в город.

Тогда они подтянули артиллерию и минометы и начали обстрел позиций оборонявшихся.

Под их прикрытием 79-й пехотный полк и 2-й батальон 64-го пехотного полка 16-й танковой дивизии возобновили атаки на г. Лубны. Немецкие части, выбивая советские войска с оборонительных рубежей, загоняли их в городские кварталы.

Майор Врублевский приказал дежурному по полку, младшему политруку Сидоренко собрать всех, кто еще остался в штабе – писарей, связных батальонов и рот, и уничтожить танки.

Пограничники не имели навыка боя в крупных населенных пунктах, у них не имелось достаточной артиллерийской и пулеметной поддержки, поэтому постепенно, отстреливаясь, они отступали вдоль улиц к центру. В руки противника попали первые пленные.

День 14 сентября стал решающим для образования кольца вокруг войск Юго-Западного фронта. С утра 16-я танковая дивизия начала штурм г. Лубны. Силы 79-го пехотного полка полковника фон Аренсторффа при поддержке 2-го батальона 64-го полка под командованием хауптмана Фондерманна предприняли наступление на город. После ожесточенного боя Лубны были оставлены советскими частями.

Солдатам 11-й и 12-й рот 64-го полка удалось сбить бом-

бардировщик «СБ», неразумно пролетавший низко над домами в сторону переправ.

Пути отхода на восток для войск 26-й армии оказались отрезаны. Кроме того, колонна штаба и Военного совета Юго-Западного фронта, которая намеревалась объединиться с ней, лишилась такой возможности.

Из воспоминаний очевидицы событий (**Натальи Павловны Кокошко** – 1924 года, в 1941 году ей было 17 лет, 18 исполнилось в октябре, подруги ее звали Талочка)

«...она с подругами сидела на любимой скамейке в саду... В сад вбежали солдаты с тяжелым пулеметом. Они поползли к краю склона, очень смешно виляя задними частями тела и увлекая за собой пулемет на колесиках «Максим». Девушки засмеялись. На что один из солдат крикнул: «Идите домой, дуры!». Девушки не перестали смеяться, и в эту минуту посыпались листья и мелкие ветви, засвистели пули. По городу из Засулья стреляли подходящие части 16-й танковой дивизии.

Девушки бросились врассыпную, по домам.

Город с боем стали занимать немецкие части, подавляя очаги сопротивления пограничников.

Некоторые лубенчане, воспользовавшись отсутствием какой-либо власти, ограбили магазины, склады, пекарню. Часть из них заплатила за это жизнью, так и оставшись лежать рядом с недоворованным мешком муки.

Прибежал лейтенант-зенитчик и предложил помощь (Та-

лочке), так как они получили приказ отходить, он мог взять их с собой.

Они сели в грузовик (Талочка и лейтенант), в кузове были солдаты, а лейтенант уступил свое место в кабине, рядом с водителем, Талочке. Машина помчалась по улице. Вероятно, зенитчики намеревались попасть в Пирятин, где находился штаб фронта. То есть ехали в сторону Киева, на запад. На востоке были немцы, на севере вел бой героический отряд пограничников, занесенных войной в глубокий тыл с западной границы.

Грузовик сделала несколько поворотов улицам и выехал на перекресток возле церкви, недалеко от школы (штаба пограничников).

Эта церковь сохранилась до сих пор, но вокруг практически не осталось старых зданий. Мотор заглох в самый неподходящий момент. Водитель тут же выскочил из машины и оказался за углом вместе с другими солдатами, которые выпрыгнули из кузова. На Талочку, как ей показалось, смотрел немецкий танк, стоявший на перекрестке. Его башня медленно возвращалась, солдаты кричали: «Ложись!!!». Талочка посмотрела на грязный пол кабины. Ее красивое светлое платье не позволяло вот так вот просто улечься на пол.

В этот момент по кузову и по кабине кто-то сильно забарабанил. «Шары!» – пронеслось в голове у Талочки. Она свернулась калачиком под сиденьем. Посыпалось стекло. В это время танк стали обстреливать, и он вернул башню в дру-

гую сторону. Это подоспели пограничники группы Сидоренко, посланные майором Врублевским. Водитель, пользуясь моментом, прыгнул за руль и завел мотор, еще мгновение, и грузовик, дернувшись, отъехал за угол дома.

Пограничники забросали главную машину бутылками с горючей жидкостью. Однако наступающие вслед танки открыли пулеметный огонь, и приблизиться к ним не удалось. Немецкие танкисты тоже не решились действовать дальше без поддержки пехоты и отошли.

Не останавливаясь, полуторка помчалась из города на юг, к Оржице, солдаты на ходу заскочили в кузов. Талочка высунула голову и увидела на спинке сиденья несколько дыр, из которых торчала начинка сиденья и дымила. Смерть в первый раз прошла мимо, в нескольких сантиметрах от нее».

Между тем **Сидоренко** со своей группой вышел к мостам и занял там оборону. Немецкие танки контролировали город. На другом берегу собралась немецкая пехота и бронетранспортеры.

В Лубны подошел батальон пограничников **капитана Бурцева**. Батальон Бурцева и группа Сидоренко пытались выбить немцев с моста. Немцы при поддержке артиллерии начали переходить реку. Пограничники атаковали противника. Удалось отогнать пехоту, которая прорвалась в город, но танки город удержали. У пограничников не было артиллерии, а «коктейль Молотова» хорош только в ближнем бою.

Вот что говорится в одном из документов:

«Батальон капитана Бурцева контратаковал противника, выбил из города его передовые подразделения, но неоднократные попытки атаковать немецкие танки на мосту успеха не имели. У пограничников отсутствовала артиллерия».

Ближе к вечеру в Засуллье подтянулись новые подразделения немцев. Двенадцать танков и пехота пошли в атаку. Пограничники отчаянно сопротивлялись...

В этот момент в район табачной фабрики (на западной окраине города) прибыл еще один батальон пограничников под командованием **капитана Татьянина**. Врублевский с ходу ввел его в бой. Пограничники подожгли два танка, однако были остановлены сильным огнем.

Вот строки из наградного листа:

«13 сентября 1941 при отсутствии командира взвода **старшина Парфенов** принял на себя командование, оборонял мосты под Лубны. Весь день немцы пытались овладеть ими, но под сильным огнем взвода Парфенова вынуждены были отходить, оставляя трупы своих солдат. За 13 сентября взводом было уничтожено до 60 немцев. Старшина Парфенов лично забрасывал бутылками с горючим 2 немецких танка.

14 сентября, будучи с отрядом пограничников под командованием техника-интенданта Фокина, старшина Парфенов несколько раз ходил в разведку, добывая для отряда ценные сведения. Находясь в окружении противника, Парфенов

проявил образец стойкости и выдержки, вышел из окружения в полной форме и с оружием, и вывел еще 8 красноармейцев. Дстойный представления к правительственной награде орденом Красной Звезды».

Под давлением противника батальоны отошли и к вечеру закрепились на север от Лубен.

В целом на Лубны наступала пехотная дивизия, которую поддерживало примерно полсотни танков и артиллерия.

Не смогли отойти только пограничники, которыми руководил младший политрук Сидоренко. Отрезана от основных сил, горстка бойцов продолжала бороться. Бойцам удалось поджечь еще один танк, но остальные, обойдя горящую машину, продолжали лезть вперед. В критический момент боя, когда были потрачены все бутылки с горючей смесью, Сидоренко взял последний резервный ящик. Политрука заметили фашистские танкисты. Одна за другой по нему ударили пулеметные очереди. Несколько пуль попало в ящик. Сидоренко ранило в живот. От возгорания бутылок на нем загорелась гимнастерка. Пограничник Юдин сорвал с политрука горящую одежду, перевязал ему рану. Фашисты лезли напролом. Сдерживать их уже нечем. Ни патронов, ни гранат, ни бутылок с зажигательной смесью. Обессиленный от потери крови, младший политрук Сидоренко приказал бойцам, оставшиеся в живых, выйти из боя, а сам вместе с **пограничником Юдиным** остался прикрывать их отход.

Из воспоминаний Сидоренко:

«Пришел в себя я, в сарае у какой-то мельницы. Рядом со мной лежали такие же, как я, раненые. Появились фашисты. Они погрузили нас в машины и увезли».

Пройдя через все ужасы гитлеровских концлагерей, младший политрук Сидоренко остался жив.

Вот что значит: «шестнадцатого танковая дивизия Хубе встретила ожесточенное сопротивление и решила закрепиться в ожидании массированного наступления противника».

14 сентября в 18.20 у Лохвице встретились передовые отряды 3 танковой дивизии 2-й танковой группы и 9 танковой дивизии 1 танковой группы.

Острие танковой группы Гудериана («Г») встретилось с острием танковой группы Клейста («К») за спиной 50 красных дивизий. Большое кольцо окружения под Киевом было замкнуто.

Верген:

«И снова стояла шестнадцатая танковая дивизия, как у Монастырища, на восточном краю „котла“ лицом на запад, снова должна была быть готова к тяжелым боям с русскими, которые прорываются на восток. Впереди снова были тяжелые дни».

Историк 16-й танковой дивизии оспаривает у соединения фон Хубицки «честь» замыкания «котла». Но интереснее другое – немцы ожидали с первых же дней окружения наступательных действий со стороны советских войск. Солда-

ты и офицеры вспоминали удар у Оратова и Животова, которым И. М. Музыченко ответил на угрозу окружения.

Как мы видим, и противник в лице сидящих в окопах немецких пехотинцев, и командир танковой дивизии Хубе, и командование советских войск в лице Б. Шапошникова и С. К. Тимошенко ожидали одного и того же – удара с целью выхода из окружения. Но М. П. Кирпонос даже не пытался его организовать, он не оправдал их ожиданий.

Фашисты обошли город и, по сути, окружили полк пограничников, который стал на их пути. Фактически полк оказался в двойном кольце. Правда, тогда пограничники не знали об этом. Полку приказали защищать город Лубны, и пограничники действовали, исходя из этой задачи.

В тот же день 16 тд приготовилась к обороне на внутреннем фронте «котла»:

«Дивизия приготовились к обороне на плацдарме в Осовцах и Тернах (это окраина Лубен- авт.).

2 саперная рота 16 саперного батальона под командованием обер-лейтенанта Риншена вошла в соприкосновение с разведгруппой 5-й танковой дивизии, которая подошла с севера (так в оригинале, правильнее – «3-й танковой дивизии» -авт.).

На Василенковом поле, другой окраине Лубен, закрепился 94-й пограничный полк майора Врублевского. Майор Врублевский решил снять роты батальона с рубежа реки Оржице и прикрыть ими главные силы полка с востока.

После занятия г. Лубны немцами командир 94-го пограничного полка майор Ф. И. Врублевский организовал разведку, чтобы определить состав группировки противника и его вероятные намерения. В город отправился **командир отделения комендатуры Г. И. Беспояско**. По возвращении он доложил, что в Лубнах находятся до 20 танков, сосредоточенных неподалеку от Старого моста. Переправы прикрыты четырьмя зенитными пулеметами. Самый важный вывод, который сделал Г. И. Беспояско, звучал так:

«По мнению источника, немцы предполагают нанести удар из города Лубны через мосты в направлении с. Засулье и далее на восток, т. к. там действует какая-то часть Красной Армии, которая отрезала группу противника, прорвавшуюся в город Лубны, от его основных сил в направлении Солоницы».

О полученных сведениях и выводах Г. И. Беспояско майор Ф. И. Врублевский доложил начальнику боевого участка **полковнику М. К. Перепелкину**, добавив от себя, что факты требуют «проверки и уточнения». А вот как поступил с этими сведениями тот – неизвестно. К сожалению, в докладной записке было неправильно определено намерение противника, он действительно готовился атаковать от Лубен, только не в восточном, а в западном направлении.

Из книги Г. Гудериана «Воспоминания солдата»:

«Ночь я провел в помещении школы в Лохвице. Школа находилась в крепком доме и была хорошо оборудована, как

и все школы в Советской России».

15 СЕНТЯБРЯ

К полуночи 15 сентября машины ударной группировки 9-й моторизированной пехотной дивизии вышли к станции Сенча. Впереди лежала река Сула.

15 сентября 3-я танковая дивизия силами 6-го полка (10 танков) продолжала «закрывать» Лохвицу. Остальные части дивизии находились еще на значительном расстоянии от города. В этот день командный пункт генерал-лейтенанта Моделя посетил Г. Гудериан.

Комендантом Лохвицы был назначен майор барон фон Бер. Перед полднем с востока, со стороны Сенчи, к городу подошли главные машины 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Г. фон Хубицки. Киевский котел был закрыт окончательно. Третья танковая дивизия начала подсчет пленных: утром 16 сентября было зарегистрировано 400 чел., к вечеру эта цифра увеличилась до 2000.

Генерал-полковник Гудериан прибыл в то победное утро на наблюдательный пункт майора Франка под Лубнами. В своих воспоминаниях он писал:

«Рано утром 15 сентября я посетил передовой отряд 3-й танковой дивизии, которым командовал майор Франк; этот отряд накануне отбросил россиян в районе Лохвицы на запад и в течение ночи перехватил пехоту противника,двигающуюся на 15 автомашинах. С наблюдательного пункта май-

ора Франка, расположенного возле Лубен, местность очень хорошо просматривалась, и можно было наблюдать за движением транспортных колонн русских с запада на восток. Однако это движение вскоре нами было приостановлено.

Во 2-м батальоне 3-го мотострелкового полка я встретил Моделя, который доложил мне свой план дальнейших действий. В заключение я посетил ряд подразделений 3-й танковой дивизии и разговаривал с командиром 6-го танкового полка подполковником Мюнцелем. В этот день Мюнцель располагал только одним танком Т-IV, тремя танками Т-III и шестью танками Т- I; таким образом, полк имел всего десять танков. Эта цифра дает наиболее наглядное представление о том, насколько войска нуждались в отдыхе и приведения в порядок. Эти цифры свидетельствуют также о том, что наши храбрые солдаты делали все, что было в их силах, для того, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу».

Какая обстановка в 94-м пограничном полку?

В расположение роты **Рыкова** прискакал на коне оружейный мастер отряда **сержант Астахов** и передал, чтобы рота прибыла в село Новаки. Шли полями, придерживаясь дороги на Высший Булатец. Везде слышалась артиллерийская стрельба. Чем ближе рота подходила к Высшему Булатцу, тем отчетливее звучала стрельба. Неожиданно и вокруг них стали рваться снаряды. Не успели они укрыться в лесных посадках, как увидели идущие прямо на них по пшеничному полю немецкие танки. Это было настолько неожиданно, что

сначала бойцы растерялись. Затем кому-то пришла спасительная мысль – поджечь поле. Под прикрытием огня и дыма рота спряталась от преследования.

В селе Новаки на роту уже ждал помощник **Авдюхина** по комсомольской работе **Петр Латышев**, которого **Паджев** знал еще по Славутском отряде. Это был общительный, жизнерадостный человек лет двадцати семи. Латышев объяснил им, что полк вынужден был оставить Лубны и теперь его батальоны окопались к северу от города. Роте Рыкова приказано занять оборону на развилке дорог у села Клепачи и прикрыть основные силы полка с востока.

– Почему с востока? – спросил Рыков.

– Немцы форсировали Сулу и оказались в нашем тылу, – ответил Петр. – Вот вы и станете на их пути. Выдвигаться к Клепачам надо немедленно.

Латышев рассказал, как добраться до места, и рота пошла по лесной дороге до высотке, что маячила вдалеке. Когда подошли к ней, то увидели ветряк, что распластал крылья. Чуть поодаль в сумерках проглядывалась деревня. Это и были Клепачи.

Не успели бойцы начать окапываться, как раздался шум моторов. Все насторожились. Неужели немцы?

– Приготовить бутылки с зажигательной смесью! – приказал капитан Рыков.

На дороге появилась бронемашина. Она неторопливо приближалась к ним. Вот уже видно отличительные знаки.

Наша. Бойцы вышли из укрытий. Броневи́к остано́вился. Из него вылез генерал.

– Где штаб вашего полка? – спросил он.

– А вы кто будете? – поинтересовался Рыков. – Прошу предъявить документы.

– **Я командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Алексеев**, мне нужно видеть майора Врублевского, командира пограничного полка.

Проверив у генерала документы, командир роты выделил ему сопровождающего. Бронемашина покатила дальше.

Пока рота Рыкова окапывались, со стороны Пирятина на помощь героическим пограничникам майора Врублевского в Лубны прибыл бронепоезд. Затем по дороге проехали автомашины с прицепленными к ним пушками.

Капитан Рыков организовал службу охраны и позволил людям отдыхать. Они стали укладываться. В лесу и в деревне было тихо. Однако где-то за Сулой то и дело взлетали ракеты, освещая сероватым светом низкие облака. Изредка там стучали взрывы и раздавался приглушенный треск пулеметных очередей.

16 СЕНТЯБРЯ

Генерал Ф. Я. Костенко 16 сентября отдал приказ за номером 0029. В нем командарм-26 утверждал, что отдельные группы противника прорвались в район г. Хорол и Лубны. Поэтому требовалось создать боевой участок по линии Лукомье – Лубны – Хитцы – Духово – Великая Круча –

Харьковцы – Усовка, чтобы не дать противнику возможность переправиться на западный берег р. Сула и южный берег р. Удай. Командиром назначался генерал И. И. Алексеев со штабной группой, которая должна разместиться в с. Высший Булатец. В состав боевого участка включались: 812-й стрелковый, 866-й артиллерийский полки, 16-й запасной полк связи, маршевый батальон, пограничные части НКВД, 289-я дивизия, а также все части, которые будут обнаружены в этом районе.

Перед генералом И. И. Алексеевым стояла задача организовать упорную оборону указанного рубежа и подготовить условия для наступления с целью разгрома прорвавшегося противника. 289-й дивизии особо предписывалось быть готовой к наступлению в двух направлениях: на Пирятин, Чернухи и далее на восток или на Пирятин, Лазорки, Лубны, Рамодановка.

Уже 16 сентября пограничники, охранявшие войсковой тыл 26-й армии, отмечали первые признаки деморализации войск. По сведениям **командира эскадрона старшего лейтенанта Евстафьева**, разбежались по лесам 61, 92, 161-й стрелковые и 76-й артиллерийский полки, не имевший материальной части. Это был весьма тревожный синдром, однако в суматохе поспешного отхода на такие вещи уже почти не обращали внимания.

Все сведения требуют уточнения и критической оценки, так как, к примеру: 161 –й сп (командир

полковник **А. Г. Капитохин**, начальник штаба ст. л-т **Дацко**), входил в 41-году в состав 95-й сд, которая в это время находилась в составе войск, оборонявших Одессу, а 61-й сп был в составе 21-й дивизии народного ополчения Киевского района г. Москва.

На рассвете 16 сентября в 196 сд поступает приказ командующего 26 А генерал-лейтенанта **Ф. Я. Костенко** (его передал начальник штаба армии полковник **И. С. Варенников**) – 196-й сд быть готовой занять новый оборонительный рубеж по реке **Оржица** в створе сел **Круподеренцы, Дешковка**.

В доступных источниках первую ссылку на появление военных формирований 26 А на территории Оржицкого района находим в книге **В. М. Шатилова** «А до Берлина было так далеко...». В дальнейшем все, что касается информации о деятельности 196 сд в период с 16.09. по 26.09.1941 года, будет основано на воспоминаниях **Шатилова Василия Митрофановича**, на 16.09.1941 года майора, начальника штаба 196 сд (в дальнейшем – генерал-полковник).

Снаряжается рекогносцировочная группа во главе с начальником оперативного отделения майором **Михаилом Ивановичем Карташовым**. (Начальник 1-го отделения штаба 196 сд с 01.04.1941 года, 1901 года рождения, уроженец дер. **Ивановская**, Московского района, Горьковской области, в Красной Армии с 1918 года,

21.09.1941 попал в плен в районе с. Денисовка, находился в лагере офлаг XIII D (62), был передан гестапо/СД). В группу включаются дивизионный связист, инженер, начальник разведки и представители полков. На карте, в предварительном порядке, намечаются участки для полков, огневые позиции для батарей, наблюдательные пункты, расположение тыловых служб и пути подхода к ним. Ставится задача проверить все это визуально, оценить практически на местности.

В сопровождения стрелкового взвода рекогносцировочная группа сразу же выдвигается в заданный район и примерно через час находится уже у цели (расстояние около 30 км по относительно сохраненной дороге).

На этот момент 196-я сд дивизия находится в районе с. Иркилев, ранее заменив стоявшую там 212 сд.

Под селом Белоусовка у моста группа М.И.Карташова неожиданно была обстреляна из пулеметов и минометов, она разворачивается и немедленно возвращается.

Значит уже на 16.09.1941 года в районе села Белоусовка были передовые немецкие подразделения, вероятнее всего, из 16-й тд.

Первое предположение, о том что они принадлежали к 257 пд вермахта, было неверным, так как ее подразделения были еще слишком далеко, что становится понятным при анализе диспозиции 11-го армейского корпуса на тот момент.

Согласно известных на сегодня данных, в течение дня 16 сентября войска XI корпуса вермахта (11-й армейский корпус (нем. XI. Armeekorps; в сентябре 1941: 125-я пехотная дивизия; 239-я пехотная дивизия, 257-я пехотная дивизия и временно ему приданная 24-я пд), которому суждено будет вскоре сыграть одну из важнейших ролей в окружении 26-й армии в районе с. Оржица, заканчивали приготовления к наступлению вглубь образованного танковыми и механизированными соединениями кольца.

Им, в основном, должны были противостоять подразделения части 37-й кавалерийской дивизии совместно с 97-й стрелковой дивизией, отошедшие на правый берег р. Сула и в дальнейшем поступившие в подчинение командующего 26-й армией.

Перед ними стояла задача не допустить прорыва войск противника во фланг и тыл основной группировки армии, все еще занимавшей оборону по р. Днепр.

В отличие от 97-й стрелковой 37-я кавалерийская оказалась в составе 26-й армии не в полном составе. Часть управления, в том числе командир соединения **полковник Г. М. Ройтенберг** и военком, осталась вне кольца окружения и отходила в составе 38-й армии (сразу после отхода была в районе Решетиловки). Остальные части двигались сначала в сторону г. Лубны, однако, получив сведения, что у города появились части противника, повернули на запад. В дальнейшем они приняли активное участие в боях на р.

Оржица.

Советское командование продолжало удерживать свой фронт по Днепру, по непонятным немцам причинам не обращая никакого внимания на появившиеся в своем тылу крупные моторизованные соединения.

В 12.15 в немецкие войска поступил приказ о форсировании р. Сула и дальнейшем наступлении в северном направлении. Он устанавливал разграничительные линии между 24-й, 257-й, 239-й и 125-й пехотными дивизиями и ставил перед ними соответствующие задачи, в том числе по наведению мостов и порядку их использования.

В распоряжении соединений имелись две переправы – 8-тонный мост, сооруженный саперами 239-й пд в районе с. Липовое и мост у с. Жовнин, ответственность за возведение которого лежала на 617-м саперном штабе, приданных ему двух мостовых командованиях и 73-м саперном батальоне. Кроме того, часть саперов 125-й пехотной дивизии придавалась 257-й пд, которой предстояло образовать плацдарм у с. Жовнин.

В дальнейшем на него предполагалось перебросить силы 24-й пехотной дивизии, которая только что прибыла в состав корпуса. Чтобы она получила возможность развернуться как можно скорее, 257-я дивизия, после достижения первой цели наступления, должна будет атаковать в южном направлении, навстречу своей соседке.

В состав 257-й пехотной дивизии входили (коман-

дир – генерал-лейтенант Карл Закс (нем. Karl Sachs) с 1 марта 1941 по 1 мая 1942):

457-й пехотный полк

466-й пехотный полк

477-й пехотный полк

257-й истребительно-противотанковый дивизион

257-й разведывательный батальон

257-й артиллерийский полк

257-й батальон связи

257-й саперный батальон

257-й батальон снабжения и другие дивизионные подразделения.

А что же 196-я сд?

Начальник штаба **26 А** полковник **И.С.Варенников**, после доклада командования 196-й сд, оставляет приказ в силе, мотивируя случившемся, возможным появлением отряда немецких парашютистов-диверсантов. Группа **М. И.Карташова**, после повторного приказа **В.М.Шатилова** (начальника штаба **196 сд**), снова едет на **р. Оржица**, но под охраной роты, усиленной взводом станковых пулеметов.

Вполне очевидно, что речь идет не о реке Оржица, а о реке Чумгак, на которой, собственно, и расположено село Белоусовка, сейчас Драбовского района Черкасской области, а в 1941 году оно было в составе Оржицкого района Полтавской области. Только ниже по течению, после слияния Чумгака с рекой Гни-

лая Оржица перед Савинцами и будет начинаться собственно река Оржица.

Ситуация повторяется, с противоположного берега снова открывается плотный ружейно-пулеметный огонь. **М.И.Карташов** приказывает личному составу покинуть автомобили, разворачивает их в цепь и пытается атаковать «диверсантов», но сил маловато и атака захлебывается. Попытки **М. И. Карташова** выйти к р. Оржица (**Чумгак**) в других местах также натываются на немцев.

Ситуация непонятная, в т.ч. и после очередного доклада **В. М. Шатилова** полковнику **И. С. Варенникову**, который предлагает ждать приказа.

Варенников Иван Семёнович. В годы гражданской войны служил рядовым в армии Колчака. С начала войны по 20 сентября 1941 г. – начальник штаба 26-й армии 1-го формирования, полковник; с 31 октября 1941 г. по 5 октября 1942 г. – начальник штаба 37-й армии 2-го формирования, генерал-майор с 2 января 1942 г.; с 6 октября по 31 декабря 1942 г. – начальник штаба Сталинградского фронта 2-го формирования, генерал-майор; с 1 января по 9 апреля 1943 г. – начальник штаба Южного фронта 2-го формирования, генерал-майор.

В 1943 г. Варенников был генералом для поручений у Жукова. Арестован в марте 1948 г. по обвинению в антисоветской деятельности. После ареста со-

шёл с ума (психогенный паранойд). С августа 1951 г. находился в психиатрическом отделении Бутырской тюрьмы. Более года находился на принудительном лечении. 26 марта 1953 г. признан вменяемым. В июле 1953 г. освобождён из-под стражи, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Вечером 16 сентября поступает приказ командующего **26А Костенко Ф. Я.**, в котором вновь предлагается занять оборону по **р. Оржица** в том же районе, где группа **М.И.Карташова** столкнулась с вражескими подразделениями. О силах врага, его намерения приказ не говорит, очевидно, штаб **26А** не обладает истинной информацией.

Генерал **А. И. Лопатин Лопатин Антон Иванович** (в 1941 г. генерал-майор, с 1942 года – генерал-лейтенант), командир корпуса (**31 ск**), меняет задачу для **196 сд** и приказывает с боями выходить в направлении село **Белоусовка** – город **Лубны**. Приказ не указывает на взаимодействие с другими частями, и на то, какие части поддерживают **196 сд**, и какие поддерживает она. Дивизии, фактически, предоставляется полная свобода действий по выходу из окружения.

Значит Белоусовка на конец 16.09.1941 года остается в руках немцев, по крайней мере, с левой стороны реки Чумгак.

После более чем двух месяцев напряженных боев в **196 сд** уже не было гаубичного полка, зенитного и проти-

вотанкового дивизиона. В стрелковых полках было по две-три неполноценные роты. В единственном артиллерийском полку остались две батареи по три пушки. Ситуация усугублялась тем, что запас снарядов и патронов подходил к концу. Заканчивалось и продовольствие, интендантские передвижные склады опустели: ни консервов, ни круп, ни даже традиционных галет. Ко всем бедам присоединилась еще и непомерная усталость личного состава – и физическая, и моральная. Но в целом среди личного состава не было ни уныния, ни тем более паники, люди сохраняли спокойную уверенность, были готовы ко всему.

Учитывая полученную информацию, ориентировочная максимальная численность 196 сд на 16.09.1941 года составляла около 800—1000 человек личного состава (но не более чем 1 200 чел.).

Мало вероятно, что приказ на занятие рубежей по реке Оржица получила только 196 сд. Возможно предположить, особенно с учетом дальнейших событий, такой приказ, как минимум, получила и 116 сд. Напомним также, что официального приказа на отход части 26-й армии от командования Юго-Западным фронтом еще не получили, а 196-й сд (возможно и не только ей) уже приказано отойти и занять новые рубежи.

Состав 196 сд первого формирования:

863-й стрелковый полк

884-й стрелковый полк

893-й стрелковый полк

725-й артиллерийский полк

739-й гаубичный артиллерийский полк

228-й отдельный истребительно-противотанковый диви-

зион

484-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион

262-й разведывательный батальон

353-й саперный батальон

572-й отдельный батальон связи

99-й медико-санитарный батальон

190-й взвод дегазации

285-й автотранспортный батальон

340-й полевой авто хлебозавод

724-я полевая почтовая станция

562-я полевая касса Госбанка

В 18.00 командир XI корпуса вермахта (с 1 марта 1940) генерал пехоты Йоахим фон Корцфляйш встретил на своем командном пункте начальника штаба XXXXIV корпуса. Предметом обсуждения стали вопросы взаимодействия частей и соединений во время предстоящего наступления. Помимо всего прочего, от него было получено обещание оказать необходимую артиллерийскую поддержку во время форсирования р. Сула и борьбы за плацдармы.

Состав 239-пд вермахта (в июне 1940 г. – на Западе, в июле 1940 г. расформирована (оставлен лишь костяк

дивизии), в мае 1941 г. вновь восстановлена; с июня 1941 г. – на Востоке; в январе 1942 г. Расформирована):

327-й пехотный полк

372-й пехотный полк

Вечером немецкие дивизии стали выдвигаться в исходные районы. Так, 239-я заняла своим 327-м полком западную окраину с. Липовое, позади него сосредоточился 372-й. В районе села сосредоточилась большая часть артиллерии, предназначенной для поддержки во время форсирования и борьбы за плацдарм. В район с. Галицкое перешла двумя полками 257-я пехотная дивизия, а 24-я усиленным 32-м полком в течение ночи должна была выйти на западную окраину с. Маляровка.

Состав 24-пд вермахта:

31-й пехотный полк

32-й пехотный полк

102-й пехотный полк

24-й артиллерийский полк

1-й дивизион 60-го артиллерийского полка

24-й разведывательный батальон

24-й противотанковый батальон

24-й саперный батальон

24-й батальон связи

24-й запасной батальон

Всю вторую половину дня наблюдатели дивизий и корпу-

са с тревогой следили за противоположным берегом, гадая, заметило ли советское командование приготовления к форсированию реки. Увиденное вселяло в немецких командиров уверенность, что все прошло удачно и сосредоточение войск пока никем не обнаружено. Никаких изменений в размещении и составе войск на западном берегу р. Сула не произошло, в ближнем тылу не было видно никаких существенных передвижений войск или транспорта. По району, занятому 239-й и 257-й дивизиями, вели беспокоящий огонь две артиллерийские батареи, однако он по своей интенсивности ничем не отличался от обстрелов в предыдущие дни.

Состав 125-й пехотной дивизии вермахта (командир дивизии - генерал-лейтенант Шнеккенбургер):

419-й пехотный полк – полковник Фриббе

420-й пехотный полк – полковник Циммерман

421-й пехотный полк – полковник Райнгарт

125 –й артиллерийский полк – полковник Фильцингер

125-й батальон святы

125-й саперный батальон

125-й разведотряд

125-й ПТД

Командир 125-й дивизии отправил усиленную разведку, и ей посчастливилось захватить грузовик и нескольких пленных. Их показания подтвердили общую картину. Наконец, воздушная разведка также не выявила никаких значительных передвижений в районе предстоящих боевых действий.

Все свидетельствовало в пользу того, что здесь никто не ожидает немецкого наступления. К исходу дня солдаты XI корпуса находились в полной готовности к атаке, а командиры имели все основания рассчитывать на успех.

Еще одним воинским соединением вермахта, принявшим участие в формировании Оржицкого котла и уничтожении 26-й армии, стал **XXXV армейский корпус (Тридцать пятый армейский корпус (нем. XXXV. Armeekorps) – общевойсковое соединение германской армии. Впервые сформирован в октябре 1939 г. в Глогау. С июня 1941 г. входил в группу армий «Центр». Командир – генерал артиллерии Р. Кэмпфе (до 19 июля 1942 года). В его составе в сентябре 1941 года находились 45, 134 и 293-я пехотные дивизии. 134-я пехотная дивизия (нем. 134. Infanterie-Division) – тактическое соединение германской армии. Сформирована в октябре 1940 г. в XIII военном округе.**

К вечеру 16 сентября, наступая с северного направления, они представляли себе картину формирующегося окружения так: сопротивление советских войск перед фронтом немецких дивизий в основном слабое и неорганизованное, только на отдельных участках красноармейцы сражаются с ожесточением, однако сразу отходят, если возникает угроза обхода или окружения. Артиллерия оборонявшихся также слаба: как правило, огонь ведут не более одной-двух батарей.

Намерения советского командования казались немцам

неопределенными, им никак не удавалось понять его логику. До сих пор оно не организовало ни одного настоящего прорыва из кольца, хотя его угроза была очевидной. Направления отхода также казались странными: на одних участках советские войска двигались в восточном, на других, напротив, в западном направлении. Все свидетельствовало «об исключительной пассивности, которой не имелось объяснения. Может, русские планируют соединиться вокруг Киева?». Пусть это не покажется странным, но у командования Юго-Западным фронтом и у командующего 21-й армией имелись соображения на отвод войск фронта именно к столице Украины, но от них отказались в силу разных причин.

Г. Гудериан записал в дневнике:

«16 сентября наш передовой командный пункт в Ромнах. Окружение российских войск успешно продолжается. Мы соединились с танковой группой Клейста».

17 СЕНТЯБРЯ

Из докладной **Ивана Христофоровича Баграмяна** маршалам Шапошникову и Тимошенко – Лубны заняты противником. До 30—40 танков с батальоном пехоты еще днем 17.09.41 прорвали фронт отряда генерал-майора И. И. Алексева и отбросили его на запад от Лубен. Точного положения отряда И. И. Алексева никто не знает. Из показаний отдельных красноармейцев, которые пытались прорваться в направлении Ромны, известно о наличии мелких групп противника на южном берегу р. Удай от ее устья

и до Куреньок.

Из этой же докладной узнаем, что на левом фланге до 30—35 танков противника из района Лубны днём 17.09.41 начали действия на западном направлении и овладели Яблоново, действуя на тылах левофланговых частей 26 Армии.

«Отряд И. И. Алексеева» – понятие достаточно относительное, так как ни времени, ни достаточных действий для его организации не было. Так что «фронт» обороны в Лубнах, как таковой, не состоялся.

Опять же, то что в район Яблоневого танки выдвинулись только 17.09. не означает, что впереди них не двигались диверсионные и разведывательные подразделения.

Теперь хотелось бы кое-что уточнить по поводу Лубен.

Здесь нам помогут воспоминания пограничника **Паджева Михаила Григорьевича**, из его книги (*Паджев М. Г. «Через всю войну».* – М.: Политиздат, 1983.). Он вспоминал, что 8 сентября майор Врублевский (командир 94-го пограничного полка) получил из штаба 26-й армии приказ: «Срочно прикрыть угрожающие направления по реке Оржица на Лубны».

Полк был поднят по тревоге. Однако сосредоточить его на указанной границе оказалось делом непростым. Штабы батальонов получили распоряжения по радио. Далее все зависело от расторопности пеших посыльных.

Ближе к штабу полка стоял батальон, где служил Паджев М. Г.. Они могли выйти к реке Оржице в установленный срок. Остальные два батальона находились на значительном расстоянии от города Лубны, и рассчитывать на их скорую помощь не приходилось. Сначала в город были переброшены только штабные подразделения и штаб полка. Из-за отсутствия транспорта оставались на месте в Драбове тыловые подразделения отряда.

Таким образом, полк оказался в затруднительном положении. Часть его находилась на марше, другая часть оставалась на прежних рубежах. Почти все продовольствие и боеприпасы были в Драбове. А тут еще стало известно, что немцы наступают не только с юго-запада в направлении реки Оржицы, но и с юга, от Хорола.

Получив приказ выйти к реке Оржице, подразделения батальона двинулись в путь. Туда направлялся и взвод Паджева. 9 сентября, во второй половине дня, они прибыли на КП роты в городок Лазорки. Командир роты **капитан Рыков** (*Рыков Афанасий Федорович, 1907 года рождения, пропадет без вести не позднее 30.11.1941 года, по другим данным – 10.01.1942 года*) зачитал приказ, в котором говорилось, что рота должна занять оборону у села Савинцы, на восточном берегу реки Оржице и не допустить переправы противника через реку. Остаток дня и всю ночь, делая лишь короткие привалы, они совершали марш. Утром вошли в с. Савинцы. Капитан Рыков приказал занять круговую оборо-

ну.

На разведку послали лейтенанта **Симонова**. Взяв у местных жителей лодку, Симонов переправился на другой берег р. Оржицы. Над водой висел густой туман. Было тихо. Вернулся Симонов часа через два и сообщил, что к реке подходят немцы. Они подготовились к бою, однако противник не появился. Пожалуй, Симонов обнаружил передовые подразделения противника, которые переправляться через р. Оржица не стали. К вечеру капитан Рыков собрал командиров взводов. В течение дня он пытался позвонить по местной телефонной линии в штаб батальона, но сделать это не удалось. Посовещавшись, они пришли к выводу, что выгоднее занять оборону у села Черевички, где находился мост через реку. Это и было сделано. Рота перебралась в Черевички.

Далее капитан Рыков направляет Паджева с донесением к командиру батальона капитану Королькову. Штаб он нашел в Лубнах, в двухэтажном здании школы. Командир полка майор Врублевский попросил передать капитану Рыкову: пусть рота продолжает находиться на занимаемом рубеже и взаимодействует с соседней ротой их батальона, которая располагается в селе Исковцы. Если обстановка изменится, они получают необходимые указания.

Однако полку приказали защищать город Лубны, и пограничники далее действовали, исходя из этой задачи. Майор Врублевский решил снять роты их батальона с рубежа реки

Оржицы и прикрыть ими главные силы полка с востока.

К ним прискакал на коне оружейный мастер отряда сержант Астахов и передал, чтобы рота прибыла в село Новаки. Шли полями, соблюдая направление пути на Высший Булатец. В селе Новаки их уже ждал помощник Авдюхина по комсомольской работе Петр Латышев, которого Паджев знал еще по Славутскому отряду. Это был общительный, жизнерадостный человек лет двадцати семи. Латышев объяснил им, что полк вынужден был оставить Лубны и теперь его батальоны окопались на север от города. Их роте приказано занять оборону у развилки дорог у села Клепачи и прикрыть основные силы полка с востока.

Не успели они начать окапываться, как раздался шум моторов. Все насторожились. Неужели немцы? На дороге появилась бронемашина. Она неторопливо приближалась к ним. Вот уже видно отличительные знаки. Наша. Они вышли из укрытий. Броневи́к остановился. Из него вылез генерал.

– Где штаб вашего полка? – Спросил он.

– А вы кто будете? – Поинтересовался Рыков. – Прошу предъявить документы.

– Я командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Алексеев, мне нужно видеть майора Врублевского, командира пограничного полка.

Проверив у генерала документы, командир роты выделил ему сопровождающего. Бронемашина покатила дальше.

Позже Рыков получил приказ, в котором говорилось, что в соответствии с решением представителя командования 26-й армии генерала Алексеева 16 сентября полк в шесть часов утра переходит в наступление на город Лубны с задачей овладеть мостами через реку Сулу. Их поддерживает артиллерийский зенитный дивизион и бронепоезд. В дальнейшем атаку развивают 186-й артполк и маршевый батальон 26-й армии.

«Генерал (Алексеев) считал, что сюда прорвались лишь слабые передовые части противника, – вспоминает об их бое в Лубнах в книге *„Так начиналась война“* **Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян**, – и поэтому решил атаковать первым. Но перед его небольшим отрядом оказались крупные силы танковой армии Клейста. Враг, конечно, отразил атаку, выдвинул танки. А в отряде Алексеева ни одной противотанковой пушки. Однако отряд не отступил. Бойцы и командиры сражались яростно...».

Так в очередной раз пограничникам 94-го отряда за первые девяносто дней войны пришлось стать на пути танков Клейста.

Командир 289-й дивизии **полковник Д. Ф. Макшапов** своим приказом №0022 от 17 сентября поставил перед подчиненными полками наступательные задачи. Он сообщал, что с утра 18 сентября правофланговая Лубенская группа предпримет наступление с целью захвата г. Лубны. Слева от нее будет атаковать 7-й батальон НКВД, действуя

в направлении с. Макеевка – Лохвица. Чтобы поддержать их, 289-я дивизия также переходила в наступление, стремясь овладеть рубежом с. Куреньки – Макеевка – Бубны – Яцины. При поддержке двух рот ПВО 3-й дивизии 1048-й полк должен занять с. Куреньки и Макеевку и затем наступать на с. Мелехи. При такой же поддержке соседний 1046-й полк намеревался захватить с. Бубны и Яцины, а на следующий день – с. Вороньки. Третий стрелковый полк дивизии – 1044-й, следовал за 1046-м, обеспечивая его левый фланг. На правом фланге действовала т. н. «авиагруппа» с задачей сначала занять с. Деймановка, а потом – с. Городище.

В подчинение полковника Д. Ф. Макшанова перешла 10-я танковая дивизия, которая сосредотачивалась у с. Харьковцы, а также 165-й запасной, 821-й артополк и 37-й мотоциклетный полк. Последнему поручалось занять с. Чернухи, после чего наступать в направлении с. Жданы. Дорогу от ст. Гребенка на Пирятин должен был перекрыть 21-й мотоциклетный батальон. Таким образом, под командованием полковника Д. Ф. Макшанова собиралась весьма значительная по составу группа войск, призванная обеспечить выход штаба Юго-Западного фронта.

17.09.41 **кавгруппа Борисова** частью сил занимала Секиринцы.

Расстояние по прямой от Секиринцев до Белоусовки около 80 км.

Маршал **А. М. Василевский** писал:

«Только 17 сентября Верховный Главнокомандующий, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию на юго-западе, позволил Юго-Западному фронту оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронтом отдало приказ выходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и со Ставкой была прервана. Войска отходили с упорными боями. 5-я, 37-я, 26-я и часть сил 21-й и 38-й армий были окружены. Выход из окружения осуществлялся в крайне сложных условиях. Войска раздробились на многочисленные отряды и группы, которые пробивались самостоятельно».

Когда командованию Юго-Западного фронта было передано разрешение Ставки на оставление Киева и отвода войск, там не поверили и потребовали письменного подтверждения. Было потеряно еще около двух суток на согласование.

Наконец 17 сентября командующий фронтом **Кирпос** отдал приказ армиям на выход из окружения, указав такой порядок действий:

– 21 армия должна была наносить удар в общем направлении на Ромны навстречу удару 2-го кавалерийского корпуса, который пробивается с востока;

– 5-я армия – настойчиво задерживаясь на промежуточных рубежах с целью обеспечения отхода частей 21-й армии, должна нанести вспомогательный удар в направлении Лохвицы;

– 37-я армия – выведя войска из Киевского УРа, создав ударную группировку до 2—3 стрелковых дивизий, должна начать выход из окружения в общем направлении на Яготин, Пирятин за 5-й армией, составляя 2-й эшелон соединений, выходящих из окружения;

– 26-я армия – постепенно отводя свои силы с рубежа Днепра, создать ударную силу до двух стрелковых дивизий и действиями ее с рубежа р. Оржица в направлении Лубны прорвать кольцо окружения в Лубенском направлении.

Как будет видно из дальнейших событий, этими двумя дивизиями были 196 сд генерал-майора Куликова и 116 сд подполковника Буянова. Только вот действовали они не вместе, а каждая пыталась самостоятельно захватить переправу через реку Оржица в разных местах. Причем, что интересно, движение 96-я сд начала в ночь на 17.09., а приказ получила еще 16.09., что раньше по срокам, нежели поступил приказ Кирпоноса.

Приказу этому не суждено было осуществиться, поскольку в Пирятин с востока подошли главные части немцев и открыли огонь. Штаб фронта оказался на линии огня.

Немецкое кольцо окружения сначала было слабым и не смогло бы удержать организованных ударов боевых частей, но, как видно из сложившейся ситуации, из-за отсутствия связи было потеряно фронтовое управление войсками, которые отходили. Командование армий, дивизий и частей

пыталось взять ситуацию под свой контроль, но делать это было трудно под постоянным бомбовым и огневым воздействием авиации и артиллерии противника.

Что же в это время предпринимал противник.

Наступление XI армейского корпуса в северо-западном направлении развивалось вполне успешно. Советские войска, расположившиеся у г. Лубны, не проявляли активности, и у немецкого командования сложилось впечатление, что 16-я танковая дивизия имеет возможность начать наступление на своем участке и сузить формирующийся котел. Восточный берег р. Оржица, протекавшей в 30 км к западу от г. Лубны, представлялся вполне достойной позицией.

В наступление генерал Х.-В. Хубе выделил боевую **группу «Хёфер»**, усиленную батареей 16-го артполка. В Лубнах в качестве прикрытия оставался 79-й пехотный полк. Южнее «охотился» на отступающие советские части XI армейский корпус.

В 7.30 немцы перешли в наступление и, почти не встречая сопротивления, стали быстро продвигаться в сторону р. Оржица.

В 11 ч. 15 мин. (17 сентября 1941) авангард достиг городка Оржицы.

17 сентября части 16-й танковой дивизии вермахта вместе с 9-й танковой дивизией справа и 25-й моторизованной дивизией слева, заняли позиции вдоль р. Оржица в 30 км западнее Лубен. Роты «чистили» село за селом.

Уже в 13.15 передовые части достигли реки и выше по течению, где остановились в ожидании подхода остальных.

У с. Яблонево солдаты 1-го батальона 64-го мотопехотного полка образовали плацдарм на р. Гнилая Оржица (район села Филипповичи). Только на этом участке в плен были захвачены около 500 красноармейцев.

В течение второй половины дня (17.09.1941 года) и в последующие сутки 16-я танковая дивизия постепенно подтягивалась к р. Оржица и Чумгак, блокируя своими войсками все пригодные для переправы места. Такая тактика позволила ей удерживать фронт протяженностью до 25 км от с. Онишки до с. Михайловка.

Ясно, что передовые отряды 16 тд вермахта появились и в других населенных пунктах на левом берегу реки Оржица, например – в Савинцах, Яблонево, Филипповичах, Круподеренцах и Белоусовке.

Немецкие дивизии имели время для концентрации основных сил и создание позиций для обороны. Получается, что у немцев будет не менее полутора суток для подтягивания основных сил и создания заслонов по рубежу реки Оржица. И то, это до прибытия в Оржицу генерала Костенко, основные же его боевые силы придут в Оржицу 19 и 20.09.1941 года. Сил и времени на создание сплошной обороны у 16 тд нет, потому заслоны созданы только в местах наличия переправ: Круподеренцы, Савинцы, Денисовка и Ониш-

ки\Оржица.

Следует оговориться, что на 10.09, вначале наступления под Кременчугом, в 16-й танковой дивизии числилось 54 боеготовых танка.

Из истории создания 16 тд.

16-я танковая дивизия вермахта была сформирована в ноябре 1940 года на базе 16-й пехотной дивизии. Основные этапы боевого пути: 1940 – Румыния; 1941 – Балканы, Дубно, Житомир, участие в Уманском окружении, взятие Николаева, участие в Киевском окружении, Миус-фронт; 1942 – Миус-фронт, Харьков, Сталинград; 1943 – гибель в Сталинградском котле.

В 1941 году в состав 16-й танковой дивизии входили: один танковый полк (около 140 танков), одна стрелковая бригада (в составе двух стрелковых полков, по два батальона в полку), артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион, разведывательный, мотоциклетно-стрелковый, саперный батальон и батальон связи:

- Panzer-Regiment 2 (два батальона) – 2-й танковый полк
- Schützen-Brigade 16 – 16-я мотопехотная бригада (64-й и 79-й полки)
- Schützen-Regiment 64 – 64-й мотопехотный полк
- Schützen-Regiment 79 – 79-й мотопехотный полк
- Artillerie-Regiment 16 (три дивизиона) – 16-й артиллерийский полк
- Panzeijäger-Abteilung 16 – 16-й противотанковый бата-

льон

– Aufklärungs-Abteilung 16 – 16-й разведывательный батальон

– Pionier-Bataillon 16 – 16-й саперный батальон

– Kradschützen-Bataillon 16 – 16-й мотоциклетный батальон

– Nachrichten-Abteilung 16 – 16-й батальон связи

С самого начала войны 16-й танковой дивизией командовал однорукий генерал-майор Ганс-Валентин Хубе.

В 1914 году, в одном из боев, командир взвода лейтенант Хубе (1890 г.р.) лишился руки. В 1934-м его назначили командиром экспериментального моторизованного батальона, а в 1935-м – комендантом Олимпийской деревни. За бои на Украине в 1941 году генерал-майор Хубе был награжден Рыцарским крестом (наступление под Старо-Константиновом 7 июля) и дубовыми листьями (взятие Николаева и Киевский котел). В январе 1943-го Хубе отказался выполнить приказ фюрера о вылете на самолете из Сталинградского котла. Был вывезен оттуда эсэсовцами из личной охраны Гитлера. Погиб в 1944 году в авиационной катастрофе. «Хубе завоевал себе репутацию устойчивого, справедливого, не лишённого здравого смысла командира... Солдаты называли его Человеком... Гитлер называл его одним из трех крупнейших командующих, которые дала Вторая мировая война».

Накануне похода на Советский Союз 2-й танковый полк

16-й тд состоял из 2 рот средних и 4 рот легких танков. Всего в полку насчитывалось 45 танков Р-II, 23 танка Р-III с 37-мм пушками, 48 танков Р-III с 50-мм пушками, 20 танков Р-IV и 10 бронированных командирских машин.

Во время отдыха, которое получил полк после взятия Николаева и перед окружением войск Юго-Западного фронта, боевые возможности полка были повышены за счет включения в боезапас для короткоствольных пушек танков Р-IV новых кумулятивных снарядов. Эти снаряды позволяли пробивать броню советских танков с дистанции 800 метров. Организационным улучшением полка было сведение всех танков Р-II в две роты.

Командиром 2-го танкового полка был оберст-лейтенант Рудольф Зикениус (Rudolf Sieckenius). После Первой мировой войны, которую он познал пехотным лейтенантом, Зикениус устроился на службу в полицию. В 1938-м возобновил службу в армии, сразу начав с танкового разведывательного батальона. Во второй половине войны (1943—1945) Зикениус командовал 16-й танковой и 263-й пехотной дивизиями, дослужился до генерал-майора и был убит в конце апреля 1945 года.

Батальоном средних танков во 2-м танковом полку 16-й танковой дивизии командовал Граф Гиацинт Штрахвиц (Graf Hyazinth Strachwitz).

Как проходит отступление частей 26-й А?

В ночь на 17 сентября 196 сд оставляет Днепровские ру-

бежи.

Нам известны фамилии командиров – **Иосиф Иосифович Самсоненко** (1902 года рождения, в мае 1942 года пропадет без вести), начальник дивизионной разведки **капитан Никифор Зиновьевич Трунов** (1903 года рождения, будет убит в бою по ст. Красная 20 февраля 1944), командир батальона **Иван Макарович Шадский**, командиры полков **Михаил Иванович Головин** и **Николай Савельевич Кобжев**.

В рассказе «**Война. Украина. Елена Филипенко**», из фронтового письма:

«...Дорогая Нина! Сегодня – 17 сентября 1941 года, мы оставляем Днепр. Мы отступаем. Горькая правда такова – за четыре месяца войны мы обескровлены. Боеприпасов и еды осталось на три дня. Люди смертельно устали от неудач и значительных потерь. Не хватает бойцов и командиров. Украинские села мертвы. Люди пошли на восток. Туда война не добралась. По всему видно, что раньше здесь жили хорошо. Но фашистский выродок согнал людей с насиженных мест. Мы все еще не теряем надежду. Родина будет освобождена и люди с радостью вернутся домой...».

Первая ночь марша проходит спокойно. В арьергарде колонны идут саперы и минируют дороги на случай, если фашисты надумают ударить дивизии в спину.

На рассвете колонны дивизии были атакованы с воздуха авиацией противника, подразделение «юнкерсов» сбрасыва-

ет бомбы. Колонны рассыпаются по полю. Только несколько красноармейцев получают легкие осколочные ранения.

Очередная бомбежка достаточно необычная, из чрева самолетов:

«...посыпались НЕ бомбы, а... бороны, плуги, еще какие-то железки».

На подходе к селу Круподеренцы колонны дивизии натолкнулись на сильный артиллерийский и минометный заградительный огонь.

Не считая боестолкновений разведки 196 сд 16.09. 1941 года у Белоусовки, это первое соприкосновение с подразделениями 16 тд вермахта. Да и у Белоусовки, вероятнее всего, была передовая разведка этой же дивизии.

В надежде, что кольцо окружения неплотное, подразделения залегли, чтобы переждать артналет. Дивизия, развернувшись в боевые порядки, атаковала вражеские позиции, на острие атаки был батальон Ивана Макаровича Шадского. Бойцы его батальона ворвались в крайние хаты с. Круподеренцы и выбили оттуда гитлеровцев. Воспользовавшись паникой врага, И. М. Шадский продолжил его преследование и с ходу форсировал реку Чумгак.

Во время этого артналета начальник штаба 196 сд В. М. Шатилов, на пути к новому наблюдательного пункту, попадает в его эпицентр и получает непроникающее осколочное ранение в руку.

Подразделения все же не могут форсировать р. Чумгак (приток р. Оржица) и закрепляются на его высоком берегу. Место идеальное для обороны, но надо не обороняться, а прорывать вражеские позиции и выходить из окружения.

Следует учесть, что противоположный берег реки Чумгак, со стороны села Филипповичи, еще круче, а расстояние между ними до 400—600 м, к тому же — местность практически открытая, так что атаковать там — это положить всю дивизию, вернее то, что от нее осталось.

Командир 196 сд генерал **К. Е. Куликов** приказывает подготовить новую атаку, ударить правее с. Круподеренец, ворваться в с. Савинцы и завладеть в нем мостом через р. Оржица.

Атака назначается на 14—00, противник, очевидно, не дожидаясь такого напора, не оказывает достаточного сопротивления и подразделения 196 сд выбивают его из с. Савинцы и овладевают мостом. Опять на острие атаки батальон И. М. Шадского в поддержке бойцов 893 сп капитана Николая Савельевича Кобжева.

Достоверно известно, что в Савинцах находился на тот момент 16-й разведывательный батальон 16-й тд вермахта, усиленный артиллерией и танками.

Немцы, пришедшие в себя, бросают в контратаку свежие подразделения при поддержке нескольких танков, усиливают артиллерийский огонь.

Захват коридора на восток сорвался... подразделения 196 сд отходят (на основе воспоминаний начальника штаба 196 сд Василия Митрофановича Шатилова).

Следует отметить, что данная атака имела бы право на успех, если бы у генерала К.Е.Куликова было для ее осуществления больше сил и средств.

К моменту получения 26-й армией приказа на отход ее дивизии были широко охвачены с флангов войсками противника. К р. Сула ускоренным маршем выдвигались дивизии XI немецкого армейского корпуса, принадлежавшего к 17-й армии. Ему была поставлена задача занять оборону по реке, чтобы не допустить прорыва окружаемых войск в восточном направлении. Достигнув реки, дивизии убедились, что советских войск там еще нет. Поэтому уже в 5.40 17 сентября началась переправа через р. Сула, чтобы максимально сузить фронт окружения.

Наряду с 16-й танковой дивизией одну из главных ролей в окружении и разгроме 26-й армии под с. Оржица довелось сыграть войскам XI армейского корпуса, с 13 сентября включенного в состав 1-й танковой группы. Еще 16 сентября его командир генерал пехоты Й. фон Кортцфляйш издал приказ на наступление. Предполагалось, что одновременно с XI корпусом в окружении советских войск за р. Сула примут участие силы 1-й и 2-й танковых групп.

В распоряжение командира 239-й дивизии поступали 6-е артиллерийское командование (командир генерал-майор

Конради), 2-й дивизион 52-го артполка (две батареи тяжелых полевых гаубиц и батарея 100-мм орудий), 2-й дивизион 53-го артполка без одной батареи, штаб и два легких дивизиона 125-го артполка. Командир 239-й дивизии образовал из полученных средств поддержки три артиллерийские группы. Большая их часть концентрировалась на северном фланге, где предполагалось нанесение основного удара, и предназначалась для ликвидации потенциальной угрозы из района с. Лащевка. Южная группа должна была оказывать поддержку 372-му полку и обеспечивать правый фланг соединения. Для наведения наплавного моста и устройства подъездных путей придавались 125-й саперный и строительный батальоны.

После полуночи генерал Й. фон Кортцфляйш перенес свой командный пункт на высоту северо-восточнее с. Липовое. Еще 16 сентября в сумерках полки немецких дивизий заняли свои исходные районы, соблюдая все меры предосторожности. Благодаря им немцам удалось сохранить свои приготовления в тайне, и начавшееся утром наступление оказалось для советских войск полной неожиданностью.

Первым на противоположный берег в 6.30 переправился по мосту 327-й полк и сразу же завязал бой по овладению плацдармом. Его батальоны атаквали гряду высот, продвигаясь сравнительно быстро и без особых помех. Советские войска оказали слабое сопротивление, за исключением левого фланга, где завязались серьезные бои. Несмотря на про-

тиводействие, противник занял высоты, чем обеспечил переправу основных сил 239-й дивизии.

В 7.40 на противоположный берег переправился уже весь 372-й полк и немедленно занял свое место на правом фланге 327-го.

подавляя сопротивление разрозненных и неорганизованных сил, оба полка к 11.00 вышли на линию: выс. 124, 0 – с. Осенки – дорога от с. Осенки на с. Степное. На этом этапе командир дивизии отдал приказ остановиться и приготовиться к обороне занятого плацдарма.

Под прикрытием камрадов приступил к переправе на западный берег р. Сула 1-й батальон 444-го полка. Ему предназначались позиции в районе с. Матвеевка, откуда он должен был прикрывать левый фланг соединения.

Успели перебраться на противоположный берег полностью 3-й и частично 1-й дивизионы 239-го артиллерийского полка. Однако попытка перебросить по мосту тяжелые тягачи со 100-мм орудиями на прицепе закончилась неудачей: два звена ушли под воду, и от переправы пришлось отказаться. Наплавной мост мог выдержать только пехоту и легкие орудия. Восстановить его саперы смогли только к 14.30 следующего дня.

Генерал Й. фон Корцифляйш, оценив, что форсирование с. Липовое проходит успешно, отправился к с. Галицкое, чтобы лично проследить за ходом боя в этом месте. Во время поездки автомобиль командира корпуса попал под мино-

метный обстрел, и генерал получил ранение. Его эвакуировали в лазарет г. Александрия, а командование принял на себя старший из командиров дивизии генерал-лейтенант Закс. Новым командиром 257-й дивизии стал генерал артиллерии Ангер.

Во второй половине дня оба выдвинутых вперед немецких пехотных полка подверглись атакам советской конницы. В бой вступила 37-я кавалерийская дивизия, намереваясь отбросить противника с захваченного им плацдарма. Позиции 372-го полка были атакованы конным эскадром, а позиции 327-го полка – силами более кавполка на всей протяженности фронта. Пулеметы, минометы и артиллерия обрекли все эти попытки на полный провал.

Вот где впервые упоминается действие подразделений 37-й кд. Численность атакующих составила, как минимум, более полка кавалерии. Следует также учесть, что кавалеристы 37-й кд понесли тут значительные потери.

Советское командование никак не воспользовалось сохранявшимся разрывом между боевыми порядками 239-й и наступавшей левее ее 24-й пехотными дивизиями, хотя тот достигал протяженности более одного километра. Во второй половине дня для его прикрытия спешно выдвинулся 3-й батальон 44-го полка, временно подчиненный командиру 327-го.

Однако наступившие сумерки не позволили полностью

выполнить поставленную задачу. Всю ночь немцы провели в крайнем беспокойстве за свой левый фланг, за которым зияла огромная, никем не прикрытая брешь, но никаких действий со стороны Красной Армии не последовало.

В 7.30 выступила 257-я дивизия, атакуя двумя пехотными полками в первой линии. Противостоявшие ей советские войска быстро оправались после замешательства и стали оказывать все возрастающее сопротивление. Захватить с. Матвеевка и Клищинцы с ходу не получилось.

Только к 13.00 немецким солдатам удалось захватить с. Матвеевка и лес западнее от села, выбив оттуда оборонявших их красноармейцев. Вскоре можно было доложить о занятии гряды высот на западном берегу.

К 21.00 полки 257-й дивизии (слева – 477-й, справа – 457-й) вышли на рубеж: ручей в 1 км юго-восточнее с. Стебеляны – с. Кресты. Вслед за ними на западный берег переправился находившийся в резерве 466-й пехотный полк и с ходу вступил в бой. Один из его батальонов, в соответствии с приказом, атаковал от с. Клищинцы на юг, в сторону с. Жовнин. Этот маневр облегчил наступление 24-й пехотной дивизии.

В 20.30 в с. Галицкое закончилось сооружение 8-тонного военного моста.

Непосредственно от устья р. Сула и далее вдоль русла р. Днепр двигалась 24-я пехотная дивизия генерала Х. фон Теттау. Ее 31-й и 32-й пехотные полки переправились у с. Маляровка, застав советские части на западном берегу врас-

плох. Всю первую половину дня они сравнительно легко сбивали слабые заслоны встречавшихся на пути советских войск, расчищая дорогу основным силам.

В 9.00 они заняли высоты на западном берегу р. Сулы, разгромив занимавшую здесь оборону артиллерийскую часть. Трофеями противника стали 10 76-мм орудий, в плен попали 290 красноармейцев. Понесли первые потери и немцы.

После полудня передовая полковая группа (усиленный 32-й полк) заняла с. Жовнин и приступила к его зачистке. Переправившийся следом 31-й полк предпринял атаку в западном направлении через с. Головки на с. Лялинцы.

К 20.00 немцы уже заняли половину с. Лялинцы. Кроме собственной артиллерии поддержку им оказали также орудия 297-й дивизии. Быстро сгустившиеся сумерки не позволили противнику развить успех. Большая часть полка обосновалась на ночь в селе и вокруг него, а 1-й батальон пришлось выдвинуть к восточной опушке леса, раскинувшегося севернее, так как оттуда красноармейцы вели частый огонь.

Разведывательный батальон, выйдя из с. Морозовка, зачистил с. Воинская Гребля и сформировал здесь крайний левый фланг обороны 24-й дивизии.

Прибывшая тем временем 297-я дивизия взяла на себя охрану мостов в г. Кременчуг, высвободив тем самым батальоны 102-го полка для их переброски на плацдарм.

Общее впечатление о действиях XI корпуса, сложившееся

у его командования к концу дня: переправа прошла успешно и легче, чем предполагалось.

Оборонявшаяся на западном берегу 37-я кавалерийская дивизия потерпела поражение и теперь вынуждена отступать в северо-западном направлении.

На следующий день генерал Закс запланировал продолжение наступления с выходом на линию: с. Большая Буромка – с. Старый Коврай – выс. 136, 0 – выс. 131, 0 (к северо-западу от с. Еремеевка) – с. Еремеевка. В 9.00 через мост у с. Липовое должна была переправиться 125-я дивизия, которой отводился участок правее 239-й дивизии. Теперь XI корпус получал возможность наступать сразу тремя соединениями.

Наступление войск XXXV армейского корпуса развивалось планомерно, солдаты уверенно продвигались в установленных приказами направлениях, по-прежнему почти не встречая сопротивления. Перед соединениями стояла задача осуществлять преследование отходивших советских войск в юго-восточном направлении к линии с. Тепловка – г. Пирятин.

На 18 сентября перед соединениями XXXV корпуса стояла главная задача: взятие г. Пирятин и Прилуки. В этой операции предполагалось задействовать 293-ю дивизию, которой поручалось в первую очередь захватить переправы через р. Удай. В этом районе предполагалось установить контакт с передовыми частями 1-й танковой группы. Перед 45-й дивизией стояла задача по овладению г. Прилуки. В даль-

нейшем, если позволит ситуация, соединение могло продвигаться вплоть до линии с. Махновка – Журавка.

Ф. Гальдер: (из дневника) 17 сентября 1941 (среда), 88-й день войны.

«Обстановка на фронте: соединения противника в кольце восточнее Киева безрезультатно пытаются прорвать оцепление. На севере в результате глубокого прорыва 51-го армейского корпуса соединения продолжают расчленять противника за пределами и внутри кольца...»

Обстановка вечером: на юге ситуация складывается очень хорошо. Воздействия противника на внешнем фронте окружения не наблюдается».

18 СЕНТЯБРЯ

Особенно трагически сложился выход из окружения войск 26-й армии, которая оказалась западнее прорыва танковой группы Э. фон Клейста. На момент образования Киевского котла армия состояла из шести стрелковых (301-й, 159-й, 264-й, 196-й, 116-й, 97-й) и одной кавалерийской (37-й в составе которой – 140, 143 и 145-й кавалерийские полки, 37 отдельный эскадрон химзащиты) дивизий. Переданные с 38-й армии 97-я сд и 37-я кд заняли оборону на западном берегу р. Сулы, остальные располагались вдоль Днепра.

Противник избрал тактику молота и наковальни. Пехотные дивизии 17-й армии вермахта постепенно оттесняли 26-ю армию в направлении 16-й танковой и 25-й моторизованной дивизий.

Командующий 26-й армией **генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко**, получив во второй половине ночи на 18 сентября приказ Кирпоноса об отступлении, пригласил к себе **членов Военного совета Д. Е. Колесникова и В. С. Бутырина** (бывшего секретаря Николаевского обкома КП (б) У), начальника штаба **полковника И. С. Вареникова**, начальника артиллерии **полковника П. С. Семенова**, начальника политотдела **полкового комиссара И. Заковоротного** и начальника Особого отдела **П. В. Ватиса**.

После короткого обсуждения положения Ф. Я. Костенко принял решение отвести войска под прикрытием арьергардов на реку Оржица и с этого рубежа организовать прорыв в направлении на Лубны, навстречу наступающему с востока 5-м кавкорпусу генерала Камкова и танковым бригадам 38-й армии. Отдав приказ дивизиям, командарм со своим штабом отправился в городок Оржица, куда стягивались все войска.

Вероятнее всего, что дивизиями прорыва были выбраны 196 сд и 116 сд, а в арьергарде должны были быть 159-я сд и 264-я сд.

Войска двумя колоннами, прикрыв отход арьергардом, выступили на восток, из района южнее Киева в сторону Лубен, обозначив промежуточным рубежом и местом встречи колонн городок Оржица на реке с тем же названием. Армия, отбиваясь от врага, который наседал, начала упорно продвигаться в район Оржицы, к месту слияния рек Оржица и Сула.

Понятие «двумя колоннами» достаточно относительное. Имеются ввиду, вероятнее всего, два основных направления, по которым должны были двигаться войска (авт.).

Из доклада начальника штаба главного командования Юго-Западного направления оперативному управлению Генерального штаба об оперативной обстановке на фронте на направлении (18 сентября 1941г):

«Прошу вас доложить т. Василевскому, что сегодня от Кирпоноса прилетел на самолете **полковник Рязанов**. На карте полковник изобразил примерно следующее:

Противник проник в районы следующих пунктов: Лубны, Лазорки (20 км к северо-западу от Лубен), Яблонево (30 км к юго-западу от Лубен), Бубны (30 км к юго-западу от Лубен), Башенки (40 км к юго-западу от Лубен), Варва (50 км северо-запад от Лубен), Грабаровка (20 км к юго-западу от Пирятина), Бубновщина (25 км к юго-западу от Пирятина), Крячковка (15 км к юго-западу от Пирятина).

По докладу полковника Рязанова кольцо вокруг Пирятина сжимается быстрым темпом и, якобы, когда он летел в 4:00 сегодня район, непосредственно прилегающей к Пирятину, обстреливали минометным огнем. Пирятин забит беспорядочными толпами людей.

Далее, по данным Рязанова, противник проник в Прилуки, Пасковщина (30 км к юго-западу от Прилук), Нв. Басань (35 км к юго-западу от Яготина), Бобрик (45 км к северо-во-

стоку на Киев, Яготин).

По словам полковника Рязанова военсовет Юго-Западного фронта организует удар в восточном направлении. У меня все».

В Оржицком котле против 5 советских дивизий (97, 116, 159, 196 и 264 стрелковые) действовали 6,5 немецких (24, 125, 239, 257, 262, 293 пехотные и усиленный полк 25 моторизованной дивизии).

Оржица – большое село, раскинувшееся на берегу реки того же названия. Один берег этой реки, со стороны самого городка, высокий и крутой, а другой, со стороны Лубен – низменный и болотистый. Болота, губительные и непроходимые, особенно во время осенних дождей, простираются далеко на восток, и единственный путь здесь пролегал по гребню широкой и длинной земляной дамбы, построенной как мост через эти болота. Вся масса войск, сдавленных тугой удавкой вражеского окружения, со своим транспортом и техникой устремилась сюда, на дамбу, надеясь вырваться из кольца, но путь этот практически был уже закрыт.

Вспомним, что еще в 11—00 17.09.1941 года передовые отряды 16 тд вермахта достигли с. Оржица со стороны Лубен и захватили село Онишки и заблокировали выход из плотины (авт).

Село Оржица, с военной точки зрения, – подлая ловушка. При удачной ситуации наступающая сторона может блокировать в ней отступающие войска противника и, при па-

нике, добиться быстрого и полного их разгрома, но если они сохранят боевой порядок и дисциплину, проявят мужество и стойкость, то могут превратить ее в крепость.

Конфигурация полуострова, на котором выросло село Оржица, напоминает кувшин, суженый посередине. В расширенной части, которая упирается в русло р. Оржицы – большое количество улиц и переулков, в центре – небольшой парк, от него на юг тянется главная улица, которая заканчивается площадью с прудом.

В разных ситуациях Оржица, для загнанных в нее войск, может стать или ловушкой, или болотно – степной крепостью, где гарнизон будет биться до последнего. Права степная улица и Черкасская дорога – входные ворота в эту крепость, а дорога на северо-восток, в Лубны, с небольшим деревянным мостом через р. Оржица с высокой дамбой – единственные выходные ворота.

В достаточной ли степени Оржица и прилегающие населенные пункты были подготовлены к возможной обороне? Рассматривался ли вообще вариант возможности ведения боевых действий в черте города? (авт.)

Как вспоминает полковник Советской Армии **П. Я. Верпета** (уроженец одного из близлежащих к Оржице сел – Остаповки) о проведенных для обороны Оржицы и ее региона подготовительных работах:

«Оборудование укреплений. Противотанковый ров отры-

ли. Но где? Для чего он там нужен? Поясняю. Река Оржица течет с запада на восток. По обоим берегам болотистая и непроходимая местность шириной от 500 до 1000 м. Наше (где жил) с. Остаповка, дальше на запад села Золотухи, Денисовка и т.д., расположенные севернее реки и болот естественно. Наступление немцев ожидалось, конечно же, с запада. Или если обойдут, то к нам они придут с севера или востока. Исходя из этого, ров противотанковый необходимо было отрыть от болота к северу. Собственно для подобного решения слишком больших военных знаний и не нужно. И так все очевидно. И, тем не менее, отрыли в с. Золотухи и в пгт. Оржица (то есть с запада на восток) вдоль болота».

Маленький украинский городок до отказа был забит машинами и обозами. Приказав небольшому отряду И. Алексева (направлен в 26 А командованием Юго-Западного фронта, бывший командир 6 ск) прикрыть город, командующий приступил к созданию ударной группировки. Сделать это без средств связи было трудным делом. К тому же надо было постоянно заботиться об открытых флангах армии, на которые с севера давили войска Гудериана, а с юга – части 17-й немецкой армии.

Кто такой генерал-майор И. И. Алексеев? Почему именно ему доверено организовать оборону города Оржица? Какие силы и средства для выполнения этого приказа он имел? В доступных источниках информации мало (известно о 94 пограничном отряде, 6 пол-

ке НКВД, стрелковом полке (каком?), но какая численность неизвестно, тем более, что стрелковый полк в Лубны так и не добрался). Дальнейшие события укажут на то, что выбор Ф. Я. Костенко был, мягко говоря, не очень удачным (авт.).

Когда началась война, командир 6-го ск генерал И.И.Алексеев боевыми действиями не руководил, так как находился в госпитале по болезни в г. Харькове. В официальных источниках о нем говорится следующее:

«После выздоровления с 15 по 18 сентября командовал Лубенской оперативной группой Юго-Западного фронта.

«Командуя Лубенской оперативной группой, – писал в своей автобиографии в декабре 1952 генерал-майор И. И. Алексеев, – с 18 сентября по 1 октября 1941 находился в окружении немецких войск в районе г. Лубны. При выходе из окружения попал в плен (переодетый в гражданскую одежду)»

А теперь – данные из рапорта самого генерала Алексеева.

«Главкому Юго-Западного Направления Маршалу Советского Союза тов. Тимошенко.

Р а п о р т. 10 сентября я вернулся из Харьковского военного госпиталя в штаб 6 ск (Песчаное). К моменту моего прибытия должность моя должность (командира 6 ск) была занята генерал-майором Лопатиным.

Через штаб 26 армии мне было приказано генерал-полковником Кирпоносом временно остаться в распоряжении

командующего 26 Армии. 15 сентября распоряжением командующего 26 армии мне приказано принять командование частями Лубенской группировки (94 пограничного отряда, 6 полка НКВД, стрелкового полка) на участке Лукомье – Лубны.

16 сентября мной было организовано оборону по р. Сула, фронтом на восток, а на 17 сентября запланировано наступление с целью выбить противника из Лубен, Лукомье.

17 сентября в 7.00 противник внезапно большими моточастями, танками, атаковал части Лубенской группировки из направлений Лубны и Лукомье, быстро прорвал и пошел в направлении Пирятин и Черевки...

На конец 17 сентября я с оперативной группой оказался окруженным. 17, 18 и 19 сентября установить связь с частями Лубенской группировки и 26 армией мне не удалось.

В течение 8 – 10 дней пройти на восток через р. Сула и на запад через р. Оржица мне не удалось.

В конце сентября месяца с помощью рыбака – колхозника мне удалось переправиться через р. Сула в районе села Березняки, откуда я отправился на Полтаву – Харьков с целью выйти на свои части. На станции Божково я был задержан немецкой охраной и, как не имеющий документов, отправлен в лагерь военнопленных в г. Полтава, откуда был направлен в такой же лагерь Кременчуг.

В лагере я пробыл до 15 суток. При подходе к Кременчугу я бежал и снова попытался выйти на свои части. Следо-

вал по маршруту Кременчуг, Полтава, Харьков. При второй попытке возвращения к своим частям, мне удалось благополучно дойти до ст. Рыково, пройти артиллерийские позиции и боевые порядки немецкой пехоты в районе ст. Новая Бавария и выйти на боевые порядки 216 сд в районе Холодная Гора.

23 октября во второй половине дня я благополучно вышел на свои части и 26 октября прибыл в штаб Юго-Западного Фронта.

В течение 37 суток я прошел не менее 600 км. пешим порядком, 15 суток находился в исключительно плохих бытовых условиях в лагерях военнопленных, неоднократно был избит при допросах, в результате чего сильно ослаб и потерял значительную часть своего здоровья.

Когда возможно, то прошу лично меня принять и предоставить мне соответствующее лечение и отдых для восстановления сил и здоровья с тем, чтобы в дальнейшем мог принести на службе пользу Армии и нашей Родины.

Бывший командир 6 СК Генерал-майор Алексеев. 27 октября 1941 г.».

А теперь вопрос, так был ли генерал Алексеев в Оржице 18.09.1941 года, где, казалось бы, получил приказ от генерала Ф. Я. Костенко организовать здесь оборону (авт)? Нет, в этот день его там не было. Причем интересная ситуация складывается. Командарм-26 Костенко еще 16 сентября принимает решение о созда-

нии участка обороны в районе г. Лубны и захвате переправ через р. Оржица в Круподеренцах (96-я сд) и в Денисовке (116-я сд). Следовательно пути возможного отхода 26-й армии им просчитывались и риски учитывались, в т.ч. важность Лубенского направления отхода.

Необходимо также учитывать информацию из докладной записки начальника войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта **полковника Рогатина** от 7 октября 1941 года, что —

«во время боя за переправу в с. Сенча активную помощь оказал мне генерал-майор Алексеев».

А о том ли самом генерале Алексееве идет речь?

Для справки – бой за Сенчанскую переправу был 20 сентября 1941 (две атаки, ни одна из которых успехом не увенчалась, после чего подразделение Рогатина отошло в район села Лучки, где и было организовано переправу через р. Сулу, которая действовала 21—22.09.1941 года). А до этого был бой за переправу через реку Многу, еще 19 сентября 1941 года, в котором принимал участие генерал Алексеев.

Из книги **Н. Х. Баграмяна «Так начиналась война»** (о выходе из окружения 19—22.09.41р) узнаем:

«Перед рассветом наш отряд с ходу ворвался в Сенчу в западной части села. Немцев там не было. Но стоило нам приблизиться к мосту, как с того берега ударил ураганный пулеметный и артиллерийско-минометный огонь. Пришлось за-

лечь. Советуюсь с Алексеевым и Рогатиным. Решаем атаковать. Надо захватить переправу и все село, и удерживать их до прихода колонны штаба фронта. Огонь не утихает, но бойцы по моей команде поднимаются, вбегают на мост. В это время появились немецкие танки. Стреляя из пушек и пулеметов, они бросились на наш берег. А у нас не было даже бутылок с горючей смесью. Пришлось оставить село. Стало ясно, что нам его не взять. Попробуем обойти.

Разбиваем отряд на две части. Генерал Алексеев повел свою группу на север, а я – на юг, к небольшой деревни Лучки. Обе группы подготовят подручные средства для переправы, и до утра будут ждать подхода колонны штаба».

Если речь идет об одном и том же генерале И. И. Алексееве, то сможет ли он потом, как свидетельствует большинство источников, организовывать оборону Оржицы? Конечно – не сможет. Он получил приказ от Ф. Я. Костенко не 18.09., а 16.09.1941 года, а организация обороны Оржицы свелась к неудачному наступлению на Лубны, захваченные 16 тд генерала Хубе, с последующим рассеиванием т.н. «Лубенской группировки», или «небольшого отряда» генерала Алескеева (авт).

Пограничники выходили из окружения несколькими группами, причем одна из них – действительно оказалась в Оржице, где взяла под охрану штаб 26 армии.

Но вот вопрос, были ли это пограничники, прорвав-

шиеся из-под Лубен, или это часть 94-го пограничного полка, которая находилась в Драбове и потом отошла к Оржице, либо вообще отдельное подразделение, постоянно охраняющее штаб?

Пути отступления 26-й армии были отрезаны врагом по р. Оржица, начались жестокие оборонительные бои в окружении в прямоугольнике на территории Оржицкого района. Не хватало боеприпасов и горючего, тылы были обременены ранеными.

На противоположном берегу реки Оржица немцы рыли траншеи и закапывали в землю танки и бронемашину: они готовились к будущему прорыву советских войск.

Причем, как мы понимаем, делают они это уже на протяжении суток.

Как вспоминала **Колесник Галина Васильевна**, что в сентябре 1941 года жила с семьей в с. Онишки, а было ей тогда восемь лет – их маму отвезли за город Драбов копать окопы; они с братом остались в доме одни, да и в селе родственников у них не было. А тут началось что-то страшное, кругом все грохочет, горит. Грохот подбирается все ближе и ближе к их дому. Слышат, на их дворе, шум, чирканье какое-то, а не слова. Речь не их. Брат говорит, это немцы. Вдруг ломятся в двери, бьют в них. Выбили, ввалились в комнату, где сидели дети. Кричат по-своему: «Киндык, киндык». Схватили их за шкуру и выбросили из дома. Видят, на их дворе полно машин и танков. Их дом сто-

ял крайний на холме, и они (немцы) чуть не к порогу приволокли пушки с длинными стволами, установили их у входа и направили прямо на город Оржицу.

Дети спрятались у какого-то дедушки через дом от своего в погребе, где уже внизу было полно детей и стариков, друна друге сидели. Только залезли в погреб, как началось. Трещит, гремит, сверкает. Страшно стало. Это немцы стреляли по Оржице, а из Оржицы наши палили по немцам.

Оказалось, немцы захватили Оржицу в кольцо, а в село Онишки (немцы) заехали, чтобы выйти навстречу нашим войскам. Здесь проходила магистраль, а рядом протекала река с болотами. Никуда нашим солдатам деваться, только идти по магистрали. Оржица горела. Над рекой и в болоте, лежали горы машин, танков, лошадей и людей. Люди тонули в трясине, кричали, звали: «Братья, сестры! Помогите!». Да, сколько дней не помнит, они находились.

Получается, что в Онишках были сосредоточены пехотные (79-й пп), танковые и артиллерийские подразделения 16 тд вермахта (авт).

Наталья Павловна Кокошко (Талочка) вспоминает, что на подступах к Оржице их грузовик еще раз чихнул и заглох окончательно. Радиатор был пробит, и двигатель заклинило. Далее пришлось идти пешком. Собственно, дальше ехать было некуда. Повсюду на полях как попало стояли брошенные машины. Люди, в основном военные, шли в ближайший лес.

Бывший военфельдшер 3 дивизиона 707 гап **Самохвалов Василий Григорьевич** вспоминал, что дня за три до взятия его в плен он видел, как в районе с. Оржица стояли два самолета У-2, а около них два генерал-майора с офицерами, под руководством которых уничтожались (сжигались) штабные документы.

Из воспоминаний **Михина Василия Степановича** – в годы войны старшего инженера, инженер-майора батальона аэродромного обслуживания при 649-й подвижной авиаремонтной базе узнаем, что он, в ту пору инженер авиаполка, получил приказ отремонтировать оставленные на аэродроме с. Оржица неисправные самолеты и на них перелететь на восток. С ним было четыре механика и четыре летчика, которые и должны были перегнать отремонтированные ими самолеты. К сожалению, без ремонтных средств они так и не смогли быстро восстановить материальную часть. То, что оказались в кольце, они узнали только тогда, когда немцы стали обстреливать аэродром.

Михин В. С., как старший команды, принял решение сжечь самолеты и идти. С группой восемь человек он пришел в село Оржица, в котором в тот момент было очень большое количество самых разных советских войск.

Вот одно из утверждений о событиях 18 сентября 1941 в Оржице, что переходит из одного источника информации к другому:

«На 18 сентября при поддержке авиации танковый клин

немецких войск прорвал оборону на южной окраине Оржицы. Враг прорвался с Лукомья, выбил красноармейцев с высот в районе Нижнего Иржавца и своевременно достиг р. Оржица в районе с. Остаповки и с. Золотухи. Здесь были разбиты полки 124 стрелковой дивизии. Защитников становилось меньше. Погибли командиры полковник Ф.В.Мальцев, начальник политотдела комиссар Ф.Г.Медведев, начальник штаба подполковник В.И.Угорич, комиссар Чечельницкий, начальник политотдела кавгруппы Герой Советского Союза Т. П. Бумажков (хотя имеющиеся документы упорно свидетельствуют о гибели старшего политрука Бумажкова Т. П. в ноябре 1941 года, причем считается он комиссаром партизанского отряда в Белоруссии) заместитель прокурора армии подполковник Д. П. Лозовой и другие».

Очевидно, что эти командиры погибли в Оржице, ее окрестностях и в пределах Оржицкого района, но в разное время (в пределах 18.09—26.09.1941 года) и в разных местах (авт.).

Относительно 124 сд – из официальных источников известно, что до 8 сентября части 124 сд, отступив за Десну, оборонялись на левом берегу реки, с 9 сентября ведя сдерживающие бои с немецкими войсками, переправились через Десну, отходя по направлению Горбачи (севернее Козелец) – Иржавец (между Козельцом и Нежином). С 13 сентября 124 сд значится уже в составе 31ск 5-й армии, отходит в Нежин.

15 сентября Юго-Западный фронт был окружен. Остатки 5-й армии отошли в Пирятин, а затем в Прилуки где были разгромлены 19—23 сентября, вместе с ними погибла большая часть 124-й стрелковой дивизии. Однако командир дивизии полковник Новиков вместе с остатками части вышел из окружения по маршруту Прилуки-Гадяч-Оболонь.

Кавгруппа (32-я кд, 47-я кд, 43-я кд), к моменту окружения входила в состав 21 армии, причем, части 43-й кд (35, 38 и 40 кавалерийский полк, 31 бронетанковый эскадрон, боевой период 19.7.41—22.5.42, расформирована), имея самостоятельную задачу, находились до 10.09.41 отдельно. 47-я кд – в составе 36-го, 39-го и 41-го кавалерийских полков. По воспоминаниям комиссара группы **Языковича** – «Вышло 600 человек».

В кавгруппу входили кавалерийские дивизии т.н. «легкого типа» численностью 3000 человек каждая (на момент формирования). Их состав и вооружение, боевые возможности: в дивизию «легкого типа» входили 3 полка и эскадрон химзащиты; полк имел 4 сабельных и 1 пулеметный эскадрон, полковую батарею противотанковых орудий – четыре 76 мм и два 45 мм. Причем следует учесть, что дивизии уже понесли значительные потери. Однако, необходимо отметить, что по немецким наблюдениям кавдивизии среди частей Красной Армии 41-го, вместе с пограничниками, выделялись грамотными действиями на поле боя, благодаря хорошей обученности как офицеров, так и солдат.

Из известного нам состав штаба кавгруппы – комиссаром группы был секретарь Полесского обкома партии **т. Якович**; начальником штаба – **подполковник Торгашев**, начальником оперативного отдела – **полковник Ильин**, заместителем начальника оперативного отдела – **майор Андреев**, начальник разведывательного отдела – капитан Щербинка, помощник начальника разведывательного отдела – **капитан Сидоренко**, начальник связи **майор Зарицкий**, заместитель начальника связи капитан Джавагли, начальник шифровального отдела **старший лейтенант Безручко**, начальник административно хозяйственного отдела **старший политрук Борисенко**, комендант – **лейтенант Селеваньев**, порученец – **лейтенант Задера**, лекпом – **военфельдшер Новинский**.

В районе г. Пирятин, с. Майоршина 18.09.41 делегат связи при штабе 21 армии **капитан Ефремов** прибыл из штаба 21 армии с приказом, что группа вышла из подчинения 21 армии и подчиняется непосредственно штабу фронта. Одновременно помощник начальника связи армии передал указание, что частям 21 армии даются указания о движении частей армии через с. Марьяновка на с. Белоусовка и далее на восток с целью выхода из окружения.

Не найдя к ночи 18.09.41 ни штаба фронта, ни штаба армии А. Б. Борисов (на тот момент – командир кавгруппы) решил провести группу по указанному направлению для других частей 21 армии и вывел ее на с. Белоусовка, отбро-

сив с дороги незначительные части автоматчиков, выдвинувшихся из района с. Григоровка.

Не сохранились полные списки личного состава кавалерийских дивизий, участвовавших в рейде по территории Оржицкого района, большинство погибших значатся как павшие безвести, нет мемориала, который увековечивает подвиг храбрых кавалеристов на оржицкой земле, нет в живых и самих участников тех героических событий. Безымянные братские могилы надежно хранят свои секреты, но человеческая память жива.

Мы знаем, что 32-я кд **полковника О. И. Бацкалеви-ча** являлась кадровой и прибыла из Крыма, а 43-я и 47-я кд были сформированы в июле 1941 года на Дону и Кубани. Командиром 43-й кавалерийской дивизии 6 июля был назначен **комбриг Иван Кузьмич Кузьмин**. Начальником штаба – **подполковник Николай Васильевич Чудаков**. Командиром 47-й кавалерийской дивизии с 6 июля по 25 ноября 1941 года был **генерал-майор Андрей Никанорович Сидельников**. Начальником штаба был назначен **подполковник Михаил Федорович Торгашов**.

Комдив Борисов А.Б – человек необычайной храбрости. Почти через год, во время неудачного контрнаступления под Харьковом (1942 г) после контрударов гитлеровцев и окружения войск фронта (350 000 человек) ему, опять командиру кавгруппы, пришлось отходить с боями по вражеским тылам более двухсот километров. Всего из окружения

вышло только 22 000 человек, но в их числе – большое количество кавалеристов Борисова (данные из разных источников различаются, но большинство говорит, что число личного состава выведенного Борисовым из окружения было около 4 тыс. человек). Сам же он, к сожалению, уже у линии фронта был серьезно ранен и после неравного боя вместе с несколькими кавалеристами попал в плен. Уже после войны от одного из них стало известно, что на первом же допросе он гордо сказал:

«Я – еврей, хоть и командую казаками. Плевать я хотел на вас. Жаль только, что не доживу до нашей победы». Его расстреляли тут же.

«Такого бесстрашного и справедливого командира, как Борисов, добавил рассказчик, – я никогда не видел. Помню его до сих пор».

В с. Белоусовке А. Б. Борисов присоединил к себе 43 кд с командиром дивизии **полковником Селюковым** (всего около 300 сабель – из 3-х тысяч, а потери по 47-й и 32-й кд не уточняются), находившуюся там. Здесь кавгруппа вошла в подчинение 26 армии. От Военного совета 26 армии Борисов получил задание защищать с. Белоусовку до выхода стрелковых соединений на исходное положение для прорыва.

Очевидно, что появление кавгруппы было для генерала Ф. Я. Костенка подарком судьбы, как покажет развитие дальнейших событий. Несомненным яв-

ляется и тот факт, что сдерживание кавгруппой противника в с. Белоусовке оттянуло на себя часть сил противника и дало шанс 196 сд продолжить отход, но не помогло 264-й и 159 сд (разгромлены под Кандибовкой) и 116 сд (потеряла значительную часть сил при бесплодных попытках прорваться через реку Оржица в Денисовке, другая ее часть – попала в плен) (авт).

Для справки, состав 264-й сд ((командир дивизии – Бондарь Иван Григорьевич (10.07.1941 – 19.09.1941), полковник):

1056, 1058 и 1060 стрелковый полк,

825 артиллерийский полк,

339 отдельный истребительно-противотанковый дивизион,

584 отдельный зенитный артиллерийский дивизион,

358 разведывательный батальон,

594 саперный батальон,

759 отдельный батальон связи,

343 медико-санитарный батальон,

392 отдельная рота химзащиты,

729 автотранспортный батальон,

385 полевой автохлебозавод,

854 полевая касса Госбанка.

Вот история одного из командиров: Богородицкий

Константин Николаевич 1902 г.р. начальник артиллерии 264 сд (I ф), подполковник. Пропал без вести в сентябре 1941 года. Источник – ЦАМО: ф. 33, оп. 11458, д. 189, л. 9.

Цитата из рассказа Смирнова:

«К счастью, таких тяжелораненых было немного. Среди них особенно выделялся подполковник Константин Николаевич Богородицкий, единственный командир, содержащийся в госпитале легально (госпиталь в Еремеевке). В свое время он наотрез отказался снять гимнастерку со знаками различия подполковника и изменить фамилию. Силину с трудом удалось добиться разрешения немцев, чтобы оставить его на лечение. Они позволили только потому, что знали, как тяжело искалечен этот человек. У Богородицкого была ампутирована правая нога, выбит один глаз, поврежден позвоночник, он испытывал тяжелые физические страдания, но при этом сохранял ясность ума, бодрость духа и удивительную веру в то, что в конце концов враг будет разбит. Гимнастерка его с тремя шпалами на петлицах всегда была на нем или висела на спинке кровати у изголовья. Этот офицер пользовался большим уважением и у раненых и у врачей, сам Силин нередко приходил советоваться к нему, и они подолгу вполголоса разговаривали между собой. Видимо, советы подполковника Богородицкого, старого коммуниста, опытного командира, много повидавшего человека, не раз помогали Силину в его нелегкой работе и ловкой игре с немцами.

Восьмого марта Мария Рубачева и еще одна девушка из села отправились пешком в Кременчуг, собрав кое-какие продукты, – они надеялась повидать Силина и его товарищей. Они отыскиали в лагере знакомого полицая, и тот за бутылку водки сообщил им, что Силин накануне был расстрелян, и показал даже место, где это произошло. Вместе с ним ту же участь разделили врачи Портнов и Геккер, подполковник Константин Богородицкий и многие другие его товарищи. С этими печальными вестями девушки вернулись назад в Еремеевку.»

Командование 196 сд, понимая свое сложное положение, решает найти брод через р. Оржица. В ночь на 18 сентября снаряжается разведывательная группа по 20 человек от каждого полка, в общей сложности 60 отважных, самых опытных бойцов, командование над которыми генерал К. Е. Куликов приказывает взять майору В. М. Шатилову и капитану Трунову (**Трунов Никифор Зиновьевич, в 1903 году рождения, попадет позже в плен, будет освобожден, а погибнет в составе 6 отдельного штурмового батальона 20.02.1944 года**).

После осторожного, почти пятикилометрового марша разведчики выводят группу к броду (маршрут заранее был уточнен благодаря рассказам старого колхозника из с. Савинцы). Река оказалась достаточно глубокой, почти по грудь. Но у брода оказались немецкие бронемашины, что маневрировали, пытаясь отрезать разведгруппу от брода, очевидно,

ждали ее появления, что свидетельствовало о возможности измены.

Группа переправилась обратно, но гитлеровцы пошли в атаку с автоматным огнем. Пришлось открыть огонь и применить гранаты. Отделение из 8 человек во главе с сержантом-разведчиком залегло, а на подступах к ним фашистов, бойцы неожиданно метнули гранаты. На мгновение наступление немцев было остановлено, этого было достаточно, чтобы разведгруппа переправилась обратно через р. Оржица и спустилась в глубокую балку.

Вот отрывок из рассказа **«Война. Украина. Елены Филипенко. Страница Памяти Великой Войны»**, который ярко иллюстрирует эти же события:

«— Леха, дай закурить! – Сапер Степан Курский присел рядом с худошавым связистом Лехой, сматывающим провод.

– А свой чего, выкурил? – Открывая пачку «Беломорканала», спросил Леха.

– Отсырели, – буркнул Степан и, разворачивая протянутую сигарету, добавил. – Целый день брод искали. Намокли насквозь.

– Нашли? – Закуривая и садясь рядом, спросил Леха.

– Да. Из Савинец дед помог. В лесу встретился. Если бы не он, купались бы в холодной воде всю ночь. Говорит: «Да что вы, ребята, там воды – курам по щиколотку», а на середине реки оказалось воды по грудь. Табачок сразу промок. Но самое интересное потом произошло, – жадно делая по-

следную затяжку, продолжил Степан, надеясь «стрельнуть» еще одну сигарету у земляка. Леха заинтересованно посмотрел на рассказчика и вынул сигарету из пачки.

– На, кури.

– Спасибо, брат, – ответил Степан, видя в Лехе отчаянного слушателя.

– Ну? – Земляк выразил нетерпение.

– Так вот, шли мы тише, чем плывет рыба. Вошли в лес. Темень. Здесь месяц выскочил и мы на землю – фрицы на бронемашинах! Предупредил их кто-то о нашей переправе. Обычно ночью эти гады спят.

– Что же получается? Дед сдал?

– Не похоже. У него два сына воюют, старший в Бресте – артиллеристом, младший на Черном море.

– Может, посеCRETничал с кем из местных? – Спросил Леха.

– Может. Кому-то из односельчан рассказал, что солдаты брод ищут. Оборотней хватает. Им Родина – мачеха. За тридцать сребреников готовы перед фрицами ползать.

– С кулаков кто?

– Неважно. Только советским людям бить в спину им не стыдно. Предатели – сузив глаза, сплюнул он. – Максим Горький сказал: «Даже вошь тифозную оскорбляет сравнение с предателем», а этим – трын-трава.

– А дальше что? – Спрашивал Леха.

– Накрыли нас огнем. Вросли мы в землю, а после забро-

сали в ответ гранатами и обратно. Или (нам) не вырваться, – Степан, опустив голову, замолчал.

– Думаешь – не выйдем? А я верю, что прорвемся! С нами генерал Куликов в окружении. Мне боец рассказал, что Константин Ефимович – буденовец, герой Гражданской войны. Храбрости на десятерых хватит, сможет вывести дивизию из кольца! – взорвался Леха, не зная, что генерала Куликова вскоре тяжело ранят. Он попадет в плен и его отправят в финский лагерь для военнопленных, а его шофера расстреляют на месте».

Эти факты полностью отрицают утверждение, встречающееся в ряде источников, что вроде бы 196 сд перешла р. Оржица через брод возле с. Савинцы и продолжила дальше свой путь по выходу из окружения. Да, дивизия перейдет р. Оржица, но это случится значительно позже по времени и ниже по течению, возле села Онишки (авт).

Майор В. М. Шатилов доложил генералу К. Е. Куликову, который находился на окраине с. Прохоровка, о результатах ночной вылазки разведгруппы. Именно это село накануне бомбили шесть «юнкерсов». На предложение прорывать кольцо окружения силами собранных в кулак нескольких дивизий, генерал К. Е. Куликов ответил, что он также такого мнения и попытается убедить в этом командира корпуса генерала А. И. Лопатина.

Машина, на которой К. Е. Куликов вместе с шофером от-

правился в штаб А. И. Лопатина, заехала в деревню занятую немцами. До 50 гитлеровцев, находившихся в селе, устроили настоящую охоту на штабную эмку. Куликов отстреливался из пистолета, был несколько раз ранен, и машина проскочила бы, если бы фашисты не открыли огонь по автомобильным скатам. Они изрешетили покрышки, и машина остановилась. В бессознательном состоянии, истекающего кровью Куликова было взято в плен. Шофера фашисты расстреляли на месте. В дальнейшем Куликов находился в лагере для военнопленных на территории Франции, вел себя как подобает настоящему советскому патриоту, достойно и стойко, ни пытки, ни щедрые обещания не сломили его воли.

Куликов Константин Ефимович (18 мая 1896) Русский. Генерал-майор (1940). Родился в селе Витомово, Тверской губернии в крестьянской семье. После окончания четырехклассной сельской школы работал в хозяйстве отца. В 1914 году призван в русскую армию. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер.

В апреле 1918 года вступил в Красную Армию. До 1920 года участвовал в Гражданской войне в должностях командира взвода, роты, батальона. В 1920—1922 годах служил в должности помощника командира полка. Окончил пехотную школу, до 1927 года служил помощником командира полка по хозяйственной части. В 1928 году окончил Высшие командные курсы

«Выстрел», до 1930 года был помощником командира дивизии. С 1931 года по 1937 год командовал стрелковым полком. 17 февраля 1936 ему было присвоено звание полковника. В 1938 году назначен на должность командира 39-й стрелковой дивизии. 17 февраля 1938 ему было присвоено звание комбрига. Участник боевых действий на озере Хасан. Через некоторое время был арестован, а через год реабилитирован и восстановлен в армии. В 1939 году назначен на должность начальника курсов усовершенствования комсостава в Днепропетровске. 5 июня 1940 ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года назначен командиром 196-й стрелковой дивизии Одесского военного округа.

Несмотря на долгое отсутствие комдива и приказов из штаба корпуса, майор В. М. Шатилов, посоветовавшись со старшим батальонным комиссаром **Чечельницким (Чечельницкий Дмитрий Степанович, 1903 года рождения)**, майором **Карташовым** и полковником **И.И.Самсоновком**, решили предпринять новую попытку прорваться в районе с. Савинцы, рассчитывая на внезапность атаки и собрав все имеющиеся силы в один кулак.

Начальнику строевого отделения штаба капитану **Д. Т. Курбатову** приказано было поставить в строй всех писарей, чертежников, шифровальщиков, подчистить все «писарскую элиту» и тылы и немедленно уничтожить все лиш-

ние бумаги дивизии. За счет нестроевой команды численность стрелковых рот было доведено до 30—40 человек.

Бывший начальник штаба 321 орд лейтенант **Рохманюк Михаил Дмитриевич**, вспоминал, что через неделю (после гибели генерала Кирпоноса) он проходил со своей группой и через Вороньки и через Шумейково. Они попались на «Кременчугскую наживку» и бросились с дивизионом туда, но дальше окраины Золотоноши не прошли, а потому оказались в отрыве от своей 21-армии, в Оржице с 26 армией, вернулись назад (от) Золотоноши на север и, где-то между Драбов-Савинцы, они оказались в расположении штаба 26 армии, с которой и пытались пробиться на восток. Вечером 18 сентября они пришли в Оржицу.

Вспоминает бывший врач ппм 707 гап **Рождественский Орест Георгиевич**, что после Золотоноши их полк стали преследовать танковые десанты врага, и они медленно, но верно отходили в «котел» в городок Оржица на болотистой реке.

Мелихова Надежда Ивановна, вспоминала, что она в сентябре 1941 г. работала в Оржицкой больнице, там же работала врач **Белла (Юльевна)**, а 18.9.1941г. был сильный обстрел больницы. Белла находилась в операционной у окна, когда она после очередного взрыва услышала крик: «Беллу убили!». В этот день убили несколько человек, в т.ч. командира эскадрильи, который отвечал за эвакуацию раненых (фамилию не помнит). Надежда Ивановна видела, как

их похоронили прямо возле больницы.

В больнице тогда еще работали врачи **Иванова Анна Ивановна** (возможно, она себя так только назвала), **Голубятникова Надежда Илларионовна**, хирург **Вознесенский, Озеров, Поленцов**. Через 4 дня вошли немцы, и они не знали, что с ними дальше будет. Друг (фамилия неизвестна) мужа Беллы Юльевны встретил ее мужа после войны (где?) и подтвердил ему, что он видел Беллу в той больнице в Оржице.

48-му танковому корпусу вермахта досталось на участке Хорол – Лубны значительное количество трофейного имущества в виде автомобилей и ГСМ.

А что же в это время предпринимали немцы?

Части 125-й пехотной дивизии XI армейского корпуса 17-й немецкой армии продолжили переправу через р. Сула у с. Липовое. Здесь находился поврежденный деревянный мост и построенный саперами 1-й роты 125-го саперного батальона 4-тонный наплавной мост. К этому времени 419-й полк и 4-й дивизион 125-го артполка сосредоточились в районе с. Демьяновка – Ивановка, 420-й полк достиг с. Степановка, 421-й полк после ночного марша остановился на отдых у с. Демьяновка – Погребняки. К 11.30 на противоположный берег перебрались 1-й и 2-й батальоны 419-го полка и 2-й дивизион 125-го артполка.

В 14.30 состоялся разговор по радио между командиром 125-й пехотной дивизии и штабом XI корпуса. Оттуда сооб-

щили, что «русские отходят», поэтому от соединения требовали продолжать движение вперед с максимально возможной скоростью, невзирая на положение соседей. Немедленно был вызван командир противотанкового дивизиона, который получил приказ выдвинуться из с. Оболонь в голову дивизионных колонн.

Почти одновременно передовые части 419-го полка на рубеже Большая Буромка наткнулись на советские войска, о чем немедленно доложили в штаб дивизии. Немцы вступили в бой, и уже к вечеру 2-й батальон занял северную окраину села. Однако соседние 1-й и 3-й батальоны были вынуждены остановиться в 600 м от окраины соседнего с. Малая Буромка, не имея сил продвинуться вперед.

К исходу дня 2-й батальон сломил сопротивление оборонявшихся советских частей и занял Большую Буромку и выс. 121, 0, однако Малая Буромка оставалась вне досягаемости. По докладам разведки, там закрепилась какая-то крупная войсковая часть (**судя по всему – одно из подразделений 212-й стрелковой дивизии, которая отступала на Оржицу двумя маршрутами, один из которых – через Еремеевку, Жовнино і верху по Суле через Большую и Малую Буромку, причем прорваться из вражеского окружения большинству воинов не удалось**). За день немцы в плен взяли 125 красноармейцев.

На следующий день командир 125-й дивизии запланировал продолжение наступления в северо-западном направле-

нии в сторону с. Крестителево.

Свое наступление продолжила 239-я дивизия, занимавшее центральное положение в боевых порядках XI корпуса. Ее артиллерийская поддержка с утра 18 сентября существенно сократилась в связи с убытием штаба и двух дивизионов 125-го артполка, которые вернулись в родное соединение. Теперь остались только три легких дивизиона и 6-я батарея 100-мм орудий 52-го артполка. Остальные орудия все еще находились на восточном берегу р. Сула и оттуда были не в состоянии поддерживать наступление. В течение дня эту артиллерию удалось перевезти через реку в полосе 257-й дивизии в районе с. Галицкое.

Начавшееся наступление развивалось вполне успешно, почти не встречая перед собой сопротивления, немецкие батальоны быстро продвигались вперед.

Первые серьезные боестолкновения начались уже после полудня. Солдаты 327-го полка, получив приказ перехватить дорогу с. Павленковий – Орласс, попали под фланговый обстрел со стороны с. Старый Коврай. Разведка установила, что там закрепилось значительное количество красноармейцев. Село находилось в разграничительных линиях 257-й пехотной дивизии, но ее батальоны увязли в боях за с. Первомайское и прийти на помощь никак не могли. Тогда своим решением командир 239-й дивизии передвинул разграничительные линии влево и приказал 327-му полку взять с. Старый Коврай. Тем временем к линии фронта выдвигался 444-

й полк, в голове которого следовал 3-й батальон. Ему поручалось обеспечение левого фланга и стыка с солдатами генерала Х. фон Теттау.

Вполне успешно первое время продвигались солдаты 372-го полка. Первые очаги сопротивления они встретили также около полудня. Их или успешно подавляли, или обходили стороной. В результате ось движения полка сместилась влево и вошла в разграничительные линии соседей. Неудачи преследовали конную разведку полка. Один из ее взводов попал в засаду и потерял восемь человек ранеными, несколько лошадей и две повозки с пулеметами.

Около полудня командир 239-й дивизии сформировал передовой отряд, в который вошли разведывательный эскадрон, 14-я пехотная и самокатная рота 444-го полка, взвод станковых пулеметов и батарея 100-мм орудий 2-го дивизиона 52-го артполка под общим командованием командира 2-го дивизиона 53-го артполка майора Райфенштуля. В качестве первоначальной задачи перед ним поставили захват с. Лукашевка.

Около 15.00 полки вышли к дороге, соединявшей между собой с. Большая Буромка и Старый Коврай. На этот момент у командования XI корпуса сложилось следующее представление о положении.

Немецкие войска, действуя с северного направления и достигнув Переяслава, глубоко охватили советские войска.

Танковые части вышли к г. Прилуки и Пирятин и теперь

отражали первые попытки прорыва из образовавшегося котла.

К долине р. Оржица 19 сентября с юго-западного направления должны будут подойти передовые части 25-й моторизованной дивизии. Тем самым советские войска раздроблены на несколько малых очагов сопротивления, которые в ближайшее время подлежат уничтожению.

Нельзя исключать, что какие-то силы окруженных попытаются прорваться в полосе XI корпуса, и к этому следует готовиться. Тем не менее перед дивизиями стоят не оборонительные, а наступательные задачи. Минимальной целью для 18 сентября остается выход к дороге с. Крестителево – Чернобай, оптимальной – достижение с. Богодуховка.

К исходу дня полки 239-й дивизии достигли линии с. Лукашевка – Григорьевка – Павленковий. Далее всех прорвался 327-й полк, но из-за опасений перед возможными контратаками советских войск он остановился. Левофланговая 24-я дивизия взяла штурмом с. Старый Коврай, но к вечеру все еще отставала более чем на 4 км, поэтому левый фланг по-прежнему открыт.

Передовой отряд взял с. Лукашевка и, не встретив перед собой противника, продвинулся до с. Бакаево, где остановился. Командир XI корпуса приказал прекратить наступление и закрепиться.

От передовых частей поступили доклады, что по дорогам северо-западнее с. Павленковий двигаются многочисленные

колонны, в которых следуют пехота, артиллерия и танки. Командир 239-й дивизии решил обстрелять их и направил к передовой батарею противотанковых орудий. Однако из этой затеи ничего не вышло. Когда батарея попробовала перебраться через заболоченное русло ручья в с. Павленковый, ехавший впереди грузовик подорвался на mine, и дальнейшее движение пришлось остановить. Для остальной артиллерии, уходившие на восток колонны находились вне пределов досягаемости.

К вечеру в распоряжении 239-й дивизии остались две 100-мм батареи (из них одна из 2-го дивизиона 53-го артполка) и две батареи тяжелых полевых гаубиц.

Как и остальные соединения корпуса, 257-я дивизия выступила в 10.00. Почти не встречая перед собой сопротивления, она продвигалась к намеченной в приказе цели и к 15.00 достигла перекрестка в 3 км восточнее с. Первомайское и хуторов в 2,5 км от него. В конце дня и вплоть до наступления сумерек солдаты соединения занимались зачистками сел Старый Коврай и Первомайское, а также местности южнее от них.

Несколько ранее остальных – в 9.00, – начала свое наступление 24-я пехотная дивизия. Через час закончилось возведение военного моста у с. Маляновка, что дало возможность сравнительно быстро перебросить на западный берег р. Сула основные силы соединения.

Вскоре после 14.00 командир ее передового 32-го полка

доложил, что его солдаты вышли к выс. 131,0 в 5 км северо-западнее с. Еремеевка. Советские войска сопротивления не оказывают и отходят в северном направлении.

Тем временем левофланговый 31-й полк выдвинулся к долине р. Днепр, в 15.00 его батальоны подошли к восточной окраине с. Еремеевка. Никаких крупных частей советских войск здесь не оказалось, и остаток дня немецкие солдаты провели в зачистках прибрежной местности, зарослей и деревень от отставших от своих частей красноармейцев.

Вечером 32-й полк достиг восточной окраины с. Коврай, передовые части 31-го – западной окраины с. Васелинцы.

Приданную корпусу 297-ю дивизию генерал Закс намеревался перебросить у г. Черкассы через Днепр и создать на противоположном берегу небольшой плацдарм, как только левый фланг выйдет к с. Митики.

Прибывший к вечеру новый командир корпуса генерал от инфантерии Кох, прежде командовавший XXXXIV корпусом, согласился с принятым решением. Генерал Закс вернулся в свою дивизию на прежнюю должность.

Оценивая итоги дня, командир XI корпуса с удовлетворением констатировал, что все его три дивизии достаточно глубоко продвинулись вперед, резко сузив границы окружения. К исходу 18 сентября сложились вполне благоприятные предпосылки для продолжения наступления.

В качестве цели следующего дня предполагался выход к руслу р. Крапивна по обе стороны от с. Синеоковка. В каче-

стве усиления командование 1-й танковой группы с 19 сентября придавало 110-е артиллерийское командование. Немцы с удовлетворением отмечали, что в течение всего дня советская авиация в полосе наступления войск корпуса ни разу не появилась.

Ф. Гальдер записал в своем дневнике:

«Обстановка вечером: в районе к югу от Днепра наши части успешно продвигаются на восток. 17-я армия под Полтавой. Южнее города войска успешно наступают. Натиск противника возле Киева продолжается. Видимо, Сталин отдал приказ стянуть в Киев все силы, чтобы удержать город. Кажется, у противника большая путаница. Наблюдаются лишь разрозненные попытки прорваться в северо-восточном направлении. Россияне по нескольким дорогам подводят свои войска от Харькова на Ромны. Первые атаки противника с востока у Ромен отражены».

19 СЕНТЯБРЯ

Свой уход от Днепра 26 А в составе остатков пяти стрелковых дивизий начала 19 сентября, выдвинув вперед отряд под командой генерал-майора Усенко (часть сил 289 сд и других сд) с задачей захватить переправы через реку Сула и реку Удай на фронте Оболонь, Лубны, Пирятин.

«Пробиваемся в общем направлении Лубны, Миргород», – так формулировался общий замысел ухода в донесении командарма-26 генерала Ф. Я. Костенко от 19.09 на имя начальника Генштаба.

Сжата с юга четырьмя немецкими дивизиями (125, 239, 257 и 24) из состава группы Э. фон Клейста и с севера тремя немецкими дивизиями, 26-я армия, отбиваясь от противника, который наседал, настойчиво продвигалась на восток в район городка Оржицы, место слияния рек Оржица и Сула, где уже были развернуты немецкие части 16 тд ГА «Юг», которая, пользуясь отвлечением советских войск для контр-удара по Кременчугско-Дериевскому плацдарму, почти беспрепятственно прошла от Кременчуга до Лубен, где объединилась с 3-й тд и 25 мд вермахта.

В Драбове был построен специальный аэродром, куда могли прибыть самолеты, чтобы вывезти тяжелораненых. В тот же день заместитель командующего по тылу 26-й армии энергичный генерал-майор И. И. Трутко просил подбросить по воздуху в район Драбов автобензина и снарядов и отправить санитарные самолеты для эвакуации раненых. Наверное, штабарму-26 не было известно, что в этот район с севера уже подходили три немецкие дивизии (СС «Рейх», 134-я и 72-я). Характерно, что генерал И. И. Трутко успел телеграммой предупредить об этом авиацию. Самолеты все же вылетали, но, не имея соответствующих сигналов, сесть не могли.

Трутко Иван Иванович – советский военачальник белорусского происхождения, генерал-майор с 1940 года, заместитель командующего по тылу 26 армии Юго-Западного фронта. В 1941 году во время выхода из окружения, в кото-

рое попали войска Юго-Западного фронта в результате битвы за Киев, немногочисленная группа военных, в которую входил и генерал И. И. Трутко, наткнулась у села Бодаква на немецкий патруль. Во время перестрелки генерал был ранен. Местные жители подобрали генерала, но спасти его не удалось. Генерал, вместе с другими воинами, был похоронен в Бодакве в братской могиле. Школа Бодаквы носит имя И. И. Трутка с 1965 года.

Из других источников известно, что уже к концу дня 18 сентября противник подошел к аэродрому Драбова на близкое расстояние, почти вплотную, что дало основание начальнику штаба ВВС ЮЗФ генерал-майору авиации Шкуруину приказать 43 ап отходить на аэродром Полтавы, а в случае неясной обстановки – на запасные аэродромы Парасковиевка, Красноград и Кочубеевка. Вечером 18 сентября часть полка на самолетах И-16 взяла курс на Полтаву.

В районе с. Савинцы батальоны 196 сд продолжали безуспешные атаки, пытаясь завладеть мостом через реку Оржица.

196 сд утром снова атаковала с. Савинцы. В первых рядах атакующих шли роты полка майора Якова Борисовича Группана (подполковник Группан пропадет без вести в августе 1942 года), человека интеллигентной внешности, но большого личного мужества. Преодолевая упорное сопротивление, солдаты ворвались в с. Савинцы и снова завладели мостом, но удержать его не смогли. Опять появилась авиация и нача-

ла бомбить с. Савинцы, разрушая его остатки и сжигая уцелевшие дома. Одновременно возобновился артиллерийский обстрел подтянутыми к селу механизированными и танковыми подразделениями. Воины 196 сд снова отступили.

Но не пошли вперед и немцы. Солдаты 16-го разведывательного батальона немецкой 16-й танковой дивизии удержали с. Савинцы, не допустив прорыва на своем участке.

Отрывок из «Война. Украина. Елены Филипенко. Страница Памяти Великой Войны»:

«... Еще встретил Якова Группана. Мы вместе в прошлом году на курсах были. Помнишь, я тебе рассказывал о настоящем интеллигенте? Он – майор. С ним всегда приятно общаться – говорит спокойно, голоса не повысит, но его приказы выполняются мгновенно. Очень смелый и умный командир. Его уважают и командиры, и бойцы. Яков всегда в боевых порядках со своими солдатами. В Савинцах его бойцы отважно захватили мост, несмотря на яростное сопротивление противника, и только длительная бомбардировка „юнкерсов“ отбросила их на прежние позиции. Мы снова отступаем и это сильно беспокоит. Только мысли о тебе, моя родная и Лидочке, не дают окончательно пасть духом...».

С согласия **комиссара Дмитрия Степановича Чечельницкого**, ввиду отсутствия комдива, майор В. М. Шатилов принял на себя командование 196 сд.

Все попытки 196 сд прорваться через вражеское кольцо закончились неудачно. Противник был начеку и, как толь-

ко начиналась атака, перебрасывал к месту предполагаемого прорыва подвижные, механизированные подразделения, танки и создавал многократное преимущество в людях, а главное – в технике. В воздухе появилась авиация гитлеровцев. В таких условиях продолжать лихорадочные попытки пробиться в открытом бою означало погубить остатки дивизии.

На совещании В. М. Шатилова, Д. С. Чечельницкого и И. И. Самсоненка было решено скрыть дивизию в лесу в районе с. Пирятино, дать людям отдохнуть, собраться с силами, организовать интенсивную разведку и найти во враждебном кольце брешь. Комиссар Д. С. Чечельницкий был уверен, что нет у фашистов сил, чтобы всюду плотно держать кольцо окружения.

Попытка В. М. Шатилова и Трунова проехать днем на «эмке» в пирятинский лес была неудачная, они попали под пулеметный обстрел с «Юнкерса».

Перед поездкой В. М. Шатилова в штаб армии было решено отвести дивизию от реки Оржица, сосредоточиться в перелесках западнее села Круподеренцы, где и готовиться к маршу, направление которого части получают дополнительно. Отвод планировалось, по возможности, провести незаметно для противника, для обозначения переднего края оставить минимальное количество людей, по отделению от полка.

КП 26-й армии находился в селе Байковщина, пример-

но в 20 километрах от с. Савинцы. По прибытии на КП В. М. Шатилов доложил И. С. Варенникову (начальнику штаба 26-й А) о неудачных попытках прорвать кольцо окружения, о решении сосредоточить подразделения дивизии под с. Круподеренцы, о том, что генерал К. Е. Куликов не появлялся и поэтому он временно вступил в должность командира дивизии.

От И. С. Варенникова он получил приказ командарма о прорыве вражеского кольца и был направлен к командиру 6 ск А. И. Лопатину, который должен был поставить дивизии задачу.

В. М. Шатилову пришлось несколько задержаться, так как село Байковщину с двух сторон атаковал противник. Бронедивизион и кавалеристы вместе со стрелками контратаковали, отбросили фашистов и восстановили положение, дорога на КП 6-го стрелкового корпуса была свободна, и можно было отправляться в дорогу к генералу А. И. Лопатину, штаб которого расположился в том же селе, только на другом его конце, в здании школы.

Возможно, что кавалеристы, контратаковавшие немцев в Байковщине, принадлежали к остаткам 37-й кд (авт.).

Отрывок из «Война. Украина. Елены Филипенко. Страница Памяти Великой Войны»:

«Полковники Варенников и Швыдкой только вышли из дома и тут же попали под обстрел. Шквал пуль просвистел

мимо ушей и врзался в стену, осыпал волосы известью. Заскочил в дом адъютант Варенникова, сообразительный малый, доложил, что немцы атаквали село с двух сторон.

– Немедленно провести контратаку и восстановить положение! – Приказал Варенников. Ни один мускул не дрогнул на лице полковника. Врага отбросили наши броневики и кавалерия, освободив дорогу на КП 6-го стрелкового корпуса. Нужно было спешить в штаб генерала Лопатина, организованный в школе на другом конце села. Школа встретила командиров необычной тишиной. Без детских голосов в ней было неуютно. Тем неприятнее слышалась Лопатинская брань. В одном из классов он громко отчитывал командира автороты, что застопорились на мосту. Спровоцированной пробкой воспользовалась вражеская авиация. «Юнкерсы» забросали (бомбами) нашу отходящую колонну. Погибло много бойцов и разбило технику».

Генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко приказывал собрать силы корпуса в кулак и ударить по противнику. Но как их соберешь, те силы, когда нет устойчивой связи, когда снабжение войск нарушено, нет боеприпасов, горючего, да и вообще время уже безнадежно потеряно. Это надо было сделать максимум 16 сентября, когда кольцо только что сомкнулось, а противник не успел подтянуть резервы. Теперь же усилия целесообразнее направить не на попытки собрать корпус, а на то, чтобы попытаться найти в кольце окружения слабинку и выскакать из котла подивизионно.

Генерал Антон Иванович Лопатин рассказал, что в направлении села Денисовка и далее на город Лубны пробивается 116-я сд. Он приказал связаться с ее командованием и вместе пробиваться, показывая будущий путь 196 сд на карте и обещая, что до подхода 196 сд командир 116-й сд организует переправу через р. Оржица. А.И Лопатин, ничего не скрывая, ввел В. М. Шатилова в обстановку, которая сложилась на Юго-Западном фронте.

Оказалось, что 26 армия была отрезана от трех других армий, находившихся в кольце, не было у нее и связи со штабом фронта.

От генерала А. И. Лопатина путь В. М. Шатилова через с. Байковщину лежал в с. Круподеренцы, куда И. И. Самсоненко должен был отвести 196 сд.

В Байковщине В. М. Шатилов с шофером и двумя сопровождающими автоматчиками попали в ситуацию, аналогичную той, в которой оказался генерал К. Е. Куликов. В те дни в расположение советских войск часто просачивались вражеские разведывательные подразделения. Наверное, одно из этих подразделений просочилось в с. Байковщину. Гитлеровцы, вполне вероятно, пронюхали, что здесь находится КП 26-й армии, и решили во что бы то ни стало захватить или уничтожить ее руководящий состав. Час назад конники и бронедивизион выбили фашистов из деревни, но остатки этого подразделения рассыпались в его окрестностях. И вот когда машина В. Т. Шатилова на большой скоро-

сти влетела в село, человек пятнадцать гитлеровцев выскочили из кустов и давай поливать из автоматов. Шофер Казаков (очевидно, что речь идет о **Казакове Иване Сергеевиче**, 1918 года рождения, официально – такого, что пропал без вести) нажимал на газ, другие, схватив автоматы, открыли ответную стрельбу, им удалось проскочить и не попасть в лапы фашистов. Здесь уже помог случай и... пыль.

Вернувшись на КП дивизии, В. М. Шатилов ознакомил с содержанием боевого приказа командира корпуса комиссара и начальника артиллерии, после чего они начали подготовку марша в с. Денисовка на соединение со 116-й сд.

В Оржице была создана комендатура гарнизона, командование стремилось навести порядок, сюда сунула лавина тыловиков, так что двигаться боевым частям было очень трудно. На дорогах везде были пробки. Центральная часть Оржицы была заполнена полуторками, телегами, брошенным оружием, санитарными машинами, мотоциклами и другой техникой.

В районной больнице Оржицы расположился военный госпиталь. Медперсонала не хватало, а потому привлекали и местных медиков.

Так, **Мелихова Надежда** работала хирургической медсестрой и спасла жизнь не одному воину. Палат не хватало, а потому на территории больницы были поставлены палатки битком набитые ранеными. Военные хирурги работали днем и ночью.

Изучение судьбы большого количества медицинских подразделений, попавших в Оржицкий котел, отдельный вопрос, требующий детального анализа, свидетельства о некоторых из них приводятся и в данной работе.

Михин В. С. о своей явке (в Оржицу) доложил генерал-майору Смирнову, (Смирнов Андрей Николаевич – генерал-майор, 1899 г.р., с 02.09.1941 командовал 27-м стрелковым корпусом, погиб в окружении под Киевом в конце сентября 1941 года), который приказал ему сформировать роту и командовать ею, что и было им сделано. Люди были собраны из всех родов войск. Ему (В. С. Михину) было приказано наступать левым флангом от Оржицы. Это было первое его крещение в бою с немецкими оккупантами.

Относительно генерала И. И. Алексеева, из докладной И. Х. Баграмяна, о событиях 19.09.1941 года:

«... к моему выходу на высоты генерал-майор Алексеев (Иван Иванович, командир 6 СК – прим.) по собственной инициативе остановил убегающую толпу красноармейцев и, возглавив их, повел в наступление. Моя рота смешалась с отрядом т. Алексеева, и мы с ним быстро переправились через разрушенную переправу у с. Мелехи на северо-восточный берег р. Многа. С момента смешивания роты с неорганизованной массой бойцов я окончательно потерял управление ротой. После приведения в относительный порядок бой-

цов, вышедших в район с. Мелехи, мы продолжали движение к н. п. Сенча».

Сами немцы свое положение в ходе атак 19 сентября оценивали как критическое. Немецкая разведка выявила большие скопления советских войск возле с. Круподеренцы и у с. Денисовки. Отсюда можно было ожидать попытки прорыва, но 19 сентября они произошли на другом участке.

Особенно трудно пришлось пехотинцам 1-го батальона 64-го полка, оборонявшимся на линии сел Филипповичи – Белоусовка. Атаки окруженцев им пришлось отбивать не только огнем стрелкового оружия, но, когда боеприпасы подошли к концу, и «саперными лопатками и прикладами».

Несколько раз им пришлось отбивать удары конницы, скорее всего, из состава кавгруппы Борисова. Положение спасли вовремя подоспевшие авангарды 45-й и 293-й пехотных дивизий. С их помощью удалось не только удержать занимаемые позиции, но и перейти в контратаку.

В течение 18–19 сентября в основном сформировалось кольцо окружения. Оно имело овальную форму с поперечником примерно в 30 километров: на северо-западе – до с. Красеновка, на западе – до с. Чернобай, на юго-западе – до с. Иркиев, на юге – до с. Большая Буромка.

В разгар боев к с. Денисовка подошла колонна 209-го корпусного артполка. Его командир **подполковник Д. К. Бурков** отправился в село, где разместился штаб 116-й дивизии, разыскал ее командира и доложил о прибытии. От него впер-

вые узнали об окружении. Командир дивизии подчинил себе артполк, «обрадовав» напоследок: если сегодня не прорвемся, то положение станет безнадежным.

К вечеру подполковник Д. К. Бурков, впервые с начала войны оказавшийся в таком пекле, вдоволь насмотрелся на бесплодные атаки на немецкую оборону. Для себя он сделал вывод, что прорваться у с. Денисовка невозможно и надо искать другие, более уязвимые, участки. В сумерках поступил приказ: полку перейти в с. Оржица и вступить в подчинение командира 6-го корпуса.

В течение суток кавалерийская группа **комбрига А. Б. Борисова** отражала немецкие атаки на с. Белоусовка. По подсчетам ее командира, за полутора суток боев его конники уничтожили до 400 солдат противника и подбили шесть танков. Сами кавалеристы также понесли существенные потери: убитыми и ранеными до 200 человек, в одном из боев получил тяжелое ранение командир 32-й кавдивизии **полковник А. И. Бацкалевич**.

Мисливский Матвей Трофимович, 1907 г.р., красноармеец 40 кп 43 кд – «В бою под селением Белоусовка, когда пулеметчик был ранен, проявил исключительную смелость и храбрость, занял место пулеметчика и в упор расстреливал фашистов, чем самым обратил врага в бегство и вынес с линии боя раненого и пулемет».

С 9.00 утра полки немецкой 125-й дивизии продолжили марш. Около 10.00 передовые части 419-го полка заняли

южную часть с. Малая Буромка, однако дальнейшее продвижение задержалось из-за опасности попасть под удар советских войск, сосредоточенных в лесу севернее с. Большая Буромка.

Сюда около полудня выдвинулся 2-й батальон, усиленный впоследствии 8-й батареей артполка. Только через 50 минут все село было занято немецкими войсками.

Постепенно подтягивалась дивизионная артиллерия: 10-я батарея миновала с. Лащевка, 11-я и 12-я батареи 125-го артполка, а также 2-й дивизион 52-го артполка прибыли в с. Галицкое.

После занятия с. Малая Буромка командир 419-го полка принял решение направить передовой отряд на с. Борисовка, 1-й батальона – на с. Новоселица. Остальные батальоны пока остаются на месте до тех пор, пока не подтянется 421-й полк. Пока поджидали подхода камрадов, опросили несколько местных жителей. Они подтвердили, что много красноармейцев, погрузившись на автомашины, уехали по дороге на с. Крестителево.

Командира 125-й дивизии беспокоил один вопрос. Еще с прошедшего вечера в штабе не имелось никаких сведений. К утру ситуация не изменилась. Поэтому в 11.00 на волне полка отправили радиogramму такого содержания: «В Веселом Подоле противника нет. Малая Буромка взята. Где передовые части?» Через 10 минут оттуда был получен ответ, что все благополучно и полк уверенно продвигается вперед

в соответствии с определенными приказом задачами.

Майору Вальтеру, командиру 420-го полка, передали новое указание – как можно быстрее через с. Новоселица занять мост у изгиба дороги юго-восточнее с. Богодуховка.

В 15.45 солдаты 1-го батальона 419-го полка взяли с. Новоселица, в то время как передовой отряд этой части ворвался на южную окраину с. Крестителево.

В это время командир 125-й дивизии прибыл на командный пункт 419-го полка. Здесь он принял решение о формировании передового отряда под общим руководством командира 125-го противотанкового дивизиона майора Р. Шмидта для взятия с. Крестителево. В него предполагалось включить: 3-й батальон 421-го полка, 1-ю (самокатную) роту 419-го полка, две роты 125-го противотанкового дивизиона, 8-ю батарею 125-го артполка и 4-ю батарею и 5-й взвод тяжелых полевых гаубиц 52-го артполка. В 16.40 был отдан соответствующий приказ, и передовой отряд выступил маршем.

В 18.00 командир 125-й дивизии направился на новый командный пункт в с. Малая Буромка. По дороге он встретил тягачи 5-й батареи 52-го артполка, которые стояли без движения из-за поломки моторов. Вскоре выяснилось, что из-за нечеткой передачи приказа 8-я батарея 125-го полка все еще пребывала в Малой Буромке, и тем самым, передовой отряд майора Р. Шмидта остался без значительной части своей артиллерии.

Несмотря на это обстоятельство, майор Р. Шмидт вступил

в бой и к 22.20 полностью занял с. Крестителево. В бою захватили 50 пленных и два счетверенных пулемета, артиллерийским огнем сожгли 16 грузовиков.

Как видим, масштабы боев у Крестителево далеки от формулировки «крупное сражение», которое часто встречается во многих источниках (авт.).

Из рассказа Смирнова «Госпиталь в Еремеевке»:

«Противник овладел им (Крестителево) после упорного боя, и цепи немецкой пехоты, методически прочесывая одну улицу за другой, вышли к окраине села, где на отшибе от хат стояло несколько длинных колхозных сараев. Опасаясь засады, автоматчики приближались к ним осторожно и недоверчиво, время от времени выпуская очереди по этим постройкам.

И тогда в дверях одного из сараев появился человек. Он по-немецки закричал солдатам, чтобы они не стреляли, потому что в сараях находятся только раненые.»

Как и остальные соединения XI корпуса, 239-я дивизия выступила в 9.00. Как и в предыдущий день, ее полки первое время не встречали перед собой серьезного сопротивления и продвигались почти со скоростью походного марша.

К 15.00 по всему фронту 239-й дивизии ее солдаты вышли к руслу ручья между селами Прилипка и Малые Каневцы и, не задерживаясь, пересекли его. На правый фланг, ввиду отсутствия там войск 125-й пехотной дивизии, перебросили 444-й полк, усилив его 239-м противотанковым дивизи-

зионом.

Особенно удачными оказались действия передового отряда майора Райфенштуля. Его солдаты, сломив сопротивление частей прикрытия, заняли участок дороги между с. Крестителево и Чернобай. Оттуда отряд атаковал советские части, занимавшие оборону в с. Богодуховка. Колонны, пытавшиеся выбраться из села в юго-западном направлении, попали под обстрел и были разгромлены. Развивая наступление, передовой отряд перехватил дороги, ведущие из с. Богодуховка на юго-запад, и прервал всякое сообщение по ним.

В 16.45, после короткого отдыха, передовой отряд выступил к с. Синеоковка. Здесь находилась важная переправа, по которой отступавшие советские войска могли ускользнуть на восток, и ее требовалось захватить. И эту задачу солдаты майора Райфенштуля успешно выполнили. Мост оказался в полной исправности, и, сдав участок прибывшему 327-му полку, передовой отряд по приказу командира дивизии перешел в с. Богодуховка. В качестве усиления ему придали самокатную роту 444-го полка, поставив задачу обеспечивать правый фланг до подхода 125-й дивизии.

В 19.00 основные силы 372-го полка на широком фронте перешли через дорогу с. Богодуховка – Синеоковка. К 20.00 почти все части 239-й дивизии вышли к руслу р. Крапивна.

Вечером начались первые серьезные бои с прорывавшимися из котла советскими частями. Двигавшиеся со стороны

г. Золотоноша колонны были встречены огнем, когда попытались переправиться у с. Синеоковка. Много автомобилей удалось поджечь, и их полыхающие кузова полностью остановили движение. Те, кто пытался их объехать, также были расстреляны.

Как выяснилось чуть позже, появление колонны спровоцировала атака передового отряда немецкой 79-й пехотной дивизии на г. Золотоноша.

Несогласованность действий немецких частей обернулась для 239-й дивизии большими проблемами: вечером, а особенно ночью, небольшой плацдарм, образованный 327-м полком под с. Синеоковка, стал ареной ожесточеннейших боев. Почти непрерывно из глубины котла перебрасывались все новые и новые грузовики с красноармейцами. Выгрузившись, они разворачивались в цепи и во главе со своими командирами и политработниками шли в атаку на немецкие позиции. Поддержку им оказывала артиллерия.

Солдаты 327-го полка в ближнем бою, иногда переходившем в рукопашные схватки, удержали свой фронт, нанеся прорывавшимся большие потери. Только на отдельных участках красноармейцы смогли пробить немецкую оборону и уйти от преследования.

Положение 327-го полка казалось угрожающим, и командир дивизии поднял по тревоге все части своего соединения. Солдаты 372-го полка укрепили его правый фланг, а непосредственно на плацдарм отправился 1-й батальон 444-го

полка. Остальные его батальоны, расположившиеся на отдых в с. Савковка, перешли в с. Додарев. В случае необходимости они должны были на этом рубеже остановить прорыв. И, наконец, вся артиллерия 239-й дивизии, которая находилась в пределах досягаемости, работала на 327-й полк. Благодаря совместным усилиям плацдарм удалось удержать.

Солдаты 257-й дивизии начали день с подготовки к преодолению ручья, заболоченные берега которого оказались неожиданным препятствием. В ходе быстрой атаки немцы успели захватить неповрежденным один из мостов, еще один, расположенный в с. Лихолеты, удалось отремонтировать силами саперов к 16.00. Переправа проходила без какого-либо воздействия со стороны советских войск: не стреляла артиллерия, в небе, как и прежде, не было ни одного самолета.

К 16.00 передовые части 257-й дивизии находились в 8 км от русла р. Крапивны. Левофланговый полк соединения уже через 40 минут ворвался в одноименное село, выбил оттуда оборонявшие его части и приступил к зачистке.

К вечеру немец вышел к р. Крапивна на участке между выс. 117, 0 (западнее с. Крапивна) и с. Богуславец.

Также быстро развивалось наступление левофланговой 24-й дивизии. Ее батальоны практически не встречали перед собой сопротивления, и большая часть уходила не на боевые действия, а на нужные зачистки сел, оставленных отступающей 26-й армией.

К 17.00 31-й и 32-й полки вышли к назначенной приказом цели дня – долине р. Крапивна у с. Плиски. Левый фланг соединения прикрывал разведывательный батальон.

Около 14.00 его солдаты в с. Дубинка встретились с карадами из 267-го полка 94-й пехотной дивизии. Соединение образовало собственный плацдарм на Днепре у с. Пенское, с которого предприняло наступление в глубь котла.

Вечером разведывательный батальон находился уже в с. Чапаевка, развернувшись фронтом на северо-запад.

Воздушная разведка установила, что происходит скопление значительного количества советских войск и техники в районе г. Золотоноша. Командование XI корпуса предположило, что готовится прорыв в северном или северо-восточном направлениях. Именно с этими колоннами имела дело 239-я дивизия в районе с. Богодуховка и у р. Крапивна. Наиболее значительные силы 26-й армии сосредоточены в районе с. Оржица, и с ними в самое ближайшее время придется столкнуться правифланговым дивизиям XI корпуса – 125-й и 239-й.

Наступление осложнялось тем, что собственных карт местности у немцев не было. Приходилось рассчитывать только на трофейные, которые, как отмечали сами немцы, были плохого качества или сильно устарели.

Уже поздно вечером стало известно, что 79-я пехотная дивизия XXXIV корпуса в 21.30 вышла на ближние подступы к г. Золотоноша. Полученная информация заставила вне-

сти изменения в поставленные перед частями задачи на следующий день.

Левифланговой 24-й дивизии поручалось продолжать наступление на Золотоношу только одним полком, остальные же силы должны прекратить движение и оставаться в достигнутых районах. Образовавшуюся брешь между 239-й и 125-й дивизиями предполагалось закрыть резервным 466-м полком, направив его к с. Богодуховка.

В качестве задачи на следующий день командование XI корпуса поставило продолжение наступления в общем северном направлении до установления контакта с танковыми и моторизованными частями, удерживавшими восточный обвод окружения. События дня, как казалось немцам, показали полную дезорганизацию управления частями 26-й армии. Теперь оставалось только дожать и уничтожить ее остатки.

Войска XXXV корпуса вновь провели весь день в преследовании ускользающих от них советских войск. Однако впереди уже виднелись огненные всполохи и доносилась канонада, что свидетельствовало, что цель наступления уже близка.

На 20 сентября перед 293-й дивизией стояла задача передовыми отрядами оберста Х. фон Паннвица и Мюллера наступать вдоль железной дороги на г. Золотоноша и в сторону долины р. Крапивна. Навстречу им будут двигаться части XI корпуса, на правый фланг выйдет 262-я пехотная дивизия.

Гудериан:

«В тот день пал Киев. XLVIII танковый корпус 1-й танковой группы захватил Городище и Белоусовку».

20 СЕНТЯБРЯ

20 сентября **командарму-26 Ф. Я. Костенко** было (через Генштаб) передано указание главкома Юго-Западного направления С. К. Тимошенко о том, чтобы

«...главный удар, с целью выхода из окружения, наносить в направлении Ромен, а на направлении Лубны – Миргород оставить прочный заслон».

Колонны вышли к Оржице на конец 20 сентября. Прежде чем двигаться дальше, **генерал Ф.Я.Костенко** снова собрал армию в кулак: он уже знал, что прорыв на восток будет тяжелым и потребует напряжения всех его сил. Центр событий переместился в городок Оржица с окружающими селами: Плехов, Зарог, Онишки.

Утверждение «собрал армию в кулак», вероятнее всего, не соответствует действительному положению вещей: 159 сд еще на подходе к Кандибовке (малочисленная, дезорганизованная), 116 сд в районе с. Денисовки (руководство слабое, хотя численность подразделений едва ли не самая большая по сравнению с другими дивизиями), 196 сд после неудачных попыток прорваться через с. Круподеренцы и с. Савинцы (дважды) находится на пути к с. Денисовка (подразделение наиболее организованное и боеспособное, как

покажет развитие дальнейших событий). В самой Оржице из регулярных частей лишь часть подразделений 97 сд и, по данным ряда источников, 301 сд.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева, бывшего командующего 38А, узнаем что при передаче дивизий в его подчинение, а это – 13 августа, 116-я сд имела 17 000 воинов и вооружение по штату, в боях еще участия не принимала. В дивизии Куликова (196 сд) после жестоких боев осталось меньше чем полторы тысячи личного состава (5 стрелковых и пулеметных рот и 5 артиллерийских батарей). Она имела 12 разнокалиберных орудий и 38 станковых пулеметов. А ведь до оржицких событий оставался еще почти месяц.

Герман Леонидович Занадворов так описывает сентябрьские дни 1941 года:

«Вскоре маленькое тихое мирное местечко Оржица, раскинувшееся на берегу многокилометровых болот у реки, было забито до предела обозными грузовиками и подводами. Война не касалась его до 20 сентября. В этот день туда бросились конники, пехотинцы, батареи без пушек, батареи с пушками, командиры без частей, части без командиров, штабы, артиллерийские парки, базы снабжения, ремонтные мастерские, передвижные госпитали – десятки тысяч людей на тысячах машин и повозок. Их гнало одно властное желание – что бы то ни стало прорваться к своим. Поддерживать порядок в этом столпотворении было трудно, не было средств

связи. Еще труднее было перестроить войска в боевые порядки».

Некоторые источники утверждают, что общее количество войск, попавших в т.н. «Оржицкий котел» составляло около 50 000.

Нам известно, что генерал И. И. Алексеев, должен был организовать оборону собственно Оржицы (но не организовал и не организовывал), известно также, что генерал Смирнов занимался формированием боевых подразделений из остатков разного рода военных частей, групп, тем или иным путем попавших в Оржицкое кольцо. Известно также, что в Оржице была создана комендатура, которая пыталась наладить там порядок (охрана у моста и пулеметные точки по берегу для сдерживание своих же отступающих солдат и офицеров – факт неоднократно доказанный).

Смирнов Андрей Николаевич – генерал-майор, 1899 г.р., с 2.09.1941 командовал 27-м стрелковым корпусом (по другим данным – начальник штаба). Погиб (пропал без вести) в окружении под Киевом в конце сентября 1941 года.

«В первом порыве они (советские войска) оттолкнули немецкие полки за реку на лесистые холмы. Саперы бросились в трясины наводить разрушенный мост. Легкие танки и броневики, поодиночке собранные сюда, шли на мино-

метные и артиллерийские позиции. Их поддерживали зенитные пушки, заменившие гаубицы и полевые пушки. За ними шли в штыковые атаки поспешно собранные батальоны: пехотинцы многих дивизий, кавалеристы, потерявшие коней, краснофлотцы днепровских мониторов, натянув на бескозырки боевые каски, шоферы, политруки, оружейники. Батальоны таяли под огнем немецких автоматчиков. Командиры обходили машины и повозки, собирали новые подразделения. Вели в бой.

20 сентября не было времени раздумывать ни пехотинцам, ни танкистам последних уцелевших машин, ни саперам, ни генералу с перевязанной рукой, стоявшему посреди переправы. Они спешили. Спешили даже раненые. Просили подтянуть телеги лазаретов ближе к переправе. Бой перекатывался по болотам, перелесках и полях. Приближалась ночь, предназначенная для переправы. Многими дорогами – с севера, с запада, востока, юга – спешили к Оржице колонны свежих немецких частей».

Во время войны, несмотря на инвалидность, Герман Занаворов с женой Марией оказался в числе фронтовых журналистов 5-й армии. Вместе с этой армией они пытались пробиться в Киев и не пробились, попали в окружение. В Оржице, где 5-я армия делала попытку прорваться на восток, погибло много ее командиров и бойцов. Германа, у которого еще до войны было очень плохо с ногами, вынесли из-под Оржицы Мария (жена) и **сержант Борис Кузнецов**, парень

с Алтая. С остатками войск, вырвавшихся из Оржицкой каши, они предприняли попытку пробраться через Сулу южнее Хорола, но потерпели неудачу. В результате Герман оказался в колонне советских военнопленных, которая растянулась на километры. Мария шла за колонной. На привале она разыскивала мужа, передавала ему пищу и воду, взятую в селах, что встречались на пути колонны. Затем Герман оказался в лагере, окруженном колючей проволокой. Здесь не было никаких зданий. Спали прямо на земле. Каждую ночь умирали сотни людей от голода, усталости, ран. Вымолила Мария его, умирающего, у немца часового.

Она решила отвезти мужа на свою родину в село Ольховая (Глушковского района, Одесской области). Продала свое пальто, купила лошадь. Первое время смогла его везти, но лошадь погибла. Далее повезла мужа на тачке. 300 километров они пробирались по оккупированной территории. С огромным трудом добрались до Ольховой. Не раз по дороге Герман просил Марию: «Брось меня, я все равно умру». Мария и ее родители выходили его.

Почти два с половиной года, с ноября 1941 по март 1944, прожили Герман и Мария в оккупированном фашистами селе, где он стал организатором сопротивления оккупантам.

В ночь с 4 на 5 марта 1944 года, за несколько дней до освобождения села от фашистов, раздался условный стук в окно. Но вместо партизан ворвались полицейские. Кто-то предал Германа. Его связали, увели. Мария бросилась за ним.

Утром тела нашли в овраге за селом. Их расстреляли.

Незадолго до гибели Герман закопал во дворе ящик со своими рукописями. Отец Марии после расстрела дочери и зятя нашел его.

В 1946 г. на могилу сына и по его рукописи приехала с Урала мать Германа – Екатерина Павловна. В 1962 г. в Ольховую приезжала сестра Германа – Татьяна Леонидовна с дочерью Наташей, которой тогда было 13 лет.

Из работ Занадворова сохранились разделы недописанного романа, шесть рассказов, дневники (413 маленьких листочков), прощальные письма другу и родителям. Очень проницательное письмо он написал другу, завещал ему рукописи в надежде, что тот их опубликует. Герман страстно хотел, чтобы его работы были напечатаны как можно раньше. Мать Германа нашла друга, но тот не принял архивов Германа. Наверное, испугался ответственности за связь с человеком из оккупации. Лишь много лет спустя произведения были напечатаны в периодической печати.

Как вспоминал бывший начальник штаба 173 мсб 117 сд **старший лейтенант Юртаев Даниил Васильевич**, они в район Оржицы приехали после обеда (ближе) к вечеру (20-го?). По цепочке была команда: «Всем идти на переправу». Вот они и пошли, Юртаев, старшина Сологуб Михаил и Уральшин. В это время немцы открыли огонь со стороны переправы из всех видов оружия. Юртаева контузило и задело голову. Сологуб и Уральшин оттащили

его в какой-то окоп. На следующий день при прочесывании местности немцы обнаружили (Юртаева) и забрали.

Всех собирают на переправе, а есть ли в этом смысл? Если попали «в мешок», то не поискать ли из него другого выхода, чем Оржицкая дамба и мост? Причем, как увидим дальше, не один Юртаев вспоминал о команде «Всем идти на переправу». Очевидно, что таким образом кто-то из командиров пытался сформировать сборные части для прорыва.

В книге **К. С. Москаленко** «На юго-западном направлении», в главе «Тяжелые испытания», в 3-й главе читаем о том, что:

«... части 15-го ск (ком. – генерал-майор **К. С. Москаленко**) были оттеснены на юг и отходили самостоятельно, отражая атаки противника, который наседавал с фронта и обоих флангов. 20 сентября у Гребенки остатки корпуса соединились с остатками 164-й (?) и 196-й (?) дивизий 26-й армии, отходивших в Лубны. Собранные генералом **К. С. Москаленко** несколько тысяч бойцов и командиров предприняли попытку переправиться через Сулу у Оржицы, но под шквальным пулеметно-минометным огнем противника вынуждены были отойти с большими потерями».

Прорваться через кольцо окружения группе **К. С. Москаленко** удалось только ночью 24 сентября. Из воспоминаний генерала **К. С. Москаленко**:

«Только 20 сентября, после того как противник захва-

тил Бахмач, Прилуки, Пирятин, Лубны, корпус соединился с 164-й и 196-й стрелковыми дивизиями 26-й армии, отходили в том же направлении, что и мы. Восточный берег реки Сулы был уже в руках фашистов, когда мы вышли на ее западный берег. Здесь, в населенном пункте Оржица, оказались также окруженными штабы корпусов других армий.

В таком отчаянном положении я принял единственно возможное решение: собрать побольше людей из разных частей и прорываться на север и северо-восток. В этом мне оказывал горячую помощь член Военного совета 26-й армии бригадный комиссар Д. Е. Колесниченко.

Мы собрали несколько тысяч бойцов и командиров, и я повел их в атаку. Но прорваться не смогли. Повторили попытку, и снова безуспешно. Потом еще и еще раз. Кольцо продолжало беспощадно сжиматься вокруг нас, и, казалось, не было такой силы, которая могла бы разорвать его. Однако остатки 15-го стрелкового корпуса, а также 164-й и 196-й стрелковых дивизий 26-й армии нашли в себе эту силу».

Интересно то, что в своих воспоминаниях В. Т. Шатилов, в то время исполняющий обязанности командира 196 сд, ни словом не упоминает о совместных наступательных или оборонительных действиях с частями 15 ск.

Что касается 164 сд, то в то время она находилась совсем в другом месте, за пределами Киевского котла и выполняла разведывательно-оборонитель-

ные бои местного значения. Огромное количество ссылок на то, что дивизия была в Оржицком очаге Киевского котла, не отвечают действительности, так как: «К концу 17 сентября 164-я сд вместе со 130-й сд и 96-й гсд вела бой в районе Верхний Рогачик, Гюновка и Менчикуры. 18-го числа она продолжила отступление, достигнув рубежа Бол. Знаменка – Неимуций – Нов. Алексеевка, а 20 сентября заняла позицию у Балки и Шмальковки. 24 сентября дивизия выполняла усиленную боерозведку. Разведрота 620-го сп под конец дня вела бой в 5 км к юго-западу от Водянского, а разведотряд 531-го сп занял п. Розы Люксембург. 25 сентября дальнейшее продвижение (разведотряда) было остановлено сильным ружейно-пулеметным огнем в 5 км к юго-востоку от Новоднепровка».

Вполне очевидно, что наблюдается путаница 164 сд и 264 сд, которая действительно была в Оржицком котле, и концу сентября уничтожена немцами в Денисовке (или на подступах к ней, вероятнее всего, в районе подступов к Кандыбовке).

На участке Оржица-Золотухи красноармейцы прорвались вперед.

Впоследствии один из активных участников этих боев рассказывал, что батальоны 69 сп 97 сд (ранее она входила в состав 38-й армии) несколько раз бросались на вражеские позиции, но под ураганным огнем закопанных в землю

немецких танков вынуждены были отступить. Такие же горячие схватки происходили на всех участках.

Пока не ясно, о каком конкретно участке говорится, и какие подразделения осуществляли этот прорыв, насколько успешным или неуспешным он был, были ли это действительно только батальоны 97 сд? И был ли этот прорыв как таковой, особенно учитывая воспоминания некоторых участников тех событий...

Сначала считалось, что командование гарнизона, вероятнее всего, возглавил генерал И. И. Алексеев (ведь это ему Ф. Я. Костенко поручил организовать оборону Оржице). Но известно, что попытка Алексеева отбить Лубны у Хубе потерпела неудачу, а сам он, с частью людей, находится в районе Сенчи. Если так, то какой именно генерал приказал выставить караул возле моста в сторону Лубен, и какой генерал приказал выставить пулеметы на Оржицком берегу реки, которые в дальнейшем будут использованы для расстрела отступающих с онишківской стороны реки СВОИХ же офицеров?

И главное, не был ли это именно генерал Москаленко, особенно учитывая сказанное им самим: «...я принял единственно возможное решение: собрать побольше людей из разных частей и прорываться на север и северо-восток».

Здесь стоит послушать непосредственных участников тех событий, чтобы, по возможности, воспроизвести весь трагизм этого «наступления»...

По рассказам **Михаила Николаевича Мальцева** (ветерана Великой Отечественной войны, кавалера орденов Отечественной войны I и II степеней, ордена Красной Звезды и ордена Александра Невского):

«Странная штука – война, думал он, в тот момент техник-интендант второго ранга, заместитель начальника по хозяйственной части 131-й сд, стоя у главной машины автоколонны и рассматривая сквозь утреннюю мглу многочисленные потоки пехоты попеременно с грузовиками, танками, пушками на конной и тракторной тяге, которые двигались прямо, без дорог в сторону города Оржица.

Монотонный гул движущегося войска изредка нарушался человеческими криками, конским ржанием, резкими стуками, – этот напряженный гул настораживал его, как настораживает человека гул растревоженного улья, готового взорваться тысячами жалящих пчел. То там, то здесь начинали вдруг стонать-надрываться моторы, но быстро стихали до какой-то общепринятой громкости, словно боясь лишним шумом потревожить кого-то главного, чьей волей были закручены в общий клубок судьбы множество людей, которые шли со всех сторон в Оржицу.

Странная штука – война, думал Мальцев. С шестьюдесятью грузовиками он отправился на армейские склады,

загрузился продовольствием, на обратном пути прихватил в нескольких колхозах фураж, не нашел в Нежине свою часть, отбыл искать ее в сторону Лубен, как предупреждал командир... На полпути патруль вернул его автоколонну на Оржицу, потому как Лубны уже отрезали фашисты (16 тд Хубе)...

Сколько раз их бомбили и обстреливали... и вот Оржица, словно гигантская воронка на реке, помимо его воли затягивает Мальцева с автоколонной и бесчисленным количеством других людей и техники в свою неизвестность».

Фактически получается, что в Оржицу стекались остатки воинских частей по многим направлениям, в т.ч. и со стороны Лубен, Пирятина, а не только со стороны Черкащины.

«По элементарным военным правилам такого огромного скопления незащищенных от авиации войск на ограниченном, близком от фронта пространстве быть не должно. „Солдатский телеграф“ сообщил, что группировка войск в Оржице охвачена фашистами с трех сторон. Признаков подготовки к обороне не было видно, а значит, фашистские стервятники в любой момент могли погулять здесь на солдатском мясе безнаказанно. Именно поэтому такое скопление войск не ободряло мощью, а пугало своей незащищенностью».

Н. Н. Мальцев отмечает тот факт, что подготовки к обороне Оржице он не наблюдал.

«Связанные общей неповоротливой судьбой, без строя,

разнокалиберными группами, повесив головы и сторбившись под тяжестью винтовок и полупустых вещевых мешков, сосредоточившись на многодневной усталости, солдаты выходили из молока утреннего тумана, проходили мимо Мальцева и прятались в тумане же. Шли в неизвестное для всех будущее...

Кто-то невидимый руководил этой огромной массой людей – и все беспрекословно подчинялись воле того невидимого. И в его власти было послать людей на передовую или в тыл, дать людям возможность выжить или погибнуть, или погибнуть с честью, геройской смертью, или бесславно, потерявшись на задворках войны.

Нет, не всегда солдат-герой свободный умереть героем!

– Воздух! Воздух! – Переполошила бойцов едва слышная надрывная команда с той дали, куда двигались потоки людей. От человека к человеку передавались крики все ближе и ближе, принесли страх и помчались в ту даль, откуда стекала эта огромная масса людей и техники.

Тревожный пчелиный гул на мгновение стих. Люди замерли, прислушиваясь и выискивая ухом гул самолетных моторов. Под влиянием того, приглушенного туманом, страшного звука, человеческие массы, якобы не особо спеша, пришли в движение, раздробились, рассыпались из колонн. Машины и танки, конные повозки и полевые кухни – все постарались нарушить правильность движения, разъехаться и расползтись в беспорядок, и снова все замерли в на-

дежде, что и на этот раз смерть пройдет их.

Неясный тяжелый грохот очень быстро превратился в рев – и самолеты, бомбами и снарядами ломая все под собой, поливая все живое струями смерти из пулеметов, пронесли над множеством испуганных людей, которые втиснулись в землю, искали в ее складках спасения, потому что даже неглубокая ложбинка защищала от осколков и сохраняла жизнь.

Подорванная ревом штурмовиков, вздрагивая от взрывов снарядов, распоротая очередями фашистских пулеметов, земля откликнулась эхом предсмертных криков и страданий раненых бойцов.

Людей и техники на земле было так много, что, казалось, ни один фашистский снаряд, ни одна пуля не были выпущены бесцельно.

Возвращаться назад самолетам не было смысла: вперед, только вперед, поливая безграничные скопления людей огнем, пока не кончится боезапас.

Самолеты улетели. Ватная тишина заложила уши.

И снова человеческие массы пришли в движение, достаточно быстро выстроились в колонны и, пробивая по целине новые дороги, словно восстанавливая кровеносные сосуды ужасного организма под названием «война», оставляя после себя разбитые танки, машины, спрятанные в землю человеческие останки – переваренные остатки пищи прожорливой войны – двинулись дальше».

Сколько раз потом, спустя десятилетия, в Оржице и ее окрестностях будут находить останки погибших воинов, причем некоторых – вдоль центральной улицы (на моей памяти, например, у здания банка).

«Подразделения, напиравшие сзади, словно пробку впили автоколонну Мальцева в одну из улиц города. Куда-то приткнуться и остановиться не удавалось: на обочинах бесконечными очередями стояла военная техника. Движение только в одну сторону. Оржица, как и ее окрестности, была забита войсками.

«Что происходит, – недоумевал Мальцев. – Хороший авианалет – всех раздавит немец одним махом!» И – как накаркал! Самолетный рев, взрывы, стрельба с неба, крики на земле...

Шоферы выскакивали из машин и бросались в дома, чтобы укрыться в подвалах. Не успели добежать – налет кончился. Посидев некоторое время в расслаблении у дома, Мальцев вернулся к машинам. Ветер доносил чад пожаров. Мальцеву сегодня везло – и на этот раз обошлось без потерь. На улицах что-то изменилось, их колонну протолкнули еще на несколько метров вперед».

Хотя, что там – на улицах, когда речь практически шла об одной улице, что пронизывала всю Оржицу насквозь и небольших ее ответвлениях.

Ординарец Мальцева Гриша, который бегал на разведку, сообщил, что через квартал можно свернуть во двор, возле

которого есть малозаметный пустырь, хорошее место для капитальной остановки.

Разместив машины и приказав водителям замаскировать их сверху, в сопровождении ординарца, Мальцев пошел в город выяснять обстановку. Войска медленно продвигались по улицам. «Как мясо через дыры мясорубки», – подумал Мальцев.

Попытались расспросить о штабе на предмет получения дальнейших распоряжений. Бойцы, к которым обращался Мальцев, смотрели молча и устало. Некоторые зло, другие удивленно. Какой штаб в такой мешанине?

Удивительно, что никто и не слышал о штабе, который должен был бы управлять этой массой войск и техники.

Но и был ли он, тот штаб, в самой Оржице на тот момент? Штаб Ф. Я. Костенка даже на 23.09.1941 года был в трех километрах от Оржицы. Судя по всему комендатура была.

«Что-то негромко захлопало над головой. Мальцев взглянул вверх. В небе между клубами дыма из стороны в сторону шарахались, трепетали голуби. «Бедные, – посочувствовал им Мальцев. – Столько в городе народа, птицам сесть некуда!»

Где-то на расстоянии стучали взрывы.

– Власов, сволочь, решил армию сдать ... – переговаривались солдаты, проходившие мимо.

– Специально стягивает войска в котел!».

При чем здесь Власов не совсем понятно, его не было в Оржице, а армия, которой он командовал в то время, была совсем в другом месте.

« – Воздух! – Крикнули далеко. Команда-предупреждение побежала с улицы на улицу, передвигаясь с одного края города на другой.

Самолетов не было слышно, но приученный военной жизнью верить и подчиняться командам, Мальцев вместе со всеми поспешил в дом, под прикрытия стен. Двери квартир первого этажа были сломаны – мародеры уже похозяйничали. И – ни одной гражданской души! Неужели весь город эвакуировался?».

Действительно, очевидно имел же быть кто-то из гражданских, кто не ушел из города, остался и пережил весь этот кошмар, кто был свидетелем событий? Существуют ли такие воспоминания?

«Низко над улицей проревели немецкие штурмовики. Беспорядочно прогремели, сотрясая воздух и землю, взрывы.

Подождав немного, Мальцев вышел на улицу. В сером от дыма небе все так же суетливо металась белые голуби, стреляя-хлопая крыльями.

«Породистые, наверное... Как они теперь без хозяев?» – Пожалел птиц Мальцев.

Он не понимал, что происходит. В незащищенный город сгоняют войска – и фашисты безнаказанно бомбят его. Го-

род набит солдатами, а Мальцев, будто один в этом столпотворении. Вокруг шум и гам, крики, рев моторов... И – как будто отсутствие звуков! Только белые голуби оглушительно хлопают крыльями в дымном небе...».

Как минимум три бомбежки Оржицы 20.09.41 года во второй половине дня, причем – не последние в этот день.

«Искать любой штаб, похоже, не было смысла. Мальцев повернул обратно. На ближнем перекрестке громко захрипел динамик. Сначала неясно, затем все более понятно зазвучала песня, беспокоящая душу:

...Пусть ярость благородная вскипает, как волна...

Ярости в душе у Мальцева не было. Была усталость, мучил вопрос о том, что ему делать с грузом дальше. Почему войска не отправляют на фронт? К нему, судя по взрывам, рукой подать...

Похрипев, динамик затих. Затем, через новую волну хрипа, канцелярский голос прочитал распоряжение:

– Политрукам, командирам среднего и старшего звеньев подразделений, находящихся в городе и пригородах, собраться на восточной окраине для получения дальнейших распоряжений! Политрукам, командирам среднего и старшего звеньев...

Повторив приказ несколько раз, динамик замолчал. Опять захрипела тревожная песня, потом еще несколько раз распоряжение собраться на окраине города».

Значит, элементы организации все же присутствовали, раз подобное распоряжение отдавалось по радио, что было, очевидно, в данной ситуации самым действенным средством передачи информации. И пока мы знаем только одну фамилию человека, который мог «организовать» этот сбор – генерал Москаленко. Но был ли он на тот момент в Оржице? Возможно, генералом, пытавшимся организовать прорыв, был Смирнов? Факт его присутствия как раз подтвержден, в т.ч. воспоминаниями Михина.

«Добравшись до пустоши и убедившись, что его машины и солдаты целы, Мальцев оставил ординарца за старшего и отправился «получать дальнейшие распоряжения».

Движение на улицах застопорилось. Все дворы и переулки заполнили войска. Ни назад, ни вперед проехать было невозможно. Солдаты обустривались на отдых там, где их командиров застал приказ из динамиков. Походные кухни дымили прямо посреди улиц. Город превратился в огромный бивуак.

– Сдаст ли нас Власов, – там и сям слышал Мальцев разговоры бойцов.

Вслед за другими командирами, он выбрался на окраину города.

Патрули направляли всех к мосту через реку. Выходя из города отдельными группами, офицеры перед мостом стекались в достаточно широкий поток, а на противоположном берегу, за мостом, снова разбредались по отдельным тро-

пам».

Наличие патрулей подтверждает факт организованного сопротивления и факт наличия комендатуры.

«Всем приказали спрятаться в поле с высокой, в рост человека, растительностью, что раскинулась метрах в ста от берега, чуть правее дороги».

Справа от дамбы поле перед Онишками, если двигаться в сторону Лубен.

«Густой, сладковатый запах дохнул в лицо Мальцеву. Множество пчел гудело над полем. Конопля, определил Мальцев. Странное место для сбора командиров в ожидании распоряжений.

Не углубляясь в заросли, он подсел к группе офицеров, бывших, похоже, из одного подразделения.

– Сдаст ли нас Власов, – услышал Мальцев привычную уже фразу, тоскливо произнесенную одним из небритых, уставших лейтенантов.

– Отставить панические разговоры, лейтенант, – требовательно, но не очень уверенно осадил его капитан. – Получим приказ, передислоцируемся – повоюем еще!

«Повоюем еще! – Мысленно поддержал его Мальцев. – Такая масса сил... Одних командиров в конопляном поле сколько! А солдат, значит, в тридцать раз (больше)!»

В голове у Мальцева заиграли бравурные марши. Он хоть и не ел около суток, но почувствовал прилив сил.

«Что это я? – Вдруг спохватился Мальцев. – С чего бы

это меня радость распирает? Кто повоюет? Командиры с пистолетами наперевес? Да сюда взвода фашистских автоматчиков хватит, чтобы всех положить!»

И сразу в голове все стало на свои места. И накатила усталость. И сразу стало понятно, что ничего здесь не понятно. А самое непонятное – зачем их собрали в конопле?

Прошло полчаса, и поток командиров, которые шли через мост, иссяк».

Получается, что только пешее движение через мост командиров, которых патрули направляли на противоположный берег реки Оржица, заняло не менее 30 минут.

«Как-то незаметно набежали тучки, стал накрапывать дождь. Мягкая, сыпучая, как пыль, почва конопляного поля покрылась тонкой пленкой грязи, затем, все больше и больше стала просачиваться водой, начала превращаться в болото. Не имея возможности ни сесть, ни лечь, люди уныло горбились от холода, неохотно переговаривались. Стояли, засунув ладони под мышки или – не по-уставному – в карманы. Некоторые, сбившись в кучки, прикрывались плащ-палатками.

«Как овцы в стаде», – вспомнил Мальцев село.

Все ждали. Несколько человек, потеряв терпение, отправились к мосту разведать обстановку, узнать, кого ждут и как долго придется ждать.

Часовые у моста, увидев приближавшихся, приказали им

остановиться и повернуть назад. «Переговорщики» что-то отрицали, требовали для разговора начальника караула.

То, что произошло дальше, было еще неожиданнее, чем фашистский артиллерийский налет. Струи пуль из дул двух пулеметов веером рассыпались от моста, просвистели над головами офицеров и заставили их упасть лицом в грязь дороги. Полежав некоторое время и получив от часовых повторный приказ – вернуться в конопляное поле, морально убитые офицеры, опасаясь даже чертыхаться, молча вернулись к товарищам.

Несколько человек, покинув конопляное поле, перебежками направились к берегу реки метрах в трехстах ниже моста. Огненные жгуты пуль указали беглецам, что и к реке путь им заказан.

Прячась за изгибом реки, некоторые все же добрались до берега. Но прибрежная местность была болотистой и, увязнув по пояс, а то и по грудь в грязи, офицеры вернулись назад.

– Что же это ... – растерянно и как-то беспомощно сказал один из соседей Мальцева. Да, что это? Советские бойцы пулеметным огнем поливают советских командиров?»

Действительно, ситуация более чем странная. Кто-то, имевший право приказывать, своей волей собрал на противоположном от Оржицы берегу реки массу офицеров. Время идет. Вернуться назад никто не может, о чем свидетельствуют обстрелы из пулеметов

со своей стороны. Приказы отсутствуют. Оружие, необходимое для прорыва, отсутствует. Явные командиры отсутствуют. Что было задумано? Возможно, создать офицерские батальоны прорыва? Для чего все это? И главное – КТО все это организовал? Москаленко? Смирнов?

Сталин отчаянно искал методы, средства и способы остановить войска, отступавшие по всему фронту, заставить угнетенных неудачами, поражениями, пораженных танкобоязнью бойцов и командиров, политработников поверить в свои силы, в способность остановить врага.

Особенно опасными были паника, растерянность, страх, что парализовали волю воинов, приводили к дезертирству, добровольному переходу на сторону врага, массовой сдачи в плен. «Вождь народов» снова и снова убеждался, что только наказаниями, силой оружия можно исправить положение на фронтах. Он требовал от органов НКВД руководствоваться в своих действиях угрозой жестокой казни, считал, что в критические моменты бойцов нужно ставить перед выбором между возможной почетной смертью в бою и неизбежной позорной смертью в результате наказания расстрелом.

Именно этим принципом руководствовался Верховный Главнокомандующий, когда 12 сентября 1941 продиктовал начальнику Генерального штаба маршалу Б. Шапошникову директиву о заградительных частях, как одной, по его мнению, из эффективных мер исправить положение на фрон-

тах. В директиве отмечалось, что опыт борьбы с немецкими войсками показал наличие в рядах советских стрелковых дивизий много панических и прямо враждебных элементов. Под натиском врага они бросают оружие, восклицают: «Нас окружили!», Создают панические настроения, которым подвергаются целые дивизии, оставляя оружие, боевую технику, бойцы и командиры массово бегут с поля боя. Подобные явления наблюдаются на всех фронтах. По мнению Сталина, причиной такого явления было недостаточное количество твердых и устойчивых командиров и комиссаров. Чтобы предотвратить дальнейшее отступления войск, избежать паники, растерянности, преодолеть страх перед немецкими танковыми и механизированными армиями, Сталин говорил:

«1) В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более одного батальона;

2) задачей заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в установлении твердой дисциплины в дивизии, прекращении побега охваченных паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия».

«Скучно и беспрестанно шел дождь. Где-то очень далеко приглушенно гудела моторами и звенела гусеницами бронетехника.

«Как трактора в уборочную ... – невесело подумал Мальцев. – Наверное, наши танки позиции занимают. Затем нам

прикажут».

Над городом снова летели фашистские самолеты. Вытянув шеи, командиры молча наблюдали за бомбардировкой, рассматривали клубы черного дыма, которые поднимались над Оржицей».

Это уже, как минимум, четвертая бомбежка Оржицы 20.09.1941 года.

«Резина горит, – вздохнул Мальцев. – Может, и моих подожгли».

Екнуло коротко, почти сразу – как тяжелой кувалдой ударило, встряхнув землю под Мальцевым. Свистнуло коротко – грохнул разрыв.

– Воздух! – Крикнул кто-то, предупреждая об арналете.

Поздно отреагировав на команду, все плюхнулись в грязь.

«Танки стреляют, – определил Мальцев. – Фугас!»

Глухой хлопок в небе и резкий, пронзительный свист, глухой хлопок, словно царапающий по коже – и режущий душу свист...

«Осколочным накрывает, шрапнелью, – похолодело в груди Мальцева. – От этих в чистом поле за пучком соломы не спрячешься!»

Он услышал чавканье грязи под сапогами. Двое молоденьких лейтенантиков, что не успели в своей коротенькой жизни понюхать пороха, выпучив от страха глаза, бежали неизвестно куда.

«Необстрелянные, – пожалел Мальцев пацанов, как уже

погибших. – Куда, глупые... От шрапнели не уйдешь!»

Хлопнуло, свистнуло множеством осколков. Лейтенанты упали. Один совсем без движения, другой попытался встать, но его подмял в грязь под себя офицер, оказавшийся рядом.

– Лежи!

– Окопаться! – Крикнул невпопад привыкший командовать голос.

– Заткнись, командир, – не очень громко, но отчетливо попросил кто-то из соседей Мальцева.

– Чем окапываться?

У командиров саперных лопаток не было».

У них не было не только саперных лопаток, не было ничего, кроме собственного табельного оружия, а много ли навоеешь пистолетом против танкового обстрела...

«Взрывы фугасных снарядов чередовались со взрывами осколочных. Командиры, вжимаясь в землю, выгребали из-под себя грязь.

– Лейтенант, сбегай с кем-нибудь, узнай обстановку. Кто там нас кроет?

Услышал Мальцев голос соседа-капитана. Глубоко, до середины голеней увязая в грязи, три офицера тяжелыми прыжками побежали на восток, к противоположному краю поля, откуда раздавались звуки выстрелов. Услышав свист фугаса или хлопок шрапнели, падали лицом вниз, все более просачиваясь грязью.

В полукилометре от конопляного поля жирной пунктирной линией выстроились немецкие танки. Стреляли не спеша, размеренно. Между танками и чуть впереди от них группами лиц по десять сидели и лежали фашистские солдаты. Дождь прекратился, из-за туч выглянуло полуденное солнце, приятно согревая людей. Солдаты располагались на разостланных или плащ-палатках, или кусках брезента. Многие разделись по пояс, держали в руках фляжки, периодически прикладывались к горлышку, поворачиваясь в сторону конопляного поля, поднимали вверх автоматы, что-то кричали, смеялись. Судя по движениям губ, кричали: «Рус, сдавайся!»

Конечно, у немцев было время и танки подтянуть (сколько там до тех Онишок), и пехота, судя по всему, собралась комфортно повоевать – с практически безоружными офицерами.

«Мальцев заметил, что обстреливают в основном центральную часть поля, а по краям и за его пределами взрывов практически не было. У самого края конопляного поля, на пригорке, росла огромная шелковица. Сначала ползком, а потом короткими перебежками Мальцев добрался до шелковицы и спрятался за ее толстым стволом. Отсюда было хорошо видно и городок, и берег на дальнейшее расстояние, и большую часть поля, изрядно уже изрытую воронками, в которых прятались офицеры. На дне воронок уже блестела вода, которая успела там накопиться».

Получается, что офицеры надежно зажаты с обеих сторон: немецкими танками и пехотой со стороны Онишок, и пулеметами со своей, оржицкой стороны....

Может кто-то (из так называемых «организаторов») будет потом считать, что это было НАСТУПЛЕНИЕ, что это была попытка ПРОРЫВА?

«Со стороны города к мосту приближалась группа людей. Впереди шел крепкий, коренастый офицер с властными привычками. Следом, окружая начальника полукругом, почтительно семенила свита.

От моста, навстречу тем, кто приближался, выбежал начальник караула. Слишком рано перешел на строевой шаг. Держа руку у козырька, невероятно долго шел, выбивая из дороги подошвами сапог грязь, наконец, приблизился к начальству.

«В штаны, наверное, наложил от страха, – неприязненно подумал о нем Мальцев. – Даже к командиру полка в полукилometре строевым шагом не ходят. Неужели генерал Власов?»»

Приближение большого начальства заметил не только Мальцев. Крича и размахивая руками, со стороны поля к мосту побежали люди.

Увидев вымазанных грязью военных непонятного звания, бежавших к мосту, генерал недовольно махнул рукой. Начальник караула скомандовал, показывая в сторону коноп-

ляного поля. Застучали пулеметы, пули зачмокали перед бегущими, преграждая им путь. Люди размахивали руками и продолжали бежать к мосту.

Генерал недовольно спросил что-то у начальника караула. Начальник караула коротко крикнул.

– Тах-тах-тах-тах ... – простучал пулемет. Несколько бегущих упало, другие остановились.

Мальцев был поражен тишиной, вдруг наступившей.

Танки не стреляли. Тишина, странная, почти мертвая, волнами распространялась над полем. И очереди наших пулеметов, положивших наших же командиров на глазах, а точнее – по приказу генерала, отдавались в голове Мальцева. И жаворонок в очищенном от облаков голубом небе. И противное жужжание мух. Больших, зеленых мух. А может синих.

Пахло гарью, тротилом и свежей кровью.

«Собирали пчелы мед – полетели. Услышали мухи смерть – прилетели», – вертелось в голове у Мальцева».

На данный момент самый главный вопрос – КТО был тот генерал? КТО отдал команду расстреливать своих офицеров? Для чего все это делалось? Был ли это Алексеев – нет; был ли это Костенко – вряд ли; был ли это Усенко – неизвестно, был ли это Смирнов – неизвестно, был ли это еще кто-то другой? А может, все-таки, это был Москаленко?...

« – Что же вы делаете, сволочи!

Услышал он голос соседа-лейтенанта. Лейтенант стоя расстегивал кобуру пистолета.

– Отставить истерику, лейтенант! Ты же не девушка малохольная! Нас танки топтали – мы выжили!

Попытался остановить его капитан. Вытащив, наконец, пистолет, лейтенант сделал шаг в сторону моста.

– Ты не дури!

Крикнул капитан.

– С пистолетом на пулемет только дураки ходят!

Рванувшись к лейтенанту, он упал, обхватил лейтенанта за ноги, попытался свалить его. Лейтенант, скользнув бешеным взглядом по боевому товарищу, приставил дуло к своему виску и выстрелил.

Опять артналет. Спасаясь от взрывов, около сотни офицеров волной выкатились из конопляного поля и побежали к реке. Пулеметные очереди от поста крошили бегущих. Берега достигла едва половина. Но как предательски он поступил, советский берег! Схватив офицеров за ноги, прибрежное болото превратило людей в неподвижные мишени, в удобные для пулеметчиков цели...

Время от времени в зарослях конопли щелкали пистолетные выстрелы. Врагов в конопляном поле не было, стрелять было не в кого...

Что им оставалось... преданным... отчаявшимся... растоптанным – только стреляться...

Уткнув лицо в опавшие листья, Мальцев лежал у ствола

мощной шелковицы. Что случилось с миром? Когда фашисты убивают наших – это понятно. Но когда наши убивают наших – этого сознание Мальцева принять не могло.

Огромное количество офицеров собрано на этом конопляном поле. Зачем? Для уничтожения? Кем? Более тысячи командиров загнаны в ловушку... Захочешь выйти – погибнешь от своих. Останешься – погибнешь от фашистов. А в городе и окрестностях в такой же ловушке десятки тысяч солдат! Без командиров эти тысячи солдат уже не батальоны, способные отстоять город и перейти в наступление. Они – масса людей, не знающих, что делать!

Кто-то, управляющий войной, согнал сюда наши войска и своей властью превратил их в фантастически огромную толпу... Своей волей обрек людей на уничтожение. Своей злой волей!

Мальцев поднял голову, посмотрел в сторону моста. Мост был пуст. Только пулеметчики и часовые на своих местах.

«Точно, это был Власов, – укрепился в своих предположениях Мальцев. – Кто еще с такой легкостью и жестокостью забьет своих ни в чем не повинных командиров?»

Один из пулеметов выпустил длинную очередь вдоль берега. В который раз множество людей, не желающих погибать от фашистской шрапнели, бросились к реке, чтобы выбраться из окружения вплавь. Слышались крики раненых и тонущих в болоте, крики людей, которых уносило стремительным течением...

Солнце клонилось к западу. Было нереально тихо. Безнадежно тихо. Только приглушенные стоны, просьбы пить, что прорывались сквозь боль и бред, доносились со всех сторон поля.

Через реку послышалось ворчание автомобильных моторов. Несколько грузовиков переехали мост и остановились у края конопляного поля.

– Раненых в машины! – Скомандовали те, что приехали.

Из зарослей конопли к грузовикам потянулись раненые. Большинство шли самостоятельно, многих вели под руки, некоторых несли на плащ-палатках или прямо на спинах.

– Только раненых! Здоровые остаются на месте! – Распоряжались из машин. – Погибших оставляйте у дороги, за ними приедут потом.

Вскоре машины были загружены полностью, а раненые все подходили.

Скомандовали легкораненым освободить машины и двигаться к месту своим ходом, а в машины продолжили грузить не могущих самостоятельно передвигаться.

Мальцев подошел к одной из санитарных машин.

– Браток, помоги ... – услышал он просьбу. – Проводи до моста, сам не доберусь! Держась за кузов, рядом стоял старший лейтенант. Окровавленное бедро перетянуто ремнем, раненый едва держался на ногах.

Мальцев перебросил руку старшего лейтенанта себе через плечи и повел его к мосту. Часовые у моста отсеивали здо-

ровых от раненых.

– Назад! Здоровые назад!

– Назад! – Потребовал часовой у сопровождающего, который шел впереди Мальцева.

– Ты ... – он схватил Мальцева за рукав, но, взглянув на его петлицы, спросил: – Медицина? Проходи... Назад! – Остановил он следующую пару.

Не успев сказать ни да, нет – нет, Мальцев оказался на другой стороне моста. У интендантов и медиков петлицы были одного цвета – зеленые, у пехоты и артиллерии – красные и черные, поэтому часовой принял Мальцева за медика.

Проведя раненого в город, к месту, где формировалась большая санитарная автоколонна, Мальцев отправился к своим машинам.

– Здесь нам ждать нечего, – сказал он шоферам после рассказа о пережитом на конопляном поле. – Из города нас не выпустят. Зачем Власов держит командиров в конопляном поле, а солдат и технику в городе? Кто его знает... Но массу солдат без командиров сдать или уничтожить легче. Крупное воинское подразделение без командиров подобно паралитику – видит и слышит, а защитить себя не может.

К обороне нас здесь не готовят. Оборонительных укреплений нигде нет, и их не строят. За весь день в сторону немецких танков не выстрелили ни разу. Считаю, что пора бросать машины и выбираться к своим.

Мальцев замолчал. Молчали и бойцы. Бросить автоколон-

ну, шестьдесят нагруженных продовольствием и фуражом машин, зная, что отмены приказа по доставке груза не было? За нарушение приказа в военное время наказывали строго.

– Как выходить будем? Не выпускают же никого, – спросил ординарец.

– Пойдем как санитарный взвод, собирать раненых. Дело к вечеру, городок перейдем, а там, в темноте, повернем от конопляного поля в сторону Лубен. Это единственная дорога, по которой мы можем выйти из окружения.

Через полчаса девять водителей-солдат и ординарец Гриша загрузили вещевые мешки продуктами и под командой Мальцева строем направились к мосту. Другие солдаты решили остаться с машинами.

Мост прошли в сумерках, сказав часовым, что отделение санитаров идет собирать раненых. За мостом отделения догнала колонна машин.

– Командир, помоги раненых загрузить, – попросил майор из кабины главной машины, указывая на раненых, которые выбирались из конопляного поля и останавливались на обочине дороги.

Около сотни грузовиков с едва заметными в темноте красными крестами на бортах, не включая фар, подобно призракам, медленно двигались вдоль поля, принимая в свободные кузова раненых. Люди почему-то старались не разговаривать, а если и говорили, то шепотом.

«Странно все, – думал Мальцев, – нереально. Будто

не со мной происходит и не у нас. Будто в кошмарном сне... Как будто не держит командиров уже никто – уходите. Но – без солдат. А пойдут без солдат – трибунала не миновать...»

Скоро машины загрузили до предела. Мальцев и его солдаты втиснулись в кабины, колонна тронулась.

– Ох и мясорубку могут устроить здесь фашисты! – Показал головой майор, оглянувшись на конопляное поле и на город, отсвечивало огнями пожаров. – Обороны ведь никакой!

Мясорубку нам Власов уже устроил, – проворчал Мальцев. Поехали с нами, – предложил майор. – Мы без охраны, а твои бойцы все-таки с автоматами. И при деле будешь.

Майор Завгороднов, начальник санитарной колонны, давно понял, что команда Мальцева к медицине не имеет никакого отношения.

Из темноты у дороги выплыли какие-то здания.

– Надо обстановку узнать, – майор кивнул в сторону домов.

Долго стучали в двери крайнего дома, потом так же долго объясняли хозяину, что они сопровождают санитарную колонну.

– Это Пятигорцы?

– Нет, хутор. Пятигорцы немножко дальше.

– Фашисты поблизости? – Еще раз спрашивал майор или бестолкового, то спросонья не понимающего, чего от него хотят, хозяина.

– Нет, нету. Врагов нет, – наконец ответил хозяин, выпу-

чив глаза и часто хлопая ресницами.

– Хорошо, что «нет», – вздохнул майор. – Ну что, лейтенант, поедешь с нами?

– Нет, – решил Мальцев. – Своим ходом пойдем. И битком у вас.

– В тесноте – да не в обиде. Жаль. Ну, удачи вам.

– И вам счастливо добраться.

Солдаты Мальцева молча смотрели на проезжающие мимо машины. Наверняка они жалели, что командир отказал им ехать с автоколонной. Нашлись бы места для десяти человек! Проводив взглядом последнюю машину, отделение Мальцева выступило вслед. Минут через десять далеко за хутором, в той стороне, где спряталась автоколонна, прозвучали автоматные очереди, окрестности осветилось пламенем взрывов.

– Гришка, на дерево! – Крикнул Мальцев, вешая ординарцу на шею свой бинокль.

– Санитарная колонна на краю Пятигорцев на фашистов напоролась, – сообщил ординарец. – Танки! Передний грузовик горит! Прозвучали пушечные выстрелы.

– наших расстреливают! Танками давят! Зарево набирало силу.

– Танки наших давят! – Простонал из дерева ординарец. – Ожидали их! Точно, ждали, сволочь! Автоматные очереди раздавались все реже.

– Все ... – выдохнул ординарец и надолго замолчал, об-

виснув на суку».

Колонна отъехала от Оржицы на расстояние около 15—18 км, где ее ждала немецкая засада на подъезде к Пятигорцам. И ждала она, судя по всему, не автомашины с ранеными, а боевые подразделения, чтобы уничтожить тех, кому удастся прорваться из Оржицы. Для чего посылать вперед санитарную колонну из около ста автомобилей, на что была надежда, была ли проведена предварительная разведка? Ответов, к сожалению, мы не имеем. Факт гибели колонны с ранеными описан в нескольких источниках, поэтому сомнений в том, что так и было, нет. То, что там могло быть не сто а, например, сорок или тридцать автомобилей, суть случившегося не меняет.

Постепенно центр давления на немецкую оборону смещался на юг, на участок обороны 79-го пехотного полка 16-й танковой дивизии между селами Онишки и Остаповка.

Из немецких источников узнаем, что в этот день состоялся первый прорыв советских войск через боевые порядки 16 тд вермахта:

«Утром 20 сентября части четырех российских дивизий, перевезенных из глубины «котла» на его восточную окраину, пошли на прорыв. Они форсировали реку у Онишок (село в 2—3 км севернее Оржицы), прорвали кольцо окружения и вытекли на северо-восток. Немедленно была создана группа быстрого реагирования (усиленный I батальон 64 полка

без 3 роты, одна танковая рота и II дивизион 16 арtpолка) и брошена на угрожающий фланг.

В 17.30 началась контратака. Здесь русская кавалерия попыталась выйти в тыл атакующим. Опасаясь окружения, роты отступили здесь и там в беспорядке на исходные позиции. I батальон 79 полка получил подкрепления, и атака началась заново, поддерживаемая минометами. С криками «Ура!» Солдаты бросились вперед. Сильный артиллерийский огонь русских накрыл кукурузные и конопляные поля. Фонтаны разрывов вставали здесь и там, осколки свистели в воздухе, смачно врезаясь в грунт. Ближе к врагу! И тут россияне открыли огонь из танковых и противотанковых пушек «Ратша-бум» (прозвище советской 57-мм противотанковой пушки, вызванное характерным звуком выстрела, наличие таких пушек в 26-й армии не исключается) ударив в середину наступающих. Как новобранцы, прыгали солдаты от одного укрытия к другому, гроздьями прятались за танками. Наконец удается подняться на холм (господствующая высота со триангуляционной вышкой). Теперь они стоят перед российскими окопами. Завязался ожесточенный ближний бой. Красноармейцы дрались до последнего и почти не сдавались в плен. Да и немцы, ожесточившиеся от упорного сопротивления, предпочитали уничтожать их в окопах, не дожидаясь, пока те подымут руки. Россияне предпочитают быть застреленными в окопах, чем покинуть их; однако солдаты 16 танковой дивизии не менее твердые и решительные: они отбро-

силы врага, который отчаянно бьется, назад и ликвидировали прорыв. К полуночи брешь в обороне 79-го полка была закрыта».

Нет оснований не верить немецкому историку, хотя информация о «четыре дивизиях», да еще и «перевезенных из глубины „котла“» – явное преувеличение. Главный вопрос – что это были за подразделения, как далеко и в каком количестве им удалось прорваться из окружения, кто и в каком количестве, наконец, вышел к своим.

Поскольку кавгруппа утром 20.09.1941 года еще не прибыла в Оржицу, то какое-же кавалерийское подразделение пыталось выйти в тыл контратакующих немцев? Не были ли это подразделения 37 кд?

На восточной стороне окружения пехотные дивизии XI армейского корпуса вели преследование советских войск, которые отходили с целью прорыва, собирая желающих сдаться в плен. В ходе наступления иногда возникали кризисные ситуации с отрядами, которые вырвались вперед:

«Окруженные русские не имели больше особого желания сопротивляться; как кажется, у них была еще надежда прорваться из окружения в северном или восточном направлении. Поэтому нажим на слабую немецкую боевую охрану на восточном берегу Сулы усилился. Так, например, 125-му разведывательному батальону пришлось пережить тяжелые часы на мосту восточнее села Тарасовка (населенный пункт

на берегу Сулы южнее Оржицы).

421-й полк, который постоянно получал по радио призывы о помощи 125-го разведывательного батальона, нанес вечером 20 сентября, по инициативе командира полка, удар силами усиленной роты и взвода противотанковых орудий, чтобы взять Тарасовку и прийти на выручку разведывательному батальону. Быстрыми, мужественными действиями под личным руководством командира полка оберстлейтенанта Райнхардта село было взято, русские отброшены, связь с разведывательным батальоном установлена. При этом в руки попало 1700 пленных».

Очевидно, что речь идет о действиях 421 пехотного полка 125 пехотной дивизии вермахта.

Генерал И. И. Трутко в этот день просил о воздушном подвозе в район с. Белоусовка и о вывозе раненых, но организовать воздушную транспортировку не удалось.

20 сентября 1941 **Аникушкин Ф.**, заместитель командующего 26-й армии, поднимая в контратаку бойцов, будет тяжело ранен осколками мины в ноги и, находясь в полевом армейском военном госпитале в с. Оржица, Полтавской области, попадет в окружение. Истекая кровью, выползет он из госпиталя и начнет тяжелый выход из окружения по тылам врага, из которого, вместе с группой командиров, выйдет 25 октября в районе города Чугуев. Выйдет из окружения, ведя за собой раненых командиров и комиссаров, переплыв с кровоточащими ранами, ледяной Северский Донец

под Чугуевом Харьковской области, но без партийного билета, без документов, без боевых наград.

Разведчик, **лейтенант Иван Скрипка** вспоминал, что в середине сентября от начальника разведпункта подполковника Копылова была получена радиограмма, в которой говорилось, что по оперативным данным разведчики находятся в окружении. Предписывалось выйти в район 12-й кавгруппы, координаты которой прилагались. После марша и выхода в район указанных координат было обнаружено, что в Оржице находится штаб, но не 12-й кавгруппы, а 26-й армии.

Возле села Оржица, перед переправой через реку, пришлось уничтожить автомобили, чтобы они не достались врагу. Переправлялись под постоянным обстрелом противника. Измученных, грязных, мокрых бойцов и командиров на другом берегу встретили немецкие автоматчики, засевшие на деревьях.

Пробившись через засаду, отступающие разведчики наткнулись на немецкий аэродром. Правда, он был замаскирован под поле, на котором то тут, то там стояли снопы. После перестрелки с аэродромной охраной разведчики подожгли несколько самолетов, и пошли дальше на восток. Группа из младших офицеров и бойцов, в которой был и Иван Скрипка на 11-е сутки вышла к своим в районе Ахтырки.

Михин В. С. и сформированное им подразделение весь день держали оборону, немец крепко их бомбил, обстреливал из минометов.

Не об этом подразделении, и другим, ему подобных, наспех созданных в окружении, говорит немецкий историк, описывая прорыв утром 20 сентября?

Лисичкин А. Н. который участвовал в боевых действиях в составе 34 сп 75 сд 21А вспоминал, что в район Гребенки прибыл к ним **батальонный комиссар Гребнев** с политотдела 75-й сд и дал указание на отход в район Оржицы, где (они) заняли оборону. К их приходу район Оржицы обороняли части кавалерийской (?) дивизии полковника Мальцева (?), которая пошла на прорыв, и больше они ее не встречали. В боях за Оржицу погибли **капитан Сушкин и политрук Блохов.**

Капитан Сушкин Петр Иванович, 1907 года рождения, не погиб, а 26.09.1941 года раненым был оставлен на поле боя при выходе из Оржицкого окружения группами, подобран немцами и отправлен в лагерь в Лубны. Далее были другие лагеря, побег, участие в партизанском отряде, скрывание от врага, и так до прихода регулярных войск.

К боям в Оржице весь обоз полка и имущество связи были отправлены на восток. В бою за Оржицу связь держали пешими посыльными. Подразделения 34-го сп обороняли восточную окраину с. Оржица.

Село Оржица было окружено большими силами немцев. В момент обороны Оржицы 34-й сп насчитывал около роты личного состава. Со штабом 75-й сд связи не было, попол-

нение людьми и боеприпасами не получали. Люди в обороне сутками не имели пищи. В Оржице в это время находился медсанбат. По дамбе форсировали р. Оржица отряд моряков и кавалерийские подразделения полковника Мальцева, которые почти все погибли.

Следует заметить, что Федор Васильевич Мальцев командовал 97 сд, на плечи которой лег основной груз обороны собственно Оржицы. Дивизия кавалерийских подразделений в своем составе не имела.

В период 25.08.1941 97 сд ведет бои на острове Кролевец на Днестре в составе 38-й армии, затем снова передана в состав 26-й армии. Практически полностью уничтожена в окружении, в Оржицком очаге Киевского котла в сентябре 1941 года. Расформирована была официально 27.12.1941 года.

И снова возвращаясь к кавалеристам – вероятнее всего, это были подразделения 37 кд, командир полковник Г. М. Ройтенберг (10.7.1941-сентябрь 1941), что с 12.09.1941 года занимала оборону по правому берегу реки Сулы.

Относительно моряков в Оржице – пока найдено мало достоверных данных об их количестве и участии в прорыве окружения.

Жаркие схватки происходили на всех участках. Части 301 сд были сосредоточены в самой Оржице, здесь скопилось большое количество техники, обозов и раненых.

Роль 301 сд в Оржицкий боях, пока не имеет достаточного документального подтверждения. 11 сентября 301 сд сменила части 7-й мотострелковой дивизии и заняла оборону на фронте Процев – Рудяков – Яшники – Андруши. Через четыре дня немцам удалось замкнуть кольцо вокруг 5-й, 21-й, 26-й и 37-й армий, после чего дивизия оказалась в окружении и была уничтожена. Официально расформирована была 27 декабря 1941 года.

Состав 301-й сд на тот период:

1050, 1052 и 1054 стрелковый полк,

823 артиллерийский полк,

337 отдельный истребительно-противотанковый дивизион,

582 отдельный зенитный артиллерийский дивизион,

356 разведывательный батальон,

592 саперный батальон,

757 отдельный батальон связи,

341 медико-санитарный батальон,

390 отдельная рота химзащиты,

727 автотранспортный батальон,

383 полевой автохлебозавод,

977 полевая почтовая станция,

861 полевая касса Госбанка.

Есть информация по сентябрю 1941 года, что неко-

торые части ее были в барышевском котле (1050, 1052, 1054 сп та 337 птд), а некоторые – в оржицком (очевидно – тылы).

Багрово горел вокруг Оржицы горизонт. Он был одинаков и на западе, где только село солнце, и на востоке, куда рвались остатки советских дивизий. Повсюду дымились пожары. Облака, дома, деревья, стены домов отсвечивали пламенно, грозно.

Москвин Иван Уварович (06.10.1914—29.03.1993), служивший в 404 ап 109 мд, вспоминал, что он со своей батареей остановился в роще, недалеко от с. Оржица. Здесь бои продолжались до 20 сентября, когда немцы заняли Лубны, соединились с другими немецкими частями и отрезали им путь отхода на восток. Их полк оказался в окружении вместе со многими другими частями Юго-Западного фронта. Это было большое поражение наших войск.

В соответствии с директивой Генерального штаба от 16.07.41 г. №769/орг 109-я моторизованная дивизия переформирована в 304-ю стрелковую дивизию в составе 807, 809, 812-го сп, 866-го ап и др. частей и подразделений.

О том, что они – в окружении, сообщил **старший техник-лейтенант Лосученко**, который прибежал к ним на батарею, а вскоре они увидели немецкие танки, которые двигались в их сторону. Поскольку их батарея занималась только доставкой топлива и боеприпасов в дивизионе, то они

были почти безоружны, и о том, чтобы прорываться с боем, речи даже быть не могло. Быстро согнав машины в кучу, а бензовозы поставив в середину, они зажгли их. Мощный взрыв и образовавшееся облако черного дыма покрыло все вокруг. Прикрываясь дымовой завесой, они спустились в плавни реки Оржица, пошли в камыши. С этого дня началось их тяжелая жизнь в тылу врага.

С первого дня он (Москвин) поставил перед собой и бойцами его отряда задачу не вступать в столкновения с врагом, выйти из окружения без потерь и как можно быстрее. В первый день их было тридцать три человека (из его воспоминаний узнаем фамилии некоторых из них – **сержант Радченко, Черемных, Егоров**), но на второй день от группы откололся ст. техник лейтенант Лосученко. Вся забота о людях легла на его плечи. Остальные бойцы были полны решимости, желая выйти из окружения в расположение наших войск.

Просидев в камышах до ночи, они вышли к скирдам соломы, немного обогрелись в них, предварительно отжав обмундирование от влаги.

Поняв, что в военной форме в тылу врага им не пройти, Москвин и его товарищи зашли в первое попавшееся село – это была Остаповка (очевидно, Миргородского района) Полтавской области – в надежде разжиться гражданской одеждой. По их наблюдениям, немцев в селе не было. Но стоило им войти – в конце деревенской улицы появились немецкие

мотоциклисты. Наши бойцы укрылись в близлежащих домах. Дом, в который заскочил Москвин, принадлежал многолетней молодой женщине (из его письма военного времени – имя этой женщины – Анна Никифоровна Иванченко). Она не растерялась, тут же принесла пиджак и брюки мужа, который служил в Красной Армии, а военную форму Москвина спрятала в русской печи, заложив ее дровами. Надо ли говорить о том, что эта женщина очень сильно рисковала и собой, и детьми, которых у нее было шесть или семь, все – мал-мала меньше. Младший – младенец.

Затем двинулись в путь, в сторону Миргорода. Пройдя километров пятнадцать, наткнулись на водную преграду – реку Сула, стали искать средства переправы. Помог им в этом пасечник, у которого была лодка. Он, не колеблясь, перевез их всех на другой берег, и еще накормил медом вволю. Теперь их путь лежал по пересеченной местности, почти без единого кустика, только изредка встречались сосновые лесопосадки.

Уже не первое свидетельство участников тех событий подтверждает, что плотной обороны у немцев на левом берегу реки Оржицы не было. Очевидно, что это, в основном, были заслоны в населенных пунктах и мобильные группы.

Между тем 196 сд продолжает свой марш. Дисциплина в 196 сд была безупречна, красноармейцы и командиры устойчиво переносили все тяготы боевой обстановки. Сборы

на марш были недолгими, только сгустились сумерки, подразделения снялись с места и взяли направление на с. Денисовку. Шли всю ночь на 20-е сентября, делая лишь короткие привалы. Были приняты самые строгие меры предосторожности. Впереди колонны следовал разведывательный батальон, автомобильный и гужевой транспорт был сосредоточен в хвосте, замыкал шествие артиллерийский сборный дивизион – ему была поставлена задача прикрывать дивизию от танков противника, если они появятся с тыла (фашистов можно было ожидать отовсюду!).

Для справки, артиллерийские подразделения 196 сд первого формирования: 725-й артиллерийский полк; 739-й гаубичный артиллерийский полк; 228-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион; 484-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион.

В пяти километрах от с. Денисовки танки атаковали именно в хвост колонну 196 сд, как только начало светать – на горизонте медленно напоззали черные коробки.

Комиссар Чечельницкий остался в колонне, а В. М. Шатилов на коне, вместе с И. И. Самсоненко поскакал к пушкарям, на которых была вся надежда. Артиллеристы батареи **старшего лейтенанта Е. И. Кузнецова** приготовились к стрельбе и по команде И. И. Самсоненко, когда танки подошли метров на 150, сделали пять-шесть выстрелов. Немцы не захотели ввязываться в незапланированный ими бой, они шли на усиление охраны переправ через р. Оржица,

поэтому, когда от прямых попаданий артснарядов два танка стали как вкопанные, остальные поспешили уйти.

Капитан Трунов доложил В. М. Шатилову, что комиссар поскакал в голову колонны, где, по его словам, также появились немецкие танки, и бойцы вынуждены были принять бой, им пришлось отбиваться гранатами и бутылками с горючей смесью. Согласно докладу старшего политрука Качанова, случилась беда: фашистский снаряд разорвался рядом со старшим батальонным комиссаром Дмитрием Степановичем Чечельницким, оборвав его жизнь.

Война войной, окружение окружением, а жизнь в дивизии шло своим чередом. Дивизия вошла в Денисовский лес, где людей накормили, дали им отдохнуть.

В рассказе «Война. Украина. Елена Филипенко», из солдатского письма:

«Дорогая сестричка, здравствуй! Небольшой привал позволил написать письмо. Два дня мы прорывали оцепление фрицев. Хотели переправиться через (реку) Оржица. Но силы неравны. От нашей дивизии (196 сд) остался батальон. Оружия нет. Выбираемся мелкими группами. Несмотря на это, хочу тебе сказать – смерть не пугает меня. Каждый день мы поливаем родную землю потом и кровью, часто горькими слезами, без стыда признаюсь тебе в этом. Столько жизней здесь положено! Мы по-прежнему одержимы желанием выжить и снова начать наступление на фашистов. Этой серой чуме нет места не только на советской земле,

но и во всем мире. Надеюсь увидеть тебя, моя хорошая...».

В. М. Шатилов поехал в с. Денисовку, в штаб 116-й сд.

Состав 116-й сд:

Управление дивизии

441-й стрелковый полк

548-й стрелковый полк

656-й стрелковый полк

406-й легко-артиллерийский полк

255-й гаубично-артиллерийский полк

246-й отдельный противотанковый дивизион

305-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизи-

он

178-й отдельный разведывательный батальон

250-й отдельный саперный батальон

231-й отдельный батальон связи

193-й отдельный медико-санитарный батальон

136-я отдельная рота химический защиты

75-я автотранспортная рота

222-я полевая хлебопекарня

26-й дивизионный ветеринарный лазарет

453-я полевая почтовая станция

234-я полевая касса Госбанка

Буянов Виктор Федорович, командир 116 сд в период с 08 сентября 1941 по 27 декабря 1941 года, к 1941 г. – подполковник, умер в мае 1952 г., в звании генерал-майора.

Следует заметить, что командует дивизией Буянов недавно. Из воспоминаний бывшего командующего 38 генерала Д. И. Рябышева узнаем, что в августе, заподозрив неладное, он немедленно выехал на командный пункт дивизии (116-й). Каково же было его удивление и возмущение, когда он обнаружил ее командира спящим на КП. В тесном помещении блиндажа пахло водочным перегаром. Рябышеву было известно, что Еременко (в то время командир 116-й сд) боевого опыта не имеет, среди подчиненных ведет себя высокомерно. А теперь сам увидел, что он обладает и таким недостатком, который выключает его из жизни и борьбы на долгое время как личность. Такому человеку доверять нельзя ни дивизию, ни отделение. Рябышев потребовал разбудить его и отстранил от командования. О том, что произошло, доложил в штаб фронта. В командование дивизией приказал вступить подполковнику Виктору Федоровичу Буянову, который до этого занимал должность замкомдива по строевой части. Полковнику Краснобаеву (начальник штаба?) объявил выговор за проявленную беспринципность.

Оказалось, что уже двое суток 116 сд тщетно пытается форсировать р. Оржица, зацепиться за ее восточный берег. Село охвачено пожаром – горели дома, колхозные здания, вишневые сады, гитлеровцы надежно заперли их и стараются не выпустить из с. Денисовки.

В период боев августа и половины сентября 116 сд понесла значительные потери, но, несмотря на это,

численный ее состав был едва ли не самым большим среди дивизий, попавших в Оржицкий котел. Очевидный факт, что 116 сд ведет бой в с. Денисовке в период 18—19 сентября 1941 года. Основная задача, вероятнее всего, захват моста через р. Оржица и прорыв на восточный берег.

Не до конца понятно, насколько плотным было кольцо окружения 116 сд в с. Денисовке, если В. М. Шатилов беспрепятственно туда прибыл для встречи с В. Ф. Буяновым и так же беспрепятственно ее и покинул. Возможно, что НП В. Ф. Буянова был за чертой окружения.

Командир дивизии подполковник В. Ф. Буянов, как показалось Шатилову, на тот момент потерявший присутствие духа, рассказал, что дивизия фактически разбита, от нее осталось не более батальона и ни одной пушки. Он собирается выйти из окружения, но предпочитает это сделать мелкими группами, советует это и В. М. Шатилову, настаивая на бессмысленности объединяться сейчас.

Относительно артиллерии сказать трудно, а вот что касается человеческих потерь, то Буянов явно преувеличивал.

В. М. Шатилов решает вернуться в штаб корпуса, чтобы доложить А. И. Лопатину о крутой смене обстановки и невозможности взаимодействия с 116-й сд. В рассуждениях В. Ф. Буянова безусловно был здравый смысл. Распрощав-

шись с комдивом и пожелав ему успеха, В. М. Шатилов поспешил к своим. Ему надо было доложить командиру корпуса, что обстановка круто изменилась и поэтому взаимодействие с 116-й сд невозможно. КП генерала находился в селе Оржица. А. И. Лопатин посоветовал вести дивизию туда (в Оржицу), чтобы попытаться прорваться вместе, рассказав, что здесь создается группа прорыва, в нее входит воздушно-десантная бригада. Когда 196 сд включится в эту группу, то возникнет возможность создать в месте прорыва как будто коридор, пропустить по нему других, а потом по этому коридору удастся пройти и ей.

Действительно, в Оржице были остатки 1 вдк под командой генерал-майора Усенко Н.А, но их численность навряд-ли превышала несколько десятков человек, так что назвать это подразделение бригадой можно было только условно.

Днем 20 сентября 196 сд полностью зашла в лес, тянувшийся примерно на 15 километров (от с. Денисовки почти до с. Зарог). Солдаты были на грани крайней усталости. Здесь майор В. М. Шатилов последний раз видел майора Степана Семеновича Керженевского и его жену, военврача 3 ранга Керженевскую Веру Петровну. Во время прорыва их догнал фашистский снаряд, и они навсегда неразлучные, остались лежать в степи под Лубнами.

На пути в с. Оржица 196 сд пришлось отразить несколько атак противника, в отражении одной из них принял участие

и штаб дивизии. В селе Зарог, лежащему на полпути от с. Денисовка к с. Оржица, куда группа штабных работников въехала, неожиданно поднялась стрельба. Оказалось, что большая группа фашистов оседлала дорогу, не пропуская 196 сд в Оржицу. Гитлеровцы оставались верны своей тактике – пытались разбить дивизию на части и уничтожить ее. Командира стрелковой роты, которая рассыпалась в цепь по обе стороны дороги, в этот критический момент ранило. Оценив обстановку, комдив В. М. Шатилов приказал работникам штаба занять место в цепи, принял на себя командование ротой, занял выгодную для отражения атаки гитлеровцев позицию в огородах, откуда просматривались поле и лес, откуда, строча из автоматов, шли около сотни фашистов. Противостояло им чуть больше полусотни красноармейцев, пятнадцать работников штаба и ни одного автомата, зато было два «максима» плюс преимущества обороняющейся стороны.

В. М. Шатилов занял место первого номера за одним из станковых пулеметов, а молодой боец, необстрелянный красноармеец, был вторым номером. Огонь был открыт вовремя, когда гитлеровцы сравнялись с тремя пирамидальными тополями, которые росли на развилке дорог в ста метрах от пулеметов, одновременно обеими «максимами», дружно захлопали винтовки. Атака врага захлебнулась. Уцелевшие гитлеровцы исчезли в лесу. Но через несколько минут появились снова, под прикрытием трех танков, которые взяли невзвесть откуда. Внезапно вокруг фашистских машин начали

рваться снаряды. Одна из них загорелась. Тотчас же открылся люк – и из него начали выскакивать танкисты, которые тут же были уничтожены. Потерпев неудачу, фашисты спрятались в лесу и больше атак не делали. Волшебниками, которые выручили штаб 196 сд с в самую критическую минуту, оказались расчеты двух пушек из артиллерийского полка дивизии. Подходя к с. Зарог, они заметили атакующие фашистские танки и, недолго думая, дали прикурить фашистам.

Остатки 159 сд в составе наиболее действенных сил 26-й армии, продолжали сражаться в районе 20—30 км к северо-востоку от Золотоноши. Этот центр, постепенно сокращаясь, держался до 24 сентября, пытаясь пробиться на восток в район Оржицы, но 159 сд была окружена и вела тяжелые бои у села Кандибовка.

Возможно и так, но 159 сд, малочисленна, деморализована и, как следствие, вряд ли способна дать отпор наступающим немецким подразделениям.

Моряки Днепровского отряда Пинской военной флотилии, оставшиеся в живых, вместе с частями Юго-Западного фронта вели бои в окружении, а позже небольшими группами и в одиночку с боями пробивались по вражеским тылам к линии фронта, чтобы вернуться в состав действующих флотов и флотилий. По официальной версии – под селом Кандибовкой погибло 200 моряков Днепровского отряда Пинской военной флотилии и похоронены в братской могиле в селе Сазоновке.

Попробуем более детально разобраться в событиях, которые произошли под селом Кандибовка Полтавской области в сентябрьские дни 1941 года.

Из воспоминаний **Нины Алексеевны Масенко**, отличницы народного образования, ребенка войны, школьницы первого послевоенного выпуска в 1950 году, бывшего завуча Кандибовской школы, заместителя председателя ветеранской организации села Сазоновка. Она помнит, как в ее родное село пришли в сентябре 1941 года немцы и выгнали их семью из дома. Помнит, как пришлось ее маме с тремя детьми жить в землянке. Помнит, как на их огороде враги расстреляли двух разведчиков. Помнит много и, чтобы не забыть, рассказывает обо всем увиденном и пережитом современникам:

«Начался бой за наше село, по-моему, 20 сентября. Было мне тогда восемь лет, и многое я не помню. Но уже после войны, после того, как я закончила сначала педучилище, а затем Киевский пединститут имени М. Горького и стала работать в Кандибовской школе, на уроках, на встречах с моими учениками, старожилы нашего села рассказывали, что бои за село были очень жестокими. Оно переходило несколько раз из рук в руки. Вечером первого дня немцы захватили хутор Китаевщину. А уже ночью моряки завязали рукопашный бой с врагами».

Вы спросите, как на сухопутной территории оказались моряки?

Дело в том, что в июле 1941 года Пинская военная флотилия, созданная годом ранее на базе Днепровской, была разделена на три отряда. Третий, Днепровский, действовал на реке Днепр.

Когда войска Юго-Западного фронта оставили Киев, моряки, подорвав свои боевые корабли, сошли на левый берег Днепра и сосредоточились в Дарнице. Нелегким был последующий боевой путь моряков флотилии. Вечером 19 сентября с личного состава кораблей, тыловых и штабных подразделений флотилии, которые сосредоточились в районе Дарницы, был сформирован отряд моряков, который состоял из двух батальонов, отдельной роты и роты офицерского состава. Возглавлял отряд капитан 2-го ранга И. И. Брахман. Позже к ним присоединились моряки других отрядов Пинской флотилии. Отсюда они пошли на Борисполь, чтобы там соединиться с отступающими войсками и выходить из окружения.

«Вместе с бойцами Юго-Западного фронта моряки вели бои в окружении. Не одну атаку захватчиков отбили богатыри в черных бушлатах. И хотя ряды их таяли, они, израненные, измученные, вставали на новые и новые контратаки. Земля была устлана трупами. Но силы были неравны. На следующий день враги ввели новые войска и овладели селом.

Среди моряков в живых не осталось никого (?). В те дни здесь, в боях за Кандибовку, погибло более трехсот воинов Юго-Западного фронта, среди которых было 200 (?) моря-

ков. Многих жители похоронили здесь же, на месте гибели, в траншеях, а после освобождения села, 23 сентября 1943 года, останки мужественных бойцов были перенесены на сельское кладбище, а в 1968 году – в братскую могилу в центре с. Сазоновка.

Здесь были похоронены 337 человек. Сначала были известны имена только двух погибших: **лейтенанта Захарова А. И. и солдата Савицкого А. Е.**.. Потом, в результате проведенной поисковой работы было обнаружено и документально подтверждено еще несколько имен защитников села: **Лазаренко Е. Д., Максименко А. З., Бурносов И. М., Чернобаба Ф. А., Рыжов Н. Д., Вакула М. Ф.**».

Нина Алексеевна вспоминает 1983 год. Сорокалетняя дата освобождения села. Необычные торжества господствовали здесь. По инициативе партийной организации и правления колхоза «Маяк», исполкома Сазоновского сельсовета и Совета народных депутатов, при широкой поддержке районного комитета партии и управления районного Общества охраны памятников истории и культуры на месте кровопролитных боев грозного сорок первого в селе Кандибовке открывали памятник.

На отполированной из черного мрамора плите выбита надпись: «Героическим защитникам земли Оржицкой – морякам Днепровской военной флотилии, погибшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками в сентябре 1941 г.

в селе Кандибовка».

У подножия стелы встроен обычный корабельный якорь, который, по воспоминаниям старожилов – очевидцев тех сентябрьских дней, моряки оставили здесь, на месте боев. Долгое время якорь хранился у жителей села, и только теперь этот немой свидетель боев моряков и гибели героев занял здесь свое почетное место.

Сейчас у этой гранитной страницы мужества героев фронтовых будней проходят ежегодно 23 сентября торжества, посвященные Дню освобождения Кандибовки, и приуроченные к этой дате праздник ветеранов и пожилых людей.

Теперь обратимся к известным на данный момент фактам. К началу войны с Германией в рядах Пинской флотилии служили 2300 краснофлотцев и офицеров, до конца войны дожили лишь несколько десятков человек.

По документам последний бой флотилия провела под Борисполем (курган Язвина могила), но в селе Карань (Переяслав-Хмельницкий) стоит памятник с надписью, что именно здесь моряки приняли последний бой.

Опять же – события под Кандибовкой, где погибло 200 моряков.

Необходимо признать, что подвиг моряков под Кандибовкой не так известен, как, например, место последнего боя моряков на поле возле села Иванков Бориспольского района Киевской области.

История их боя под Кандибовкой требует дальней-

шего исследования: к какому отряду они относились? сколько их было? остался кто живой? известны кому подробности боя? или только здесь они были (известны свидетельства об обстреле немцами из пулеметов группы людей «в черном» на подходе к селу Филипповичи со стороны Драбова).

Точно известно, что моряки под Кандибовкой принадлежали к Черкасской группе Днепровского отряда Пинской военной флотилии. Часть кораблей не смогла прорваться в Киев (третья группа) и затем были взорваны экипажами и затоплены 17 сентября 1941 в озере (затоне) Лезерень в 25 км от Черкасс после ухода наших частей из-за того, что оказались в безвыходной ситуации.

Из известных нам судов это:

1. БКА №45 (бывший «КУ-19») – построен в 1934 году в городе Пинск на верфи «Портовые мастерские ВМС Польши». 21.09.1039 года затоплен в Королевском канале ок. Кузличина. Поднятый водолазами ВМФ СССР, отремонтированный в Пинском порту. 24.10 1939 включен в состав Днепровской флотилии, затем вошел в состав Пинской флотилии.

2. БКА №54 (бывший «КМ-14») – построен в 1932 году в Польше, бронированный посыльный катер, затопленный экипажем в 1939 году. Поднятый советскими водолазами, отремонтирован и включен в состав Днепровской, а потом и Пинской флотилии. С марта 1941 переклассифицирован

в сторожевой катер (СКА), в апреле 1941 года вновь стал бронекатером.

3. Плавающий госпиталь «Молотов». Водоизмещение 400 т. Размеры 61,4 x 8,5 / 13,4 x 1,35 м. ГЭУ котломашинна, 250 л. с. Скорость 15 км / ч (8 узлов). Экипаж 35 чел., Включая медперсонал. Бывший грузопассажирский пароход производства СБ-7а Днепровского речного пароходства Наркомата речного флота. Построен в 1932 г. (завод «Ленинская кузня», Киев). Мобилизован 23.06.1941 г. и вошел в состав Пинской флотилии как госпитальное судно. Входил в состав Днепровского отряда речных кораблей. Расформирован 16.08.1941 г. и 16.09.1941 г. затоплен в оз. Лезерень.

4. Плавбаза «Белоруссия».

5. Тральщик №34.

6. Катер связи.

Экипажи этих судов и, очевидно, моряки с наземных служб флотилии в количестве около 200 человек были сведены в один отряд, загрузились на 10 автомобилей и отправились в Киев через Золотоношу. По одному из печатных источников под Золотоношей отряд принял первый бой с гитлеровцами, в котором погиб командир. После этого, 18.09.41 г. направление движения колонны был изменено на восточное и в с. Кандибовка отряд принял бой и понес первые потери. **(После этого (авт..)** На автомашинах удалось доехать до района поселка Оржица – дальше дороги были забиты обозами. Здесь отряд спешился, смешался с частями Крас-

ной Армии и прорывался из окружения мелкими группами.

В воспоминаниях участников Оржицких боев есть ссылка на то, что отряд моряков перешел дамбу, в другом – перешел болото.

Много лет повторяются данные о том, что под Кандибовкой погибли ВСЕ ДВЕСТИ моряков, однако, судя по всему, это не так.

Краснофлотец Зегельман Сергей Владимирович первый боевой опыт получил в Советско-финскую войну, на Балтийском флоте. В Великую Отечественную войну (20.09.41) попал в плен у Оржицы. После освобождения из плена воевал на 2-м Украинском фронте в составе 27-й армии. Участвовал в освобождении Будапешта. Закончил войну в звании старшины. Награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени. После войны продолжил службу на озере Балатон.

Правда не понятно, что значит «у Оржицы», или это все таки у Кандибовки Оржицкого района, или у самой Оржицы, или, возможно, у с. Оржица Гребенковского района?

Уже в течение полутора суток кавалеристы Борисова контратаками отбрасывали противника от с. Белоусовка, уничтожив у противника 6 танков и до 400 человек пехоты. В этом бою кавгруппа понесла потери убитыми и ранеными более 200 человек, в том числе был ранен командир 32 кд полковник **А. И. Бацкилевич**.

Кавгруппа четко выполняет приказ командарма-26, привлекая к себе силы противника и давая шанс стрелковым дивизиям продолжать движение на указанные им исходные позиции. Однако, только 196 сд находится в движении, пытается пробиться через р. Оржица то в с. Круподеренцах, то в с. Савинцы и возле них. 159 сд застряла в Кандибовке (или у нее) где, в конце концов и погибнет. 116 сд уже около двух дней ведет бои в с. Денисовке, упорно пытаясь пробиться именно здесь (хотя, вероятнее всего, возможны и другие решения, что полностью зависит от ее командира подполковника Ф. Буянова). 264-я сд, судя по всему, также застряла на подходах к Кандибовке.

Но в Белоусовке в это же время вели бои не только кавалеристы.

Вот свидетельство **Поздьева Ивана Ивановича** – служившего в 14-м особом железнодорожном батальоне, которым командовал бравый капитан Сушко: «Пробивались они с боями по территории, уже занятой врагом, в направлении города Полтавы. Под селом Белоусовка (в районе г. Лубны Полтавской области) остатки их батальона были разбиты. Командир роты оказался малодушным человеком: убежал от них ночью и попал к немцам. Весь день 20-го сентября они в окружении отражали атаки немцев. Руководил ими **политрук** роты по фамилии **Рычаг**. Они с ним держались до последнего патрона. На закате дня приказали всем мелкими

группами выходить из окружения и идти в Полтаву».

Кончилось тем, что их в разных местах и в разное время переловили, согнали в кучу, окружив танкетками и кавалеристами, и погнали назад, в киевском направлении. Кто не выдерживал пути, падал на дорогу, того пристреливали. Прошел И. И. Поздяев полевые лагеря военнопленных под Пирятином, Яготином, под Киевом (в Дарнице). Политрук Рычаг умер от истощения. Выжили только молодые. Затем, после Дарницы, И. И. Поздяев побывал в нескольких лагерях в пределах города Киева. Сделал три неудачных побега из плена. После третьего побега его в группе офицеров-военнопленных перевели в лагерь Бабий Яр, затем на северную окраину Киева через Подольский район в Куренёвку, откуда ему удалось бежать в Бобровицкий район, в партизанский отряд «За Родину!». Помогла ему и бывалому разведчику Григорию Маклакову убежать **киевская подпольщица Нина Ковшунова**, передав им за колючую проволоку план маршрута побега.

Вот цитата из дневника Поздяева:

«Двадцатисемилетний **старшина Дударь** был командиром взвода в кузнечной роте 14-го Особого железнодорожного батальона. У него всегда был бравый подтянутый вид, безупречная строевая выправка; он всегда излучал спокойствие, уверенность и оптимизм; был очень толковым военным, про каких говорят: военная косточка. Когда остатки нашего батальона оказались в болоте около села Белоусов-

ка и были пленены (а мы с командиром отделения Волковым на тот раз сумели выбраться), то в числе других попали в плен и Дударь, и политрук Рычаг. После мне рассказали, что произошло с ними. Немцы всех пленных выстроили в один ряд и вначале потребовали выдать политруков. Пригрозили, в случае отказа сообщить, расстрелять каждого пятого, затем начали отсчитывать и выводить намеченные жертвы. Никто не признавался, все угрюмо молчали. Тогда немцы ужесточили условия и начали выводить для расстрела каждого третьего. И тут Дударь сказал пожилому политруку Рычагу: „У тебя дети, тебе нужно выжить ради них, а я – неженатый, мне не о ком беспокоиться, кроме этих несчастных: я выйду вместо тебя!“. Вышел старшина из строя и сказал: „Я – политрук!“. Фашисты тут же убили Дударя на глазах у всех. Затем погнали колонну в лагерь. После в лагере в Дарнице – где пленных морили голодом – спасенный от расстрела старшиной Дударем ценой своей жизни молодой уже политрук Рычаг заболел дизентерией и умер».

Ночь на 21 сентября приближалась. Красноармейцы в Оржице давно исчерпали ближние колодцы. Все надеялись, что скоро начнется переправа.

Верховное командование сухопутных войск вермахта временно запрещает использовать трофейное имущество и технику в 48-м танковом корпусе и посылает полковника Леттова (Lettow), начальника артиллерийского отдела штаба 3, для надзора над тамошним имуществом.

В 5.00 в штабы соединений XI корпуса поступил приказ на наступление. Проведенная ранним утром воздушная разведка позволила скорректировать представление о местах сосредоточения основных сил 26-й армии и уточнить задачи дивизиям.

Части 79-й пехотной дивизии заняли г. Золотоноша, тогда как остальные силы 6-й полевой армии вышли на линию с. Безбородовка – Драбов – Белоусовка.

Перед 257-й и 239-й дивизиями находятся сравнительно слабые силы, а основные сосредоточены перед фронтом 125-й.

Поэтому генералу Коху теперь казалось правильным изменить направление движения левофланговых соединений в северо-восточном направлении. Главной осью должна стать железнодорожная ветка Вознесенск – Золотоноша. Ориентируясь на нее, 257-й и 239-й дивизиям следовало наступать до тех пор, пока они не сомкнутся с немецкими соединениями, атакующими с севера и северо-запада.

С рассветом полки 125-й пехотной дивизии продолжили движение в глубь котла.

В 9.15 солдаты 421-го полка заняли лес севернее с. Большая Буромка и провели его зачистку. Его передовые части выдвинулись на гряде холмов западнее с. Новый Махнач. Отходившие советские войска оказывали незначительное сопротивление. Тем не менее командир полка решил потратить два часа времени, чтобы подтянуть пехоту и артилле-

рию для штурма. В атаку он определил усиленный 2-й батальон.

Боевая группа майора Р. Шмидта в 11.30 доложила о занятии с. Марьяновка. Ей удалось взять в плен 30 красноармейцев и многочисленные обозы. Все свидетельствовало о том, что под удар попали тыловые части.

Почти без боя усиленный 2-й батальон 421-го полка занял северную часть с. Новый Махнач и продвинулся вплоть до моста через реку. Здесь солдатам пришлось остановиться, так как переправа оказалась разрушенной. Первая же попытка чуть не привела к потерям: все подступы к мосту оказались заминированы. От боевой группы майора Р. Шмидта пообещали направить взвод саперов. До его прибытия солдаты 421-го полка оставались в бездействии.

Перед прибывшими в 12.30 саперами командир 421-го полка поставил задачу: разминировать подходы к мосту, оценить степень его повреждений и приступить к ремонту.

В 13.20 командир 125-й дивизии получил новый приказ от штаба XI корпуса. Перед соединением стояла задача продолжать наступление в общем направлении на северо-восток, одновременно уничтожая войска противника в районе к западу от р. Сула. В качестве усиления придавался 466-й полк, ранее находившийся в с. Чернобай. В соответствии с полученными задачами командир 125-й дивизии определил новую цель для своих полков: выход к руслу р. Оржица.

Тем временем 419-й полк был атакован советскими

войсками численностью до батальона. Бой продолжался до 13.30 и завершился не в пользу советских подразделений. Немецкое наступление им удалось несколько приостановить, однако вскоре немецкие солдаты возобновили движение.

Уже через четверть часа боевая группа майора Р. Шмидта заняла с. Чигринов и достигла р. Старый Иржавец, выставив охранение фронтом на юго-восток. В нескольких километрах впереди был виден хвост уходившей автоколонны. Немецкие орудия открыли по ней огонь, уничтожив за несколько минут 15–20 грузовиков.

В связи с изменившейся обстановкой командир 125-й дивизии потребовал от 421-го полка ускорить движение в северном направлении. Одному из батальонов поручался захват с. Чутовка, другому – с. Новоселица. В занятых населенных пунктах следовало организовать прочную оборону, чтобы не допустить прорыва советских войск на юг.

К 14.30 завершилась переброска батарей 4-го дивизиона 125-го артиллерийского полка, которые заняли огневые позиции у с. Крестителево. Вскоре орудия 3-го дивизиона открыли огонь по скоплению советской пехоты в районе с. Чутовка. По данным наблюдателей, там находилось около двух стрелковых полков.

Во второй половине дня 420-й полк вышел на северную окраину с. Ивановка, по приказу командира дивизии туда же стал перебрасываться 466-й полк.

На этом марш частей 125-й дивизии в основном завер-

шился. Части стали закрепляться на достигнутых рубежах. Отдел 1-ц доложил, что за сутки в плен захвачено 7600 плен-ных.

Новые разграничительные линии, определенные штабом XI корпуса для 239-й дивизии, требовали задействования всех трех пехотных полков в одной линии.

Построение их оказалось следующим: справа – 444-й, в центре – 372-й и слева – 327-й полки. Восточнее русла р. Крапивна действовали 444-й и 372-й полки, тогда как 327-й наступал в некотором отрыве от основных сил дивизии и с открытыми флангами.

Передовой отряд перебросили на высоты у с. Савищина, поставив перед ним задачу препятствовать попыткам прорыва в северо-восточном направлении.

Утром поступил доклад от командира 327-го полка по результатам ночных боев по удержанию плацдарма. В целом они оказались удовлетворительными, и основная задача полка – сохранить плацдарм и не допустить прорыва советских войск из котла – была выполнена. С сожалением командиру дивизии пришлось осознать, что 327-му полку нанесены значительные потери. Русские, пользуясь ночной темнотой, неоднократно прокрадывались вплотную к оборонительным позициям немцев и расстреливали солдат практически в упор.

В 10.00 327-й полк выступил с плацдарма. Его продвижение было замедленно отсутствием слева частей 257-й пехот-

ной дивизии. Поэтому командир полка получил разрешение начать активные действия не ранее, чем соседи займут высоты у с. Синеоковка. В противном случае левый фланг окажется чрезмерно растянутым и уязвимым для контратак.

Поэтому основной удар теперь нанесли 444-й и 372-й полки. Выступив в 10.00, они, почти не встречая перед собой сопротивления, быстро продвигались вперед. Около полудня они достигли соответственно сел Кривоносовка и Хрущевка. Здесь полкам пришлось задержаться по двум причинам. Первая связана с тем, что 125-я дивизия немного отстала, и требовалось время, чтобы она выровняла фронт наступления. Вторая причина заключалась в изменении направления для дальнейшего продвижения. Дело заключалось в том, что поступили доклады от немецких войск, действовавших с севера. От сел Белоусовка и Драбов они перешли в наступление, отесняя советские войска на юг, в сторону XI корпуса и 16-й танковой дивизии.

Также стало известно, что основные силы 26-й армии концентрируются вдоль русла р. Сула с центром у с. Оржица, готовясь к прорыву в восточном направлении. Собственных сил здесь у немцев было недостаточно, и надежды, что удар удастся удержать, было мало. Поэтому командир XI корпуса приказал развернуть ось наступления на северо-восток. Перед ними поставили задачу выйти на линию с. Чернещина – северная окраина с. Зоревка.

После полудня перед полками 239-й дивизии вновь пока-

зались моторизованные колонны, идущие на прорыв. Однако при свете дня у них не имелось никаких шансов: немецкая артиллерия сравнительно легко и быстро расстреливала их, не позволяя приблизиться к передовой линии обороны.

Передовой отряд после короткого боя занял высоту 116,0, захватив три зенитных и два противотанковых орудия. Подсчитав остальные потери, майор Райфенштуль повел своих солдат на север. Вскоре они заняли с. Красеновка и приступили к его зачистке.

В 12.30 в штаб 239-й дивизии поступило сообщение о том, что 257-я дивизия заняла с. Монжаковка и тем самым вышла на одну линию с 327-м полком. Последний теперь получил возможность атаковать, не беспокоясь за состояние своего левого фланга.

В 15.25 его солдаты достигли ветки Зоревка – Вознесенск, передовые части вышли на северную окраину с. Чернещина, высвободив тем самым 2-й батальон 372-го полка, оставленный здесь в качестве прикрытия.

Передовой отряд майора Райфенштуля в 21.00 перешел в с. Савищину, прикрыв фланг дивизии с этого направления. В дальнейшем он должен был занять с. Озёра.

Наступление 239-й дивизии развивалось почти без перерывов. Полки соединения, пользуясь отсутствием на своем участке организованного сопротивления, старались прорваться как можно дальше, чтобы не дать времени бойцам 26-й армии прийти в себя.

В 19.00 444-й и 372-й полки заняли район с. Красеновка и северо-западнее от него и находились в готовности занять до исхода дня с. Клименки и Кандыбовка.

Глубокий прорыв внутрь котла, даже с открытыми флангами, должен был привести к полной дезорганизации окруженных войск. Именно к таким последствиям приводила немецкая тактика во время Французской кампании.

Однако, как отмечали сами немцы, русские оказались не в пример крепче. Они продолжали оказывать сопротивление и наносить удары даже в такой, казалось бы, безнадежной ситуации. Поэтому немцам приходилось быть осторожнее, постоянно заботиться о флангах и готовиться к отражению новых прорывов.

Особенно беспокоил левый фланг, где соседи вновь отстали. Солдаты 327-го полка уже в сумерках заняли высоту 125,0 и укрепились на ней. Однако такую оборону нельзя было считать достаточной.

Вечером 444-й и 372-й полки заняли линию южнее с. Регушовка – северная окраина с. Кандыбовка. Им казалось, что советские войска полностью обескуражены и серьезного сопротивления уже не окажут.

В с. Чернещина остался 2-й батальон 372-го полка, не успев за светлое время нагнать свою часть.

Ранним утром части 24-й пехотной дивизии атаковали от с. Плиски в направлении г. Золотоноша. Под ее удар попала колонна, двигавшаяся вдоль железной дороги. Она была

разгромлена, и в плен попали до 1000 красноармейцев и командиров.

После этого успеха 24-я дивизия выводилась из боя на этом направлении. Ее 102-й и 31-й полки, двигаясь по двум дорогам, направлялись к селам Большие Каневцы и Чернобай и далее на северо-восток. Конечным пунктом назначался район с. Борисовка – Крестителево, который предполагалось достичь уже к вечеру.

Оставшийся фронт прикрывал 32-й полк вплоть до его смены частями 257-й дивизии, после чего отправлялся по дороге вслед за 31-м. На своем прежнем участке временно оставался и разведывательный батальон.

Однако поставленная цель оказалась недостижима. К вечеру 31-й полк достиг с. Крестителево, 102-й – с. Раздол, 32-й – с. Чернобай.

Несмотря на запаздывание, командование XI корпуса рассматривало возможность участия соединения в боевых действиях уже 21 сентября на участке между 239-й и 125-й дивизиями.

На следующий день командование XI корпуса планировало дальнейшее продвижение в глубь котла с целью выхода к руслу р. Оржица. Казалось, сопротивление войск 26-й армии сломлено, ее командование полностью утратило управление своими войсками, а те – деморализованы и не способны ни на какие решительные действия. Никто, ни генералы, ни солдаты не предполагали, с чем им придется столкнуться

буквально через несколько часов. Разумеется, немецкие командиры допускали, что сжатые на маленьком участке у р. Оржица советские войска пойдут на прорыв, но не предполагали всех его масштабов. На 21 сентября они планировали выход к реке и полное уничтожение котла.

На момент принятия генералом Кохом своего решения на участке 239-й дивизии части 26-й армии заканчивали свои приготовления к прорыву из окружения. Для немцев он оказался неожиданным и неприятным сюрпризом.

В ходе наступления 20 сентября части XI корпуса вышли к железнодорожной ветке Золотоноша – Пирятин, в то время как г. Золотоноша был занят частями наступавшей с севера 79-й пехотной дивизии. Тем самым окружение 26-й армии было завершено. Высвободившуюся 24-ю дивизию командование корпуса смогло перебросить правее для усиления группировки, наступавшей на Оржицу. Совместно с 257-й дивизией ей надлежало создать здесь фронт на восток и выдавливать советские войска на окопавшиеся полки 16-й танковой.

Первая половина дня для солдат 134-й пехотной дивизии прошла так же, как и в предыдущие дни, а именно – в непрерывающемся марше. Только после полудня стали поступать тревожные сообщения от соседей.

Из штабов 293-й пехотной и 16-й танковой дивизий доложили, что их боевые порядки атакованы крупными силами советских войск, рвущимися из окружения в северном

направлении.

Положение у с. Белоусовка и в долине р. Чумгак весьма напряженное, не исключено, что здесь немецкая оборона не выдержала ударов и каким-то частям 26-й армии удалось выскользнуть из котла.

Командир 134-й пехотной дивизии немедленно поднял по тревоге 446-й и 439-й полки и поставил перед ними новые задачи.

Солдатам первого из них поручалось ускоренным маршем двигаться через села Тарасовка и Давыдовка на с. Драбов, а второму – прочесать берег р. Чумгак в восточном направлении.

Оберсту Шварцу, командиру 134-го артиллерийского полка, отдали приказ оказывать наступавшей пехоте всю возможную поддержку.

Третий из пехотных полков соединения – 445-й – пока оставался в резерве.

К 17.30 положение немного прояснилось, и оказалось, что поводов для беспокойства существенно меньше, чем казалось ранее. В с. Драбов прежде 134-й вошли солдаты 262-й пехотной дивизии. Поэтому 446-й полк, достигший к этому времени с. Давыдовка, пришлось там остановить.

Около 18.30 в штаб 134-й дивизии доложил лично оберстлейтенант Райнерт, что его солдаты расположились не в с. Давыдовка, а дальше – в с. Михайловка. Контакт с соседями – 293-й дивизией и 439-м полком – пока отсутствует.

Из-за проблем со связью долгое время не удавалось определить местоположение 439-го полка. Только поздним вечером от него поступило сообщение, что его батальоны благополучно перешли по мосту в свх. Ильича.

День прошел вопреки первоначальным ожиданиям без крупных боестолкновений. На пути атаковавших немецких полков попадались только мелкие группы красноармейцев, старавшиеся избегать боя с противником. Личный состав и лошади были сильно утомлены, и им требовался отдых. Однако командование XXXV корпуса по-прежнему гнало свои войска вперед.

35-й армейский корпус (нем. XXXV. Armeekorps) – общевойсковое соединение сухопутных войск Вермахта. Образован 20 января 1940 г. как Главное командование 35-го армейского корпуса (нем. Generalkommando XXXV. Armeekorps). Командир- генерал артиллерии Р. Кэмпфе (до 19 июля 1942).

Ф. Гальдер записал в дневнике:

«Противник пытается поспешно собрать свои разбитые войска в районе Полтава, Красноград, Харьков и наступлением их в районе Ромны задержать дальнейшее продвижение группы Гудериана на восток. Противнику, пожалуй, удалось вывести из Киева больше войск, чем мы ожидали, и теперь эти войска предпринимают попытки прорваться на северо-восток и восток. В кольце окружения начинается кризис».

21 СЕНТЯБРЯ

Приказ СТАВКИ ВГК №002224 командующему 26-й армией о порядке выхода из окружения. Копии командующему войсками Юго-Западного фронта. 21 сентября 1941 г. 18 ч 00 мин.

«Больше решительности и спокойствия. Успех обеспечен. Против вас мелкие силы противника. Массируйте артиллерию на участке прорыва. Кирпонос 21.9. с Потаповым и Кузнецовым [в] районе Городище. Пробивайтесь вслед за нами на Лохвицу, Ромны. Вся наша авиация действует на вас. Ромны атакуются нашими войсками. Наши части занимают фронт Лютеньки, Белоцерковка. Повторяю, больше решимости, спокойствия и энергии в действиях. Докладывайте чаще. Б. Шапошников» ЦАМО. Ф. 48 а. Оп. 3408. Д. 15. Л. 470.

Войска 26-й армии продолжают вести ожесточенные бои в окружении.

196 сд еще вечером 20 сентября достигла Оржицы.

Из воспоминаний В. М. Шатилова, в то время исполняющего обязанности командира 196-й сд – утром 21 сентября над Оржицей появились немецкие самолеты. Они летели на небольшой высоте, оставляя за собой шлейф густого темно-зеленого дыма. Нарисовав кольцо, которое хорошо проецировалось на фоне чистого неба, самолеты исчезли. И. И. Самсоненко и В. М. Шатилов, которые наблюдали за манипуляциями немецких летчиков, поняли, что немцы в большом котле сделали маленький для их 26-й армии, пер-

сональный, так сказать. Они предупреждают, что дело табак, чтобы солдаты сдавались.

Догадка И. И. Самсоненка подтвердилась. Вскоре пришла новая группа самолетов, которые сбросили не бомбы, а листовки. На искаженном русском языке в листовках предлагалось «русь золдатам» прекратить сопротивление и «штук в земля». Командование вермахта обещало «соблюдать жизнь» и отпустить сдавшихся в плен, по домам. «В противном случае смерть». В листовках сообщалось, что Красная Армия разбита и перестала существовать. Москва, Петроград, Киев пали и поэтому выхода у российских солдат нет. К тому же 26-я большевистская армия окружена и ее окончательный разгром – дело «пары дней».

Каким бы тяжелым и трагическим ни было положение, но ни у кого из бойцов и командиров 196-й стрелковой дивизии не возникло и мысли принять предложение фашистов. Каждый из воинов был готов скорее погибнуть, чем сдаться на милость врага. Сердца их до краев заполняла ненависть к гитлеровским захватчикам и убийцам, она звала к борьбе до последней капли крови!

Фашисты для большей убедительности решили подкрепить угрозу делом. С дальнобойных орудий они начали интенсивный обстрел Оржицы, несколько раз прилетали «юнкерсы» и почти с землей сравнивали это большое и красивое село.

В. М. Шатилов, вспоминая то трудное время, не перестает

восхищаться стойкостью красноармейцев и командиров своей дивизии. Выдержать ежедневный натиск врага это не так-то просто, для этого нужно не только в кулак зажать нервы, но и перестать уставать, надо, несмотря ни на что, совершать марши, обороняться, ходить в атаки, оборудовать позиции, копать окопы, то есть заниматься обычной, тяжелым солдатским трудом.

Первый день пребывания 196-й сд в Оржице прошел относительно спокойно, если не считать артобстрела и бомбардировки. Подразделения дивизии эту паузу использовали для отдыха и подготовки к прорыву. В оперативной группе штаба забот было не впрокорот.

Ряды дивизии поредели, не вернулись с рекогносцировки заместитель командира **майор Михаил Иванович Карташов** и начальник четвертого отделения **капитан Дмитрий Тихонович Курбатов** (1903 года, интендант 3-го ранга, официально – пропал без вести в сентябре 1941 года) – «главком штабного делопроизводства», как в шутку называли его товарищи.

Особенно остро ощущалось отсутствие капитана Трунова, который был, без преувеличения, глазами и ушами дивизии. Известно, как важно, по возможности, все знать о противнике: его численность, вооружение, расположение, намерения. Без этого нельзя воевать. И если дивизия была и действовала, если она крепко насолила фашистам, то, без сомнения, в этом в немалой степени «виноваты» капитан Трунов и его

разведчики. И вот теперь, когда, словно ночь, дивизию окружает неясность, когда, как воздух, как солнечный свет, необходимы данные о том, где противник слабее, чтобы вырваться из его капкана, Трунова нет – он не вернулся с задания, скорее всего, попал в безвыходное положение и погиб, хотя слово «тупик» не вяжется с этим смелым и чрезвычайно изобретательным человеком, которого постоянно сопровождает удача. Сколько раз за три месяца боев он со своими разведчиками попадал в такой лабиринт, из которого, кажется, выбраться было невозможно, а Трунов выбирался и получал такие данные о фашистах, по которым в штабе дивизии легко было планировать боевые действия.

Третий день Трунов не появлялся, и В. М. Шатилов, зная его, хотя и не терял надежды, все же думал, что случилось непоправимое.

Забегая вперед, скажем, что, к счастью, предположения В. М. Шатилова не оправдались. Капитан Трунов вернулся (когда дивизия уже подошла к линии фронта).

После короткой артподготовки генерал Ф. Я. Костенко в нескольких местах форсировал р. Оржица штурмовыми группами стрелков и саперов и захватил небольшие плацдармы на левом берегу. Однако все попытки прорваться из этих плацдармов на восток были отражены огнем танков и артиллерии противника, который закрепился на господствующих над рекой высотах.

184-й полк пытался пробраться на восток через реку Ор-

жица. Но немцы прямым попаданием разрушили деревянный мост.

Фактически это первое упоминание о повреждении моста.

Непонятно, о каком 184-м полку идет речь, если о 184-м стрелковом Краснознаменном полку, то он был в составе 56 сд, которая на 19.09.1941 года уже была расформирована, в Оржицких боях участие не принимала.

Из воспоминаний Михина В. С. узнаем, что они перешли в атаку. Немец не выдержал, отступил на 8 км. Из его людей ранили **старшего техник-лейтенант Соколовского**, который, видя безнадежное положение, сам себя застрелил. Кроме него ранили **младшего техник-лейтенант Бондаря**. Ели плохо, то есть то, что было с собой у каждого.

Вспоминает бывший шофер **майора Садовского** (заместителя командира 240 сп) красноармеец 240 сп 117 сд **Мионов Иван Григорьевич**, что числа 21 сентября 1941г., не доезжая немного до переправы, они остановились. Майор сказал: «Вот здесь и ждите, а то разбомбят, скопилось много (машин)» и все вышли из машин и пошли к переправе, а мы (водители) с машинами остались. Переправа эта где-то под Лубнами. Минут 30 или час прошло, их стали обстреливать, они к земле, и поползли в ярок. Там наш пулемет застрочил, а потом замолчал, попали в пулемет и пулеметчика, пулеметчик убит, пулемет разбит. И оказалось, немец недалеко был от оврага и их взял в плен. Немцы, которые их взяли в плен,

в зеленой форме, оружие у них было – автоматы, сожгли при них машину.

И погнали их, и пригнали в Лубны на мельницу, там уже были пленные. Там И. Г. Миронов встретил однополчан, шофера полкового, который возил продукты, и писаря. Спрашивают его, где майор, он рассказал, как дело было, и вот оказался, мол, среди вас.

173 медсанбат 117 сд 21 армии также попал в «оржицкий котел». Командиром 173 мсб был **военный врач 2 ранга Чурилов М., комиссаром – Родионов Семен Иванович**, он из Куйбышева, из известных – **военный врач 3 ранга Масленников Борис Михайлович**, медсестры **Бородин М. Д. и Коваль М.**, командир санитарного взвода **Семенов Петр Семенович**, тоже врач из Куйбышева.

Из воспоминаний **капитана Э. Пискунова** – из Пирятина они (187 сд) отошли в район Оржицы, где окончательно было завершено противником их окружение. Их 187 сд в составе 21 армии начала отход в направлении Гомеля, Новозибковки, Клинцов, Прилук, Пирятина и конечным пунктом оказался поселок городского типа Оржица. При отходе приходилось вести тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Было два варианта отхода: один – на восток в сторону Брянска; другой – на юго-восток по ранее указанному им направлению. Очевидно, решение было принято, чтобы отходить на юг из следующих соображений. Во-первых, в направлении Пирятина и Оржицы от-

ходили 5-я и 26-я армии, оборонявшие Киев; во-вторых, хотя их армия была недостаточно укомплектована личным составом и вооружением, но, соединившись с армиями, отходившими из Киева, представляла значительную силу. Когда их части соединились с 5-й и 26-й армиями в районе Пирятина и Оржицы, то оказалось, что они представляли собой жалкие остатки с очень ограниченным количеством боеприпасов. Пополнение же горюче-смазочных материалов и боеприпасами абсолютно отсутствовало. Каждая часть в поставках проявляла полную самостоятельность.

Дивизия (187 сд) к этому времени оказалась достаточно немногочисленной. Часть личного состава за время боев вышла из строя, а часть личного состава, к сожалению, разошлась по домам.

Дивизия при формировании была укомплектована личным составом, в основном, из Черниговской области. И вот при отходе через населенные пункты, из которых были призваны солдаты, часть личного состава, которая была слабее духом, разошлась по домам. Командир дивизии генерал-майор Иванов был ранен. Конечным пунктом отхода был н. п. Оржица. В этом населенном пункте скопилось огромное количество техники и различного вооружения. В основном, это была артиллерийская техника, автотранспорт и обозы трех армий – 5-й, 21-й и 26-й.

В Оржице около трех дней вели бои в окружении. Артиллерийские снаряды закончились, а артиллерийские ору-

дия из грозного оружия превратились в обычные безмолвные мишени. К стрелковому оружию также не осталось боеприпасов. Положение сложилось весьма критическое. Сзади оставался Днепр, а впереди р. Оржица с заболоченными берегами. Сама река Оржица для живой силы, как водная преграда, не представляла большой помехи, но перед рекой на расстоянии 200—800 метров по обе стороны были сильно заболоченные, труднопроходимые даже для живой силы поймы. Технику можно было переправлять только через мост. С дороги свернуть ни в одну, ни в другую сторону было невозможно.

Провели неоднократные атаки пехоты и кавалерии с целью захвата переправы через реку, чтобы в дальнейшем построить мост и попытаться прорваться из окружения. Все их атаки оказались безуспешными. Слишком они оказались в невыгодном положении. Все ожидали, какое будет принято решение старшим военным начальником. Таким военным начальником оказался командарм 26-й армии генерал Костенко.

Командующий артиллерией дивизии (187-й) **полковник Дмитриев** послал Пискунова доложить о состоянии артиллерии дивизии и получить дальнейшие указания, что делать дальше с артиллерией. Доклад его был выслушан, но указаний никаких не было. Так он вернулся ни с чем. Положение становилось все хуже и хуже. Когда всем стало ясно, что овладеть единственной дорогой и переправой, по кото-

рым можно провести технику, невозможно, начальство дивизионов собралось на совещание. Решался один вопрос, как быть дальше. Боеприпасов нет, среди личного состава начали проявляться случаи недисциплинированности. Нужно было срочно принимать решение о дальнейших действиях. Стало очевидным, что артиллерию без боеприпасов и горючего вывести невозможно. Конский состав из артиллерии и обозов частично был уничтожен на питание. Было принято решение, в этой обстановке, пожалуй, единственно правильное: артиллерийские системы затопить.

Из Википедии – 187 сд погибла в боях в сентябре 1941 года в Белоруссии. Официально была расформирована лишь 1 ноября 1941 года.

Из книги И.Х.Баграмяна «Так начиналась война»:

«...21 сентября Костенко сделал первую попытку прорвать фронт 1-й танковой группы Клейста. После небольшой артподготовки дивизии начали форсировать реку Оржица. Враг оказывал ожесточенное сопротивление. Туда, где передовым подразделениям удавалось уцепиться за левый берег, фашистское командование бросало свои танковые части. Наши бойцы встречали вражеские танки огнем артиллерии, бутылками с горючей жидкостью и гранатами. Люди снова и снова поднимались в атаку. В безуспешных попытках форсировать реку дивизии истратили почти все боеприпасы».

Вспоминает бывший старший военфельдшер эвакуа-

ционно-транспортного взвода 173 мсб 117 сд Волкова Александра Егоровна – окружение за окружением и наконец, 21.9.41г. они попали в окружение в Оржице. Когда строили переправу, немец не давал строить. Какой-то капитан организовал 240 полк (240 сп 117 сд) и 156 железнодорожный батальон, (они) пошли освобождать село, откуда немец не давал строить переправу (очевидно – с. Онишки). Александру Волкову и Наташу, тоже из Куйбышева, их послали вот с этими 240-м сп и 156-м жд батальоном.

240-й сп и этот 156-й жд батальон освободили село, немец из села отступил, они заняли оборону в кукурузе от села недалеко. Село заняла какая-то другая часть и давай по ним бить, а с другой стороны немец. Впереди немец, а сзади свои стали бить по ним и все пустились вплавь через реку снова в Оржицу.

Связи не было и больше защищаться нечем было и переправились вплавь через эту р. Оржицу. Помнит, вроде цепи натянули через реку. Она начнет тонуть, уже пузырьки над головой, кто-то схватит за гимнастерку и поднимет, как на цепь.

Как все это напоминает описанный ранее расстрел из пулеметов офицеров, которые пытались вернуться на Оржицкий берег реки.

Вспоминает бывший начальник 5 отделения штаба 117 сд **майор Долгошеев Афанасий Яковлевич** – при переходе вплавь реки Оржица (солдаты и офицеры) тону-

ли и кричали «Помогите!», «Спасите!», Потому что илистое дно реки засасывало, и этот район сильно обстреливали минометным огнем и авиацией.

Вскоре у Ф. Я. Костенка подошли к концу снаряды, одновременно разведка донесла о появлении севернее Оржицы разведроты Гудериана.

Непонятно, какое уже значение имело появление разведроты Гудериана севернее Оржицы, когда танки Хубе уже несколько дней стояли в Онишках и других селах по берегу р. Оржица. Просто кольцо окружения стало еще меньше.

Связи со штабом фронта у генерала Ф. Я. Костенка не было. Он связался по радио с Москвой и передал в Ставку радиограмму:

«Продолжаю вести бой в окружении в районе Оржица. Боеприпасов нет. Помогите авиацией». 21 сентября 17 час. 12 мин.

«Армия находится в окружении. С армией окружены все тылы ЮЗФ, неуправляемые, в панике бегут, забивая все пути внесением в армию хаоса.

Все попытки пробиться на восток успеха не имели. Делаем последнее усилие пробиться на фронте Оржица. Если к утру 29.9 с. г. не будет оказана реальная помощь вспомогательным ударом с востока, возможна катастрофа.

Штарм 26 – Оржица. Костенко, Колесников, Варенников».

Солдаты три ночи подряд ремонтировали мост через р. Оржица. В последнюю ночь удалось тракторами НАТИ-5 перетаскать через мост артиллерийские орудия (гаубицы).

В ту же ночь в распоряжение армии Ф. Я. Костенка были сброшены с самолетов боеприпасы с добавленной запиской маршала Шапошникова. Начальник Генштаба приказывал генералу Костенку повернуть севернее и пробиваться на Лохвицу вместе с колоннами Кирпоноса, Потапова и Кузнецова. Выполнить этот приказ командующий 26-й армией уже не успел.

Из воспоминаний **красноармейца Дедова Павла Петровича** известно, что 209 кап 26-й А с другими частями был окружен у реки Сула Полтавской области. Выйти из окружения не удалось. Закончились снаряды, по приказу командира полка (Буркова) вся материальная часть была приведена в негодность. Полк занял оборону у села Оржица Полтавской области.

21 сентября 1941 Дедов П. П. был контужен, после обеда в село ворвались танки с пехотой. Полк погиб в Киевском котле, Оржицком очаге. Остатки полка и Дедов П. П. попали в плен. Под усиленным конвоем многих за них привели в Хорол, в Dulag-160 (Хорольская Яма).

При анализе данных военнослужащих 209 кап, попавших в плен в районе Оржицкого котла видим, что меньшая часть личного состава 209 кап были взяты в плен в районе Денисовки, большая часть – в районе

Оржицы.

Из материалов допроса (органами НКВД) **Н. В. Силкина, сержанта** 1-го формовочного артиллерийского дивизиона (причисленного как артмастер) при штабе 21-й армии – в городке Оржица 21 сентября 1941 весь артдивизион был окружен немецкими войсками. При попытке выйти из окружения [они] были разбиты, после чего небольшими группами стали расходиться по разным направлениям, пытаясь выйти из окружения.

Вспоминает бывший начальник штаба 321 отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 117 сд **лейтенант Рохманюк Михаил Дмитриевич**, что последним пунктом, где они еще вели организованный бой, была Оржица.

21 сентября они получили приказ уничтожить все документы, раздать личному составу наличные деньги и быть готовыми к прорыву в направлении Лубны. Как позже выяснилось, 117 сд в эти дни вела бои севернее Оржицы, хотя один из ее батальонов оказался в районе самой Оржицы. В Оржице вместе со штабом 26-й армии закончил путь Военторг 21-й армии (работников его Рохманюк знал, а девушка-бухгалтер вместе с ним начала одиссею на восток).

Вот его слова:

«Чаще всего, в сложной обстановке, мы плохо или неправильно действовали не потому, что были законченными трусами или дубарями, а просто не хватало жизненного и боевого опыта. На пространстве от Киева до Лубен и от Ромен

до Золотоноши было четыре армии, десятки боеспособных (пусть и поредевших) дивизий, по самой скромной оценке более 1000 орудий. И в этих условиях не пробить ни одного коридора в более чем 100 километровой линии фронта немцев Ромны-Лохвица-Лубны-Золотоноша! Не было не только опыта, не было в этом кольце талантливых генералов и хороших штабов фронта и армий. А солдаты и командиры, собери их и организуй, выполнили бы любую задачу. Незнание обстановки многих погубило в этом огромном кольце. Не знали кратчайшего пути к своим войскам из кольца, а выходить из окружения, минуя населенные пункты и главные дороги, даже в форме и с оружием в ночное время не представляло сложности, было только очень тяжело физически.

Пребывание даже в таком колоссальном, как Киевское, окружении, а тем более пребывание в плену долгий период было смертельно опасным, если не для жизни, то уж наверняка для карьеры, и поэтому мы, как правило, читаем: «Был ранен, пришел в себя уже в плену». Это только для частного случая верно, а тысячи сдавались без ранения, когда не было другого выхода: кончились боеприпасы, горючее, продовольствие. Особенно в первый период войны. Но по существующим тогда уставам «Сдача в плен – измена Родине» со всеми вытекающими. Сколько после войны было команд: «Предоставить к увольнению побывавших в плену», «Предоставить к увольнению тех, кто находился в окружении». И увольняли, в том числе отличных офицеров».

Вспоминает бывший красноармеец штаба 240 отдельного батальона связи 117 сд **Першин Василий Фомич**, что часто приходилось передвигаться вдвоем с шофером, и ему сказали, что ни при каких обстоятельствах машину с документами врагу не оставлять. Так было до Оржицы, где он все сжег по указанию Костромитина.

Его тогда 21.9.41г. чуть не застрелил какой-то майор в Оржице за, якобы, поданный сигнал противнику, когда он (Першин) вылил бидоны с бензином на документы штаба батальона. Майор подошел, обругал его, наставил пистолет, а **капитан Костромитин** вцепился ему в руку и сказал, что это его приказ. Смерть была бы легкая.

В Оржице он боевых частей не видел, все были из второго эшелона. Посреди села стояла зенитная пушка, но она не стреляла».

Продолжаются локальные бои в районе с. Белоусовка, которые ведут остатки отдельных подразделений и различные группы, которые пытаются найти возможность выйти из окружения, самой крупной и организованной из которых является кавгруппа Борисова.

Аркадий Романович Галинский служил в отделе комплектования штаба 26-й армии Юго-Западного фронта. 21 сентября 1941 за селом Белоусовка Полтавской области Аркадий Романович был легко ранен – осколок гранаты поцарапал спину. Немцы обнаружили его, когда он скрывался у села Круподеренцы в стогу сена: немецкие солдаты шли

по полю и прокалывали стога штыками.

Так Аркадий Романович попал в Пирятинский лагерь (Пирятин – город в Полтавской области), куда немцы собрали остатки разгромленных ими пяти армий. Это было 22 сентября 1941 года. Через сутки, 23 сентября, Аркадий Романович со своим тяжело раненым другом **Александром Дмитриевичем Желудковым** (у которого были оторваны три пальца на руке) собрали группу для побега из лагеря. Они бежали ночью, переодевшись в гражданскую одежду, но с оружием.

После боя за Белоусовку, расположенную северо-восточнее Канева, военному штаба 26-й армии **полковому комиссару Федору Ивановичу Зиновьеву** было поручено уничтожить оперативные документы, дорогое имущество штаба и самостоятельно пробиваться на восток. Выполнив задание и организовав небольшой отряд, Зиновьев решил переправиться через реку Сулу в районе Оржицы. Но ни 21 сентября, ни в последующие дни реку преодолеть не удалось, от отряда осталась небольшая группа. Зиновьев, как и некоторые другие бойцы, был контужен и ранен. Начались страдальческие 16-месячные мытарства по тылам противника.

Зиновьев Федор Иванович – в последующем командир 74-й стрелковой дивизии 57-й армии 3-го Украинского фронта, генерал-майор. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года. Воевал на Юго-Западном, Степном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Будучи военным ко-

миссаром штаба 26-й армии, участвовал в обороне Днепра южнее Киева. В сентябре 1941 года в районе города Канев попал в окружение. 16 месяцев (!) шел по фашистским тылам на восток. Дважды бежал из гитлеровского плена. 16 января 1943 в городе Миллерово был освобожден из плена советскими разведчиками. С марта 1943 года – помощник начальника оперативного отдела 3-й танковой армии, с августа 1943 – командир 1310-го стрелкового полка 19-й стрелковой дивизии, с весны 1944 – начальник штаба 73-й гвардейской стрелковой дивизии, с ноября 1944 и до конца войны – командир 74-й стрелковой дивизии.

К вечеру 21.09 противник, предприняв серию атак танками и бронемашинами с мотопехотой, отрезал кавгруппу комбрига Борисова от штаба 26-й А, захватив села Кандибовку, Регушовку.

Уже в сумерках в с. Белоусовка состоялось совещание командиров трех дивизий. Командир группы комбриг А. Б. Борисов предложил ночью прорваться в сторону Оржицы, где, по его сведениям, находится штаб армии.

Основным направлением избрали с. Кандыбовка. В первом эшелоне атаки предстояло действовать двум полкам 43-й дивизии. В конном строю в ночь с 21 на 22.09.41 они атаковали немецкие позиции, с боем прорвались через с. Кандибовку и расчистили путь остальным. Уничтожили группу немецких солдат и сожгли два бронетранспортера. К утру группа прибыла в Оржицу

Во время этого прорыва, вероятнее всего, погиб **Бумажков Тихон Пименович** (1910-сентябрь 1941), один из первых организаторов партизанских отрядов во время Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (6.8.1941). Родился в Чаусском районе Могилевской области. По национальности он белорус. В 1930 году окончил школу рабочей молодежи. Стал коммунистом, член КПСС с 1930. Завершил обучение в химико-технологическом техникуме (1933). С 1933 по 1935 год находился на службе в Красной армии. С 1935 года – директор завода, затем председатель Петриковского райисполкома Полесской области, с июля 1939 года – 1-й секретарь Октябрьского РК ВКП (б) Полесской области БССР. В начале войны командовал партизанским отрядом «Красный Октябрь» в Белоруссии. Имея связь с частями Красной Армии, отряд Бумажкова наносил ощутимые удары по тылам и штабам противника, уничтожал мосты. 16 июля 1941 был разгромлен штаб 59-й немецкой дивизии в селе Оземля Октябрьского района. 6 августа 1941 комиссар Тихон Бумажков и командир отряда Федор Павловский первыми из партизан были удостоены звания Героя Советского Союза.

Во второй половине августа 1941 Т. П. Бумажков был направлен в действующую армию. В состав конной группы прибыл в группе офицеров-политработников запаса, направленных в распоряжение полковника А. И. Бацкалевича ЦК КП (б) Белоруссии, по просьбе штаба генерала-ин-

спектора кавалерии Красной Армии генерал-полковника А. И. Городовикова.

В той группе, напомним, находился также, в частности, секретарь Полесского обкома партии батальонный комиссар Ф. М. Языкович.

Погиб Т. П. Бумажков в бою в районе села Оржица Полтавской области в сентябре 1941 года (хотя официальные документы свидетельствуют о более поздней гибели).

Партизанский комиссар Тихон Бумажков в последнем письме к жене писал: «Цени свою Честь. Не опускайся. Будь настоящей подружкой моей. Верь в победу, она близка!».

Языкович Федор Михайлович (5.2.1903—7.4.1943) родился в селе Старое Залитвинье Могилевской губернии, погиб возле станции Бриньово железнодорожной линии Брест – Гомель. Один из организаторов и руководителей партизанского движения на территории БССР. В 1941 году 2-й секретарь Полесского обкома КП (б) Белоруссии. В августе 1941 призван в Красную армию: военный комиссар кавалерийской группы. С марта 1943 1-й секретарь Полесского подпольного обкома КП (б) Белоруссии и командир Полесского партизанского соединения. Погиб в бою. За мужество и самоотдачу при выходе из Оржицкого окружения был награжден орденом Красного Знамени.

Как узнаем из воспоминаний **Петрова Михаила Александровича**, командира взвода конных разведчиков, утром 21 сентября 1941 года они остановились в небольшом сосно-

вом лесу у большого села. Карта его давно закончилась, и они ехали по подсказкам местных жителей. Поставили посты наблюдения, а двух украинцев он послал в деревню на разведку: узнать кто в деревне? Как двигаться дальше? Расспросы местных жителей надо было вести только на украинском языке. Многие националисты «по-кацапски» и разговаривать не хотели. Вот почему он послал двух украинцев на разведку.

Прошло часа полтора. Прибегает один из наблюдателей и сообщает, что в направлении их рощи из села выезжает бронемашина и машина с солдатами. Дал команду приготовиться, а сам побежал уточнить, в чем дело. К опушке леса метров 200. На краю поляны пригнулся под ветви ели и выпрямился уже перед дулом автомата. Немец кричит: «Хальт!» Не успел понять, что делать, а справа кто-то сильно бьет его по кисти правой руки, где был пистолет. Страшная, резкая боль в сухожилиях руки. Вскрикивает, пистолет летит на землю. Его сбивают с ног и заламывают руки назад. Сильная боль все никак не утихает. Позволили встать. Все, приехали. Взвод взяли без выстрела. Затем бойцы рассказывали, что слышали, как он закричал.

Их привели на какой-то полевой стан или МТФ (молочно-товарная ферма). Лошадей они больше не видели. Посадили под навесом. Через полчаса из конторы выходит офицер и говорит: «Кто старший?» Петров встал. Заводят в контору полевого стана. На стенах еще висят агитационные при-

звыи: «Дадим Родине зерна, молока. Создадим изобилие продуктов» и другие. За столом сидели еще два офицера. Как позже Петров узнал – в селе Сазоновка стоял механизированный разведывательный дивизион (вермахта).

В это время через двор, где они сидели, ведут большую партию наших пленных. Ведут, не останавливаясь, мимо. Вдруг откуда-то эту контору и двор начали обстреливать из миномета. Началась паника. Пленные вместе с конвоем разбежались по укрытиям. Дом, где Петров только что был, загорелся. Выпущено было по двору с десятков мин. Когда все стихло, конвой начал собирать пленных в колонну, куда загнали и их.

Данный факт свидетельствует о том, что отдельные части и группы продолжали сопротивление и попытки вырваться из окружения.

Продолжались бои и в районе села Денисовка и прилегающих к нему территориях.

Вспоминает бывший красноармеец запасного полка 21-й армии **Панков Павел Михайлович**, что немец их все прижимал и прижимал и в селе Денисовка 21 сентября их накрыли немцы. Здесь остатки их подразделения взяли в плен.

Из воспоминаний **старшего лейтенанта Пуганова Владимира Тихоновича** известно, что часто им приходилось следовать на старые места и обратно, вообще, чувствовалось, что они находятся в окружении. Последний маршрут им был дан в Золотоношу, но она оказалась занятой вра-

гом. После был указан пункт – Оржица. Когда часть из них прибыла в село Денисовка, у Оржицы, они не смогли найти своего начальника, **подполковника Морозова** и дальнейшего маршрута не получили. В районе Оржицы Полтавской области собралась большая группа окруженцев всех родов войск. Эти войска оказали серьезное сопротивление гитлеровцам. Несколько дней велись активные боевые действия. Фашисты, подтянув свежие силы, перешли в наступление, усилив огонь артиллерии и минометов. Налет авиации окончательно развеял их.

Далее обстановка складывалась еще труднее. Противник вел очень сильный артиллерийский огонь, несколько раз группы наших войск пытались прорваться, но безрезультатно. Гитлеровцы, подтянув свежие силы, перешли в наступление и взяли село. Наши, наспех сколоченные подразделения, не имели больше боеприпасов, были истощены и вынуждены были отходить.

Пуганов был контужен и получил тяжелые удары в области грудного отдела позвоночника, ему отказывали ноги. Сколько и где он бродил, сказать не может, отсчет времени было потеряно, прячась в разбитых домах, в поле, лесах и так далее.

Из книги **Порфирия Андреевича Андреева** «Крутые версты от Суры» узнаем, что подразделение, где воевал автор, отступало из Прилук через Пирятин. Последние несколько суток немцев не видели. Все были удивлены –

о каком-то таком окружении болтали наши командиры, показалось, им что ли, от испуга?

Порфирий Андреев, уроженец села Чебаково, Ядринского района Чувашии, сам написал о себе. Что-то подсказало любознательному и уязвимому мальчику, что самое интересное надо записывать и хранить. А потом, через много лет, выписывал из памяти картины военного лихолетья по просьбе московского писателя Олега Смирнова, известного целым рядом произведений о войне.

Впечатления, картины мирных и военных будней и составили эту необычную книгу. Особая она еще и тем, что тщательно и подробно рассказывает о жизни в плену. В плену, который, в большей своей части, не за колючей проволокой. Многие, наверное, даже и не знают, что был такой плен. Но и о мирных годах удивительный рассказчик Порфирий Андреев рассказал так, что это тоже читается с неослабевающим интересом.

«Утром 21 сентября вошли в село Денисовка Оржицкого района Полтавской области. Утро мрачное, туман, моросит мелкий дождик. Перешли в селе овраг, по плотине пруда (ставка по-украински) вышли на другую сторону улицы. На конце улицы кукурузное поле. И вот тут послышались автоматные и пулеметные очереди. Значит, за околицей идет бой. Прежде всего, надо выяснить обстановку. Село большое, несколько улиц, расположенных зигзагообразно и перпендикулярно друг к другу. Много оврагов, в них устроены

пруды. Судя по всему, здесь до них уже расположились какие-то части, дымят полевые кухни, много машин и повозок. Организованных, дисциплинированных подразделений, очевидно, нет. Всюду бродят бойцы, растрепанные, обросшие, безразличные. В одном доме распахнутые окна, слышится музыка. За столом, уставленным водкой в бутылках и консервными банками, сидят три лейтенанта, полностью пьяны. Один уткнулся в стол носом и спит, другой – мычит какую-то песню, третий заводит патефон. Пластинку Порфирий запомнил.

«Что же ты опустила глаза,

Разве я солгал...».

Модное до войны танго. Посмотрел Порфирий на них, постоял, плюнул, повернулся и вышел. Сволочи они, но кем то же командуют!

Во дворе погреб. В украинских домах подпола нет, картофель хранят в погребах. Заглянул в погреб. Вот это да! Такого он еще не видел: в яме сидят бойцы, полно бойцов, сидят и ждут! Чего ждут? Ясно, немцев ждут, плена. Порфирий затрясся от злости. Загнал патрон в патронник, приставил винтовку и закричал, как бешеный:

– Сволочи, куда забрались? Здесь ваша передовая? Выходи по одному, а то всех перестреляю!

Испугались, стали, кряхтя, вылезать. Выстроил. Человек 25. Покричал еще немного перед ними.

– Сержанты есть?

– Есть! – Отозвался один.

– Принимай команду!

– Вперед!

И повел на передовую. Она оказалась недалеко, сразу за кукурузной плантацией. Человек 30 бойцов в окопах отстреливались от немцев. Строчил ручной пулемет, командовал лейтенант.

– Товарищ лейтенант, принимайте пополнение. В селе полно бойцов, почему же не привели их?

– Ты только прибыл? Значит, ничего не знаешь. Здесь такое творится! Скоро друг друга перестреляем. Как только тебе удалось этих привести?

– Что за лейтенанты в крайней хате?

– А черт их знает, третий день пьянствуют.

– Да неужели нет начальства выше?

– Как нет? Есть! Попрятались где-то».

Вывод один – 116-я стрелковая дивизия фактически неуправляема, удивляться тому, что она топчется на месте несколько дней, нечему. Офицеры пьянствуют. Командир дивизии потерял веру в возможности прорыва.

«До вечера продержались. А потом появились немецкие танки и стали поливать наши окопы свинцом. Отстреливаясь, бойцы углубились в кукурузу. Ночь прошла в тревоге. На передовой «самодеятельная» оборона, никто не командует. Лежит боец, постреливает, покуривает. А потом встает

и уходит. На его место приходят другие, ложатся, стреляют. Просто наугад, по привычке. Командиров Порфирий не видел. Тот лейтенант тоже пропал.

Окружения бывают разные. Порфирий и его друзья и раньше бывали в таких ситуациях. Но там были свои люди, боеспособная часть, и было пространство для маневрирования. А здесь все чужие, никто друг друга не знает и, главное, сжатые вместе в нескольких улицах села. Если бы немцы захотели, то свободно могли бы передавить солдат танками, но они терпеливо «давали плоду созреть», свои солдаты им нужны были живые, и они не хотели погибать. Они не спешили. Кроме тактических и стратегических факторов, окружение обладает еще одним свойством психологического характера: оно подавляет бойцов и командиров морально своей обреченностью, безысходностью. Если в бою можно надеяться и на авось, то в окружении этого шанса нет. Здесь ясно: или смерть или плен. Третьего не дано.

Кругом враги, плотное кольцо немцев, оснащенных первоклассной техникой. Это остро чувствуют и бойцы и командиры. Расстрелять в такой обстановке бойца, зная, что его товарищи поднимут тебя на штыки, – для этого нужно большое мужество. Часто в таких случаях командиры накладывают на себя руки. Порфирий помнил одного старшего политрука. Когда после очередного неудачного прорыва из окружения бойцы отступили, политрук в отчаянии выругался матом, приставил к виску пистолет и выстрелил.

Ночь в Денисовке прошла в бесплодных попытках вырваться из окружения. По-всякому пытались, и по воде, и на машинах, – все без толку».

Вот воспоминания **лейтенанта Герасимова** из рассказа Шолохова «Наука ненависти» о событиях в районе Денисовки:

«... Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В сентябре я был первый раз ранен, но остался в строю. А 21-го, в бою под Денисовкой, Полтавской области, был ранен второй раз и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, вслед за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, положили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а затем они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким чужим голосом, окончательно осипшим. Мы перебежали в долине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это – все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо».

В основу повествования легла история плена политрука 27-й отдельной роты медицинского усиления 26-й армии Юго-Западного фронта **Зиновия Яковлевича Фердмана**. Фердман попал в плен 21 сентября 1941 вблизи села Денисовка Полтавской области, был помещен в лагерь военнопленных в селе Боканка, 26 сентября бежал из лагеря и 21 ноября вышел в расположение советских войск.

У Шолохова, который во время войны почти не бывал на линии боев, скорее всего, не было живого разговора с Фердманом. Об этом свидетельствует и документ, хранящийся в фонде КП-233 Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова – несколько страниц из шолоховского блокнота под названием «Опросы политрука Юго-Западного фронта 26-й армии 27-й отдельной роты медицинского усиления Фердмана Зиновия Яковлевича».

Рассказ в опросе ведется от первого лица. Фактически это – свидетельства Фердмана сотруднику особого отдела, которые названы опросом вместо допроса через еврейское происхождение Фердмана: немцы не выпускали евреев из плена живыми. Фердман не мог хотеть попасть в плен, не мог быть завербован немцами как диверсант, он мог только бежать из плена. Это автоматически снимало с него все возможные обвинения в измене и освобождало от дальнейших репрессий со стороны НКВД.

Стилистика записанных Шолоховым показаний Фердмана свидетельствует о том, что Шолохов, пожалуй, либо при-

существовал на допросе, либо переписал протокол показаний Фердмана в особом отделе.

Среди прочего Фердман дал следующие показания:

«Попал я в плен вместе с рядовыми, без знаков различия, и поэтому остался жив, а командиров, которые не успевают снять знаков различия, сразу берут отдельно, очень сильно издеваются и затем сразу же расстреливают.

Привели нас вечером в лагерь, а на утро вокруг себя я увидел тысяч 20 человек, копошились в грязи, тесноте, оборванные и избитые. Многие, обессиленные от голода, валялись под ногами. Хотя есть давали каждый день, – всем не хватало. Менее сильные физически не ели по 4—5 дней. Кормили просом и подсолнечником. От этого очень много людей умирало от запора. Каждый день выносили по 10—15 мертвых».

Согласно официальным документам Фердман З. Я. пропал без вести в январе 1943 года.

Отразив все попытки прорыва 19 и 20 сентября, оберст Хёфер стабилизировал ситуацию на своем участке обороны.

Напомним, что это – командир боевой группы, выделенной Хубе для действия на правом фланге его дивизии.

К утру нового дня, наблюдая ослабление атак, он пришел к выводу, что противостоящие ему силы советских войск истощены. Не ставя в известность вышестоящее командование, он решил атаковать с. Круподеренцы, создать там плацдарм и установить локтевую связь с 16-м разведбатальоном, нахо-

дившимся в с. Савинцы.

Для атаки оберст Хёфер выделил один батальон 64-го полка. Но его выдвижение задержалось из-за того, что единственный пригодный для переправы мост оказался поврежденным. На его починку у саперов ушел весь световой день, и только к вечеру он был готов.

Очевидно, что речь идет о мосте через р. Чумгак, что протекает в долине между Круподеренцами и Филипповичами.

В 21.30 солдаты 2-го батальона оберст-лейтенанта Райманна начали выдвижение на исходные позиции.

Уже в сумерках они столкнулись с крупной войсковой колонной, следовавшей от реки им навстречу. На пароль не последовало никакого ответа, и немцы решили, что перед ними советская войсковая часть, каким-то образом просочившаяся через боевые порядки. Солдаты противника немедленно открыли винтовочный и пулеметный огонь по колонне. Часть красноармейцев, не ожидая такого удара, разбежалась, часть сдалась в плен.

Утром 97-я дивизия полковника Ф. В. Мальцева пошла на прорыв с рубежа у Оржицы. Одновременно 116-я – в районе с. Денисовка. Все попытки не увенчались успехом. Поэтому в течение дня наиболее боеспособные части стали стягиваться в район Оржицы, где намечалось основное направление прорыва.

Артиллеристами 98-го гаубичного артполка **майо-**

ра Н. П. Кузнецова из 97-й дивизии был возведен мост в районе г. Оржица. Были засыпаны проемы между опорами разрушенного моста и таким образом создана импровизированная дамба. По ней с утра удалось переправить на противоположный берег до сотни автомашин, которые сосредоточились на южной окраине с. Онишки. В 11.00 21 сентября после десятиминутной артиллерийской подготовки в атаку пошли части 97-й дивизии. Возглавил их какой-то командир в звании комбрига. Если нет ошибки в определении звания, то этим человеком вполне мог оказаться **И. И. Щербаков**, занимавший должность интенданта кавалерийской группы.

Достаточно быстро немцы не только обнаружили место переправы, но и подготовились к отражению атаки. Несколько раз ходили на прорыв бойцы 69-го и 233-го полков 97-й дивизии, но безуспешно, пробить в немецкой обороне брешь, достаточную для вывода окруженной группировки, им не удалось. В боях на переправе был убит командир 233-го полка **майор И. К. Ботвенко**, а комбриг **И. И. Щербаков** был тяжело ранен и попал в плен.

По командирам полков КОВО – 97-я сд: 69-й сп – подполковник С.Х.Альбинов; 136-й сп – полковник Ф.А.Вережкин; 233-й сп- подполковник Д.В.Михайлов. А вот в 189-й сд в 864-м сп командиром был майор Ботвенко И. К..

В 23.00 **майор Н. П. Кузнецов** повел свою группу на прорыв в сторону г. Лубны. С включенными фарами

на предельной скорости автомашины пророскочили немецкие окопы и к 1.00 22 сентября достигли с. Пятигорцы и Михновцы. Поскольку у автомашин закончился бензин, дальше было решено выходить пешим порядком. В селах были оставлены раненые, которых было невозможно взять с собой, а транспорт уничтожен. Разбившись на мелкие группы, красноармейцы самостоятельно двинулись в восточном направлении.

Вот здесь есть нестыковка, так как согласно другим данным, под Пятигорцами колонна была разбита немцами. И было ли это наступление или попытка вывезти раненых?

Вечером в части 6-го корпуса поступил приказ, который требовал прекратить бесплодные атаки и перейти к обороне. По мере того как техника или вооружения будут выходить из строя или к ним закончатся боеприпасы, их следовало уничтожать.

Для 209-го корпусного артполка 21 сентября фактически стало последним днем существования. Подполковник Д. К. Бурков лично следил, как красноармейцы выводили из строя орудия, ломали и сжигали трактора и автомашины. Выпустив последние снаряды по противнику, артиллеристы ушли в пехоту.

Около 19.00 генерал А. И. Лопатин отдал приказ частям корпуса разбиться на группы по 4–5 человек и самостоятельно пробиваться на г. Лубны. По имевшимся в штабе армии

данным, там оборонялись четыре наших полка. Никто даже не подозревал, что в Лубнах уже противник и приказ войскам идти в его сторону означает для них верную гибель.

К этому времени 26-я армия удерживала район овальной формы диаметром около 30 км. Северный край окружения достигал с. Красеновка, на западе – с. Чернобай, на юго-западе – с. Ирклиево, на юге – с. Большая Буромка.

По факту – уже намного меньше, так как все означенные населенные пункты захвачены немецкими войсками.

Во время перехода штаба в с. Денисовка 21 сентября попал в плен **подполковник О. С. Ярохович**, начальник 2-го отделения отдела укомплектования 38-й армии.

В г. Лубны на момент появления передовых частей 16-й танковой дивизии оказался подполковник О. С. Ярохович из штаба 38-й армии. После атаки немцев на штаб армии он вместе с тремя командирами поехал в северном направлении, пока не добрался до г. Лубны. Решив, что на восток ему не прорваться, он со своими спутниками направился на запад и разыскал в с. Кандыбовка штаб 26-й армии. Там он оставался вплоть до 21 сентября, так и не получив никакой новой должности.

При отражении прорыва 21 сентября солдатами 16-й танковой дивизии был взят в плен командир 884-го полка 196-й дивизии **майор С. П. Жук**. Он рассказал на допросе, что его дивизии был придан танковый батальон, насчитывавший

18 сентября 36 машин «Т-26». Соединение прибыло 18 сентября в с. Сазоновка из-под г. Черкассы, имея задачу прорваться на г. Лубны. Генерал К. Е. Куликов и его штаб имели сведения, что там могут находиться только мелкие прорвавшиеся группы противника, и появление целой танковой дивизии для них оказалось неприятным сюрпризом.

Хотелось бы в это верить, но нигде и никто больше не подтверждал наличие в Сазоновке на 18 сентября 36 советских танков.

Полки немецкой 125-й дивизии выступили в полном соответствии с приказом в 9.00.

А вот ее левый сосед – 239-я пехотная – остался на месте. Ее командир объяснил свое бездействие отсутствием четких данных о противостоящих войсках противника.

Советские войска поздним вечером и ночью предприняли ряд контратак и в с. Кандыбовка отрезали одну из боевых групп. Отдельные части окруженных предпринимали попытки прорыва.

Так, у с. Богодуховка пробилась через немецкое оцепление целая колонна грузовых автомобилей. Она ворвалась в само село, где расположилась батарея тяжелых полевых гаубиц. Поднятые по тревоге артиллеристы успели занять свои места у орудий и стали расстреливать одну машину за другой. Однако сдержать всю массу прорывавшейся техники немцы не смогли, и ее значительная часть выскользнула из котла и устремилась на восток.

Еще одна попытка прорыва состоялась у с. Ивановка, и она также оказалась для немцев неожиданной. Однако они сравнительно быстро пришли в себя и организовали оборону. В ней приняли участие группа солдат 239-й пехотной дивизии под командованием фельдфебеля, к которой уже утром на помощь пришли роты 420-го полка. Бой закончился к полудню, немцы уничтожили около 30 грузовиков, взяв в плен около 300 красноармейцев. Среди пленных оказалось значительное количество женщин, многие из которых вели бой с оружием в руках наравне с мужчинами.

Начавшиеся атаки прорывавшихся советских войск существенно замедлили, а на отдельных участках остановили немецкое наступление.

Правофланговые 24-я и 125-я дивизии крайне медленно пробивались вперед, то и дело отбивая контратаки. Неоднократно их передовым отрядам приходилось оказываться в полуокружении и отражать удары с нескольких направлений одновременно.

Существенное облегчение наступило только поздним вечером, когда с севера к с. Савицина подошли части 134-й, а с запада к с. Кандыбовка – 262-й дивизий. Наступивший перелом в боевых действиях сопровождался быстрым ростом количества военнопленных, которое к вечеру достигло нескольких тысяч.

Разрозненные остатки полков и батальонов, ранее входивших в соединения 26-й армии, укрылись в лесах и ро-

цах, разбросанных вдоль р. Оржица, и продолжали оказывать немцам ожесточенное сопротивление.

К исходу дня 24-я дивизия достигла северной окраины с. Тарасовка и русла р. Оржица до с. Зарожье.

Тем временем основные силы 420-го пехотного полка заняли с. Лисевичев, намереваясь далее следовать по маршруту через с. Клименки на с. Савинцы.

К 10.00 солдаты 419-го полка заняли южную окраину с. Устенков, 466-й полк после полудня взял северо-западную часть с. Клименки.

В 12.45 передовые части стали докладывать, что они достигли края котла: в бинокли хорошо видны значительные массы советской пехоты, конница, многочисленные обозы, колонны гужевого и автомобильного транспорта, отчетливо слышны звуки идущего жестокого боя.

В это же время поступило сообщение из штаба XI корпуса: командование предупредило части 125-й дивизии о том, что прорвавшаяся из с. Богодуховка колонна автомашин с пехотой в скором времени вполне может оказаться в тылу соединения. Командир дивизии немедленно поднял по тревоге все штабы и тылы, однако все обошлось. На будущий день разведывательный батальон дивизии был придан 419-му полку.

К концу дня наступление 125-й дивизии приостановилось. В районе сел Красеновка – Кандыбовка шли бои, и положение оставалось неясным. Там отмечалось скопление

значительных сил советской пехоты, которые в течение всего дня атаковали части 239-й дивизии и левый фланг 420-го полка. По-прежнему препятствием оставались минные поля, выставленные на дорогах, перекрестках и на подъездах к мостам и переправам. Только в с. Горошино саперы сняли 60 мин.

Поздним вечером, около 23.00, поступила ориентировка из штаба XI корпуса. Она сообщала, что войска 26-й армии ведут упорные бои в районе русла р. Оржица. Их намерением является организация прорыва, для чего они, прикрывшись сравнительно слабыми силами, сконцентрировали наиболее боеспособные части на главном направлении – у г. Оржица. Помимо г. Оржица скопления советской пехоты отмечены в лесах и селах вокруг нее. Из этого района следует в ближайшее время ожидать новых атак и попыток обхода с применением тяжелой техники, в том числе – бронемашин. У окруженных все еще достаточно артиллерии, в том числе крупнокалиберной, однако, как показали бои, боеприпасов к ней уже недостаточно. Советские орудия преимущественно обстреливают дороги, переправы и места сосредоточения немецких войск, поэтому непосредственная поддержка ими попыток прорыва представляется маловероятной.

Общее количество военнопленных, захваченных солдатами 125-й дивизии за 21 и 22 сентября, составило 18 795 человек.

Около полуночи начался прорыв крупными силами

на участке 239-й дивизии. Первому удару подвергся 444-й полк в с. Регушовка и 372-й – в с. Кандыбовка.

Через час почти одновременным ударам подверглись позиции у сел Регушовка, Кандыбовка, Красеновка и Богодуховка.

Известно, что одной из дивизий, действовавших на участке обороны немецкого 372-го полка, была 264-я, которой командовал полковник И. Г. Бондарь.

Как и прежде, красноармейцы выдвигались из глубины на грузовиках и, приблизившись к немецким окопам, выпрыгивали из кузовов и атаковали противника в пешем строю. Поддержку атакующей пехоте оказывала артиллерия, однако эффективность ее действий оказалась невелика: в полной темноте, не видя целей, артиллеристы по большей части стреляли по площадям.

К сожалению, должная организация прорыва отсутствовала, и каждая часть вводилась в бой и действовала самостоятельно, без согласования с другими. Такая тактика позволяла немцам маневрировать своими малочисленными резервами, отбивая одну атаку за другой.

По мнению командира 239-й дивизии, ночная атака являлась «механической реакцией со всех сторон окруженного противника на все усиливавшееся давление».

Но даже такие удары привели к серьезной дезорганизации управления немецкими частями на передовой, и их командование никак не могло сообразить, где же наносится глав-

ный удар: атаки шли отовсюду.

Крупная колонна смогла прорвать немецкую оборону и ушла в сторону с. Богодуховка. На остальных участках к 5.00 все атаки оказались отбиты и установилась тишина. Казалось, силы атакующих иссякли.

Однако, как только взошло солнце, бои возобновились с еще большей силой. Вновь с севера и запада показались длинные моторизованные колонны с красноармейцами. Уже через несколько минут 372-й полк, оборонявшийся вокруг с. Кандыбовка, оказался охвачен с фронта и с флангов, в не менее тяжелом положении оказался 444-й полк в с. Регушовка.

В с. Красеновка были окружены два дивизиона и штаб 239-го артиллерийского полка; наконец, в с. Богодуховка вступили в бой 3-й батальон 444-го пехотного и 4-й дивизион 239-го артиллерийского полков. Фронт обороны 239-й дивизии оказался разорван на несколько самостоятельных участков. Их солдаты дрались независимо друг от друга, и командование соединения ничем не могло им помочь. Все, кто мог держать в руках оружие, были брошены на отражение прорывов.

Особую роль в ночном и утреннем боях сыграла немецкая артиллерия. Именно она расстреливала двигавшиеся по дорогам колонны, встречала огнем с короткой дистанции, а нередко почти в упор, атаки красноармейцев. В случае необходимости артиллеристы вели бой как пехотинцы, удерживая свои огневые позиции до последнего. Штаб артилле-

рийского полка отстреливался наравне с рядовыми солдатами.

Самый тяжелый бой пришлось выдержать солдатам 372-го полка. В 22.25 предыдущего дня его батальоны заняли южную часть с. Кандыбовка и там закрепились. Силы немцев состояли из 1-го батальона без 3-й роты и неполного 3-го батальона. В составе последнего отсутствовали по одному взводу от 13-й и 14-й рот. Усиление составляло одно орудие от 1-го дивизиона 239-го артполка.

Всего полтора часа удалось отдохнуть немцам, как вскоре после полуночи с северо-запада послышался нарастающий шум моторов. Командиры немедленно подняли солдат по тревоге, и те изготавились к бою. Через полчаса показалась моторизованная колонна, в голове которой шли бронемашинны.

Не доходя до села, она приостановила движение, чтобы пропустить вперед пехотинцев и конников. Развернувшись по обе стороны от дороги, они бросились в атаку на немецкие позиции. Бой шел около 30 минут и закончился в пользу немцев: первая атака захлебнулась. Следующие четыре часа не дали им ни минуты отдыха: то на одном, то на другом участке завязывались перестрелки. И хотя никаких крупных атак так и не произошло, немецкие солдаты все время оставались в напряжении.

Новый удар был нанесен в 5.00. Атаку двух свежих стрелковых батальонов поддерживали несколько артиллерийских

батарей. Красноармейцы шли на немецкую оборону почти в полной темноте, укрытые проливным дождем. Используя все преимущества, подаренные им природой, вскоре они прорвались на стыке между немецкими 1-м и 3-м батальонами и вошли в село.

Одним из первых встретило огнем колонну выдвинутое вперед в качестве поддержки пехоты орудие лейтенанта Хасселя. Оно находилось на огневых позициях, прикрывая северную окраину с. Кандыбовка. При отражении атаки сначала были выбиты все лошади, потом – прислуга. Сам лейтенант Хассель получил ранение, а орудие было выведено из строя.

Командир немецкого 372-го полка оберст Руннебаум на момент атаки находился на командном пункте 3-го батальона. Он вместе с адъютантом бросился на свой полковой КП, чтобы оттуда руководить боем, но по дороге наткнулся на еще одну группу прорывавшихся окруженцев. Чтобы спастись от них, немецкие офицеры спрятались в болоте. Видимо, красноармейцы бросили им вслед несколько гранат, разрывом одной из которых комполка был ранен.

Тем временем 3-й батальон образовал «ежа» на южной окраине села, а роты 1-го – на северо-востоке и юго-западе. Находившиеся на командном пункте полка связисты оказались отрезаны от остальных частей и заняли круговую оборону. В качестве прикрытия они использовали автомашины взвода связи полка и грузовики передового отряда. Таким

способом немцам удалось избежать разгрома и существенно снизить свои потери.

В 7.02 начальник связи 372-го полка передал в штаб дивизии радиограмму: «Помощь – немедленно, иначе все пропало! Русские атакуют танками! На помощь, на помощь, на помощь!» Все передавалось открытым текстом, поскольку у офицера связи не имелось времени, чтобы закодировать передачу.

Вскоре атакующие заставили солдат 3-го батальона оставить свои позиции и отойти в северо-восточную часть села. В результате в немецкой обороне образовался разрыв, в который тут же устремилось до роты красноармейцев. Бой в селе продолжался до 12.30, когда командиры 10-й и 11-й рот, почувствовав, что напор атакующих ослаб, решили нанести по ним контрудар. В качестве основного направления они избрали северо-западное.

Атака оказалась поначалу удачной и вскоре принесла первых пленных. Но и у красноармейцев были хорошие командиры! Уже через несколько минут немецкие роты оказались накрыты прицельным артиллерийским и минометным огнем. Вскоре большая часть офицеров и унтер-офицеров оказались либо убиты, либо ранены. Немецкая атака застопорилась, оставшиеся в живых солдаты 11-й роты отошли на исходные позиции.

Однако немецкие 9-я и 10-я роты, находившиеся на южной окраине Кандыбовки, продолжали наступление, двига-

ьясь по обе стороны от главной улицы села. Бои шли буквально за каждый дом, сад или огород, однако постепенно немцы теснили красноармейцев все далее и далее вглубь. Вскоре они деблокировали полковой командный пункт, а спустя некоторое время установили связь с 1-м батальоном. Последний немедленно подключился к общему наступлению и атаковал квартал в северо-западной части Кандыбовки.

Поскольку судьба оберста Руннебаума и его адъютанта все еще была неизвестна, командование полком и всей обороной села принял на себя майор Райнкобер (уж не тот ли Райнкобер, что в чине полковника и должности командира полка будет принимать участие в обороне Бреслау в 1945 году?). Он приказал организовать оборону северо-восточной части села вплоть до перекрестка, перебросив большую часть рот на защиту юго-западной окраины. Двум взводам он поручил зачистку села и центральной улицы.

К этому времени немцам удалось выбить советские войска из села, однако артиллерия и минометы все еще продолжали обстрел, нанося противнику новые потери. Противопоставить им было нечего, приходилось ждать помощи извне.

В 13.30 появились солдаты 1-го батальона 444-го полка, и с их помощью удалось полностью восстановить оборону на всех участках. Артиллерийско-минометный обстрел сразу стих.

Но не успел 1-й батальон 444-го полка достичь дороги на с. Круподеренцы, как последовала третья атака. Немцы

отбили ее с большим трудом, затратив почти все оставшиеся у них боеприпасы.

К 16.40 бой за с. Кандыбовка прекратился. Не пробившись через него, советские войска ушли в восточном направлении. Бои за село обошлись им дорого: немцы насчитали около 500 убитых и 150 пленных. Собственные потери противника также оказались очень высокими: убито 114 человек, из них пять офицеров, ранено 169 человек, из них семь офицеров, пропали без вести 28 человек. Особенно много убитых и раненых оказалось на западной окраине с. Кандыбовка, где шли наиболее ожесточенные бои.

В боях за это село погибло большое количество командиров штаба 264-й дивизии. До сего дня числятся пропавшими без вести: ее командир **полковник И. Г. Бондарь**, **военком полковой комиссар Г. Л. Заграбян**, **начальник политотдела батальонный комиссар Кулагин**.

В плен попали начальник штаба соединения **подполковник Т. Ф. Кашаев** и **начальник артиллерии подполковник К. Н. Богородицкий**. Через кольцо немецкого окружения смог пробиться с небольшой группой бойцов командир 1058-го полка **подполковник Н. П. Доценко**.

Не менее тяжелым оказалось положение двух батальонов немецкого 444-го полка, оборонявшихся у с. Регушовка. Он отбил несколько атак, прежде чем одна из автоколонн, ведомая несколькими бронемашинами, прорвалась южнее села. Однако немцам удалось сомкнуть горловину, не позво-

лив остальным советским частям пробиться через нее. Вскоре кризис обороны был преодолен, и командир полка получил приказ оказать помощь соседнему 372-му полку.

Выполняя его, 444-й полк отправил в с. Кандыбовка свой 1-й батальон. Незадолго до полудня он добрался до места и вместе с солдатами 372-го отразил очередную атаку.

Туда же ускоренным маршем направился и передовой отряд майора Райфенштуля. В районе с. «Коммуна Ленина» он наткнулся на колонну автомашин и пехоты, насчитывавшую несколько сот транспортных средств и около 3 тыс. красноармейцев и командиров. Они, видимо, прорвавшись через немецкую оборону, остановились на короткий отдых и именно в этот момент попали под удар артиллеристов майора Райфенштуля. С близкого расстояния орудия стали расстреливать колонну, нанося ей огромные потери и внося дезорганизацию и панику в ряды красноармейцев.

Но, видимо, колонной командовал хладнокровный воинский начальник. Он сравнительно быстро навел порядок, заставив артиллеристов отцепить орудия, развернуть их и открыть ответный огонь. Под их прикрытием красноармейцы бросились в контратаку.

Через несколько минут передовой отряд перестал существовать, оставшиеся в живых солдаты майора Райфенштуля разбежались в поисках укрытия по окрестным полям, одно 100-мм орудие пришлось бросить.

Только небольшая часть передового отряда добралась

до с. Кандыбовка, остальных остановили солдаты 512-го полка 293-й дивизии в районе сел Нерезниково и Павловщина. Там их привели в порядок, и уже в первой половине дня они вновь приняли участие в боевых действиях, наступая с 512-м полком на Круподеренцы.

Тем временем вновь обострилась ситуация под с. Красеновка. Колонна, состоявшая из 16 автомашин, ворвалась на западную окраину села, и только там их остановил огонь одиночного немецкого орудия из состава 3-й батареи. С дистанции 150 м оно подбило три машины, экипажи остальных бросились врассыпную.

Несколькими минутами позже огромная колонна прорвалась между селами Кандыбовка и Красеновка и двинулась на восток. В ней, помимо автомашин, двигались на прицепе зенитные и противотанковые орудия, в кузовах размещались минометы с расчетами. Если ее не остановить, она могла атаковать оставшийся в с. Регушовка в единственном числе батальон 444-го полка, и тогда тот мог быть уничтожен.

В 7.30 немецкая оборона под с. Красеновка оказалось прорванной. Для тыловых служб, разместившихся в селе, это оказалось неожиданным, хотя о том, что на окраине идет тяжелый бой, было всем известно. Однако, когда около 30 грузовиков в сопровождении двух бронемашин, двигавшиеся по дороге от с. Кандыбовка, ворвались в с. Красеновка, медики и тыловики попросту растерялись. Присутствие духа сохранил только оберштабсартц доктор Дебиус, который успел

спасти́сь бегством, остальной медперсонал попал в плен, еще четверо солдат тыловых служб погибли под огнем прорывавшейся колонны.

Вскоре в бой вступили орудия штаба 239-го артполка и подбили четыре грузовые автомашины, и еще две, брошенные экипажами, были захвачены немцами. В плен попали около 30 красноармейцев. Немцам удалось выручить своих медиков, а вот пять человек из состава тыловых служб пропали без вести.

Около 8.00 в село от его северо-западной окраины ворвалась еще большая колонна, в ней насчитывалось до 100 грузовых машин. Они смогли добраться до штаба 239-го полка, и только здесь их смогли остановить. Работники штаба подбили 15 из них, остальные остановились, а их экипажи разбежались, яростно отстреливаясь. Красноармейцы, как и прежде, старались пробиться через село, наступая вдоль улиц и через сады. Штаб артполка, на помощь которому пришли два пулеметных расчета и группа солдат 1-го отделения полка, смогли отразить атаку, как им показалось, не менее 600 русских.

Остатки колонны развернулись и стали выбираться через село той же дорогой, что и въехали в него. Штабники и пулеметчики стали их преследовать, отжимая к северо-западной окраине. Здесь в бой вступило все то же отдельно стоявшее орудие, уже отличившееся в начале боя. Совместными усилиями удалось не только выбить красноармейцев из с. Кра-

сеновка, но и зачистить до 2 км прилегавшей к селу местности.

В плен удалось взять до 350 бойцов и командиров, захвачено 10 грузовиков, собственные потери немецкого полкового штаба составили убитыми одного унтер-офицера и четырех солдат, еще один унтер-офицер и трое солдат получили ранения, некоторые из них – тяжелые.

Остатки колонны уничтожили тыловики 3-го батальона 372-го полка, также захватив в бою пленных и трофеи.

Около 13.00 с северо-западного направления появилась еще одна колонна, в которой насчитали 15 грузовых автомашин с красноармейцами. Ее быстро уничтожили, взяв в плен около 200 человек. Однако на этом бой вокруг с. Красеновка не закончился.

Вскоре в штаб 239-го артполка поступил доклад о появлении около 14.00 еще одной, более крупной колонны со стороны с. Регушовка. От северной окраины с. Красеновка по ней открыли огонь две батареи 1-го дивизиона 239-го артполка. Ее командир сознательно шел на большой риск, ввязываясь в бой, поскольку его артиллеристы не имели пехотного прикрытия, кроме солдат 1-го отделения штаба, и в случае атаки были фактически беззащитны. Невзирая на обстрел, колонна продолжала свое движение на восток, и только когда к немецким артиллеристам присоединились пулеметчики, красноармейцы остановились, рассредоточились и стали окапываться.

Через несколько минут, видимо, подчиняясь чьим-то приказам, красноармейцы развернулись в цепь и бросились в атаку на артиллерийские позиции противника. Вновь пришлось вступить в бой всем, в том числе и штабу 239-го полка. Наступление удавалось сдерживать заградительным огнем, пока имелись снаряды. Как только они закончились, красноармейцы бросились в массовую атаку и вскоре ворвались на огневые позиции 2-й батареи.

Здесь, защищая свои орудия, погибли лейтенанты Эшпах и Хабенихт, три унтер-офицера и восемь солдат, ранения получили еще два унтер-офицера и 16 солдат.

Еще одна группа красноармейцев подошла вплотную к огневым позициям 3-й батареи, также полностью расстрелявшей боезапас. Казалось, что ее уничтожение так же неизбежно, как и 2-й, и артиллеристы приготовились подорвать свои орудия.

В этот момент им на помощь подоспели невесты откуда взявшиеся солдаты 1-го батальона 327-го и 3-го батальона 444-го полков. Отбив атаку, немцы взяли в плен до 100 бойцов и командиров.

Всю ночь 327-й полк провел в обороне на линии между селами Чернещина и Вознесенск. Ранним утром ему пришлось вступить в бой с прорвавшейся автоколонной. Немцы обстреляли ее из пулеметов и минометов и заставили остановиться. Видимо, красноармейцы уже не рассчитывали встретить немецкую войсковую часть так далеко от линии фронта,

и ее неожиданный огонь полностью их деморализовал. Большая часть колонны попала немцам в руки в качестве трофея. Укрывшиеся в полях красноармейцы после прочесывания сдались в плен.

Теперь 327-й полк получил возможность возобновить наступление. Его батальоны развернулись на фронте от с. Красеновка на правом фланге до свх. Красеновка на левом.

За 1-м батальоном уступом вправо следовал 3-й батальон 444-го полка. Последний еще под с. Синеоковка был временно придан 327-му полку, но вследствие неразберихи с приказами так и остался с ним.

Услышав, что под с. Регушовка идет бой, командир 327-го полка направил два правофланговых батальона на выручку сражавшимся там немецким частям и тем самым спас положение.

Оставшаяся часть полка двинулась на с. Кандыбовка. Село обороняла какая-то крупная войсковая часть из состава 26-й армии, и выбить ее с ходу немцам не удалось. Вскоре подтянулись основные силы 512-го полка вместе с остатками передового отряда, и штурм возобновился. Совместными усилиями двух полков немцы сломили сопротивление оборонявшихся здесь красноармейцев и к полудню заняли село. Началась его зачистка.

Наступление 327-го полка тем временем продолжалось. Уже вечером его 1-й батальон, не встретив перед собой особого сопротивления, вышел на подступы к с. Круподеренцы.

Почти одновременно с другого направления появились солдаты 1-го батальона 512-го полка. Атаковать они не стали, поскольку из штаба XI корпуса доложили, что село уже занято немецкими войсками.

Командир 327-го полка решил, что с. Круподеренцы захватили солдаты 512-го, а командир 512-го – что 327-го. В действительности село по-прежнему занимали красноармейцы.

Продвижение застопорилось только у с. Шаблиев, где немцы встретили упорную оборону. Так как фактически уже наступила ночь и измотанные продолжительным дневным маршем и боями солдаты нуждались в отдыхе, командир 329-й дивизии разрешил перенести штурм с. Шаблиев на утро следующего дня.

Почти до полуночи продолжался марш 444-го полка. Его остановили только тогда, когда установился визуальный контакт с наступающей правее 125-й дивизией.

Сильно потрепанный 372-й полк весь день оставался в с. Кандыбовка, приводя себя в порядок, эвакуируя раненых и убитых.

Остатки разгромленного передового отряда расформировали, вернув солдат в их части.

На следующий день перед 239-й дивизией стояла задача по зачистке своего тылового района и продолжению наступления. В нем должны были принять участие 444-й полк на правом фланге и 327-й с приданным ему 2-м батальоном

372-го полка – на левом.

Несмотря на то, что задача дня – полное уничтожение остатков 26-й армии, – достигнута не была, командование XI корпуса вполне удовлетворилось достигнутыми результатами. Все попытки прорыва удалось ликвидировать, прорваться удалось незначительному количеству окруженных.

Количество пленных только за один день достигло 23 тыс. человек.

Командование XXXV корпуса потребовало от командира 134-й дивизии продолжать марш в направлении с. Ташань, выдвинув вперед не менее двух пехотных полков. Как только указанный населенный пункт будет достигнут, требовалось немедленно доложить. Для исполнения приказа командир отрядил 439-й и 445-й полки.

В 14.00 начальник штаба XXXV корпуса сообщил, что в районе с. Кандыбовка идут тяжелые бои и 372-й полк 239-й дивизии попал там в окружение. Поэтому от 446-го полка требуется немедленно отправляться ему на помощь. В целом положение на левом фланге соседнего XI корпуса оценивалось как критическое.

Новые сообщения, поступившие буквально несколько минут спустя, носили уже менее панический характер. Выяснилось, что положение у с. Кандыбовка стабилизировалось, 372-й полк, хотя и понес большие потери, но сохранил боеспособность, и надобность в ускоренном марше ему на выручку отпала.

Уже в 20.00 неожиданно выяснилось, что советские войска прорвались не из Оржицкого котла, а из-под Переяслава.

Изменившаяся обстановка требовала переброски 134-й дивизии не в юго-восточном, а в северо-западном направлении.

С 8.00 следующего дня она временно поступала в распоряжение командира LI корпуса и перед ней ставилась задача закрыть образовавшуюся брешь в районе Переяслава. Полкам нужно быть готовыми в любой момент с марша вступить в бой.

К вечеру части 134-й дивизии занимали следующее положение. Напротив с. Кандыбовка сосредоточился 446-й полк, у с. Ташань – 445-й, у с. Демки – 439-й. Артиллерийские части оставались в подчинении командиров полков, за исключением 4-го дивизиона, разместившегося в с. Кононовка.

В 21.45 445-й и 439-й полки получили соответствующий приказ. Первому из них надлежало, начав марш в 7.00 утра, выйти к с. Соснова, второму – к с. Денисы. Получалось, что, только-только достигнув района Оржицкого окружения, дивизия должна была перейти на новое направление.

Несмотря на новый изнуряющий марш, офицеры и солдаты 134-й дивизии остались удовлетворенными итогами последнего дня. У них появилось ощущение участия в разгроме крупных сил Красной Армии, о чем свидетельствовали богатые трофеи. Захваченные трактора было решено направить в 4-й дивизион 134-го артполка, чтобы ускорить его

движение.

Очень значительным оказалось количество военнопленных. Несмотря на то что 134-я дивизия почти не участвовала в боевых действиях, ее полки взяли в плен до 16 000 красноармейцев. Среди них в основном оказалась пехота и всего одна артиллерийская батарея. С удивлением немцы констатировали, что среди такого большого количества пленных красноармейцев не оказалось ни одного командира. Им объяснили, что советские командиры боятся, что, попав в плен, они будут немедленно расстреляны, и поэтому переодеваются либо в гражданскую одежду, либо в красноармейскую форму.

В качестве трофеев в руки противника попало большое количество грузовых автомашин. Это позволило почти полностью восстановить существенно сократившийся автомобильный парк немецких дивизий. Чтобы не тратить время на переучивание, за руль трофейных грузовиков посадили военнопленных-шоферов. Захваченные телеги и повозки прибрали к рукам тыловые службы. Да и остальные немецкие солдаты разобрали наиболее ценное имущество для своих практических нужд.

Ф. Гальдер: 21 сентября (воскресенье) 1941 года, 92-й день войны.

«Обстановка на фронте: в котлах, и прежде всего у Киева, оживленное движение. Противник пытается прорвать кольцо окружения в северном и северо-восточном направ-

лениях. Наши войска занимают господствующее положение на фронте окружения под Киевом, все атаки противника отбиты. В северном котле взято большое количество пленных. Создается впечатление, что Киев был планомерно эвакуирован.

Обстановка вечером: кольцо окружения восточнее Киева еще больше сузилось».

22 СЕНТЯБРЯ

3 ч. 47 мин. Последнее донесение командарма-26: Генштаб Красной Армии г. Москва. Штаб 26 армии Юго-Западного фронта. 22 сентября 1941 Передано по в / ч радиограммой.

«Связь... потеряна двое суток. 159 стрелковая дивизия в окружении ведет бои в с. Кандибовке, 196 и 264 (?) стрелковые дивизии отрезаны в районе Денисовка. Другие части (41, 97, 199, 227, 289, 301, 304 стрелковые дивизии) окружены в Оржице, Сазоновке, Чевельче. Попытки прорваться оказались безрезультатными.

В Оржице сконцентрировано большое количество раненых, посадка санитарных самолетов невозможна в связи с малым кругом окружения.

Делаю последние усилия выхода из окружения на восток. Прошу ориентировать в обстановке и можно ли ожидать реальной помощи.

Костенко, Колесников, Варенников».

Связь прервалась...

Из общеизвестных фактов:

41-я сд – с 19.09.1941 года отражает атаки противника на подступах к аэродрому в районе Борисполя, а уже с 20.09.1941 разрозненные группы личного состава дивизии вели бои в окружении. Из окружения отдельными группами вышло около тысячи человек личного состава 41-й стрелковой дивизии.

97-я сд – 25.08.1941 года ведет бои на острове Кролевец на Днестре, потом снова передана в состав 26-й армии. Почти полностью уничтожена в окружении в Киевском котле в сентябре 1941 года. Расформирована официально 27.12.1941 года. На 97 сд ляжет основная тяжесть боев собственно в Оржице, но известных конкретных фактов в доступных источниках очень мало.

199-я сд – после разгрома в июле под Ново-Мирополем восстановлена в составе фронта, за счет сил, в том числе 47-й танковой дивизии и передана в 38-ю А (на 04.08.1941). Командир – Аверин Дмитрий Васильевич, комбриг, с 06.08.1941 по 10.01.1942г..

227-я сд – боевой период с 2.7.41 по 13.7.42р., подчинение – на 01.09.1941 г. – ЮЗФ – 26 А, на 01.10.1941 г.. – ЮЗФ – 40 А. Оперсводка №147 на 22:00 12.09.1941 Штаб ЮЗФ – Прилуки. 227-й сд (650 человек, 23 пушки) с 738 ап пто ргк защищает Бондари, Вязовую. Противник перед фронтом дивизии пассивный. Оперсводка №150 на 10:00 14.09.1941 Штаб ЮЗФ –

Прилуки. По отрывочным данным, полученных по радио, части 40-й армии (отряд Чеснова, 3 вдк, остатки 293-й и 227-й сд) 13.9 вели бой на прежних рубежах. Командир – полковник Макарчук Ефрем Федосеевич (02.07.1941 – 01.10.1941). Расформирована.

289-я сд – сформирована в июле 1941 года в Лубнах в рамках реализации постановления ГКО СССР №48сс от 08.07.1941. В действующую армию поступила 03.08.1941. Действовала на Юго-Западном фронте. В рамках Киевской оборонительной операции дивизия участвовала в Киево-Прилуцкой операции 20.08—26.09.1941 (в составе 26-й А Юго-Западного фронта), в ходе которой оказалась в окружении и была уничтожена. Командир с 10.07.1941 по 19.09.1941 Макшанов Дмитрий Фролович, полковник. Официально расформирована 19.09.1941.

301-я сд – на 01.09.1941 г. – ЮЗФ – 26А. 11 сентября 301-я сд сменила части 7-й мд и заняла оборону на фронте Процев – Рудяков – Яшники – Андруши. Через четыре дня немцам удалось замкнуть кольцо вокруг 5-й, 21-й, 26-й и 37-й армий, после чего дивизия оказалась в окружении и была уничтожена. Командир – Соколов Алексей Александрович (июль – сентябрь 1941), полковник. Официально расформирована 27 декабря 1941.

304-я сд – 16.07.1941 года 109-я мд переформиро-

вана в 304-ю стрелковую дивизию. Боевой период с 19.7.41 по 21.1.43г..

Начальник штаба 38-й армии генерал-майора Виталий Николаевич Символоков, по выходу в район Решетиловки, заявил, что штаб вышел из окружения не один. Вместе с ним прорвались 297-я стрелковая дивизия во главе с полковником Г. А. Афанасьевым и часть сил 37-й кавалерийской дивизии полковника Г. М. Ройтенберга. Остальные части кавдивизии и 97-я стрелковая дивизия полковника Ф. В. Мальцева, как потом выяснилось, отошли на правый берег реки Сула и заняли там оборону. Командующий фронтом 13 сентября подчинил их командующему 26-й армией.

22 сентября битва в Оржице достигла кульминационной точки. Наши войска продолжали предпринимать отчаянные усилия по прорыву кольца окружения. Боеприпасы заканчивались. Несмотря на огромные потери, атаки следовали одна за другой. Делались все новые и новые попытки овладеть разрушенной дамбой, и навести мост через реку Оржица. Иногда удавалось отбросить немцев от реки, но разорвать кольцо не хватало сил.

Получалось, что войска были загнаны (или сами залезли) в непроходимые болота. Они находились на выступе. Около берега, в воде, трупы солдат, лошадей, вода розовая от крови...

Все снова готовились прорываться. Артиллеристы взрывали свои тяжелые орудия. Этот участок был похож на «ост-

ров», где по бокам закруглялась в своем течении река Оржица, окруженная очень болотистыми берегами.

Получилось так, что на небольшой возвышенности скопилось большое количество войск: пехотинцы, техника, лошади. Прекрасная цель для вражеских обстрелов. Ни один немецкий снаряд не пропал даром, а каждая пуля находила, кого поразить. Осколки снарядов во время артобстрелов сыпались солдатам на головы. Обстановка была страшная, раненые и убитые лежали рядом, но на раненых никто не обращал внимания. Санитарные службы не действовали, а медсанбаты были уже переполнены. Лошади от грома пушек и взрывов носились как бешеные, калечили людей. Не спасали и окопы в полный рост. Это был настоящий ад.

Было ясно: порядка как не было, так и нет, почему то каждое подразделение работало само на себя, и должно было выбираться из этого ада самостоятельно.

Не дай Бог пережить такое еще раз. Общего руководства не было: колонны двигались навстречу друг другу. Со всех сторон раздавались пулеметные и автоматные очереди. Суэта, растерянность. Через раненых переступали, а они просили, чтобы их добили, избавили от невыносимых мук. Старшие командиры передевались в форму рядовых. Можно было увидеть, как командиры с ромбами в петлицах, вытягивали пистолеты и стреляли себе в висок. Рядом лес, но и в лесу, который выдавался надежным укрытием, немецкая авиация и артиллерия не давали опомниться и отдохнуть. Нем-

цы действовали очень умело, методично, разбивали территорию на квадраты и планомерно засыпали снарядами и минами каждый квадрат...

Трудно описать словами весь этот кошмар. Жутко было от того, что такая масса людей вместе с техникой, оказалась почти неуправляемой. Все кричали, возмущались, и никто никого не слушал...

Из наградного листа на **Громикова Митрофана Яковлевича**, 1908 г.р., лейтенанта, адъютанта командира 43 кд —

«22.09. в районе Оржица у переправы встретил роту наших бойцов, отступающих под натиском противника.

...организовал эту роту, идя впереди, повел ее в контратаку. Противник был отбит с большими для него потерями.

Лично (ему) принадлежит та заслуга, что он не оставлял на поле боя раненого командира 43 кд полковника Селюкова, вынес его из района опасности и лично помогал ему при выходе из вражеского окружения».

Мисливский Матвей Трофимович, 1907 г.р., красноармеец 40 кп 43 кд —

«В бою под Оржицей, когда ранили командира дивизии, проявляя смелость и находчивость подал под обстрелом лошадей и вывез с поля боя раненого комдива.

Находясь в окружении ни на минуту не покидал комдива до тех. Пор, пока не вышли из окружения».

Адамов Николай Ефимович, 1903 г.р., майор, началь-

ник связи 43 кд —

«В боях под Оржицей при прорыве окружения противником и в борьбе за переправу, был на передней линии, из за отсутствия людей сам осуществлял делегатскую связь с полками, кроме того личным примером увлекал бойцов не бояться огня автоматчиков. Здесь же был ранен пулей в левую руку. Кроме того успешно руководил обороной штаба дивизии при внезапных налетах противника на штаб дивизии. Будучи раненным вышел из окружения вместе с кавгруппой и остался в строю».

Лысюк Никифор Фадеевич, 1901 г.р., батал. комиссар, военный комиссар 43 кд —

«Вторично ранен в боях под Кандыбовкой, также остался руководить боем. В третий раз был смертельно ранен в боях под Оржицей».

Вспоминает бывший военный фельдшер эвакуационно-транспортного взвода 173 мсб 117 сд старший военфельдшер Волкова Александра Егоровна: « ... когда строили переправу, немец не давал строить».

Строили сначала, потом эта переправа скорее напоминала свалку военной техники, телег, трупов лошадей и людей, на которые были брошены борта от разбитых автомобилей... лишь бы перебраться на противоположную сторону.

Из романа (фактически автобиографического) Германа Леонидовича Занадворова:

«...начало третьего ночи... голоса бойцов заглушались ударами близких разрывов, залпами своих батарей в ответ. Над конопляными полями в пригороде металась синие вспышки и мгновенные тени. Канонада становилась все ожесточеннее.

В промежутках между залпами, многократно повторенное, доходило до бойцов известие, что переправа горит, а немцы получили подкрепление.

От машины к машине передавался приказ, остаются в тылу одни водители, а всем остальным – в оборону. Вокруг засуетились. Зазвенело оружие, красноармейцы проверяли затворы. Над наскоро организованным отрядом принял команду капитан. Впереди прокричали команду на подъем.

Сотни бойцов понимали, что от их устойчивости и смелости зависит судьба боя. Они надеялись, что силы собраны в кулак, что кто-то в Оржице разработал план отчаянного прорыва, рассчитал все до последней гранаты. Надо только напрячься, немцы будут отброшены, путь будет свободен.

Но где же эти немцы? Только бы им дорваться до них! Дорваться! Ярость охватила всех вокруг, завладела каждым мускулом, который двигался стремительнее мысли. Солдаты стреляли сцепив зубы, как будто вбивали пули прямо в немцев. Все бежали вперед. Удары ветвей, вой осколков только подбавляли злобы. Все бежали и кричали в лицо невидимому врагу. И крик этот был так же похож на «ура», как на вой пущенного из пращи камня. Только бы дорваться! Дорвать-

ся! Дорваться!

Отряд пробирался быстрым шагом. Прошли болота. Единым махом сбежали на холм. Их встретил огонь автоматов и пулеметов. Они с трудом поняли команду: «Назад». Отходили, отстреливаясь, злостно ругаясь.

Окопались в кукурузе. Все поспешно стреляли в темноту. Трескотня немецких автоматов становилась гуще. И воздух свистел все гуще. Тогда они получили приказ: «В атаку!». Огромными прыжками рвались вперед. В темноте раздвинулся лес. Враг тоже вроде раздвинулся. Они догоняли только одиночных пехотинцев, валили их с ног. Откуда-то сбоку обрушились минометы, пришлось снова вернуть назад, к кукурузному полю.

Непрерывные взрывы мин заставляли прижиматься ко дну наспех выкопанных окопчиков. Бойцов осыпала земля, осколки, срезанные стебли. По цепи передавали, есть ли у кого диски, просили дать гранат. Взрывы приближались. Появились раненые. Где наша артиллерия, чего она молчит, чего не подавит вражеские батареи...

Светало. Стало видно лужи впереди, вершины кустов, обернутых внизу туманом. Опять пришел приказ: «В атаку!». Солдаты снова поднялись, бежали, едва видя друг друга в тумане. Опять их встречал сосредоточенный огонь, заставлял отступать к знакомым окопчикам.

Солдаты дрожали от злости. Они не могли согнать ее на неуловимых врагах. Такая же злоба охватывала всех во-

круг. Раздражение нарастало, некоторые бросали винтовку – куда с этой пукалкой против автоматов?

Решительность, с которой бойцы пришли на линию обороны, постепенно покидала их. Они растеряли ее в бесплодных атаках, но больше всего – за часы неподвижного лежания посреди кукурузного поля. Сомнения в плодовитости их усилий возникали у одних раньше, у других позже. Против них была машина. Они были людьми, возможно, смелыми, но все же людьми. У них были винтовки и гранаты без чехлов. Против них была выверенная, точная, боевая машина. Квадрат за квадратом охватывала она минометами болота и поля вокруг переправы. Она откатывалась, когда красноармейцы рвались вперед, затем открывала все свои стволы, прошивала пулями каждый сантиметр воздуха над головой...

Патроны были на пределе. Их или забыли, или не могли доставить. Приказов больше не получали. Бой будто отодвинулся в сторону, стали слышны частые разрывы позади, вероятно, в Оржице. Мокрые, уставшие лежали бойцы перед затихшим лесом. Неизвестно как, но доходили вести, видимо их передавали друг другу, что переправу снова сожгли немцы, сзади на Оржицу давят. Известия были одно другого тревожнее.

Хотя никто в отряде не знал точной обстановки, никто не знал, что отборные полки мотопехоты прибыли к немцам, что крупные танковые части атакуют Оржицу, что у своей

артиллерии не хватает снарядов, что колонны, успевшие переправиться, погибли от огнеметов или попали в плен, хотя этого никто на передовой линии обороны не знал, но древний инстинкт подсказывал каждому: его армия проигрывает битву. От этого чувства нельзя было ни отмахнуться, ни отвлечься. Оно тревожило устойчивых, сбивало с толку уверенных, делало наглыми тайных врагов, а трусов делало трусливыми вдвойне.

Красноармейцы грубо разговаривали, выливали злобу на службе снабжения, даже чехлов на гранаты НЕ напаслись. Другие недобрым словом вспоминали командование фронтом. Где авиация... хотя бы какой-то истребитель прилетел. И длинная, вполголоса, ругань. В нее красноармейцы вкладывали всю нерастраченную ярость. Опять вопрос, опять ругань. Разрыв. Стон. Ругань. Разрыв. Шум кукурузы и вдруг кричат, что их обходят танки.

Отряд отошел назад... У реки на холме низкорослый, с перевязанной рукой генерал провожал отступающих солдат насмешливой бранью. Командующий Пятой армией (?), теперь почти лишенный армии, он во сто крат лучше, чем бойцы, знал, что бой проигран. Прорыв не удался. Для победы не хватило пушек, танков, снарядов, организации. Осталось только драться, надеясь на чудо. Генерал не верил в чудеса. Ярость охватила его. Он забыл, что может приказывать, или сейчас не верил в силу приказа и угрожал отступающим маленьким кулаком левой руки. На нем сверкали

нашивки. Генерал был в полной парадной форме. Он забыл об этом. Он кричал бойцам как советский человек советским людям, как своей ровне и товарищам. И многие невольно сдерживали шаг. Останавливались. Окапывались рядом с артиллеристами, залегали в выбоинах под холмом».

То, что переправой руководил командующий 5-й А генерал Потапов практически невозможно, так как он попал в плен в районе гибели штаба ЮЗФ. А вот то, что управлять переправой мог кто-то из других пехотных генералов (например – Смирнов) или раненый (или получивший там ранение согласно другим данным) комдив 32-й кд полковник О. И. Бацкилевич более достоверно.

«Дальше все произошло молниеносно. Серые машины с ревом вырвались из леса. Воздух засвистел над головой. Близко, звонко ударили пушки. Ударили еще и еще. Среди машин взлетели комья земли. Передняя, подпрыгнув, остановилась, задрав гусеницы. Другая рядом закружилась на месте, как придавленный жук. Опять взлетела земля – там, у танков, и здесь, между бойцами. Черные фигурки выскакивали из подбитых машин, мелькали в дыму, бежали в лес, а наши солдаты стреляли по танкистам.

Затем сразу стало тихо. На опушке серело восемь неподвижных, искалеченных стальных коробок. Из других валил дым. Отбили! Их было штук тридцать. Радостно кричал с холма генерал, так и не покинув его, благодаря артиллери-

стам. Из леса катились клубы дыма. Танки горели, как нефтяные цистерны. Вид разбитых, недавно еще грозных машин наполнял такой радостью, что всем хотелось вскочить, замарашковать фуражками, закричать: «Ура!»

Раненые доковыляли к оржицким окрестностям. Врач расположенного в школе переполненного госпиталя поспешно делал перевязки, пытливо заглядывая в лицо прибывшим с первой линии. Ну как там? Прорвемся? Бойцы понимали, что тревога распространилась и в Оржице, что всем хочется услышать хорошие вести».

Вспоминает бывший военный фельдшер эвакуационно-транспортного взвода 173 мсб 117 сд старший военфельдшер Волкова (Кузьмина) Александра Егоровна:

«... связи не было, и больше защищаться нечем было, и переправились (назад) вплавь через эту р. Оржицу. Они с Наташей мокрые, нашли свою душевую машину, залезли переодеться, там сидит врач Свиридов, он тоже из 173 мсб и из Куйбышева. Они с Наташей переоделись, вышли из машины. Еще Свиридов их не пускал, сидите, говорит, мне цыганка, говорит, нагадала, что должен жить 75 лет, так что сидите возле меня, останетесь живы...

Но им не сиделось. Вышли, и их забрали. Наташу отправили на переправу, а ее (Волкову), на гору в сарай плетеный большой, там раненые, и ее направили в этот сарай. В сарае было много раненых на носилках и ходячих, и медработники были, только незнакомые, не из их медсанбата, все евреи

были. Угол сарая был занят материалом и бинтами. Они прятались за угол от пуль. Раненые ругались, просили помочь. Волкова тоже сказала им: «Что вы как сумасшедшие бегаετε, нужно оказывать помощь».

Лежа оказывали помощь, потому что свистели пули. Заходит какой-то в кожаном пальто, и евреи все бросились к нему, по своему стали говорить. Он выслушал их и потом ответил по-русски.

Все идите в городскую поликлинику, там принимают и будут возить раненых туда, а вы, он Волковой сказал, оставайтесь здесь, отправите всех раненых и материалы и последней машиной приедете сами туда. Она всех раненых отправила, остались материалы, и никто не идет по материалы. Волкова одна очень боялась (здесь) находиться. Она села за столб, который стоял посреди сарая и сидит или лежит (прячась) от пуль.

Заходит старший лейтенант, представил себя, он тоже из медсанбата, он кадровый старший военфельдшер из Куйбышева, и он ей сказал, вот машина с ранеными, иди, езжай в поликлинику. Волкова села в кабину, немного отъехала, попросила, чтобы остановили машину, и она слезла, и пошла искать своих. Волкова уже не нашла Наташу и никого из своего взвода. Нашла врача, или фамилия Семенов, или имя Семен. Он говорит, что нужно идти, а они как раз сидели где-то на горе, недалеко от них взорвали машину бензина и сожгли бумаги из штабной машины. Пепел бумажный ле-

тел на них. Они к вечеру пошли к переправе, перешли и шли дотемна...».

Многие военнослужащие 173 мсб медсанбата, врачи и медсестры, попали в плен. Это и заведующий лабораторией Свиридов А. С., и командир медроты, военврач 3 ранга Масленников Борис Михайлович.

По роману Г.Л.Занадворнова:

«...убежищем многих бойцов в последнюю оржицкую ночь стали брошенные дома. Война неожиданно ворвалась в квартиры, хозяева бежали поспешно, набив чемоданы самым ценным. Кажется, двери только что закрылись за ними.

Вечер в чужих разбросанных домах в осажденной Оржице надолго, если не навсегда запомнится тем бойцам, которым удастся выжить. Они прислушивались, где ложатся снаряды, хотя враг был близко, но этот вечер дышал тем уютом, которого давно они были лишены. Как хорошо, что на свете много хороших товарищей. Как хорошо будет потом, после войны, встретиться снова, зная, что ты тоже кое-что сделал для победы. Вспомнить Оржицу, бой за переправу, этот последний вечер. Они собирались жить, побеждать, обязательно встретиться, скоро встретиться».

Командир кавгруппы Борисов в своем рапорте докладывал, что 22 и 23.09 кавгруппа с большими потерями вела, совместно с 97-й сд, сначала наступательный бой, отбрасывая противника на север и северо-восток, а затем, с подходом к противнику танков (до 30 штук на участке группы),

перешла к обороне, не допуская выхода противника на мост Онишки-Оржица.

У противника было уничтожено 4 танка и до двух рот пехоты. В бою под Оржицей батарея 32-й кд в течение 2-х дней, ведя огонь по противнику, потеряла все 4 орудия и конский состав.

Техник 2-го ранга из 3-го танкового эскадрона 18 тп 32-й кд **Романов Виктор Андреевич**, где командиром был **лейтенант Силецкий**, рассказывал, что личный состав его 18-го танкового полка после долгого неуправляемого блуждания в окружении с остатком сил (личный состав тыла и танкисты без танков) в гуще передвигающихся войск (в основном без боеприпасов), сосредоточился в районном центре Оржица, где намечался прорыв окруженной группировки.

Остаток сил полка действовал в составе 32-й кд, и в районе Оржицы без танков вел бои в окружении, затем с боями выходил из окружения в составе 32-й кд.

Романов В. А. сохранил личный состав ремонтной мастерской и автомобиль-мастерскую на шасси автомобиля ГАЗ-АА – с двумя ведущими задними мостами. Прибыв в райцентр Оржица, он оставил автомобиль на окраине, а сам пошел узнавать обстановку. Районный центр и прилегающая к нему местность была забита автомобилями, тягачами с пушками и другой техникой, танков не было.

На окраине Оржицы, на некотором удалении, организованные части вели длительные бои с немцами – подвижную

оборону вела в основном пехота и другие части с легким оружием. На окраине Оржицы протекает река Оржица небольшой ширины – метров 50—80, но глубокая.

На берегу по всей реке были установлены пулеметы, их задача – не давать переплывать реку солдатам или офицерам. Вели огонь на поражение лиц, пытавшихся переплыть р. Оржицу (обратно).

Опять свидетельство очевидца о наличии пулеметов за спинами своих же солдат и офицеров.

Он вспоминал, что немец находился недалеко от Оржицы, замкнув в кольцо крупную группировку наших войск, в окружение попали целые дивизии. Некоторые хитрецы бросали свои части, в т.ч. и командир их 18-го танкового полка с адъютантом оставили хоть и небольшой, но личный состав, прибывший в Оржицу. К тому же он (командир полка) успел обругать еще живого **начальника штаба командира Панченко** за то, что тот не вывел личный состав из окружения, а просидел с тылом в лесу.

Панченко парировал обвинения: «А где был приказ на отход тылов. Да и вы, как командир полка, виноваты в этом».

На этом они своего командира больше не видели, а Панченко через несколько дней был убит в окопе снарядом в нескольких метрах от Романова (5—10 м).

Смирнов Павел Иванович 1905 г. р., майор, командир 18-го тп 32 кд, пропал без вести 21.09.1941 Украинская ССР, Полтавская обл., Оржицкий р-н, с. Оржица.

Панченко Федор Иванович (1905—22.09.1941) капитан, начальник штаба 18-го тп 32 кд, убит в с. Оржице.

Полковник Александр Иванович Бацкалевич, командир их 32-й кд был в Оржице, руководил вместе с пехотным генералом сооружением моста через реку Оржица. Кавалерийские полки дивизии вели подвижную оборону, сдерживая немецкие войска, которые интенсивно обстреливали населенный пункт Оржица.

Вполне очевидно, что Романов знал Бацкилевича в лицо, поэтому вряд ли мог его спутать с кем-то другим, так что факт нахождения его в районе моста через р. Оржица практически достоверен.

В общем, Оржица была местом побоища. Остатки наших войск с упорством сдерживали противника.

Вся округа (населенный пункт и окраины) были забиты автомашинами и пушками, все ждали постройки моста через реку Оржица. В строительстве моста через реку Романов со своей рембригадой также принимал участие: таскали бревна из разобранных домов. На мосту их командир Бацкилевич был тяжело ранен – оторвало руку. Романов вспоминает, что потом его вынес из окружения доброволец, бывший командир его танкового эскадрона лейтенант Силецкий. Забегая вперед, Романов рассказывает, что после войны О. И. Бацкалевич руководил конным заводом.

Получается, что Бацкилевич был ранен не в с. Белоусовке (как указывается в рапорте комбрига Бори-

сова), а на мосту в Оржице.

Построив мост через реку Оржица, генерал собрал колонну автомобилей с тяжелоранеными и пустил их по мосту через реку на другой берег. Все ждали и желали удачи этой колонне. Однако этому не суждено было сбыться. Через некоторое время после переправы появились первые раненые из колонны, которые могли двигаться и сообщили, что колонну расстреляли немецкие танки с автоматчиками, которые засели на деревьях на противоположном берегу реки.

Эти факты почти буквально совпадают с воспоминаниями Мальцева о колонне с ранеными, расстрелянной немецкими танками под Искивцами.

В этой обстановке некоторые офицеры самовольно переплывали реку Оржица, чтобы не участвовать в обороне, а поставленные на берегу реки Оржица пулеметы били по ним. Группа офицеров высокого состава проходила с криками: «Кто останется в машине или окопе, будут расстреляны, всем в оборону» И они действительно расстреливали тех, кто прятался за машинами или в другом месте.

И снова – расстрелы... расстрелы... расстрелы...

Романов собрал свою рембригаду, они забрали пулеметы (которые экипажи снимали с подбитых танков и передавали ему в машину) и прибыли на помощь к пехотинцам и своим кавалеристам. Начали стрелять из пулеметов, отбили атаку немцев, дело шло уже к ночи. Участки обороны обнажились. Затем Романов увидел, что почти все покинули свои окопы

и отошли. Он решил отвести своих людей в мастерскую. Мастерская была уже разбита артиллерийским снарядом.

По свидетельству немцев (В. Вертен – историк 16-й тд вермахта): « [Утро 22 сентября]. Жестокий встречный бой. Русские предпочитали быть застреленными в окопах, чем покинуть их. Но солдаты 16-й тд были не менее жесткие и решительные: они отбросили отчаянно атакующего противника и закрыли пробел в обороне».

Бывший военфельдшер 3 дивизиона 707 гап Самохвалов Василий Григорьевич вспоминает: «...в районе с. Оржицы непроходимое болото и разрушенная дамба. Именно дамба была пристреляна немцами из ближних высот, и это не давало им возможности навести мост. Эту дамбу или мостик наши части наводили, вернее, делали попытку навести в течение недели, но все безрезультатно».

Вспоминает бывший шофер штаба 117-й сд красноармеец **Давыдов Георгий Васильевич**, что:

«...из окружения, последнее 22 сентября в селе Оржица, он бежал, и всего сделал 4 побега и все же убежал...».

Вспоминает бывший командир саперной роты 240 сп **младший политрук Наумов Степан Кузьмич**, что:

«...днем 22 сентября бои в районе окружения прекратились. Их 240 стрелковый полк (117-й сд) с этого дня перестал существовать».

Вспоминает бывший красноармеец штаба 240 обс **Пер-**

шин Василий Фомич:

«...других командиров-офицеров перед концом окружения в Оржице больше не было видно, только был Костромитин, он хромал на ногу и плохо двигался... Они пытались выйти из окружения этими бесконечными приднепровскими болотами».

240 отдельный батальон связи, где он проходил службу: командир 240 обс – майор Грубов Д. Ф., начштаба – капитан Костромитин С., пом. начштаба – лейтенант Святенко П. А., замполит батальона – политрук Павлов М. В., командир штабной роты – лейтенант Пуха, командир телеграфной роты – лейтенант Антипин, командир радиовзвода – лейтенант Губин, политрук штабной роты – младший политрук Павлов В. И..

Вспоминает бывший военный фельдшер 3 дивизиона 707 гап **Самохвалов Василий Григорьевич**, что:

«...Оржицу захватили моточасти фашистов, и 22 сентября он попал в плен».

Из воспоминаний ветерана **Ефимова Николая Ефимовича:**

«13 сентября 1941 его ранило в бою и слегка контузило. Вытащив из поля боя, ему перевязали раны и забрали в село Оржица, где находился полевой госпиталь в здании средней школы. 22-го сентября немцы захватили это село, а его пленили».

Николай Васильевич Григорьев – в Великой Отечественной войне участвовал с первых дней в звании майора в должности начальника штаба 40-го кавполка 43-й кд, затем командира 38-го кавполка той же дивизии. В составе 1-й конной группы А. И. Городовикова участвовал в рейде по тылам противника. 20 сентября 1941 при возвращении из рейда в бою под поселком Оржица Полтавской области был ранен в лицо и в руку. 22 сентября 1941 попал в плен в госпитале.

Лев Николаевич Савинский, как начальник связи, должен был со связистами корректировать артиллерийский огонь полка в боевых условиях. С отходящим полком, на одной из стоянок получил он приказ ехать в разведку, а когда вернулся, то не застал его на месте. В подобной ситуации оказалось тогда немало офицеров. Из них сформировали ударный офицерский батальон, с которым пришлось отступить и Савинскому. Но в Оржице (Полтавская область) попали они в окружение. «...Нас обманули, сказав, что танковая дивизия идет на прорыв кольца». Три дня ждали они прихода советских танков, пока не дождались немецкого плена.

Одна из попыток прорыва 22 сентября была сравнительно успешной, поскольку острие удара было перенесено на 14 километров к северу от Оржицы вверх по течению реки.

Немцы говорят (В. Вертен):

«Утром 22 сентября 11-й армейский корпус (в сентябре

1941: 125-я пд, 239-я пд, 257-я пд) приблизился с юго-западного направления к Оржицкому участку на расстояние 10 км, все сильнее прижимая россиян к линиям 16-й тд (командир – генерал-лейтенант Ганс-Валентин Хубе (Hans-Valentin Hube) – 1.11.1940 – 15.09.1942).

Окруженные попытались еще раз вырваться из котла – южнее Остаповки. Их встретил заградительный огонь пушечной батареи. На участке батальона Vota (I батальон 79-го стрелкового полка 16-й тд вермахта) им удалось ближе к вечеру прорваться во второй раз. Вот уже враждебная кавалерия оказалась в тылу боевой группы Вагнера, батареи развернули свои орудия на 180°. Атакующий казачий батальон прошел сквозь расположения штаба батальона Vota; связь с полком оказалась потерянной».

Известно общепринятое утверждение, что 116-я сд была окружена в Оржицком котле. Достаточно устойчиво оборонялась, применяла энергичные попытки по выходу из окружения. Дважды пыталась форсировать р. Оржица. После этих боев в ней осталось не более батальона личного состава. В безрезультатных попытках прорвать оборону немцев войска потратили весь боезапас и топливо. Дивизия погибла в окружении в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области 22—24 сентября 1941 года, а все, кто остался в живых, попали в плен.

Более вероятно, что на 22.09.1941 года 116-я сд уже завершила свое существование, часть личного состава

ва погибла, а основная масса попала в плен.

По свидетельству лейтенанта Кузнецова Ф. Я., который приказом по 38-й А Юго-Западного фронта №019 был назначен командиром стрелкового взвода 172 стрелкового батальона 116-й сд:

«22 сентября 1941 его батальон находился в районе с. Денисовка, Оржицкого района. 22 число для него несчастливое, 22 июня началась война, ровно через месяц, день в день, он был ранен, а 22 сентября попал в плен.

Конечно, это совпадение, но роковое. Вместе с пленными, которых было несколько тысяч, их гнали вглубь Украины. Через каждые 5—10 метров лежали трупы. Чувствует, стал ослабевать, решил: все равно погибать, попытается совершить побег. Стал присматриваться. В концлагере было несколько тысяч военнопленных, охрана небольшая. Немцы после проверки отпускали белорусов и украинцев. Прежде чем вручить удостоверение, ставили на колени. Затем их снова ловили и отправляли в другие концлагеря. В удобный момент, когда часовой на вышке отвернулся, подлез под проволоку и скрылся за сорняком. Пробирался почти до Николаева через линию фронта. 31 декабря прибыл в Елец. Как и положено, прошел проверку».

Из воспоминаний старшего лейтенанта В. Т. Пуганова о попытках выхода из очередного окружения и его пленении узнаем, что:

«... в районе Оржицы, Полтавской области собралась

большая группа окруженцев всех родов войск. Эти войска оказывали серьезное сопротивление гитлеровцам. Несколько дней велись активные боевые действия. Фашисты, подтянув свежие силы, перешли в наступление, усилив огонь артиллерии и минометов. Налет авиации окончательно рассеял их. Пуганов был контужен и получил тяжелые удары в области грудного отдела позвоночника, ему отказали ноги.

Сколько и где он бродил сказать не может, счет времени был потерян – прячась в разбитых домах, в полях, лесах и так далее.

Последний раз, уходя от немцев, они (**Пуганов В. Т., Сергиевский В. А., Дементьев и Цуркан В.** – все пензенцы) прятались в болоте с кочками среди посевов конопли. Там был болотистый участок, в который каратели не пошли. Они там спрятались, когда цепь прошла, выбрались на сухое место, глядя им в спины, и не заметили второй цепи, которая подошла сзади и пленила их. Они были уже полностью обессилены и больные, гноились раны. Это произошло 22 сентября 1941 возле села Денисовка, Оржицкого района Полтавской области».

Владимир Тихонович Пуганов, старший лейтенант в отставке, инвалид Великой Отечественной войны, проживавший в городе Пенза, бывший помощник начальника штаба 66-го стрелкового полка 61-й стрелковой дивизии. После гибели начальника штаба 66-го сп он исполнял его обязанности. Оказавшись в окру-

жении, с группой бойцов прикрывал переправу через Днепр и вышел в расположение штаба 21-й армии. С августа по сентябрь 1941 года – командир резерва при штабе 21-й армии. Автор статьи «Боевой путь и судьба 61-й Пензенской дивизии».

Красноармеец **Военный Валентин Сергеевич**, 1908 года рождения, уроженец г. Херсон, воевал в 75-й автотранспортной роте 116-й сд, попал в плен 22 сентября 1941 в селе Денисовка, погиб в плену 23.03.1944 года, похоронен в Нюрнберге.

Вот история одного из командиров полков 116-й сд – **майора Чубарова**.

В ходе многолетнего поиска фильтрационное дело Главного управления контрразведки «СМЕРШ» на бывшего командира 656-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии майора Чубарова Григория Ивановича, к сожалению, найти так и не удалось. На основании документов Российского Государственного Военного Архива и Центрального Архива Министерства Обороны России было известно, что майор Чубаров Г. И. родился в 1898 году в городе Кузнецк Пензенской области, в 1919 году добровольцем ушел в ряды Красной Армии.

После гражданской войны он продолжил военную службу и окончил пехотное училище и курсы усовершенствования командного состава. В 1940 году майор Чубаров Г. И. уже занимал должность командира батальона 548-го стрел-

кового полка 116-й стрелковой дивизии; приказом Харьковского военного округа No 002 от 15 января 1940 года он был назначен на аналогичную должность в 441-й стрелковый полк той же дивизии, а приказом 38-й армии Юго-Западного фронта No 018 от 6 сентября 1941 года назначен командиром 656-го стрелкового полка. Приказом Главного управления кадров НКО No 02828 от 9 ноября 1945 года майор Чубаров Г. И. был исключен из списков офицерского состава как пропавший без вести в октябре 1941 года.

На основании трофейной немецкой карточки на советского военнопленного стало известно, что командир 656-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии майор Чубаров Г. И. попал в немецкий плен 24 сентября 1941 года в районе села Малоселецкое Оржицкого района Полтавской области.

Находился он в немецких лагерях для советских военнопленных во Владимир-Волынском, в немецком лагере 2В (Хаммерштайн), где имел личный лагерный номер No 121134, с 9 сентября 1943 года – в немецком лагере 13Д (первоначально – офлаг 62), где имел другой личный лагерный номер No 11807; с 20 сентября того же года – в Норвегии на острове Неро, где находился немецкий лагерь Верги.

На основании материалов Управления по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран известно, что после освобождения из немецкого плена бывшие заключенные немецкого лагеря Верги еще оставались

в Норвегии. 20 мая 1945 года была роздана комиссия по учету офицерского и рядового состава Красной Армии, погибших в немецком плену.

Данная комиссия проводила опрос бывших советских военнопленных и 27 мая того же года составила «Книгу погибших товарищей в фашистском плену». Бывший командир 656-го стрелкового полка и советский военнопленный майор Чубаров Г. И. перечислил членам комиссии фамилии погибших офицеров 116-й стрелковой дивизии:

Майор Авдейчик Владимир Васильевич, начальник инженерной службы 116-й стрелковой дивизии, умер в плену в декабре 1941 года;

Капитан Бойко Василий Степанович, начальник 3-го отдела штаба 116-й стрелковой дивизии, в июне 1942 года был расстрелян в немецком лагере во Владимир-Волыньском;

Капитан Шабаров Иван Васильевич, начальник штаба батальона 656-го стрелкового полка, умер от голода в феврале 1942 года в немецком лагере во Владимир-Волыньском.

В августе 1945 года бывший советский военнопленный Чубаров Г. И. прибыл в Московский военный округ, где проходил государственную проверку в 33-й запасной стрелковой дивизии. В государственном архиве Пензенской области хранится регистрационная фильтрационная карточка, на основании которой известно, что решением фильтрационного органа Чубаров Г. И. был арестован 11 апреля 1946 года

и переведен в заключение. Умер командир 656-го стрелкового полка погибшей 116-й стрелковой дивизии в 1963 году.

Трофейные немецкие карточки на советских военнопленных содержат ценные сведения о трагической гибели многих воинских соединений Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны. На основании данных карточек можно установить, когда и где военнослужащие 116-й стрелковой дивизии первого формирования попали в немецкий плен, то есть где и до какого числа отдельные батальоны и полки погибшей дивизии продолжали вести ожесточенные бои. Необходимо отметить, что на основании трофейных немецких карточек можем установить день, месяц и год рождения советского военнопленного. Так, на основании данных карточек известно следующее:

1. Командир батареи 656-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии **старший лейтенант Проценко Семен Иванович** родился 2 февраля 1907 года. В немецкий плен попал 25 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

2. Командир взвода связи 305-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Розенберг Алексей Михайлович** родился 7 мая 1920 года. В немецкий плен попал 24 сентября 1941 года в районе города Оржица;

3. Начальник продовольственного снабжения 406-го легко-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии тех-

ник-интендант 1-го ранга **Михно Афанасий Мифодьевич** родился 22 февраля 1902 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области.

4. Командир взвода связи 441-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии **младший лейтенант Кловацкий Виктор Тихонович** родился 18 апреля 1914 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области.

5. Командир взвода типографской разведки 255-го гаубично-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Дудник Николай Афанасьевич** родился 28 июня 1919 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области.

6. Командир взвода 255-го гаубично-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Спиридонов Петр Семенович** родился 1 января 1919 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области.

7. Начальник связи дивизиона 255-го гаубично-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии старший **лейтенант Коба Николай Федорович** родился 17 февраля 1917 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

8. Начальник финансовой части 231-го отдельного ба-

тальяна связи 116-й стрелковой дивизии техник-интендант 2-го ранга **Павлий Григорий Лукич** родился 20 ноября 1911 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

9. Начальник 4-го отделения штаба 116-й стрелковой дивизии интендант 3-го ранга **Мирошниченко Дионисий Максимович** родился 5 августа 1894 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

10. Начальник финансовой части 656-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии техник-интендант 2-го ранга **Ковалев Алексей Федорович** родился 17 марта 1915 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе села Зарожье;

11. Начальник 1-го отделения штаба 116-й стрелковой дивизии **капитан Гармаш Александр Захарович** родился 11 августа 1909 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

12. Начальник Особого Отдела НКВД 116-й стрелковой дивизии **капитан Борисов Федор Яковлевич** родился 5 апреля 1896 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

13. Командир взвода 441-го стрелкового полка 116-й

стрелковой дивизии **младший лейтенант Таптунов Иван Прокофьевич** родился 20 января 1916 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

14. Командир огневого взвода 255-го гаубично-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Кислянь Петр Васильевич** родился 22 июня 1920 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе села, Мацковцы Лубенского района Полтавской области;

15. Командир транспортного взвода 406-го легко-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Козлов Николай Ильич** родился 17 декабря 1916 года. В немецкий плен попал 21 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

16. Начальник артиллерийского снабжения 406-го легко-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии **воентехник 2-го ранга Кукла Борис Федорович** родился 23 декабря 1909 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

17. Заместитель командира по технической части 75-ой отдельной автомобильной роты 116-й стрелковой дивизии **воентехник 1-го ранга Ильичев Дмитрий Прокофьевич** родился 25 октября 1903 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе города Золотоноша (Черкасская область);

18. Командир минометного взвода 548-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии **младший лейтенант Борисовец Василий Матвеевич** родился 26 декабря 1913 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

19. Начальник продовольственного снабжения 548-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии **техник-интендант 2-го ранга Яников Георгий Павлович** родился 3 апреля 1918 года. В немецкий плен попал 21 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

20. Автотехник 231-го отдельного батальона связи 116-й стрелковой дивизии **младший воентехник Филин Матвей Филиппович** родился 8 августа 1907 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

21. Командир взвода 441-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Уваров Вячеслав Георгиевич** родился 25 декабря 1919 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

22. Командир взвода 305-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Сорокин Николай Павлович** родился 20 июля 1907 года. В немецкий плен попал 21 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

23. Командир взвода 441-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Нагавкин Аркадий Гаврилович** родился 9 июня 1921 года. В немецкий плен попал 24 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

24. Командир взвода 406-го легко-артиллерийского полка 116-й стрелковой дивизии **лейтенант Золкин Георгий Николаевич** родился 12 апреля 1914 года. В немецкий плен попал 22 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

25. Командир батареи 305-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 116-й стрелковой дивизии **старший лейтенант Сидельников Михаил Никифорович** родился 22 мая 1907 года. В немецкий плен попал 21 сентября 1941 года в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области;

26. Заместитель командира 441-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии по материальному обеспечению **интендант 2-го ранга Степанов Александр Федорович** родился 30 августа 1900 года. В немецкий плен попал 23 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области;

27. Начальник 5-го отделения штаба 116-й стрелковой дивизии **интендант 2-го ранга Пересунько Марк Аввакумович** родился 25 апреля 1941 В немецкий плен попал в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской об-

ласти.

Таким образом, на основании трофейных немецких карточек советских военнопленных можно предположить, что до 21–22 сентября 1941 года основные части 116-й стрелковой дивизии находились в районе села Денисовка Оржицкого района Полтавской области и в районе города Оржица Полтавской области.

В большинстве источников утверждается, что 196-я и 116-я сд были отрезаны немцами в районе деревни Денисовка и осуществляли прорыв из кольца окружения в направлении Золотух. Однако, 196-я сд никогда не была окружена в Денисовке, в отличие от 116-й сд.

К сожалению, не всем советским частям удалось осуществить свой план. В плен попали тысячи бойцов и командиров. Населения, как могло, помогало скрываться окруженным.

О подробностях последних дней сопротивления 116-й сд мы узнаем от Порфирия Андреевича Андреева в романе «Крутые версты от Суры» и эти данные, мягко говоря, несколько противоречат официальной версии. Он описывает мрачное утро 22 сентября 1941 года.

«Настроение тоскливое до крайности. Сегодня ровно три месяца войны и ровно три месяца, как он вступил в первый бой. Вспоминает все, что прошло за эти три месяца.

Где только он не был, в какие ситуации не попадал. А здесь. Неужели это конец? Немцы сжали их в 2—3 ули-

цах (Денисовки) железным кольцом. Они знают, какая награда их ожидает. Ходя по огородам, присматривается Порфирий к людям. Бойцы бродят мрачные, одиночкой и группами, командиров не видно. В кустах и огородах стоят автомашины, их много. Стоят полковые кухни, машины с продуктами. Никого нет. Продукты никого не интересуют. Через улицу – немцы. Шумят, но пока не стреляют. Около сарая стоит станкач. Проверил – вполне исправен, даже лента заряжена. Подтянул к улице. Улицы на Украине широкие. Начал рыть окоп. Одному трудно. Зашел в ближайший сарай. Лежат бойцы.

– Чей пулемет?

– Молчат.

– Чей пулемет, мать вашу.

Один откликается:

– Ну, мой.

– Так что лежите! А ну, выходи!

Несколько человек нехотя поднимаются и выходят. Роют окопы. Пристреливаются. Дают очередь, для проверки. Немцы немедленно отвечают автоматными очередями. С нашей стороны тоже открыли стрельбу. Это немного успокаивает. Ребята подтянули ящики с патронами. Что же думает Порфирий, будем драться.

А здесь, и в тылу (хотя какой тыл!) поднялась стрельба. Это наши (солдаты) подрались между собой. Нашли спирт, перепились и вот доказывают свою правоту. Но нам сейчас

не до них.

Вот тут-то и появился этот моряк. Признается Порфирий, что с некоторым торжеством извещает об этом человеке. Это был настоящий герой. На бескозырке написано: «Дунайская военная флотилия».

Возможно, Порфирий Андреев ошибается, на бескозырке могло быть написано – «Пинская военная флотилия». Тем более, сколько там от той Кандибовки до Денисовки, мог и сюда попасть, отбившись от своих во время боя.

«Рослый, красивый парень, лет 25. У него автомат. Пожалуй, немного выпил. Он прибежал откуда-то сверху улицы. Запыхавшийся, раскрасневшийся, решительный. Увидел нас:

– Пулемет! Это хорошо! Где люди?

Порфирий показал на сарай:

– Там их полно. В погребе тоже.

– Вот я их, сволочей, сейчас вытурю оттуда! Открыл дверь и пустил очередь поверх голов.

– Отлеживаться? В плен захотели? Выходи, а то всех перестреляю!

Здесь уже и Порфирий осмелел и давай тоже командовать:

– Рыть всем окопы! Никому не отлучаться! Открывать огонь по команде!

А моряк пошел дальше по улице, выгоняя народ с риг и погребов, организовывалась оборона вдоль улицы. Что

делалось сзади, по ту сторону круга, Порфирий не знал, но предполагал, что немцы сжимали их с флангов. Они, видимо, почувствовали неладное, когда увидели, что против них строится правильная, организованная оборона. Конечно, она была жидкая, нет ни артиллерии, ни танков.

И здесь немцы обратились к ним. Они не стали кричать «Рус, сдавайся», как пишут в плохих романах, а высказывались на отличном русском языке:

– Товарищи, ребята! Вы же видите, что окружены! Зачем зря погибать?

В ответ солдаты открыли огонь из винтовок и пулеметов. Бой разгорелся с новой силой.

Скоро по окруженным немцы стали стрелять минами, появились убитые и раненые. Бой длился около часа. Потом немцы перестали стрелять, красноармейцы тоже. Конечно, каждый понимал, что у них впереди или смерть или плен. И вот из переулка появился переговорщик с белым флагом. Остановился и говорит на чистейшем русском языке:

– Товарищи! Не стреляйте, вы же видите, я без оружия. Мы предлагаем вам сдаться. Гарантируем жизнь, хорошее отношение!

Здесь ему навстречу моряк:

– Вот тебе наш ответ!

Поднял автомат и в упор расстрелял безоружного переговорщика. И моряка здесь же изрешетили пулями. Оба легли неподалеку друг от друга, головами вместе, как два брата,

только один в черной, а другой в серой форме. Эта картина в минуту ошеломила всех. Наступила тишина. Бой прекратился. Да, собственно, воевать-то было, как Порфирию показалось, некому. Тех, что стреляют, было мало. Более половины из них убило или ранило. Сам Порфирий тоже был ранен.

С правого фланга с белыми портянками в руках потянулись бойцы, сначала одиночки, потом – толпами. Побрел и Порфирий, покачиваясь. Проходя мимо трупа моряка и переговорщика, он остановился, посмотрел на них, мысленно попрощался с этим мужественным человеком. Когда на окраине села пленных собрали вместе, он посмотрел и ахнул. Сколько же их здесь? И если правильно организовать прорыв...

Немцы наскоро обыскали, пощупали вещевые мешки (нет ли оружия), похлопали по карманам. Никаких документов не искали. Да разве такую ораву обыщешь! Выстроили в колонну и погнали куда-то на запад, но совсем не по той дороге, по которой Порфирий попал в Денисовку».

Одним из офицеров, воевавших в составе 116-й сд был **младший лейтенант Букринский Моисей Шарьевич**, командир взвода 548-го сп 116-й сд, пропавший без вести в сентябре 1941 года.

В районе Кандибовки и Сазоновки, Денисовки и Остаповки, Зарога и Оржицы, ежедневно отражая по несколько танковых атак, наши части все же прорвались из вражеско-

го кольца и вышли из окружения. Остаткам войск, отдельным бойцам и командирам приходилось по ночам выходить из окружения из Оржицких болот небольшими группами.

Комиссар 597-го ап 159-й стрелковой дивизии **Малафеев И. В.** вышел из окружения с группой солдат и офицеров, с оружием, сохранив документы и знаки различия. Все вышеизложенные события он испытал на себе.

Ванюшенков Иван Денисович, 1918 – 1988 гг., Россия, Пензенская область, Мокшанский район, с. Знаменское, лейтенант, служил в 441-м полку 116-й сд, руководил подразделением. В сентябре 1941 года попал в окружение в с. Денисовка Полтавской области. Был взят в плен. В плену был до марта 1944 года.

Бончковский Виктор Семенович (лагерный псевдоним Казанцев) – 1915 г.р., уроженец г. Дебальцево, из рабочих, служил в Днепропетровске в 196-й сд начальником аэрометрического поста, мл. лейтенант.

После того, как немцы переправились через Днепр в районе Кременчуга, а с севера начали продвигаться на Чернигов, они стали отходить с артполком. Где располагался штаб дивизии, он в то время не знал.

Штабную батарею в Мельниках расформировали, и он с некоторыми средними командирами и бойцами влился в артполк, где был назначен командиром топографического взвода. Ночью направились в Чернобай. Ехали всю ночь. В это время они не знали, что находятся в окружении. Днем

они начали вести наступление, в результате которого у противника отбили одно село у реки Сула. Пытались перейти на противоположный берег, потому что им сообщили, что перейдя реку, они смогут соединиться с основными частями. С наступлением темноты их артиллерийский легкий полк направился примерно в район Денисовки, потому что там якобы находится большой мост через реку. Подойдя утром к реке, их полк подвергся минометному и пулеметному обстрелу. Моста здесь не оказалось. Часов в 6—7 утра они начали переправу. Во время переправы через реку многие были ранены. Человек до 70 переправились и остановились в лесу. В лесу подождали до вечера. Вечером слышали, что к ним переправляются еще какие-то части. Здесь ему сказали, что нужно пройти километров 50 на Сенчу и потом можно соединиться с частями Красной армии. Уйти из рожи все не могли. Две группы человек по 15 было, а к утру лес окружили немцы и начали прочесывать. Это было 22 сентября 1941г. В этот момент он попал в плен с частью личного состава своего полка.

42-й полк (связи) продолжает отходить с боями на восток. В Полтавской области, под поселком Денисовка, они попали в окружение, **Екимов Василий Евтийович** раненым был взят в плен и этапирован на запад до города Умань Черкасской области. Продолжением последовали «Уманская яма», бегство, арест, концлагерь.

Михин В. С. вспоминал, что:

«...целый день шел ужасный бой, они отступили. Немец снова загнал их в село Оржица. Перешел в контратаку. Зашел к ним в тыл, кругом рвутся снаряды. Горят автомашины. Много убитых и раненых. К 18:00 немец так сжал кольцо, им деваться было некуда.

Генерал-майор (Смирнов А. И.) был тяжело ранен. Произошла паника, большинство бросились спасать каждый сам себя. Все бросились к реке Оржица. Видя такое безнадежное положение, он собрал своих всех людей и пошел вброд через реку Оржица на остров, где надеялся укрыться. По ним велся ураганный сплошной шквал огня с земли и воздуха. Много убитых и раненых. Около двух автомашин с ранеными попали в плен к немцам, а также много сдались.

На этот остров выходили не сами они, а многие другие, которые хотели спасти свою жизнь и перейти к своим.

Немецкие пушки и пулеметы держали дамбу под непрерывным огнем, и она на всем протяжении была усеяна сгоревшими или подбитыми машинами, брошенными телегами, трупами людей, убитых лошадей».

Из воспоминаний **старшего лейтенанта Сергея Архипова:**

«...кольцо врага с каждым днем сужалось и, наконец, наступил финал этой трагедии. Волею судеб он оказался в этом кольце, центром которого стало село Оржица Полтавской области. Это большое село располагалось на одном берегу высоком и крутом. Другой берег реки того же названия

что и село, был низменный и болотистый. Болота были губительны и непроходимые, особенно во время осенних дождей. Единственная дорога отсюда проходила по гребню широкой и длинной земляной дамбы, построенной как мост через непроходимые болота.

Немцы перекрыли эту дамбу, орудия и пулеметы противника держали дамбу под непрерывным огнем и она стала местом, где сложили голову многие и многие солдаты. Вся масса войск сдавленных петлей враждебного окружения бросилась сюда на дамбу, надеясь вырваться из кольца. Плотина на всем протяжении была усеяна трупами людей, разбитыми штабными машинами, перевернутыми телегами, убитыми лошадьми.

В течение многих дней и ночей все новые и новые отряды окруженных шли на прорыв по этой дороге смерти или пытались добраться к своим через топкие болота. Лишь немногим удалось вырваться из окружения, большинство солдат погибло под вражеским огнем, утонуло в глубокой трясине или попало в плен. На этой плотине, старший лейтенант Архипов вместе с остальными бойцами своей роты, оставшихся в живых, в составе отряда окруженных, участвовал в одном из ночных прорывов. Он смутно помнит, как это было, но в его памяти отразилось то, что они преодолели большую часть пути, когда заработала артиллерия противника. Дамба была хорошо пристреляна, поэтому первые же залпы накрыли их. Снаряды легли кучно – точно в цель. Архипова осле-

пила яркая вспышка близкого взрыва, он сразу же, как бы провалился в пустоту.

Очнулся он от того, что почувствовал довольно сильный толчок в бок под левое ребро. Медленно открыв глаза, Сергей увидел стоящего над ним огромного рыжего немца. Винтовка со штыком, которую тот держал наперевес, была направлена ему в грудь. Увидев, что Архипов, который лежал на спине, открыл глаза, немец еще раз ударил его под ребро, одновременно показывая винтовкой, что нужно вставать. Осознав, наконец, все, что происходит Архипов хотел выхватить пистолет, но рука плохо слушалась хозяина и только скользнула по кобуре. Это движение не ускользнул от внимательных глаз немецкого солдата и штык снова приблизился к груди Сергея. И снова кованый сапог немца ударил Архипова под ребро. Сделав нечеловеческое усилие, Сергей сел и обхватил руками голову, которая болела так, что казалось, вот-вот должна была расколоться на части. Солдат, видимо поняв, что этот офицер не представляет для него опасности, взял винтовку под мышку, а левой рукой резко поднял Архипова на ноги схватив за воротник его шинели.

Тело Сергея ныло, он стоял на плохо послушных ногах, чувствуя во рту вкус запекшейся крови. Близким разрывом снаряда его сильно контузило так, что изо рта и ушей шла кровь. Солдат вермахта тем временем поднял фуражку и нахлобучил ее на голову Сергею, после чего несильно подтолкнул его в спину. Архипов сделал два робких шага на негну-

щихся ногах, как бы раздумывая идти ему дальше или нет?

Немец, словно вспомнив что-то, догнал его, быстро растегнул ремень и снял с Сергея портупею вместе с пистолетом. Вслед за этим он проворно обшарил карманы старшего лейтенанта, но не нашел там ничего подозрительного. Архипов даже не заметил, когда солдат вытащил его документы из кармана гимнастерки, так ловко он все это проделал. Толчок прикладом в спину заставил Сергея проделать несколько шагов на почти деревянных ногах. Вот так и подгонял его немец до тех пор, пока он не попал в группу таких же пленных. Последний толчок в спину был таким, что если бы не поймали его бывшие сослуживцы – упал бы он в придорожной пыли».

Окруженцы оборонялись с отчаянием обреченных. Остатки войск, пытаясь прорвать кольцо окружения в районе Оржицы, продолжали кровопролитные бои.

Вспоминает бывший начальник штаба 321-го озад **лейтенант Рохманюк Михаил Дмитриевич**, что:

«...22 сентября был последний день их пребывания в Оржице, последний день, когда их 321-й озад был еще военной частью. ... Вот тогда он и отобрал ряд документов: список личного состава, журнал боевых потерь, журнал боевых действий. Завернул все это в противооприятную накидку, затем в кирзовую командирскую сумку, еще раз в накидку и в окопе, на краю Оржицкого болота, выкопали яму, куда и положили документы... Там были учтены потери уже в окруже-

нии, о которых они не могли известить родных, и их будут считать пропавшими без вести, а в журнале были пометки, где они похоронены...

...Когда они с С. Г. Дземешкевичем (командир 321-го озад – майор Дземешкевич Семен Григорьевич 1901 рождения) закопали бумаги, то сориентировались так: если визуировать из церкви на островок, поросший большими деревьями, посреди болота, то на выступе будет их окоп. Вблизи других выступов над обрывом они не видели...

...В Оржице не сохранилось даже следов церкви, хотя это была массивная каменная постройка, а метры определять тогда было некогда, да еще и под огнем немцев со всех сторон. Но когда закапывали, то (они) с майором С. Дземешкевичем, чтобы запомнить, визуализировали положение окопа: церковь-окоп-роща, посреди болото. Окоп копали они легко, но закладка было небольшой, а, следовательно, это не был песок, а мягкая глина. Копали одной малой саперной лопатой и касками. Река от берега там очень далеко, было большое непроходимое болото. Берега были голые. Документы были зарыты на выступе обрыва. Из окопа видно только рощу. Церковь и тогда была без креста. Почва при рытье окопа была мягкой, податливой, какой то полу песчаной...

Если не церковь, то ее следы сохранились, а вот лесной остров на болоте за 40 лет мог и исчезнуть, но выступ на высоком крутом берегу он уверен, жив и здоров. Уверен, что в Оржице мало что добавилось к той длинной улице, из ко-

торой она состояла в 1941 году и хоть остатки церкви, да уцелели, а место то он до смерти не забудет...».

Бойцы сражались до последнего. Примером может служить подвиг **сержанта Цибулина** из роты связи. В критическую минуту в окружении, когда воинам некуда было деваться, он встал во весь рост и, подняв вверх пистолет, скомандовал: «Вперед! За Родину!». Бойцы пошли на врага в последний штурм. Сержант сразу же был скошен пулеметным огнем, а по атакующих гитлеровцы открыли ураганный огонь из минометов и артиллерии. Падали убитые и раненые, но воины упорно шли вперед...

Возможно, речь идет о сержанта Цибулине Михаиле Андреевиче, 1920 года рождения, пропавшем без вести в сентябре 1941 года.

Но и после этого часть села оставалась недосягаемой для немцев. На окраине Оржицы, у высокого берега, изрытого окопами и траншеями, продолжался бой. И когда немецкие разведчики донесли своему командованию, кто ведет этот бой, генералы не сразу поверили – слишком уж невероятным казалось донесение. Там, в окопах над рекой, залегли те советские бойцы и командиры, которые физически не могли пойти вместе со своими товарищами – люди тяжелораненные или раненые в ноги.

Одни из них уже не могли передвигаться и только стреляли, лежа на месте. Другие еще были в состоянии ползать и под прикрытием огня товарищей иногда пробирались

ползком к окраинным улицам села, где стояли брошенные обозные телеги, нагруженные патронами, так же ползком возвращались назад, таща за собой тяжелые патронные ящики или куски мяса, отрезанные от туш убитых лошадей.

Здесь, на этой выгодной позиции, можно было продержаться долго, и раненые приняли молчаливое решение дорого продать свою жизнь и погибнуть в бою, но не сдаться в плен. Обреченные на смерть, истекая кровью, обмотанные грязными бинтами, из последних сил сжимая в руках приклад винтовки или рукоятки пулемета, лежа под бесконечным осенним дождем на раскисшей земле, в залитых водой окопах, эти люди уже спокойно смотрели навстречу своей неизбежной судьбе и пытались не поддаваться унынию. Они даже смеялись и шутили. Они окрестили свою высокую удобную позицию «галеркой», а противоположный низкий берег – «партером», и, как только на этом «партере» или со стороны села (Онишки) показывались зеленые цепи атакующих немцев, меткий огонь раненых вычесывал ряды гитлеровцев и заставлял их снова залечь.

Несмотря на обстрел из пушек и минометов, которые подтянул сюда противник, неравная борьба все же продолжалась несколько дней.

Рассказывают, что самолеты, летая на бреющем полете над берегом, разбрасывали листовки, отпечатанные на машинке в немецком штабе.

«Безногие солдаты Оржицы, – говорилось в этих листов-

ках. – Ваше сопротивление бессмысленно. Немецкая армия вступила в Москву и в Петербург. Красная Армия разбита. Спасите свою жизнь и сдавайтесь в плен. Немецкое командование немедленно обеспечит вас протезами и хорошим питанием».

Но на эти призывы из окопов все так же отвечали огнем, который, впрочем, слабел с каждым часом. Сопротивление прекратилось, когда почти все защитники «галерки» были убиты. Всего несколько «безногих солдат Оржицы», едва живых, лишившихся сознания, попало в плен.

Заслуживают большого внимания также воспоминания **Александра Ивановича Полехина** (уроженца г. Юрьев-Польский, Ивановской области) в г. Мозырь, Гомельской области в 1971 году, бывшего начальника штаба, а затем (после гибели командира) командира 507-го отдельного инженерно-строительного батальона. На путях отступления к его подразделению присоединилась группа красноармейцев, все они были из Ивановской области: **сержант Николай Виноградов из Комсомольска, Сергей Антипов из Юрьевецкого района, Василий Петров из города Наволоки, Иван Андреев из Родников и Николай Федоров из Заволжского**. Все прибывшие солдаты были зачислены Полехиным в состав батальона. Командиром отделения назначен сержант Виноградов.

В последующих боях эти ребята показали себя храбрыми и стойкими бойцами. Особенно отличились храбростью

Сергей Антипов и Василий Петров. Полехин отмечает, что особенно отличились ивановцы в четырехдневных боях в городе Оржица Полтавской области, где его батальон попал в окружение.

С другого рассказа бывшего командира 507 отдельного инженерно-строительного батальона А. И. Полехина узнаем, что они шли на Восток. Однажды он встретил двух солдат без шинелей, в одних гимнастерках, измученных, грязных. Они стояли перед ним, крепко сжимая оружие. Эти двое шли от самой границы, шли болотами, лесными тропами. Их звали **Алексей Данилов и Иван Герасимов**. Он направил их в отделение **сержанта Михайлова**. С боями они отступали на Украину. Особенно запомнились четырехдневные бои у поселка Оржицы Полтавской области. Здесь батальон попал в окружение. С 19 по 23 сентября 1941 велись тяжелые бои.

Детальное изучение воспоминаний А. И. Полехина выявило также два варианта описания заключительного боя.

Вот первый вариант воспоминаний А. И. Полехина.

«Шли ожесточенные бои. Они шли днем и ночью. Гитлеровцы непрерывно обстреливали городок из пушек и минометов. От разрывов снарядов и мин было темно, все горело. Отделение Виноградова обороняло высоту западнее Оржицы. Это было важным направлением. Враг обрушил на горстку смельчаков пушечный и минометный огонь. Под прикрытием танков пехота противника пошла в атаку. Анти-

пов и Петров открыли ураганный огонь из пулемета. Осколком наповал был убит командир отделения Виноградов.

Командование отделением принял Павел Чернецов. Фашисты дорого заплатили за смерть Виноградова. Враг не выдержал, откатился назад. Гитлеровцы оставили на поле боя около сотни своих солдат. Был взорван фашистский танк.

Перед вечером гитлеровцы снова пошли на штурм наших позиций. В неравной схватке были убиты Андреев и Федоров. В отделении осталось всего три человека – Чернецов, Антипов и Петров. Огнем из пулемета они продолжали бить фашистов. Гитлеровцы лезли напролом, ворвались в наши траншеи, завязалась ожесточенная схватка. Был убит Сергей Антипов. Оставшихся смельчаков Чернецова и Петрова фашисты хотели захватить живыми. Тогда друзья встали во весь свой рост и пошли навстречу фашистам. Со словами «Умрем за Родину, но не сдадимся!» они гранатами подорвали себя и более десяти гитлеровцев.

Кто остался жив – отступили к реке. Собрав остатки батальона, А. И. Полехин принял решение – прорвать кольцо вражеского окружения. Ночью они пошли на прорыв. Утром вырвались из кольца окружения. Похоронить погибших товарищей они не смогли».

Второй вариант воспоминаний А. И. Полехина.

«Группа М. И. Михайлова из 20 человек заняла оборону западнее Оржицы. Противник поливал смельчаков шквалом огня, уничтожая все живое. Но когда фашисты поднимались

в атаку, оживали полуразрушенные дома, по врагу открывался бешеный огонь. Фашисты отступили назад, оставив убитых.

Сильнее всего бой разгорелся 22 сентября. Утром враг бросил свежие силы. Пехота шла в атаку под прикрытием танков. Но и это наступление врага было отбито. Вечером бой завязался снова. В группе погибло более половины бойцов.

Фашисты ворвались в траншеи. Начался рукопашный бой. Именно в этот вечер погибли смертью храбрых пулеметчики Алеша Данилов и Ваня Герасимов. 10 рядовых молодых бойцов с сержантом М. И. Михайловым стояли насмерть на подступах к высоткам Оржицкого плацдарма. И когда остались Саша Котов и Коля Ласточкин, они раненые, поднялись в полный рост перед сотней гитлеровцев и со словами: «Умрем за родную Отчизну!» взорвали гранатой себя и одиннадцать фашистов.

Силы были неравными. Бойцы батальона, оставшиеся в живых, начали отходить. Собрав остатки подразделения, Полехин принял решение прорвать вражеское окружение. Пользуясь ночной темнотой, повел бойцов на прорыв. Ценой больших потерь к утру 23 сентября они выполнили поставленную задачу. В жестоких боях за Оржицу много солдат его батальона отдали свою жизнь. Сам Полехин был ранен в руку. Похоронить погибших товарищей им не удалось».

Оснований не верить Александру Ивановичу Поле-

хину у нас нет, но который из его рассказов верен? Или они верны оба?

Немецкий мемуарист В. Вертен:

«На р. Оржице, на участке 24-й пехотной дивизии, русские согнали в одно место несколько тысяч автомашин и подожгли их. Черный дым поднимался к небосводу целыми днями. В кукурузных полях многие российские солдат кончили с собой, предпочитая смерть плену».

Вечером 22 сентября: поступил приказ подорвать орудия и выходить из этого огневого кольца группами по 25 человек.

И настал день, когда кольцо сжалось до предела, в Оржице уже не было наших войск: все, кто мог ходить, даже легкораненые, пошли на прорыв.

Из наградного листа **Купальяна Цолака Карповича**, разведчика взвода пешей разведки 691-го сп 383-й сд (о 306-м сп 62-й сд):

«Тов. Купальян в сентябре 1941 г. замещал убитого комиссара и выбывшего из строя командира 306-го сп 62-й сд, полк имел задачу овладеть левым берегом р. Оржица, привести переправу и обеспечить отход наших частей. Противник неоднократно контратаками пытался овладеть переправой, что ему впоследствии и удалось. 306-й сп совместно с остатками 123-го и 104-го сп 62-й сд в рукопашных боях потерял свои людские силы, людей в полку не осталось, охраняющие боевые знамена частей дивизии были убиты, тогда т. Купальян сняв с древка боевые знамена и взяв с собой ор-

дена, грамоту Верховного Совета СССР и орденскую книжку закопал их в землю, а сам находился в окружении до января месяца 1943.

По выходе из окружения т. Купалян командованием 691-го сп был командирован в Полтавскую область для доставки в часть закопанных ним боевых знамен, орденов и документов 62-й Краснознаменной сд. 18 октября 1943 т. Купалян доставил и сдал начальнику политотдела 56-й А Боевое Красное знамя 62-й сд, боевое знамя 306-го Краснознаменного сп, орден Трудового Красного Знамени 62-й сд, орден Боевого Красного знамени 306-го сп, грамоту Верховного Совета СССР о награждении 306-го сп и орденскую книжку. За спасение боевых флагов, орденов и документов 62-й Краснознаменной сд и проявленные при этом мужество и отвагу т. Купалян достоин награждения орденом Красного Знамени».

В. Вертен:

«Утром 22 сентября окруженные еще раз попытались вырваться из котла южнее Остаповки, их встретил заградительный огонь батареи пушек. Однако вечером, со второй попытки, им удалось прорваться».

22 сентября удалось прорвать немецкую оборону у населенного пункта Остаповка. Войска армии начали выходить из окружения. Но вышли только боевые части, в том числе и командующий армией Костенко вместе со штабом. Все обозы и тысячи раненых остались в Оржице. Бои в этом рай-

оне продолжались до 24 сентября.

Это первое упоминание о выходе из окружения командующего 26 А генерала Костенко Ф. Я. – 22 сентября 1941 года в районе села Остаповки.

В ночь на 22 сентября подполковник Д. К. Бурков собрал вокруг себя бойцов штабной батареи и вместе с ними стал выходить из окружения. Вскоре к ним присоединился полковник Д. М. Дорошков со своим взводом. Сохранить единство не получилось, и во время движения разбились на группы по 5–7 человек.

Около г. Лубны подполковник К. Д. Бурков выслал разведку, от которой вскоре узнал, что никаких советских войск ни в городе, ни около него нет. Повсюду немецкие солдаты, а в самих Лубнах располагается лагерь военнопленных. Сначала подполковник решил идти на восток, но вскоре убедился, что фронт ему не догнать, и решил вернуться в Киев и влиться в его оборону. О том, что Киев сдан противнику, он ничего не знал. Однако и этому желанию не суждено было сбыться: группа подполковника К. Д. Буркова на хут. Созонтов 1 октября была задержана немецкими самокатчиками, и всех отправили в лагерь военнопленных в г. Хорол.

К 22 сентября в районе Оржицы сосредоточились многочисленные медицинские учреждения, как армии, так и фронта, в частности ПЭП-78, ИГ-2193, СЭО-45, а также различные госпитали и медсанбаты подчиненных корпусов и дивизий. В них находилось несколько тысяч раненых.

Большинство врачей и медсестер, даже имея возможность спастись лично, приняли решение остаться в окружении и разделить судьбу своих подопечных.

К этому времени единое командование окруженной группировкой было уже утеряно. Основная группировка сосредоточилась в Оржице для прорыва.

Обращаю внимание, что часто, говоря о т.н. «Оржицком котле», путают события и места, а именно – Оржицу Гребенковского района и собственно – Оржицу. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что оба этих населенных пункта находятся на берегах одноименной реки и оба стали в сентябре 1941 года ареной ожесточенных боев.

Утром 22.09.1941 года, пробившись через немецкие заставы, в Оржицу прибыли остатки трех дивизий кавгруппы комбрига А. Б. Борисова. Генерал Ф. Я. Костенко поставил их на рубеж у с. Онишки с задачей прикрывать переправу через р. Оржица. Здесь, совместно с частями 97-й дивизии конники вели бой, стараясь оттеснить противника от переправы. Однако вскоре немцы получили подкрепление, и советские войска перешли к обороне. К исходу дня плацдарм за р. Оржица удалось удержать. Противник, по подсчетам бойцов, потерял до двух рот пехоты и четыре танка. В боях под Оржицей была потеряна последняя артиллерия: в единственной оставшейся батарее 32-й кавдивизии выбыли из строя все четыре орудия.

Бои под Оржицей шли весь день. В. С. Михин вспоминал:
«...мы отступили. Немец опять загнал нас в село Оржица.

Перешел в контратаку. Зашел к нам в тыл, кругом рвутся снаряды. Горят автомашины. Много убитых и раненых.

К 18.00 немец так сжал в кольцо, что нам деваться было некуда. Генерал-майор был тяжело ранен. Произошла паника, большинство бросилось спасать каждый сам себя».

Это последнее имеющееся упоминание о генерале А. Н. Смирнове. По настоящее время он числится пропавшим без вести.

На совещании комсостава в 21.00 было принято решение о возобновлении попыток форсировать реку. Но в это время заместитель начальника оперативного отдела майор А. К. Блажей сообщил, что противник ворвался на восточную окраину Оржицы и поджег ее. Понимая, что промедление может привести к потере управления и уничтожению остатков армии, Ф. Я. Костенко вызвал к себе комбрига А. Б. Борисова и приказал его кавгруппе нанести контрудар по немцам.

Под прикрытием конницы управлению 26-й армии удалось пробиться к дамбе через реку и успешно ее форсировать.

В дальнейшем штаб армии благополучно вышел из кольца в полосе 5-го кавалерийского корпуса. Вместе с генералом Ф. Я. Костенко вышли бригадный комиссар Д. Е. Колесников и полковой комиссар И. В. Заковоротный.

За вывод из окружения штаба 26-й армии комбриг А. Б. Борисов по представлению генерала Ф. Я. Костенко был награжден орденом Красного Знамени.

Но этот прорыв оказался спонтанным, неподготовленным, и о том, чтобы вывести остальные части, никто не позаботился. Поэтому, оборонявшиеся в районе с. Оржица полки и дивизии никаких указаний или приказов на прорыв не получили и продолжали удерживать свои позиции. Они так и оставались в окружении после того, как командование армии ушло на восток. Предоставленные самим себе, они в дальнейшем пробивались и выходили из кольца самостоятельно.

Так, уже вечером 22 сентября с наступлением сумерек до 1 тыс. человек под командованием командира 41-го артполка майора И. К. Сидорчука совершили удачный прорыв северо-восточнее с. Онишки. К утру 23 сентября они достигли с. Михновцы и здесь разбились на группы.

Дезорганизацией управления поспешил воспользоваться противник, начался артиллерийско-минометный обстрел, усилился нажим пехотой. В боях 22 сентября погиб командир 136-го полка 97-й дивизии **капитан К. М. Палиашвили**, во время обстрела был тяжело ранен и впоследствии умер военком 41-го артиллерийского полка **батальонный комиссар Г. Ф. Игнатенко**.

Ночь с 21-го на 22-е сентября прошла для немецких войск сравнительно спокойно. За предшествующие сутки соедине-

ния XI корпуса еще более приблизились к Оржице, до которой оставалось уже всего 10 км. Немцы понимали, что наступила критическая фаза всего сражения. В самые ближайшие часы будет решена судьба 26-й армии – она или сумеет прорваться, или будет уничтожена. Поэтому они готовились к решающим боям.

В утренние часы под нажимом XI корпуса советские войска предприняли попытку прорыва южнее с. Остаповка. Дорогу им преградил огонь пулеметов и одной артиллерийской батареи. Вечером попытка повторилась большими силами, и она принесла успех.

Солдаты 1-го батальона 79-го пехотного полка 16-й танковой дивизии не выдержали удара, и через их позиции хлынула волна красноармейцев, сметая все на своем пути.

Советская конница появилась в тылу боевой группы Вагнера, и немцам пришлось торопливо разворачивать свои орудия, чтобы отбить атаку. Однако удержаться и здесь не получилось. Под удар попал штаб 1-го батальона, и его командованию чудом удалось избежать уничтожения. Связь с вышестоящими штабами оказалась прерванной, и несколько часов никто в дивизии ничего не знал о произошедшем. Несмотря на все усилия, локализовать прорыв немцам не удалось.

Несколько ночных попыток прорыва выдержали солдаты 125-й дивизии.

Успешно отразили все атаки 420-й полк и боевая группа

майора Р. Шмидта. На участке последней оказались уничтоженными 14 грузовых автомашин.

В 10.00 части 125-й дивизии перешли в наступление, нанося основной удар с юга в направлении с. Денисовка. Тут, буквально через полчаса после начала атаки, они попали под сосредоточенный артиллерийский обстрел. Как выяснилось, огонь вели солдаты 16-й танковой дивизии, которые, видимо, сочли немецкую атаку за советскую. Командир 125-й дивизии немедленно доложил о произошедшем в штаб XI корпуса. Он попросил доложить в 16-ю танковую, что южнее с. Денисовка и на южном берегу р. Оржица уже находятся немецкие войска. Просьба была выполнена.

Около полудня в тяжелые бои с прорывавшимися из окружения советскими частями вступил 419-й полк. Одним из первых в 11.20 был атакован разведывательный батальон, действовавший на правом фланге. Против него, по немецким оценкам, действовал целый советский стрелковый полк. Уже через 30 минут весь правый фланг 125-й дивизии оказался скован боем и не мог сдвинуться вперед ни на шаг. Артиллерийскую поддержку пехоте, зачастую прямой наводкой, оказывали орудия 3-го и 4-го дивизионов 125-го артполка. Бой прекратился только в 14.30.

В 12.55 от XI корпуса поступило новое распоряжение, уточнившее задачи 125-й дивизии. По словам начальника штаба, соединения корпуса помимо основной должны образовать дополнительную тыловую оборонительную линию,

главной задачей которой является отлов советских бойцов и командиров, которым посчастливится прорваться из окружения за линию фронта. Солдатам 125-й дивизии предписывалось создать такую позицию по линии от северной окраины с. Крестителево до северной окраины с. Ивановка.

В результате между 419-м полком и боевой группой майора Р. Шмидта образовался разрыв. Командир дивизии, за неимением иных резервов, решил закрыть его 73-м саперным батальоном. Однако, вовремя прибыть на место тот не успел.

Командиры окруженных, каким-то образом установив, что немецкие части действуют в отрыве друг от друга, атаковали с. Зарожье. Здесь находилось несколько десятков немецких пехотинцев, саперов и артиллеристов. Общее командование ими взял на себя хауптман Розевич, командир 1-й батареи 125-го противотанкового дивизиона. К 16.00 все попытки прорыва через с. Зарожье были отражены с большими потерями для атакующих.

Во второй половине дня 420-й полк вышел на юго-восточную окраину с. Шаблиев и занял группу домов вокруг ветряной мельницы неподалеку от с. Чмыхалов. Перешедшие в наступление солдаты 419-го полка ворвались на южную окраину с. Денисовка. Командир дивизии приказал здесь закрепиться, а все свободные силы направить на прикрытие разрыва с боевой группой майора Р. Шмидта, так как там по-прежнему сохранялась угроза прорыва.

Уже в сумерках в штаб соединения поступил доклад от командира 421-го полка. Его солдаты заняли с. Плехов, захватив при этом 10 000 пленных и, в качестве трофея, – Боевое знамя 212-го гаубичного артполка (первоначально он входил в состав 87-й стрелковой дивизии). Еще 5000 красноармейцев сдались в плен перед 420-м полком в с. Денисовка. Всего за день, по подсчетам штаба 125-й дивизии, в плен попали 20 250 чел. В целом кольцо окружения еще более сузилось и угроза прорыва из него – уменьшилась. В ближайшие три-четыре дня оно будет уничтожено. Поэтому теперь 466-й полк можно вывести из состава 125-й дивизии.

Быстрое сужение кольца окружения привело к негативным последствиям не только для советских, но и для немецких войск.

Так, в районе с. Круподеренцы сгрудились 1-й батальон 327-го и 444-й полк 239-й дивизии, а также 512-й полк 293-й дивизии.

Остальные силы 327-го полка ночью вышли к с. Денисовка, однако из-за плохих карт немцы неверно определили свое место, что чуть не привело к большим неприятностям.

К утру немецкое командование представляло себе ситуацию так. Окружение фактически состоит из двух больших группировок войск. Первая из них сосредоточена вокруг с. Денисовка, вторая – у с. Оржица и в лесах неподалеку. Против последней как раз действовали 125-я и 24-я пехотные дивизии, препятствуя прорывам окруженцев в южном на-

правлении.

Когда утром 421-й полк занял с. Плехов, то в то же время три полка соединения генерала Х. фон Теттау нанесли концентрический удар по советской обороне в районе с. Оржица. Справа наступал 32-й полк, в центре – 102-й, а слева – 31-й, нанося одновременный удар с юга и запада.

Вскоре штурмовые группы ворвались на окраины и захватили первые дома в населенном пункте. Красноармейцы, несмотря ни на что, оказывали стойкое сопротивление, и каждый метр продвижения стоил противнику больших усилий и значительных жертв. Чтобы уничтожить одну из окруженных групп, пришлось применить огнеметы 5-й роты 102-го полка.

Вполне возможно, что именно об этой группе рассказывал в своих воспоминаниях Александр Иванович Полехин.

Однако к вечеру село оказалось в немецких руках. Остатки оборонявшейся группировки уже в сумерках предприняли последнюю отчаянную попытку вырваться из кольца и бросились через мост в северной части села на позиции 16-й танковой дивизии. Атаку немцы отбили.

Если немцы отбили атаку, то где же прорвалась из окружения кавгруппа?

Количество пленных, захваченных в районе с. Оржица, исчислялось тысячами, один только 421-й полк доложил о пленении почти 10 000 бойцов и командиров. Прика-

зом командира XI корпуса генерала Коха был сформирован сборный пункт военнопленных в с. Крестителево.

Окончание боев за с. Оржица запомнилось командиру 24-й пехотной дивизии генералу Х. фон Теттау в следующих красках: «Густые столбы дыма вздымались над огромными пожарами... Наносивший удар на главном направлении 31-й полк пробился к дамбе с мостом по эту сторону деревни и протянул там руку танкистам-камрадам, когда уже ночь опустилась на ужасающую картину разгрома. Она превосходила самые фантастические представления об аде: хаос автомашин и гужевых повозок, орудий и лошадей, раненых и убитых, и все это посреди моря огня и дыма, в котором вплоть до самой ночи шли бои за каждый дом. Толпами выскакивали чуть не умирающие с голоду советские солдаты из домов, окопов и укрытий и покорно отправлялись в тыл. Их сбор, охрана и снабжение стали настоящей головной болью для сильно потрепанных частей и ответственных работников штабов».

Ночью, на участке обороны 327-го полка немецкой 329-й дивизии вновь разгорелись бои. Окруженные части 26-й армии все еще, надеясь на удачу, предпринимали последние отчаянные попытки вырваться из кольца. Для их отражения пришлось бросить на передовую всех солдат, включая саперов, связистов и писарей. Даже штаб 327-го полка в критические моменты вступал в бой. При отражении одной из атак погиб командир 2-го батальона, служебный автомобиль ко-

мандира 327-го полка был расстрелян и сожжен.

Только к 9.00 бой прекратился, и в 10.00 немецкие батальоны смогли возобновить наступление. После короткого боя солдаты 444-го полка заняли с. Круподеренцы, а солдаты 327-го, продвинувшись всего на несколько сот метров, вновь попали под контратаку. Она началась с мощной артиллерийской подготовки, которая заставила немцев залечь прямо в поле. Как только обстрел прекратился, батальоны 327-го полка оказались атакованы с трех направлений.

Требовалось немедленно оказать им поддержку, в том числе артиллерией. В самый ответственный момент по какому-то недоразумению, видимо, из-за неверно отданного донесения, в штабе XI корпуса решили, что советские орудия ведут обстрел 327-го полка с огневых позиций у с. Круподеренцы и именно оттуда следуют контратаки красноармейцев. Однако по имевшимся в штабе данным, подтвержденным армейским командованием, в селе находились немецкие войска. На повторный запрос командир 327-го полка вновь ответил, что его солдаты находятся под обстрелом и отражают атаки со стороны с. Круподеренцы. Командиры штаба XI корпуса вновь пришли к выводу, что в селе советские войска. Следовательно, требуется нанести по ним огневой удар.

Тут в штаб поступил доклад от наблюдательного поста 293-й дивизии о том, что он разместился в церкви с. Круподеренцы. В головах немецких штабистов все перемешалось:

по всему выходило, что в селе одновременно находятся и советские, и немецкие войска. Но почему они не ведут бой друг с другом и как в таких условиях красноармейцы умудряются атаковать 327-й полк? На эти вопросы не было ответов, и командир XI корпуса приказал отложить артиллерийский обстрел с. Круподеренцы, чтобы не задеть своих. Однако орудия уже успели сделать два залпа, правда, никого не задев.

Чтобы разобраться в ситуации, пришлось еще раз запрашивать командование 444-го и 327-го полков, а также штаб 293-й дивизии о местоположении частей.

Выяснилось, что действительно с. Круподеренцы занято немецкими войсками и никаких красноармейцев там нет, а 327-й полк находится под с. Денисовка. Виноватым оказался его командир, который по какой-то причине решил, что перед ним находится с. Круподеренцы.

Как только положение прояснилось, солдаты 329-й дивизии смогли возобновить наступление. От взятия с. Денисовка отказались, предоставив его 125-й дивизии.

Батальоны 327-го полка отвели влево и поставили их северо-западнее напротив с. Савинцы. На этом участие 239-й дивизии в уничтожении Оржицкого котла в основном завершилось. Теперь ее основной задачей являлась зачистка, сбор и классификация трофеев. Для ее проведения соединению придали 477-й полк из состава 257-й дивизии.

Корпусное командование напоследок удивило непонятно для чего необходимым отчетом. Оно потребовало расчи-

тать количество дней с даты форсирования р. Буг, проведенных на маршах и в боях, и количество пройденных километров. Получилось, что из 36 дней солдаты 239-й дивизии 33 дня провели на марше или в бою, преодолев за это время 500 км.

Возможно, форма отчета была спровоцирована приказом штаба 1-й танковой группы, поступившим вечером 22 сентября. Он предписывал войскам XI корпуса силами одной дивизии принять на себя зону ответственности 16-й моторизованной дивизии XXXXVIII корпуса у г. Лубны, войска которой теперь выводились из боя. Одним из обоснований для такого решения стало утверждение, что танковые и моторизованные части после прорыва советской обороны 12 сентября прошли с боями почти 500 км, не имея ни дня для отдыха.

Вполне вероятно, что генерал Кох отдавая свой, кому-то показавшийся странным приказ, рассчитывал показать вышестоящему командованию, что его солдаты устали ничуть не меньше, если даже не больше. В результате последующих переговоров между корпусными командирами удалось внести изменения в первоначальный вариант приказа. Требуемую дивизию разрешалось направить к г. Лубны не 23, а 24 сентября.

Приказ 2-й танковой группы одновременно подчеркивал, что уничтожение Оржицкого котла еще не завершено. В ближайшие сутки требовалось закончить уничтожение и плене-

ние окруженной советской группировки и провести зачистку поля боя.

К ночи штаб XI корпуса подвел итоги дня, которые показали впечатляющими. Фронт окружения сузился до минимума, все попытки советских войск вырваться из него были пресечены. Оставшиеся в котле части понесли большие потери в людях и вооружении, и их можно считать разгромленными. Количество пленных, собранных в с. Крестителево, достигло 40 тысяч человек. Еще 10 тысяч находились в колоннах на марше. Количество трофеев пока не подсчитано, но представляет собой весьма внушительную цифру.

Ф. фон Бок отмечал:

«На фронтах затишье; воюет одна только вторая танковая группа».

Ф. Гальдер:

«22 сентября 1941 года, 93-й день войны. Обстановка на фронте: котлы восточнее Киева сужаются...

Обстановка вечером: успешно продолжается ликвидация окруженной группировки противника в районе к востоку от Киева».

23 СЕНТЯБРЯ

В. Вертен:

«На рассвете бои возобновились. Россияне держали место прорыва, пропуская через него свои войска. Остановка была в руках противника. Теперь враг попытался прорваться также южнее Денисовки, переправился через реку, взял Зо-

лотухи, пробился на северо-востоке до Петриков и выскользнул частью своих войск на восток».

09 ч. 21 мин.

До 23 сентября штаб 26 армии поддерживал радиосвязь с Главкомом Юго-Западного направления и Ставкой ВГК и поэтому ориентировался в обстановке, которая сложилась.

Костенко доносил в Генштаб командующему Юго-Западным фронтом:

«Положение исключительно тяжелое. С наступлением темноты попытаюсь с остатками (войск) прорваться в направлении Оржица – Исковцы – Пески. Огромные обозы фронта и раненых вынуждены оставить в Оржице, вывезти которых не удалось. Костенко, Колесников»

Пытаясь выйти из окружения, было сделано несколько отчаянных атак на прорыв в направлении на Лубны. Но это была не последняя попытка генерала Костенко.

Из романа **Л. Занадворного** :

«На рассвете многих разбудили близкие разрывы. Командиры колонны получили приказ для пеших солдат – явиться на переправу. Артиллерийский обстрел все плотнее накрывал улицы Оржицы. Солдаты, минуя улицы, забитые машинами, прижимаясь к стенам домов, пересекли Оржицу, спустились к болоту. Им пришлось пережить, когда закончится шрапнельный огонь. Они долго лежали в кустарнике. Гора, где был городок и просторная площадь с тремя сельскими ветряными мельницами, и улицы дымили от взрывов

и пожарищ. Над городком, оставляя красочные хвосты, кружили немецкие корректировщики. Осколки падали рядом в болото.

Солдаты лежали долго, пока не дождались короткой перебежки. Одолели болото, мокрые, заляпанные тиной, выбрались в лес, позади подгонял все более частый треск шрапнели. Свежие, мокрые дорожки путались в орешнике. Группы бойцов растерянно блуждали между деревьями, спрашивая друг у друга – где переправа. Никто толком не знал. Никто не знал, где немцы. В сплетенных кронах грабов посвистывали пули. Автоматчики строчили поблизости.

Все их – раненых и здоровых, командиров и обозников – гнала через трясины, через лес одна мысль: переправа. Это слово обладало над ними, пойманными в Оржицком капкане, мощной властью.

И вот, когда они почти потеряли надежду, как будто кто-то поднялся над улицами, над разрывами и пожарами, показал на лес, крикнул: «Вы говорите, нет выхода? Там выход! Вам грозит плен? Там освобождение! Вы собрались умирать? Вон где жизнь!». В спешке они брели по воде. Падали в грязь при близком свисте снарядов. Ковыляли между кочками, блуждали в чаще. В это время они уже не были красноармейцами и командирами определенных рот, полков и батарей. Они потеряли свои части. Ими владела одна мысль: вырваться из немецкого кольца, с болотной ловушки, во что бы то ни стало, пусть вплавь, пусть ползком, вырваться к своим.

Так в метельную зимнюю ночь пешеход, сбившийся с дороги, рвется к малейшему проблеску огня. Так через все преграды стремится вода к морю. Видимо, так в средневековые все живое бежало от чумы...

Отдаленные крики помогли большинству красноармейцев наконец то найти нужное направление. Они остановились, замерзшие, за холмом. Вслушивались тревожно в приглушенный шепот, в стук автоматов. Все это было не то. Казалось, мокрый лес поглотил стремившихся сюда людей и замер. Недвижно шли вверх черные блестящие стволы. Недвижно висели космы мха на сучьях. Бесшумно ложился на траву мертвый лист. Солдаты проникли, наконец, сквозь кустарник к свету просторного луга. Неуверенность, опасения остались в лесу. Люди, добравшиеся до опушки, слышали крики, видели катящую валами реку, сотни голых тел красноармейцев на том берегу. Вот она – переправа!

Стреляли немецкие снайперы. Лопались мины. Кто-то, кого относило водой, просил о помощи, кто-то падал среди болот, и кровь заливала обнаженную кожу. Разве это могло остановить? Люди, выскакивающие из-за деревьев, на ходу сбрасывали одежду. Бросались в водовороты с сапогами в зубах. Течение несло. Они хрипели от усталости и холода. Цеплялись за шесты. Протягивали друг другу руки. Узкая быстрая река кипела коричневой пеной. Она сносила раненых. Между живыми кружила убитых. Но все новые толпы бросались в нее. Все новые люди, узлы плащ-палаток, винтовки,

пулеметы переправлялись на левый берег. Голые люди выскакивали на землю. Они ликовали, как будто все опасности остались позади. А над рекой все стоял крик сотен голосов. Где-то рядом ударила мина. Осколки стеганули по воде. Десятки еще не раздетых людей бросились в реку».

С восходом солнца командование 196 сд занималось своими делами: Самсоненко пошел к батареям, Шатилов же связался с командирами полков, выслушал их доклады о готовности к атаке. Связист Василий Батин доложил Шатилову о ночном происшествии. Бойцы одного из отделений батальона Шадского решили заночевать в уцелевшем сарае на окраине Оржицы. Оказалось, что сарай занят. Командир отделения хотел уже отводить людей, как в свете зажженной спички увидел, что в сарае на душистом сене расположились не наши, а фашисты. Их было девять человек. Как видно, они чувствовали себя хозяевами положения и вели себя настолько нагло, что спали, не выставив даже часового. За это и поплатились. Наши бойцы всех их до единого перебили: кто получил пулю, кого убили штыком. Одного рядового взяли живым.

Шатилов не стал его допрашивать, понимая, что и без него все ясно: придется сегодня штурмовать мост, а уж его-то немцы пристреляли.

Командир корпуса А.И.Лопатин попросил комдива 196-й сд прибыть как можно быстрее к нему на командный пункт. Однако, его своевременному отъезду помешал артиллерий-

ский налет. Разрывы стали учащаться и вскоре слышались по всему селу. Стреляла дальнобойная артиллерия. Продолжалось это не менее получаса. Затем через мост пошли танки, за ними хлынула пехота. Из блиндажа, где был Шатилов, было видно все как на ладони. Хорошо атаковать, когда у тебя есть танки, а у тех, кто обороняется, их нет.

С этим мостом не всё до конца понятно.

Во-первых – он явно был длиннее чем, например, сейчас, ведь ширина р. Оржица тогда была, по некоторым воспоминаниям, до 50—80 м.

Во-вторых – он, по крайней мере, в проходимом для техники состоянии, раз через него на 23.09.1941 года могут пройти немецкие танки.

В-третьих – где наша артиллерия, раз танки беспрепятственно проходят в город? Очевидно – какая то ее часть уже разбита, для другой – совсем отсутствуют снаряды.

В бинокль было видно, как вражеские машины врываются в наши боевые порядки, уютят окопы. Но вот перед атакующими танками противника появились бойцы-истребители, и в фашистские машины полетели бутылки с горючей смесью, связки противотанковых гранат. Сталкиваются в бескомпромиссном поединке сталь и человек, сила и мужество, и верх в этом неравном поединке принимает советский человек. С десяти танков четыре загорелись, а остальные повернули к мосту. Немецкая пехота без танкового прикрытия

не очень любит ходить в атаку, поэтому откатывается.

Приказав И. И. Самсоненко временно принять командование дивизией, Шатилов с шофером Казаковым на автомобиле отправился на КП корпуса, который находился примерно в трех километрах от КП Ф. Я. Костенка. Туда они приехали без приключений, хотя всю дорогу их сопровождала «рама» – немецкий разведчик. Была опасность выдать врагу местоположение командного пункта корпуса, поэтому Шатилов, не доезжая до дома А. И. Лопатина, вылез из машины, чтобы оставшийся путь пройти пешком.

Прибыл на КП весьма вовремя. У А. И. Лопатина уже собрались командиры соединений, сосредоточенных в районе Оржицы. Собрание открыл генерал Ф. Я. Костенко.

Он говорил предельно кратко и только по существу. Завидное это качество – всегда, в любых, даже самых тяжелых обстоятельствах оставаться самим собой. Именно таким качеством и владел Федор Яковлевич Костенко. Сначала командарм обрисовал обстановку. Собственно, всем командирам было известно, ничего нового он не сказал, но в его устах и известные вещи звучали по-новому, получали другую окраску.

Ф. Я. Костенко констатировал, что в Оржице они слабее противника. У них нет танков, мало артиллерии, заканчиваются снаряды, меньше людей. По всем немецким канонам, окруженные уже давно должны сложить оружие. Но они его не сложат. Необходимо прорываться. Массированный удар,

скорость, стремительность действий – в этом спасение.

Костенко изложил план прорыва, боевой порядок соединений, ближайшие и дальнейшие задачи. Он говорил, что противник уверен, что окруженные войска не пойдут на Лубны. Противник считает, что, потерпев на этом направлении неудачи, окруженные изменят маршрут. Ф. Я. Костенко сказал, что они не изменят его, и это облегчит задачу. Теперь же все усилия надо направить на то, чтобы вырваться из Оржицкого котла.

После совещания Шатилова задержал **майор Григорий Гордеевич Скрипка**, его товарищ по академии имени Фрунзе, с которым они не виделись после выпуска. Надо было спешить, и разговора, которого хотелось, не получилось. Скрипка в двух словах рассказал о себе, о том, что служит начальником штаба дивизии, воюет с первого дня войны.

Шатилов, в свою очередь, рассказал ему о себе, о товарищах, которых встретил на военных дорогах. Они пообещали не терять друг друга из виду и по возможности писать, хотя понимали, что в данной ситуации их заверения наивные и невыполнимы.

Командиром 24 сд вместо выбывшего на повышение генерал-майора Галицкого был назначен командир 17 сд генерал-майор Т. К. Бацанов. Начальником штаба 24 сд был назначен бывший командир 55 сп 17 сд майор Скрипка Григорий Гордеевич.

24 сд с боями отходила через Лоев, Чернигов, Прилуки.

Оказавшись в середине сентября в окружении, дивизия была разделена на несколько изолированных групп, которые сражались с врагом до последней возможности. 20 сентября в районе станции Гребенка Полтавской области погиб генерал-майор Т. К. Бацанов. Штабу дивизии удалось выйти из окружения 4 октября. Дивизия прекратила свое существование в районе Прилуки. Бацанов Терентий Кириллович был награжден посмертно в мае 1965 года орденом Отечественной войны 1 степени, а также медалью «За оборону Киева».

Исходя из этих данных, можно предположить, что часть личного состава 24 сд (штаб) во главе с начальником штаба Скрипкой Г. Г., находилась на 23.09.1941 года в Оржице.

Майор Г. Г. Скрипка, вышедший из окружения 4 октября 1941, в пояснительной записке от 8 марта 1942 года сообщал: «24-я сд с 15 августа по 23 сентября вела подвижную оборону. 23 сентября штаб дивизии попал в окружение в Оржице, что 30 км восточнее Пирятина. Я, будучи начальником штаба дивизии, два дня вел бой в подчинении 26-й армии, после прорыва выходил из окружения с оперативной группой штаба дивизии в количестве 16 человек, а затем прибыл в распоряжение Юго-Западного фронта, где был месяц в резерве».

Обратно в Оржицу Шатилову пришлось добираться на грузовике, который ему дали в штабе армии. Дело в том,

что во время совещания гитлеровцы провели короткий артиллерийский залп и, прямым попаданием снаряда, его машину и красноармейца Казакова разнесло на куски. К счастью, в Оржицу шла полуторка с ранеными, командир автобата вызвал строгого на вид водителя, приказав ему доставить Шатилова в расположение дивизии.

Вернувшись на КП дивизии, Шатилов немедленно собрал командиров частей и довел до них приказ командарма на прорыв, поставил полкам задачи, сообщил о том, что сигнал о начале атаки будет дан.

Однако случилось так, что этот сигнал НЕ последовал совсем. События развивались стремительно и не по плану. Во второй половине дня мост через р. Оржицу атаковала наша конница. Атака была исключительно яростной и неожиданной, и немцы растерялись. Они спохватились лишь тогда, когда след советских кавалеристов, а заодно и руководящего ядра штаба 26-й армии, который пробивался вместе с всадниками, давно простыл.

21ч. 00 мин.

Костенко собирался еще раз попробовать форсировать реку. Но не успел: заместитель начальника оперативного отдела армии **майор А. К. Блажей** доложил, что немцы ворвались на восточную окраину Оржицы и подожгли ее.

Немцы ворвались в Оржицу, прорвав оборону в западной и восточной части, бой завязался на улицах города, забитых подводами и грузовиками армейского обоза.

Блажей А. К. – участник боев 26-й армии в ходе ее отступления и попадания в окружение; вечером 25 (23-го?) сентября 1941 передал командующему генерал-лейтенанту Ф. Я. Костенко данные о прорыве немецких войск на окраину Оржицы, после чего Костенко с офицерами штаба принял решение немедленно идти на прорыв.

Сам Блажей выходил из окружения, собрав и возглавив группу из 23 бойцов и командиров; присоединившись к 47-й (43-й?) кавалерийской дивизии **генерал-майора Сидельникова**, вступил в должность начальника ее штаба и вместе с ним вывел дивизию из окружения, включая 96 раненых и материальную часть.

43-я кд была сформирована в станице Ленинградской, Краснодарского края 6 июля 1941, в ее состав вошли 36, 39 и 41-й кавалерийские полки. А. Н. Сидельникова назначили ее первым командиром.

В составе кавалерийской группы под командованием командира 32-й кд полковника А. И. Бацкалевича кубанцы участвовали в первом в истории Отечественной войны кавалерийском рейде по тылам противника.

В сентябре, прикрывая отход 21-й армии к Днепру, кубанские дивизии снова оказались в окружении. Кубанцы до 25 сентября вели ожесточенные бои в окружении в районе Конотопа, Бахмача, Оржицы, Духова, Чернух и Чернавки.

В конце сентября 1941 года 43-я кд дивизия в районе Нор-

ки вышла на реку Псел и соединилась с частями Красной Армии. С 16 октября 1941 остатки дивизии находились в подчинении Юго-Западного фронта. В конце октября – ноябре 1941 года 43-я кд была расформирована, ее личный состав был направлен на пополнение 32-й кд. Дивизия была исключена из состава Красной Армии приказом НКО СССР №00100 от 22 мая 1942 года.

Группе казаков 47-й кд во главе с генералом Сидельниковым также удалось выйти из окружения. Дивизия, через невосполнимые потери, была расформирована и официально исключена из списков действующей армии 10 ноября 1941. Оставшийся личный состав, так же был направлен на пополнение 32-й кд.

32-я кд, в которую вошли оставшиеся казаки 43-й и 47-й кубанских кд, воевала до конца войны, с 1943 года в составе 3-го гвардейского кк. В 1942—1943 годах дивизией командовал бывший начальник штаба 43-й кд полковник Н. В. Чудесов. К концу войны дивизия заслужила почетное наименование – 32-я Смоленская Краснознаменная, ордена Суворова II степени кд.

Дальнейшее выживание было смерти подобно. Костенко вызвал к себе комбрига А. Б. Борисова, чья кавалерийская группа оказалась поблизости и теперь вошла в состав 26-й армии.

Кавалерийская группа генерал-полковника А. И. Городовикова: (командиры – полковник А. И. Бацкалевич, затем

комбриг А. Б. Борисов) 32-я кд (полковник А. И. Бацкалевич); 43-я кд (комбриг И. К. Кузьмин) 47-я кд (генерал-майор А. Н. Сидельников).

Когда стрельба приблизилась к штабу, генерал Костенко бросил в бой последний резерв, кавалерийскую группу Борисова из 38-й А, которая была отрезана от своего штаба и примкнула на марше к его колонне. Борисов получил приказ ударить по противнику, прорваться. Бой уже приближался к штабу армии, когда его конники атаковали немецкие войска.

Рассказ о казачьем налете в общих чертах выглядел так:

«...аванпосты сторожевого наблюдения, расположенные перед главной линией обороны, были несказанно поражены примерно тысячей конных казаков, появившихся перед ними неведь откуда. Поражены они были как в переносном, так и в прямом, физическом смысле: избежать ужасной судьбы каким-то чудом удалось лишь немногими немецким солдатам. Они потом и рассказывали из первых уст о том, что произошло с ними и другими их товарищами.

Бесчисленная орда всадников возникла вдруг как будто из ниоткуда, заполняя все пространство вокруг себя страшными и пронзительными боевыми криками. Они сразу же начали беспощадно рубить немецких солдат своими ослепительно сверкающими саблями, так и не дав большинству из них опомниться и успеть воспользоваться своим оружием. Многие из немецких солдат были разрубленные их смерто-

носными саблями практически надвое, с ног до головы, другие – обезглавлены.

Не слишком многочисленные солдаты, редко разбросанные в то время по различным участкам главной линии обороны, не успели даже осознать всего ужаса случившегося с их товарищами на вынесенных вперед аванпостах, как казаки уже оказались прямо перед ними. За леденящим кровью криком «Ура-а! Ура-а! Ура-а!», что раскатисто звучал из тысячи вражеских глоток, сразу же пошел еще более устрашающий казачий налет.

Всего несколько немецких солдат поддались панике и бросились бежать. Остальные же небольшими группками отчаянно бились до последнего – и все до одного были убиты. Вражеский прорыв охватил собой довольно широкий фронт главной линии обороны. Казаки, воспользовавшись преимуществом неожиданности, достигнутой их стремительным налетом, захватили бой за собой в глубину немецких линий и... исчезли».

Приказав сжечь штабные документы, генерал Костенко взял в руки автомат, разложил по карманам несколько ручных гранат, выстроил штабных офицеров и приказал следовать за ним. Они быстро прошли дворами к длинной дамбе, соединявшей город с последним удерживаемым плацдармом на левом берегу. Здесь генерала и его спутников ждали у коновязи приготовленные комбригом Борисовым лошади. Оказавшись верхом, они сразу приободрились. Всадник

на хорошем коне – это сила! Генерал Костенко, и большинство офицеров его штаба, были опытными кавалеристами. Оказавшись в седле, он (Костенко) сразу почувствовал себя хозяином положения и, не обремененный больше армейскими обозами, вырвался со своим конным отрядом из переднего укрепления на восток. Прикрыв отступление, кавалерия Борисова последовала за ним.

Вместе с конниками Борисова и другими подразделениями штаб 26-й А с непрерывными боями пробивался вперед. За ночь, переправившись с лошадьми вплавь через несколько небольших рек, они вышли к реке Сула и переплыли ее. На восточном берегу Сулы ночью напали на огневые позиции немецких минометных батарей, прикрытых подразделениями пехоты. Завязался бой. Дважды советские конники безуспешно бросались в атаку. Пошли в третий раз. Пробились!

Скрываясь днем в лесах и глубоких балках, по ночам всадники продолжали двигаться на восток, обходя немецкие аванпосты, что встречали их осветительными ракетами и пулеметным огнем.

Только в начале октября, проблуждав около недели по тылам войск фон Клейста, командующий 26-й А с остатками своих войск вышел из вражеского кольца в полосе боевых действий 5-го кк 38-й А.

Из доклада комбрига Борисова о выводе кавгруппы из окружения известно, что в ночь с 23 на 24.09.41 кавгруппа

взяла под охрану личный состав штаба 26 А и, после ночных боев в районе хуторов Б. Селецкое, Клепачи, прорвалась в район лесного оврага Роменский. В дальнейшем ночными маршами группа сосредоточилась в лесу в районе Гонцы и, разведав переправу через р. Удай, форсировала ее вплавь в районе Воробыи.

Так как к этому времени кавгруппа понесла большие потери в человеческом и конском составе, до 400 человек и 450 лошадей, а также осталась без артиллерийской батареи, комбриг Борисов от боя с большими частями противника уклонялся и двигался ночью.

Далее они форсировали реку Сула в районе Снятин, затем реку Хорол – в районе Черевки, реку Псел – в районе Б. Обухивка, где вышли на линию обороны частей 3-й кд.

Во время налета танков и моточастей противника в районе Козловщина от кавгруппы откололась группа под командованием командира 43 кд полковника Селюкова, около 60 сабель, группа под командованием полковника Ступникова около 30 всадников (последний, будучи начальником оперативного отдела штаба 26-й А, был назначен Борисовым командиром взвода).

Во время ночной атаки при прорыве окружения в районе Б. Селецкое от кавгруппы оторвалась группа около 80—100 сабель, следовавшая в хвосте колонны. В основном члены оторвавшейся группы принадлежали 43 кд. Всякие попытки дезорганизации к выходу мелкими группами прекра-

щались комбригом.

В результате кавгруппа вышла из окружения в составе около 1000 сабель при 1 пушке и 8 станковых пулеметах, имея штаб группы, штаб 32 кд, штаб 47 кд, частично штаб 43 кд, штабы полков 65, 121, 32 кд и 3 штаба полков 47 кд и бойцов, которые могут быть выдвинуты на командные должности при доукомплектовании.

При выходе из окружения не вышли л/с – тяжело раненые: командир 32 кд **полковник Бацкалевич Александр Иванович**, начальник штаба 32 кд **полковник Глинский Михаил Иосифович**, комиссар 32 кд **бригадный комиссар Гензика Михаил Константинович**, командир 43 кд **полковник Селюков**, комиссар 43 кд **батальонный комиссар Лысюк Никифор Фадеевич** (умер от ран).

Гензик Михаил Константинович, бриг. комиссар, военком 32-й кд —

«...будучи в окружении в сентябре 1941 года в боях под Белоусовка, Кандыбовка, Оржица, Б. Селецкие, Клепачи.

19.09.41 г. в бою под с. Белоусовка был ранен в ногу, но своего боевого поста не оставил. Излечил рану на ходу, не оставляя работы. Вместе с полковником Москаленко, врид. командира дивизии, сумели вывести вполне боеспособные основные кадры дивизии из окружения 5.10.41 г.».

Глинский Михаил Осипович, 1901г.р., полковник, начальник штаба 32 кд —

«...в бою под Белоусовкой был тяжело ранен, но до прихода кавгруппы в г. Ахтырку оставался при группе, не уезжал на госпитальное лечение».

Моисеев Александр Дмитриевич, 1918г.р., красноармеец, ездовой орудия 40 кап 32 кд —

«...участвуя в боях особенно отличился как смелый боец под селом Сазоновка, где под руководством командира взвода вывез орудие из под огня противника ночью в 50—100 м на паре корневых лошадей. Кроме этого в бою в селе Буды проявил исключительную храбрость где он был в бою на протяжении целого дня».

Адолханян Андраник Амбрасумович, 1918 г.р., красноармеец, коновод в 40 кап 32 кд —

«Под м. Оржица он подал лошадей под пулеметным огнем противника».

Киселев Михаил Александрович, 1917 г.р., ст. сержант, делегат связи —

«... в любую минуту в самых трудных условиях держал связь с 32 кавдивизией».

Командир 32-й кд полковник Бацкилевич 19.09. 41 г. был тяжело ранен. Командиром 32-й кд Борисов временно назначил полковника Москаленко А. П., который и провел ряд успешных боев по отражению атак немецкой пехоты.

Некоторые детали ранения Бацкалевича узнаем из наградных листов на:

Яковлева Алексея Ивановича, 1916г.р., ст. сержанта,

пом. ком. взвода, делегата связи 121 кп 32 кд —

«19 сентября в с. Белоусовка был тяжело ранен командир дивизии полковник Бацкилевич. Яковлев вынес (его) из поля обстрела артогня».

Потапову Веру Петровну, 1916г.р., военфельдшера, медсестры штаба 32-й кд —

«Делала перевязку под разрывами снарядов и мин командиру дивизии полковнику Бацкилевичу вместе с доктором Гришиным, при ранении доктора Гришина не растерялась, а продолжила делать перевязку, тем самым оказав первую и необходимую помощь».

Гришина Ивана Михайловича, 1903г.р., военврача 2 ранга, начсандива 32 кд —

«...сам делал перевязку тяжело раненому командиру дивизии полковнику Бацкилевичу, село Белоусовка 19.09.41 г., был разрывом снаряда ранен и несмотря на это продолжал делать перевязку. Получив ранение руки продолжал выполнять работу, категорически отказался ехать в тыл для госпитального лечения».

Вадзинского Василия Иосифовича, 1903г.р., капитана, зам. начальника по тылу 32 кд —

«21 сентября 1941 года, будучи с тылами в местечке Оржица при полном окружении был вызван командиром дивизии полковником Бацкилевичем, которого должны были выносить в безопасное место. Полковник Бацкилевич лично вызвал капитана Вадзинского и передал ему боевое красное

знамя дивизии и приказал доставить знамя в штаб дивизии. Где находился штаб дивизии Вадзинский не знал.

Вечером 22.09.1941 года под огнем артиллерии, минометов и пулеметов вместе с раненым полковником Бацкилевичем переправил через болото и реку Оржица знамя и 23.09.41 года было доставлено в штаб дивизии (в лес севернее села Большое Селецкое). Знамя все время находилось у Вадзинского до полного выхода из окружения. Вышел из окружения организовано вместе с частями дивизии».

Коваля Александра Порфирьевича, 1911 г.р., воентехника 1 ранга, начальника ВТС управления штаба 32 кд — «20.09.41 года, в период корда части дивизии выходили из вражеского окружения, зная, что где то среди многих автомашин находится раненый командир дивизии полковник Бацкилевич, взял на себя инициативу, разыскал его и вместе с Дзюбановым на сделаном плоту перевезли раненого полковника Бацкилевича через реку Оржица в болем безопасное место, а затем и следовал с ним, пока он не был оставлен на квартиро в селе Новоселица. Принял также участие в выносе дивизионного боевого знамени из вражеского окружения».

Мы знаем, что раненого полковника Бацкилевича пришлось оставить на попечение местных жителей.

Дзюбанова Владимира Константиновича, 1907 г.р., старшину, старшего бригадира по ремонту машин ремонтного эскадрона 32-й кд, помогал при переправе раненого пол-

ковника Бацкилевича через р. Оржица —

«...проявил себя героически при переправе через реку Оржица под обстрелом огня противника – раненого командира дивизии полковника Бацкилевича. Раздевшись догола 5 раз переплывал реку. Личко сопровождал на плоту полковника Бацкилевича. Кроме того на себе на другой берег неумеющих плавать медсестру, политрука Девликанова и мл. лейтенанта. Добросовестно участвовал в дальнейшем несении командира дивизии, как то: ходил в разведку и был при нем до самого последнего момента».

Девликанов Аким Аметович, 1910г.р., политрук, политрук 4-го эскадрона 65 кп 32 кд —

«... после того, как был убит командир эскадрона, лично принял на себя командование эскадрона».

Хотя эти события были уже позже.

Дядькин Иван Павлович, 1906г.р., капитан, начальник штаба 121 кп 32 кд —

«...4 сентября, после ранения командира полка подполковника Павлова, принял на себя командование полком. До 19 сентября его полк выполнял ряд боевых задач. 22 сентября был в окружении у с. Оржица. 5 октября вышел в Ахтырку в составе кагруппы».

Власенко Иван Николаевич, 1907г.р., ст. лейтенант, начальник вхс 121 кп 32 кд —

«23 сентября, когда Оржица было окружена немецкими войсками, под градом пуль, мин и снарядов через болото и р.

Оржица пробился к кавгруппе, имея с собой знамя части.

С 23 сентября по 5 октября доставал продукты и зерно фураж в селах, занятых немцами, тем самым обеспечил полк питанием людей и лошадей».

Журавлев Порфирий Дмитриевич, 1901г.р., батал. комиссар, военком 32 кд —

«...участвует в боях с 18.07.41 г. Дважды был вместе с дивизией в глубоких тылах противника. Будучи в окружении противника выполнял ряд поручений по разведке расположения противника, лично эти поручения выполнял на отлично».

Карасик Яков Михайлович, 1901г.р., военветврач 3 ранга, начальник ветлазарета 65 кп 32-й кд —

«...трижды принимал участие в конной атаке совместно с полком. Показал себя безстрашным в бою. В Оржице спас под своим личным руководством 120 лошадей, которые вышли с кавгруппой».

Грязнов Георгий Николаевич, 1918г.р., красноармеец, управление штаба 32 кд —

«...будучи в ожесточенном бою с противником под селом Белоусовка 20.09.41 г. был ранен и несмотря на это продолжал оставаться на поле боя и ехать в госпиталь отказался.

Вторично был ранен в бою под селом М. Селецкая 23.09.1941 г. и опять несмотря на более тяжелое ранение остался в строю и выполнял посылную для себя работу».

Межвинский Станислав Иосифович, 1920г.р., крас-

ноармеец, коновод 65 кп 32 кд —

«...не однократно выполнял боевые приказы по разведке противника и всегда доставлял точные данные. Под р. Удай несмотря на отсутствие переправочных средств вплавь переправил большое количество конского состава».

Москаленко Алексей Прокофьевич, полковник —

«В боях под с. Белоусовка, когда командир дивизии полковник Бацкилевич был ранен, вступил в командование дивизией и успешно провел ряд боев под с. Белоусовка 19.09.41 г., под Оржица 20—22.09.41 г., прикрывал переправу для частей 26 армии под Б. Селецкие 24.09.41 г. Основные кадры 32 кд, впоене боеспособные, были выведены 5.10.41 г. из окружения противника».

Кочнев Александр Петрович, 1921 г.р., красноармеец, писарь 121 кп 32 кд —

«22 сентября, находясь в местечке Оржица в транспорте во время полного окружения наших частей вскрыл сейф, уничтожил все документы, взял полковое знамя и через огневое кольцо противника три раза переплывал реку Оржица и преодолев много болот вышел из окружения пройдя около 200-т километров вынес боевое знамя».

Матушкин Михаил Семенович, 1915 г.р., мл. политрук, политрук 1-го эскадрона 121 кп 32 кд —

«С 22 сентября 1941 года находится в 1-м эскадроне 121 кп 32 кд. Не один раз ходил в наступление и увлекал за собой бойцов».

Невский Иван Иванович, 1903 г.р., майор, нач. связи
32 кд —

«...все время и всеми средствами поддерживал связь между частями дивизии».

Борисов Аркадий (Арон) Борисович (Шустер) (13 мая 1901). Еврей. Генерал-майор (1941). В сентябре 1941 года командовал кавалерийской группой Юго-Западного фронта.

Из наградного представления к ордену Красного Знамени на командующего кавалерийской группой Юго-Западного фронта генерал-майора Борисова А. Б.:

«В период операции по выводу из окружения частей кавалерийской группы в районе Белоусовка, Исковцы, Оржица Полтавской области, в течение 19—23 Сентября 1941 проявил исключительную личную храбрость и мужество. В сложных условиях, при полном окружении частей кавгруппы превосходящими силами противника, умело организовал операцию прорыва фронта противника и форсирования рек Удай и Сула, при отсутствии постоянных переправ и табельных средств переправы.

Комбриг тов. Борисов, благодаря проявлений личному мужеству, отлично продуманному плану операции и умелому руководству частями, сумел частями кавалерийской группы прорвать фронт противника, с упорными боями форсировать 4 серьезных водных препятствия и вывести части кавалерийской группы из окружения вполне боеспособ-

ными, нанеся при этом противнику ряд чувствительных ударов.

Сам комбриг Борисов, 22 сентября, управляя боем частей за овладение переправой в с. Оржица, был ранен».

Командир 32 КД полковник Бацкалевич Александр Иванович, будучи в окружении в районе с. Белоусовка, в сентябре 1941 года был тяжело ранен и оставлен в поселке района Оржицы.

Григорьев Николай Васильевич, служил в звании майора в должности начальника штаба 40 кп 43-й кавалерийской дивизии, затем командира 38 кп той же дивизии. В составе 1-й конной группы А. И. Городовикова участвовал в рейде по тылам противника. 20 сентября 1941 при возвращении из рейда в бою под поселком Оржица Полтавской области был ранен в лицо и в руку. 22 сентября 1941 попал в плен в госпитале. После освобождения в декабре 1945 проходил спецпроверку. В результате проверки был восстановлен в звании майора, был награжден медалью «За боевые заслуги» и вторым орденом Красного Знамени, к которым был представлен еще в 1941 году. В 1946 году демобилизовался из армии. Умер 4.01. 1978 года в г. Москве.

Командир рембригады 18 тп 32 кд Романов В. А. вспоминает, что:

«... на следующий день (на 23.09.1941 года) заградительные пулеметные точки, стрелявшие по солдатам и офицерам, пытавшимся сбежать переплыв реку, были сняты. Им, остат-

кам 18 танкового полка батальонный комиссар объяснил обстановку: «Мы находимся в кольце, окруженном немецкими войсками (мы – это целые армии), дана команда выходить из окружения самостоятельно. Глубина окружения километров 300—400».

Получается, что заградительные пулеметные точки стояли в течение 20-23-го сентября 1941 года.

«С этого момента начинается выход из окружения, в т.ч. и его бригады. Романов бригаде сказал, что будем выходить из окружения вместе. Но уже в первые часы немецкие автоматчики обстреляли их еще на берегу с деревьев (таких автоматчиков, засевших на деревьях, они называли «кукушки»). К нему подошли начальник особого отдела, заместитель командира полка по технической части Конанков, беременная жена начальника артвооружения полка (врач) и еще несколько человек – всего человек 15—20. Каждый из них ждал момента, чтобы безопасно переплыть реку.

Романов разделся за кустами, связал свое обмундирование: кожаные штаны, кожаную куртку, сапоги, нательное белье, фуражку, пистолет. Голым вошел в воду (уже темнело) и поплыл, толкая впереди себя завязанный узел. Переплыл на противоположный берег и изо всех сил побежал от реки, потому что автоматчики (немцы) начали стрелять по воде и берегу по тем, что плыли.

Подбежав к кустам, перевел дух, сел на землю и начал одеваться. Затем взял сапог, надел на ногу и видит, что второго

сапога нет, очевидно, утонул, когда он переплывал. Решил обвязать вторую ногу нательным бельем, и здесь его что-то вроде кольнуло, он посмотрел под кусты и видит, лежит сапог. Подошел, взял, смотрит – кирзовый, как раз на его ногу. Одел его и осторожно начал удаляться от реки. Затем они, несколько человек, снова встретились вместе (в том числе и врач).

Воинов, переплывших реку, было как муравьев. В общем дальше народ собрался в большую колонну – ни конца, ни края и все это двигалось по оврагу. Не знали, куда все идут, но шли все в одном направлении, в том числе и полковники, и младшие начальники. Но никто не командовал этим потоком.

Среди этого потока был один сержант кавалерист, который вел своего коня под уздцы. Внезапно лошадь как заржет, взбудоражила всех. На этого сержанта накричали, мол, брось лошадь, пристрели ее, чтобы не нагнетать обстановку. Но тот сел на нее и уехал подальше от колонны.

Так они и шли всю ночь, с одной стороны вода, а с другой суша. С рассветом узнали, что они двигались вокруг острова, окруженного водой. На острове полно спелой ржи в снопах, собранной в стога. Им солдаты рассказали, что в одном месте, по выходе из острова, находится село Нарышкино, в котором размещается штаб. И еще, что немцы после завтрака выезжают на остров танками. Наблюдатели залезают на большие копны и вылавливают наших солдат и офицеров, укры-

вающихся в стогах. Их берут в плен, а тех, кто особенно оказывает сопротивление, стреляют или давят танками.

Романов собрал своих людей из ремонтной мастерской и сказал: «Давайте спрячемся в высоком прошлогоднем подсолнечнике. Хотя он и просматривается, но немцы будут меньше обращать на него внимание», – так и сделали. Выкопали каждый для себя ямку и пролежали этот день. Затем усовершенствовались, нашли другие места».

Воспоминания **Бориса Васильевича Блинникова**. Написанные 15.02.2004 (Архив семьи Мельниковых). Вспоминал он о самом горьком дне в его военной судьбе так:

«Поступил приказ: всем на оборону Оржицы. Кроме шоферов. Я повез командира взвода в райцентр. Начальник штаба сжигал документы. Сказал: «Как угодно отступить, продвигаться к городу Лубны, там наши». Пошли ночью через море огня. Ночи были темные, хоть глаз коли. Нас в группе подобралось четыре солдата, проползали по десять километров за ночь.

Утром нашли ров, скатились в него, надо было отдохнуть, сил нисколько не осталось. С собой был спирт, выпили, чтобы голод преодолеть и холод. Вдруг слышим страшный шум, гам на расстоянии. Выглянул один из нас, вскрикнул: «Там автоматчики немецкие!». Подошли те к нашему рву, один немец показывает автоматом вверх: вставайте! У меня забрали наган, у ребят винтовки. Тогда еще винтовки у наших были. Трехлинейки. Отправили нас в тыл».

Вспоминает бывший начальник штаба 321 озад лейтенант **Рохманюк Михаил Дмитриевич**, что:

«...в ночь на 23 сентября, кто пожелал, пошли на прорыв. Он собрал командиров батарей, чтобы обсудить это. Командир и комиссар отказались дать указание выходить мелкими группами, а поручили это ему. Он, по молодости и неопытности, добросовестно это сделал...

...В 1941г. был приказ Сталина, запрещающий выход из окружения мелкими группами. Предписывалось сражаться до конца, организовано, с боем выходить, не рассеиваясь на мелкие группы...

...Наметили маршруты, место встречи за линией фронта. В ночь на 23 сентября они вырвались из Оржицы, бросив там всю технику и транспорт, и разрозненными группами начали просачиваться на восток до линии фронта... Болото тогда было сплошным до островка, но когда они увидели, что моряки Днепровской флотилии его прошли, пошли они».

Рохманюк четко указывает на то, что болото переходили моряки. Вряд ли речь идет об одном или двух. Вероятнее всего, речь идет о группе или подразделении. Этот факт лишний раз доказывает, что в Кандибовке погибли далеко не все моряки Черкасской группы Днепровского отряда Пинской военной флотилии.

«Чистой воды нигде не было, все болото заросшее, с толстым слоем корневой системы, когда на нее кто становился, то она тонула, и ты оказывался по пояс или по плечи в воде.

Под кем этот слой прорывался, то тонул...

...Идти было трудно в форме и с оружием, только по ночам, а днем отсиживались в лесах, оврагах и т.д...

Маршрут его из Оржицы пролегал больше мимо населенных пунктов, поэтому шли с оружием и в форме, но проложить его можно было бы так: Оржица, Онишки, Исковцы, Остаповка, Биевцы, Вороньки, Риги, Пески (это южнее Лохвицы, там они и переправились через реку Сула), Разбишивка, Глубокая Долина, Рымаровка, Палки, Большие Будищи, Тростянец. Точно на окраине Тростянца они и вышли в район 100-й сд».

Из воспоминаний бывшего командира роты связи 34 сп 75 сд 66 ск 21 А **старшего лейтенанта Лисичкина Алексея Никоновича** узнаем, что:

«...в конце сентября 1941г. начальник штаба 34-го сп Козьмин получил приказ группами выходить из окружения. Он вошел в группу батальонного комиссара Гребнева. В ночное время они шли на восток...

По дамбе форсировали р. Оржица отряд моряков и кавалерийские подразделения полковника Мальцева, которые почти все погибли».

Опять упоминания об отряде моряков, на этот раз Лисичкина. Только неизвестно, откуда у него данные, что они почти все погибли.

«...Из Оржицы пошли группами через болота, форсировали р. Оржица вплавь, а реку Сула форсировали ночью

с помощью сделанного плота вблизи села. В их группе было 16 человек, все были вооружены...

Не доходя хутора Михайловка из группы ушли украинцы по домам- лейтенант Ещенко, младший лейтенант Кучма, старшина Еремчук, врач Садыков и др. В ночное время они шли на восток.

К Михайловке шли через село Поповка, переходили реки Псел, Орлик (наверное Хорол), где пришлось снимать немецких часовых и переходить через мосты. В районе хутора Михайловка Сумской области (севернее Лебедина) их группа вступила в бой с большой группой немцев и полицаев, где был убит батальонный комиссар Гребнев, а его и старшего лейтенанта Горобченко П. взяли в плен. Часть из группы погибли в бою под хутором Михайловка».

В пермской областной газете «Звезда» 31 октября 1969 года была напечатана статья «Гимн героизма» журналиста АПН Александра Ландышева, в которой рассказывалось о подвиге пограничников 94-го пограничного отряда. На статью откликнулся бывший пограничник отряда **П. В. Мосин**, который вспоминал, как:

«...никогда не забыть бои в составе их пограничного отряда. Навсегда останутся в памяти те дни, когда небольшая группа пограничников, в которой был и он, охраняла штаб 26-й А. Вместе со штабом армии они выходили из окружения. После нескольких атак у городка Оржица им удалось пробить брешь, через которую прошел штаб 26-й А. В этом

бою героически погибли его земляки пограничники **Алексей Казанцев и Василий Юдин**. Не многие тогда вышли из вражеского кольца. Но и враг заплатил дорогой ценой».

Пробился с группой бойцов и командир 94-го пограничного полка майор Ф. И. Врублевский. Много лет спустя он написал, оценивая все, что пришлось пережить и выдержать бойцам и командирам 94-го пограничного отряда за первые девяносто дней Великой Отечественной войны, что, по его мнению, это был настоящий массовый подвиг двух с половиной тысяч человек. Ему не было известно ни об одном факте трусости, малодушия, ни один из пограничников не сдался добровольно в плен врагу, не поднял руки, не капитулировал, в какой бы сложной обстановке ему не пришлось быть. Да не забудется этот подвиг в сердцах людей.

Из немецких источников (В. Вертен):

«Огонь немецкой артиллерии достиг ураганной силы; пушки всех калибров вели огонь по путям отступления противника. Только в течение 23 и 24 сентября удалось снова закрыть бреши в кольце окружения. Были взяты массы пленных. Напор со стороны противника ослаб. 16-я танковая дивизия приготовилась к обороне по берегу Сулы».

Не многим удалось спастись. Среди уцелевших и тех кто вышел из окружения с оружием в руках, был и красноармеец 548 стрелкового полка, 116-й стрелковой дивизии, **Мамка Ф. Э.**

По воспоминаниям бывшего составителя типографии ре-

дакции дивизионной (117-й сд) газеты «Ворошиловский стрелок» **красноармейца Трушина Георгия Павловича:**

«... они услышали, что немец уже подходит к селу. Здесь они типографию сожгли вместе с машинами. Федотов и Евсеев сказали им, никуда не уходите, а сами пошли в лес. Трушин и еще был составитель Юлдашев Акрам, они ждали больше часа. Когда немец начал их обстреливать, Федотова и Евсеева не было. Они по сути дела их бросили, а сами скрылись. Вот в это время он бросился бежать в лес на восток, там уже стояли немцы, он в южную часть – оказалась такая же история, он тогда взял курс на север, но даже не вышел из леса, как попал в засаду и здесь его пленили.

Недалеко было видно дом и туда его и еще человек 20 привели, а там уже было очень много нашего брата, трудно было сосчитать».

Наталья Павловна Кокоско (Талочка) вспоминает, что:

«...местность покрыта лесом и заболоченная (об окраине Оржицы).

Отступающие войска, лишенные единого командования, попали в эту ловушку. Немцы в болото НЕ полезли. На самых проходимых местах поставили заслоны и методично обстреливали болота из минометов. Люди в болоте бродили в разных направлениях, сбиваясь в кучу в попытках найти выход. Ночи стояли уже холодные, а Талочка была одета в легкое летнее платье и туфли. На одном островке сол-

даты сняли с убитого сапоги и предложили Талочке. Она с ужасом отказалась надевать их. На нее накричали, посоветовав не отказываться, если она сама не хочет так же вот лечь в этом болоте, как этот убитый. Ей подыскали и другую одежду, более подходящую для болота. На голову надели кожаный шлем с мехом внутри. Талочка, конечно, понимала, ГДЕ солдаты взяли эту одежду. Но останавливаться на этой мысли было ужасно, и она пыталась отогнать ее. Стало несколько уютнее.

Так и ходила группа под командой лейтенанта по болоту несколько дней.

...Мины с характерным воем поднимали вверх столбы грязи и воды, осколки убивали и калечили людей, которые брели по пояс, а иногда и по грудь в воде. Чистой воды нигде не было, все болото заросшее, с толстым слоем корневой системы, когда на нее становились, то она тонула, и человек оказывался в воде. Под кем этот слой прорывался, тот тонул

...Раненые тонули, и никто не мог им помочь. Это было жутко и больно видеть, как на твоих глазах люди уходят под воду. А еще два дня назад было смешно, что солдаты ползут по траве и виляют попой! Талочка не умела молиться, она была комсомолкой, и ее мысли, стучавшие молотком в висок, были об одном: «Только бы меня не ранило, пусть уже сразу на смерть, чем так вот в болоте тонуть... Только бы не ранило ...». Было одно стремление дойти до следующей кочки или островка и хоть немного отдохнуть».

Вспоминает бывший начальник 5 отделения штаба 117-й сд **майор Долгошеев Афанасий Яковлевич**, как переправившись на восточный берег реки Оржица, группы воинов 117-й сд из состава 173-го мсб и 121-го автомобильного батальона начали свой трудный путь к линии фронта:

«Служил в 117 сд с начала её формирования, т.е. с августа 1939 по сентябрь 1941г. в г. Куйбышеве в должности НО-5 (помощник начальника штаба дивизии по тылу). Участвовал в первые дни боев дивизии под Жлобином и Рогачевом. В лесу под Гомелем ночью без света фар при выводе автомашины медсанбата получил ранение «множественный перелом ребер грудной клетки», был придавлен автомашиной, и тут же медсанбатом в сопровождении медсестры был доставлен в госпиталь, в помещение школы, а потом вечером санитарным поездом в г. Орел, где после лечения был зачислен в запасной полк. Узнав, что на железнодорожной станции находится эшелон из с Куйбышева с материальной частью для 117 сд, отпросился у командования и с этим эшелоном вернулся в дивизию.

В районе Пирятина получил приказание «Отвести автобат и медсанбат как можно дальше в район Оржица», т.е. к переправе через мост, где уже было большое скопление автомашин и обозов разных армий и частей. В Оржицу ехали долго. Никто не обстреливал и не задерживал, и не спрашивал, куда кто едет. Это было странно.

Здесь уже после налетов авиации мост был разбит и шел

минометный обстрел. Люди из впередистоящих обозов и автомашин начали переход вплавь через р. Оржица, одновременно уничтожали автомашины, лошадей распускали, что сделал и он, а людям приказал перейти вплавь и на том берегу собраться. Но вышли в основном только шофера автобата и медсанбата, т.к. этот район очень обстреливался минометным огнем противника и авиацией.

К вечеру стали переправляться через реку Оржица. Переправились не все. Стояли, обсыхали. Долгошеев спросил: «Кто пойдет назад и приведет остальных?» Вызвался пожилой лейтенант Иевлев, исполнительный хороший командир. Он ушел и не вернулся, наверное, погиб.

При переходе вплавь реки Оржица люди тонули и кричали «Спасите!» «Рятуйте!» т.к. илистое дно реки засасывало, и этот район сильно обстреливался минометным огнем и авиацией. А, перейдя реку, несколько дней шли мокрыми, т.к. переходили ее полностью обмундированными и почти все разутыми.

Какая-то женщина утопила свои ботинки при переправе, поранила ноги, Долгошеев ей отдал свои ботинки, надеясь, что в двойных чулках сможет пройти, но на стерне поранил ноги в кровь и дальше идти не мог. Сказал красноармейцам, что идти не может. Они ему сказали: «Мы Вас просим вести нас, если не можете идти, мы Вас понесем, а будете отказываться вести, мы Вас расстреляем».

Командир медсанбата личный состав повел отдельно,

и после переправы он его не нашел. И только после выхода уже в октябре месяце встретил его в Ахтырке. При виде Долгошеева он как бы очнулся, сказал: «Как, ты жив?» Я сам тебя видел лежащего с разбитой головой и доложил об этом.» Долгошеев ему ответил: «Значит, долго буду жить.» Он понял, что у него были большие потери личного состава.

Далее Долгошеев повел в основном военнослужащих автобата и медсанбата. В списке люди, которые уже окончательно вышли с ним из окружения. вначале выходил Иваненко А. А., потом отстал. Группа была малочисленная, хотя иногда было человек 70—75, ежедневно стихийно пополнялась военнослужащими из других частей и подразделений и так же ежедневно убывали по неизвестным причинам (питаться было нечем, куда идти дальше ни я, ни кто не знал).

Через некоторое время с большим трудом присоединился к выходящей из окружения группе генерал-майора Лопатина (помимо его желания) и дней 5 шагал за его группой, пока не разошлись. Лопатина встретили за 5 дней до выхода из окружения. Лопатин приказал, чтобы все имели оружие (а где взять патроны), но в бой не вступать и идти от него подальше. Но так как выходили только ночью, он уходил и мы не знали куда и когда, т.е. время. Группа его (Лопатина) была примерно 20—25 пограничников, сам он был командиром (стрелкового) корпуса.

Группа Долгошеева шла по тылам противника примерно дней 15. Документов от прибывавших дорогой никто не про-

верял, да и не было такой формальной возможности. Прибывали ночью и уходили ночью, а в дневное время, замаскировавшись, отсиживались в копнах, а иногда в лесу. А в это время появлялись немецкие группы, заезжающие в населенные пункты за продуктами. Позади группы подавались сигнальные ракеты, а кто и почему, неизвестно. Были и другие курьезы. Трудно было вести такую группу, т.к. карты не было, а была только схема железнодорожных движений и компас, который после перехода вплавь приходилось сушить на груди. Он очень много помог, а иногда и население.

Передвижных средств не было, да и зачем они при выходе ночью и куда. Раненых не было. Питание было подножное. Ночью по пути вырывали буряки, капусту, соли и хлеба не было. Однажды ночью убили теленка, роздали на руки мясо и тут же пошли дальше, варили в касках. А иногда, послав разведчика, он говорил, что в этом селе и близко немцев нет. Тогда мы заходили и просили у населения покормить нас, а иногда давали нам на дорогу хлеба.

Идти можно было только ночью. Присоединялись военнослужащие других частей, потому что каждый хотел к кому-нибудь примкнуть для выхода из окружения. Отказать нельзя. Представьте положение ведущего группу. Куда вести? Чем кормить? Фляг для воды нет, воду пили только ночью с любого места, лишь бы была вода. Как скрытно провести такую небоеспособную группу? Люди почти все шли в форме, да и другой одежды не могло быть. Документы ни-

кто не проверял, да такой возможности не имелось.

Комсостав штаба 406 артполка, шел во втором взводе: Орлов Наум Давыдович- батальонный комиссар, комиссар полка; Борисов Василий Порфирьевич – старший лейтенант, начальник штаба 406 артполка; Соколов Павел Максимович – техник-интендант 1 ранга, помощник командира по материальному обеспечению и Гиндина Софья Израилевна – фельдшер 406 артполка. Когда они примкнули к группе, неизвестно, эта группа могла бы идти и сама, но присоединилась к группе Долгошеева.

Евсеев Н. И. политрук, инструктор из 117 сд сказал, что можно оставить 1-й лист партбилета, а остальные можно сжечь, поскольку неоднократно группу преследовали немцы и даже обстреливали.

Спали в копнах днем, подходит мужик с топором, спрашивает: «Что, сука, лежишь?» Один раз утром подъехали немцы в длинных серых шинелях, оказывается неподалеку были убиты немецкие шофера. Если бы сделали проческу, нас бы обнаружили.

По пути выхода из окружения Долгошеев встретил комиссара штаба дивизии, батальонного комиссара т. Зорина. Из разговора понял, что он уже где-то в партизанском отряде и с ним выходить не может, он сказал: «Веди людей сколько можешь дальше.»

Немцы бросали листовки с портретом сына Сталина в окружении немецких генералов.

Линию фронта перешли вплавь на реке Псел южнее Сарьи. Через реку Псел переправились днем или к утру. Перейдя, в лесу около населенного пункта Лютеньки разожгли костры, обогрелись, высушили обмундирование. Долгошеев приказал дать ему списки. Люди же изголодавшие, почти босые, с окровавленными ногами не пожелали дальше идти такой группой и пошли почти в одиночку кто куда по незанятой немцами территории. Долгошеев же с несколькими бойцами на попутной автомашине попал в Ахтырку, где по его предположению снова формировалась 21 армия, хотя командование ещё не вышло из окружения. Здесь он был назначен начальником 3-го Оргпланового отдела Управления тыла 21 армии, позже был начальником штаба Управления тыла 21 армии».

Михин Василий Степанович – вспоминал, что:

«...им обещали дать подкрепление и выручить из губительного положения. На острове они просидели двое суток. Никакого подкрепления они не дождались. Пришлось принимать решение самим.

Всего их было 116 человек. Из них двенадцать человек были с винтовками, двое с автоматами. Некоторые в одном белье и даже были совсем голые. Это ужасная картина. Михин собрал собрание. Назначил замполита, начальников особого отдела, продовольствия и другие хозяйственные службы. Выстроил весь личный состав, разбил на две роты, а их уже на отделения. Назначил командиров рот и отделений.

Объявил руководящий состав, им назначенный. Приказал, кто будет отступать, будет расстреливать. Если есть трусы – выйти вперед! Таковых не оказалось. Назначил постоянную разведку. Командирам рот приказал переписать всех по фамилиям. Сам взял разведку, пошел с ними, чтобы выбрать место, где можно легче и быстро прорваться. Остров непрерывно обстреливался. Немцы знали, что большая часть спасается на этом острове. Поэтому оставили часть своих войск для подавления остатков окруженных наших войск. Основная часть немецких войск пошла в направлении города Ахтырка.

Вернулся из разведки, выстроил весь личный состав и объявил о том, что они окружены незначительной частью немецких войск, а поэтому им нужно немедленно прорвать это кольцо и уйти из этого острова, потому что в дальнейшем им грозит опасность. Во-первых, они с голоду здесь умрут. Во-вторых, что их всех могут перебить. Задача такая. Поскольку уже нет достаточно оружия и боеприпасов, надо морально подействовать на немцев. Поэтому приказал всем личному составу кричать, сколько сил: «Ура!». Он пойдет вперед, первая и вторая рота левым и правым флангом за ним. От него не отрываться. Следить за его направлением. Кто испугается, приказал расстреливать.

23.9.41г.. Они прорвались. Четырех их людей убили, восемь ранили, в том числе и его. В правую ногу, но легко. Одним словом, они ушли от угрожающей опасности. Ста-

ло легче. Ели грибы и верхушки елок. Немец их преследует. За этот день они прошли двадцать четыре километра. Исчезли в лесу.

Разведка ему донесла, что впереди, по балке, в лесу, есть село, в котором немцев нет. Они обрадовались и решили зайти в него, чтобы организовать привал и отдохнуть. Когда они подошли к селу, то увидели, что параллельно им движется автоколонна немцев. В момент их въезда вошли и они.

Неожиданно для немцев они первыми открыли огонь. В результате внезапного нападения взяли 3 автомашины и 4 мотоцикла. Одна машина была с продуктами, одна специальная, будто радиостанция, и одна со штабным имуществом. Оказалось, что это перебазировался штаб 147 мотопехотной дивизии вермахта на главе с начальником штаба и другими офицерами. Они убили начальника штаба и с ним двадцать одного человека. Часть из них сбежала. Все хорошо поели и, главное, вооружились всем необходимым, даже с избытком».

В вермахте существовала только 147-я резервная дивизия (авт.).

Толстов Валентин Васильевич был призван в РККА в январе 1940 года. Местом службы стал 209 кап (корпусный артиллерийский полк), штаб 3-го дивизиона, где Толстов В. В. исполнял обязанности старшего писаря, имея звание сержанта. По его воспоминаниям узнаем, что:

«...209 кап полностью попал в окружение и три дня пы-

тался пробиться из окружения. На третий день пришел приказ: пушки взорвать, материальную часть сжечь.

При выходе из окружения недалеко от ст. Лубны Толстов В. В. был ранен в руку и взят в плен. Наиболее вероятная дата плена – 23—24 сентября. Более точное место плена – рядом с деревней Денисовка (недалеко от Лубен)».

Кузьмин Василий Андреевич участвовал в боевых действиях против фашистской Германии в составе 136 стрелкового полка 97 стрелковой дивизии. 23 сентября 1941 под селом Оржица Полтавской области Василий Андреевич попал в плен к немцам и был отправлен в концлагерь Бухенвальд.

Дмитрий Александрович Снигурский под г. Оржица во время окружения был ранен в ногу и тяжело контужен. В таком состоянии он попал в плен и был отправлен в лагерь для военнопленных в г. Кировоград. Из госпиталя, который обслуживался российскими военнопленными врачами и с их помощью, был отпущен, как инвалид, домой. По дороге Дмитрия Александровича и еще двух воинов задержали местная полиция и немецкая жандармерия. Они снова отправили их в лагерь г. Кировоград, однако им удалось скрыться.

Что же дальше происходит со 196 сд?

Выпустив из котла конные подразделения, фашисты подтянули к мосту танки, артиллерийские и минометные батареи. Словом, стенка стала еще крепче. Ее попыталась пробить воздушно-десантная бригада, но безуспешно. Фаши-

сты поставили перед мостом такой плотный заградительный огонь, что нечего было и думать о его штурме.

Общее мнение Шатилова, Качанова и Самсоненко – попытаться все же найти брод в реке. Срочно была снаряжена разведывательная группа отыскать этот проклятый брод, не найдя брода, не возвращаться – такая категорическая задача была поставлена разведчикам. Была вера, броды есть, что они известны местным жителям, но беда в том, что в селах не осталось ни души, все ушли на восток. Инструктируя разведчиков, Шатилов приказал им попробовать отыскать в окружающих селах стариков и узнать у них, где Оржица мелеет.

Пока же разведчики искали брод, подразделения дивизии оставили село Оржицу и сосредоточились в полутора километрах южнее, в роще. Примерно через 2:00 часа разведчики нашли брод. К тому же он оказался неподалеку от роши, в котором находились подразделения 196 сд. Все складывалось как нельзя лучше. Полоса неудач, кажется, закончилась.

Разведчики вернулись в рощу вместе с белым как лунь, но еще крепким стариком, который назвался дедом Остапкой из соседнего села Онишки, и который подробно объяснил, как найти брод. Он посоветовал добираться до него по зимней дороге – она поросла высокой осокой и «спрячет солдатиков». По дороге, петляя вокруг небольших озер, окаймленных где осокой, а где кустарником, с наступлением темноты подразделения направились к спасительному бро-

ду. Люди были очень внимательны и осторожны: ночную тишину не нарушал ни один посторонний звук. Бойцы слились с темнотой ночи, растворились в молчании.

Вот и река. Над ее темной гладью курится холодный туман. Мало приятного в одежде лезть в холодную воду, но на том берегу – спасение. Как всегда, впереди идут разведчики – такова уж их судьба. Река Оржица здесь совсем мелкая: только в одном месте вода доходит до груди. Только вышли на берег, как к Шатилову обратился сержант-разведчик, доложив, что вот женщина из села Онишки. По карте Шатилов знал, что это село находится на их пути. Она рассказала, что в их селе германцы. Конечно, фашистов в селе, по ее словам, мало, расправиться с ними большого труда не составит. Но в данном случае страшен не противник, а шум, который поднимется. Он привлечет внимание фашистов в Оржице, и сюда, в Онишки, они немедленно бросят свои подвижные подразделения (это немцы умеют делать!), А потом двери, которые почти уже открылись, могут снова закрыться.

Немцы остановились на другом конце села в школе, поэтому женщина посоветовала обойти Онишки по краю, огородами по направлению к Большому Селецкому (откуда и до Лубен недалеко), а в провожатые дала свою дочь Машу.

Одно из мнений о прорыве – 26-я А прорывалась через оборону 16тд генерала Хубе (части этой дивизии первые ворвались в Оржицу) и дивизии СС «Дас

Райх» (вместе с другими частями 2-й танковой группы дивизия повернула на юг навстречу 1-й танковой группе для окружения большой советской группировки восточнее Киева и 18 сентября дошла до Прилук. Затем дивизия СС «Райх» была переброшена на центральный участок Восточного фронта для наступления на Москву. К Оржице дивизия не дошла.). В Оржице накопилось такое количество техники и красноармейцев, что Хубе, боясь прорыва советских войск на этом участке, приказал закопать свои танки в землю (это правда) и приковать пулеметчиков цепями к пулеметам (а это, судя по всему, уже вымысел), но не выпустить Костенко из котла. Поняв свое почти безвыходное положение, Костенко оставил всю технику в Оржице (кстати по этой причине немцы почти не обстреливали Оржицу, боясь повредить богатые трофеи) и вместе с кавалеристами отправился на прорыв по дамбе на противоположный берег р. Оржица.

Когда кавалерия Костенко, разгромив заслон немцев, пробила тем самым маленькую дырку в обороне Хубе и выскользнула на восток, в зияющую брешь хлынули советские пехотинцы, которые надеялись повторить успех конников и вырваться из котла. Солдатам и офицерам пришлось вплавь форсировать р. Оржицу, так как дамбу, через которую прошла кавалерия, немцы уже простреливали из пулеметов и пушек. Форсировав реку, бойцы бросились вперед

на прорыв, но противник к этому времени перебросил уже сюда свежие части 25-й мд, тем самым закрыв дыру в своей обороне. Перейдя в контратаку, немцы начали прижимать противника назад к реке. Не имея тяжелого вооружения, бойцам ничего не оставалось, как бросить оружие и снова вплавь вернуться назад в Оржицу. Те красноармейцы, которые остались на «плацдарме» и не успели переплыть или добежать до р. Оржица, были раздавлены танками и разорваны артиллерией. На этом, в общем-то, бои в Оржице и закончились. Часть солдат, оставшихся в Оржице, попала в плен, часть, разбившись на маленькие группы, вышла из окружения болотами и лесами.

Огромное поле в Оржице, а на нем горят сотни машин. Адские бомбардировки, не прекращающиеся ни на минуту. Это была настоящая трагедия. Дорога из Оржицы, зажата с двух сторон болотами, которую немцы засыпают минами и снарядами, а наши колонны идут на прорыв под бешеным убийственным огнем противника... Некоторым повезло уцелеть в тот день. Неделями потом они выходили к своим.

Тысячи бойцов из разных частей бесцельно бродили, не зная, что делать, как воевать дальше. Общая растерянность. Никто не подавал никаких команд. Вся система управления войсками рухнула. Командный состав просто снимал командирскую форму или срывал с себя петлице, пытаясь затеряться среди простых красноармейцев. Украинцы открыто толпами шли к немцам, их никто не останавливал и даже

не стрелял им в спину. Рядом находились брошенные госпитали, переполненные ранеными, но чем и кто мог им помочь? Никакой информации, что происходит вокруг, никто не имел. Все были деморализованы, на лицах печать обреченности, а в глазах смертельная тоска. Никакой организованной обороны не было. Все понимали, что никто не придет к ним на выручку. Это было просто ужасно. Чувства, мысли, стремления людей притупились, а ощущение полного бессилия доводило до отчаяния. Немцы бомбили и обстреливали из пушек Оржицу и болота без передышки. На головы солдат падали сброшенные с самолетов листовки, с предложением о сдаче в плен.

Стихийно собирались группы по несколько солдат, которые решили в плен не сдаваться. Шли на прорыв, но немцы загоняли солдат в болото, на островки, на которые потом обрушивали минометный огонь, «прочесывали» из пулеметов. Многие из тех, кто прятались на островках, были убиты и ранены. Кто выжил, тот осторожно выбирался на берег. Шли по немецким тылам долго. Чего только испытать не пришлось в эти дни... В направлении линии фронта двигались по одному в гражданской одежде такие же бедолаги окруженцы. Организованными группами с оружием почти никто из «киевского котла» не выходил...

Оставленные в Оржице медсанбаты с ранеными были захвачены немцами. Так, в селе Оржица находился 41-й медсанбат 97-й дивизии, и 23 сентября он во главе со сво-

им командиром **военврачом 3-го ранга С. И. Бахматовым** и всеми ранеными был пленен немцами.

К утру районы переправ под селами Оржица и Денисовка представляли собой поражающее воображение зрелище. Вот так комментирует увиденное один из очевидцев:

«Сотни грузовых автомобилей, среди них разнообразная спецтехника, стояли частью уничтоженные, частью еще исправные на улицах села и во дворах. Пример полного поражения противника. В особенности Денисовка являла собой картину, какую не везде можно было увидеть и под Дюнкерком».

Новые попытки прорыва последовали на участке боевой группы майора Р. Шмидта с 4.30 утра. Несмотря на то что в них участвовало большое количество пехоты, всех их немцам удалось отбить. Как докладывал майор Р. Шмидт, «войска под командованием офицеров и комиссаров под покровом ночи приблизились к нашим позициям. Представляется, что прорваться удалось только незначительному количеству».

В 9.50 наступление 421-го полка 125-й дивизии вглубь котла возобновилось. Через полтора часа к нему присоединились солдаты 419-го полка оберста Фауленбаха.

Уже в 12.10 передовые части 3-го батальона 419-го полка достигли окраин г. Оржица. К немалому удивлению противника, фактически никакого сопротивления они не встретили. Все дороги оказались забиты брошенной техникой, зна-

чительная часть из которой даже при беглом осмотре оказалась вполне исправной. Это дало возможность сделать моторизованной по одной роте из каждого полка.

Первые очаги сопротивления были выявлены в 14.20, когда правый фланг 73-го саперного батальона попал под обстрел со стороны группы домов, расположенных юго-восточнее с. Новоселица и Зарог. Засевших там красноармейцев быстро уничтожили.

После полудня саперы 73-го батальона двумя ротами прочесали с. Теремецкое и приготовились к штурму с. Зарог и Зарожье, в которых, по имевшимся данным, находилось значительное количество советских войск.

Командир XI корпуса генерал от инфантерии Кох, не желая нести излишние, на его взгляд, потери, остановил самостоятельную атаку 73-го саперного батальона, приказав подтянуть дополнительные силы.

Вскоре к церкви подтянулись 2-я батарея 125-го противотанкового дивизиона и 1-я саперная рота под командованием хауптмана Розевича, с юга двигался 3-й батальон 421-го полка, а с северо-востока – 73-й саперный батальон. Общее командование наступлением взял на себя майор Р. Шмидт.

Основной удар нанес 3-й батальон, и в 17.00 за с. Зарожье развернулся ожесточеннейший бой. В 17.00 немецкие передовые части при поддержке противотанковой артиллерии ворвались на южную окраину. Завязались уличные бои, разорвавшие стройность боевых порядков наступ-

павших немецких войск. Вскоре стали образовываться разрывы, в дыму терялась связь и локтевой контакт, солдатам порой казалось, что каждый из них ведет бой в одиночку.

Около 19.00 бой все еще продолжался. Майор Р. Шмидт, выйдя на связь с командиром 125-й дивизии, доложил, что его части ведут бой в селе, и попросил прекратить артиллерийской огонь. На что получил неожиданный для себя ответ, что ни одно орудие 125-й дивизии не обстреливает с. Зарожье. На помощь командир соединения направил 2-й батальон 419-го полка.

Сопrotивление еще оказывали, казавшиеся незначительными, силы, оборонявшиеся в лесу, поэтому немцы рассчитывали их уничтожить в самое ближайшее время. Однако, как и в с. Зарожье, противник наткнулся здесь на отчаянное сопротивление. Пришлось запросить помощь у 3-го батальона 419-го полка.

На другом участке в результате контратаки саперы 73-го батальона оставили с. Теремецкое, однако особого беспокойства это ни у кого не вызвало. Все понимали, что сражение за Оржицу выиграно.

К ночи стало ясно, что два очага сопротивления – один в с. Зарожье, другой – у леса, уничтожить пока не удалось.

Командир 125-й дивизии попросил у генерала Коха разрешения начать атаку 24 сентября как можно раньше. Общее руководство наступлением он возложил на командира 419-го полка оберста Фауленбаха, подчинив ему, в общей слож-

ности, три пехотных батальона, весь 125-й саперный и две роты 73-го саперного батальона, 125-й противотанковый дивизион и 8-ю батарею 125-го артполка. Командир XI корпуса такое решение утвердил.

Ночь для солдат 239-й дивизии, по сравнению с предыдущими, прошла относительно спокойно, если не принимать во внимание постоянно возникавшие перестрелки с мелкими группами красноармейцев, пытавшихся просочиться через немецкие боевые порядки.

С утра началась зачистка. Она принесла еще 575 пленных, прятавшихся в полях и селах.

Около полудня штаб XI корпуса приказал 239-й дивизии готовиться к маршу. Ее путь лежал теперь на с. Лукомье и далее через г. Хорол на Белоцерковку. Требовалось вновь сформировать передовой отряд, которому поручалось занять отведенный участок фронта и удерживать его до прибытия основных сил.

Штаб 239-й дивизии представил произведенные подсчеты потерь за время проведения операции по уничтожению Оржицкого котла.

С 17 по 23 сентября части соединения потеряли погибшими 12 офицеров, 34 унтер-офицера и 186 солдат, ранеными – 13 офицеров, 86 унтер-офицеров и 361 солдата, пропавшими без вести – одного офицера, трех унтер-офицеров и 54 солдата.

В плен части соединения захватили почти 23 000 красно-

армейцев и 245 командиров.

Потери прорывавшихся на участке 239-й дивизии составили не менее 2000 человек. Захвачено или уничтожено 202 орудия, 89 минометов, три «катюши», 536 пулеметов и 1598 автомобилей, из которых около 1000 исправных.

По полкам итоги боев выглядели следующим образом:

– 327-й полк взял в плен 6630 человек, из них 31 командира, захватил или уничтожил одну бронемашину, 625 грузовиков, 80 орудий;

– 372-й полк взял в плен 6153 человека, из них 59 командиров, захватил или уничтожил 155 грузовиков, 17 орудий;

– 444-й полк взял в плен 5247 человек, из них 66 командиров, захватил или уничтожил две бронемашины, 188 грузовиков, 44 орудия;

– 239-й артполк взял в плен 1840 человек, из них 35 командиров, захватил или уничтожил 325 грузовиков, 24 орудия.

Солдаты 24-й пехотной дивизии взяли, по словам их командира генерала Х. фон Теттау, 35 000 пленных, 62 орудия, 4500 транспортных средств, 1200 повозок, 400 лошадей.

24 СЕНТЯБРЯ

Из воспоминаний **К. С. Москаленко**

«На юго-западном направлении» (1984 г.) узнаем, что: «... кольцо продолжало беспощадно сжиматься вокруг них, и, казалось, не было такой силы, которая могла бы разорвать его. В ночь на 24 сентября, собрав всех, кто остался жив, они

снова бросились в атаку. На этот раз враг не устоял. Прорвав кольцо на фронте около километра, их группа ушла на восток. Двигаясь группами по ночам далеко от путей и населенных пунктов, добрались до р. Псел. Там они, наконец, соединились то со своими войсками. Этот день (27 сентября) запомнился ему как особый, необычный. Ведь тот, кому пришлось побывать во вражеском кольце и вырваться из него, будто начинал жить сначала».

Из воспоминаний **Ивана Даниловича Струкова**, которому несколько раз за войну пришлось встретиться с К. С. Москаленко и при наступательных операциях и во время окружения:

«Помню, говорил Иван Данилович, на первом году войны наша вторая батарея 1-й артиллерийской противотанковой бригады стояла в обороне у Чернигова... Я сидел на дереве, наблюдая за противником, и тут же докладывал об увиденном комбату. Вдруг пулеметная очередь срезала ветки дерева ниже моих ног. Только я хотел было посмотреть, откуда это мне стреляют, как Москаленко, не дав этого сделать, закричал: «Прыгай! Прыгай немедленно!» – и я полетел вниз. Еще не долетев до земли, я услышал (а те, что стояли внизу хорошо увидели), что вторая очередь срезала ветки дерева именно в том месте, где мгновение назад сидел я...

– ... И все-таки нас окружили, – продолжал Иван Данилович. – Связь со штабами прервана, обстановка неясная, ни танковой поддержки нет, ни авиационного прикрытия. По-

следний рубеж обороны – небольшой городок Оржица на реке Суле. На правом (?) ее берегу, преградив нам путь на восток, окопались немцы. Что делать? Москаленко собрал тогда всех нас, от бойцов до командиров, повел в атаку. Но пробиться не удалось. Еще раз – и снова неудача. И так несколько раз.

В ночь на 24 сентября он собрал всех оставшихся в живых, сказал:

– Все равно будем прорываться. Чем позорная гибель в плену, лучше смерть в бою...

И вот в рассветный час он выстроил красноармейцев и командиров в колонну и после, хотя и слабой артиллерийской подготовки, повел их через болото. Сам стоял у берега, провожая всех на смертельный бой. А потом не удержался, обогнал колонну, встал впереди и, вытянув пистолет, скомандовал:

– Вперед!... За мной!..

По колонне пронеслось:

– Товарищи!... Генерал впереди!..

Бойцы рванули через дамбу и мост, ворвались на восточный берег, развернулись по фронту на километр и пошли в рукопашный бой. Немцы не выдержали и бросились врассыпную...».

13:00

Одна из атак принесла результат. Часть окруженных войск смогла вырваться из кольца, им удалось прорваться южнее

Денисовки, форсировав реку Оржица, заняв Золотухи, пробиться в северо-восточном направлении.

Вот как описывает В. Бобылев в повести «В ночи, за огненным валом», которая была опубликована в газете «Вологодский комсомолец». – 1967. – 28 мая; 2, 4, 7, 9, 11 июня, события тех дней, услышанные им от бывшего **лейтенанта Петра Васильевича Коротких**: «У реки Оржица Полтавской области отступающие части вновь оказались в окружении.

Командир стрелкового батальона лейтенант Коротких получил приказ командира полка – прикрыть выход из кольца. Это означало – задержать врага даже ценой собственной жизни.

Выполняя приказ командира полка, солдаты двух неполных рот стрелкового батальона заняли огневой рубеж на стыке конопляного поля и жидкого кустарника. Истощенные ночными переходами, постоянными стычками с неприятелем, почерневшие от пороховой гари, молчаливые и строгие, они были готовы ко всему. Назревал бой. Он мог стать последним для каждого, последним для всех.

Лейтенант Коротких находился в роте Петра Полищука. Этот молодой командир с Украины нравился лейтенанту. Всегда веселый в минуты фронтового затишья, смелый в бою, хитрый в разведке, он был похож характером на командира. Они по-мужски любили друг друга, понимали с полуслова. Кто-кто, а солдат знает, что такое друг на войне.

– Идут!

– Патроны беречь! Огонь вести только с близкой дистанции! —

Лейтенант, как и весь батальон, думал только об одном: «Пехоту сдержим, пока есть патроны, но если пойдут танки...».

Со стороны белых домов-мазанок, через поле шли немцы. Шли в полный рост, уверенные, с автоматами наперевес, как в учебном бою.

Фашистская пулеметная очередь ворвалась в предгрозовую тишину. В момент все вокруг застонало, заскрежетало. В диком свисте пуль, в стрекоте пулеметов на поле вздыбилась земля. Психическая атака немцев захлебнулась. Живые залегли. И здесь лейтенант увидел, как Петр Полищук, поднявшись во весь рост, нажал на гашетку немецкого трофейного автомата.

– Ложись!

– А-а-а, гады! Поползли! – продолжал строчить автомат ротного.

Вскипевшая злость подняла с земли Полищука, еще мгновение, и он бросится в атаку, поднимутся его солдаты. А это смерть. Коротких бросился к Полищуку.

– Ложись!

Пулеметная очередь. Лейтенант не успел. Упал подкошенный ротный. Теперь поднялись немцы, и снова вскипела земля. Несколько раз фашисты ходили в атаку. И столько же раз

отступали, оставляя трупы на поле.

У Полищука навывлет раны в груди, прострелена нога. Оттянув ротного за кустарник, в лес, лейтенант разорвал на нем гимнастерку от ворота, наложил бинт.

– Петр! Петр! Ты жив?

Пульс слабый. Полищук открыл глаза. Сквозь туманную поволоку он узнал лейтенанта:

– Как там наши ребята?

– Держатся, друг. Стоят. Крепись.

Кровь промочила бинт. Полищук слабо стонал.

– Послушай, лейтенант, если прорветесь...

– Мы тебя не оставим, слышишь, Петр!

Как из-под земли рядом вырос фашист. Лейтенант увидел его, когда немецкий штык коснулся плеча:

– Тихо! Молчать!

«Обошел, гад, прополз», – мелькнула мысль, – «один, или...?».

Осторожно положив Полищука на землю, освободив руки, лейтенант Коротких поднялся.

– Рюки! Рюки! – Зашипел фашист.

«Живым решил взять...» Решение пришло быстрое, как молния.

– Курить. Понимаешь, закурить хочу? – Почему бы таким сейчас не улыбнуться фашиста. – Понимаешь?

– О-о-о! Рюсский шютить... Орюжие!

На мгновение немец немного отвел в сторону штык.

И в это время лейтенант головой нанес ему удар под челюсть, а в следующее мгновение выстрелил из пистолета в упор. Залег. Оглянулся. Никого. Оставался один патрон. Рядом шел бой. Но это уже была не психическая атака. Через поле грохотали танки...

...В минуты, когда сознание возвращалось к лейтенанту, он болезненно напрягал память, пытаясь вспомнить, что с ним и где он. Но только рваные языки огня и черного дыма мелькали перед глазами. Лейтенант чувствовал, что он лежит на голой земле, где то в сарае. Пытался встать, но от первых движений появлялась резкая боль, и он снова терял сознание. Липкая, как клей, кровь застыла на лице, в волосах.

– Встать! – Грубый окрик с темной, как ночь, пропасти. – Встать! – И еще какие-то непонятные слова на чужом языке.

Били по груди, по ногам. То ли прикладом, то ли кованым сапогом. Удар по голове. И снова тьма. Ни голосов, ни ударов, ни боли... Пустота.

Далее будет длинная дорога к офицерскому лагерю в Новоград-Волынском... Германия... побег из лагеря... блуждания по Чехословакии... арест... гестапо... Освенцим... еще побеги и аресты... и так вплоть до 1945 года».

Раков Николай Кузьмич, 1918 года рождения – 24 сентября 1941 года в районе города Оржица Полтавской области его часть, в которой он служил начальником санитарной службы при 19 танковой дивизии, попала в окружение, а затем их в количестве 50 человек немцы взяли в плен.

Но, к сожалению, не всем суждено было выйти. Немецкие войска, прорвав оборону в западной части Оржицы, вышли в тыл контратакующим частям Красной Армии. Зажатые с обеих сторон красноармейцы оказывали отчаянное сопротивление. Первыми упали минометные расчеты. Подавив разрозненные очаги сопротивления, немцы добивали оставшихся в живых на поле боя раненых красноармейцев.

Вспоминает капитан **Е. Пискунов**, что:

«...положение становилось все хуже и хуже. Когда стало ясно, что завладеть единственной дорогой и переправой, по которой можно провести технику, невозможно – дивизионное начальство собралось на совещание. Решался один вопрос, как быть дальше. Боеприпасов нет, среди личного состава начали проявляться случаи недисциплинированности. Нужно было срочно принимать решение о дальнейших действиях. Стало очевидным, что артиллерию без боеприпасов и горючего вывести невозможно.

Конский состав из артиллерии и обозов частично был уничтожен на пропитание. Было принято решение в обстановке, которая сложилась, пожалуй, единственно правильное: артиллерийские системы затопить.

Артиллерия на механической тяге была затоплена в пойме реки Оржица, предварительно из пушек были сняты замки и уничтожены прицельные приспособления».

Интересный вопрос – где она была затоплена? Были ли пушки после освобождения Оржицы в 1943 году

подняты?

«Личный состав дивизиона по решению командования разбился на группы и обходным путем начал выходить из окружения в направлении Богодухов, Ахтырка. Их группа командиров и рядовых артиллеристов решила недалеко от переправы форсировать р. Оржица. Однако, они оказались в ловушке.

Немцы обнаружили их и открыли по обоим берегам реки сильный автоматный и пулеметный огонь. Они оказались где то метрах в 800 от правого берега, в достаточно глубоком болоте (пойме). На поверхности воды оставалась только голова. Все тело оказалось под водой. Решили в таком положении ждать темноты, чтобы ночью попробовать выбраться на берег. К вечеру начало подмерзать и они оказались в плену тонкого льда.

Единственным спасением в таком положении оказался спирт. Через небольшие промежутки времени употребляли по глотку спирта. Меркой была крышечка от фляги. Примерно в середине ночи немцы прекратили вести огонь, и они решили выбраться. Далее оставаться в таком положении было невозможно. Единственным оружием у них для прорыва были пистолеты. На их счастье, на берег они выбрались благополучно. На окраине населенного пункта залезли на чердаки двух домов, чтобы обсушиться. Другого выхода не было. Лесов поблизости не оказалось, а идти в таком положении было невозможно.

Какое было их удивление, когда днем они увидели, что в селе полно немцев. У каждого из них, как указывает Пискунов, было единственное оружие – пистолет. Из офицеров в их группе было четверо: сам Пискунов, командир отдельного зенитного дивизиона Михаил Демин, командир разведки, политрук и работник контрразведки и несколько солдат.

Делать было нечего, приготовились к обороне, если немцы полезут за чем-нибудь на чердак. К дому почти вплотную подходило от берега поймы реки кукурузное поле. Початки были сорваны, а стебли остались нетронутыми, а они могли бы служить укрытием.

Если бы немцы нечаянно смогли их обнаружить, решение было одно – открыть по ним огонь и быстро по кукурузе отходить назад в болото. Болото было надежным укрытием. Немцы в болото не лезли, очевидно, считая, что пробыть в болоте долго невозможно, и они сами должны были попасть к ним в руки. Но немцы не знали того, что пока в них текла кровь, и они могли бороться, о добровольной сдаче не могло быть и речи».

Отряд под командованием командира 1-го вдк **генерал-майора М. А. Усенко**, который пытался прорваться в районе Мацковцы Лубенского района, почти полностью погиб в окружении.

Вряд ли в отряде М.О Усенка было значительное количество десантников, так как уже на 13 сентября 1941 остатки 1 ПДК составляли всего 50 человек.

Последняя радиограмма от окруженной группировки 26-й армии была принята в 8 ч 11 мин. 24 сентября по радио в Москве:

«Начальнику Генштаба Красной армии. Нахожусь Мацковцы. Боевых частей нет. Продержаться могу не более суток. Будет поддержка? Усенко».

Усенко Н. А. – Генерал-майор, командир 1-го вдк (1, 204, 211 бригады), присоединился к войскам 26-й армии и возглавил один из ее отрядов, который почти полностью погиб в этом окружении, пытаясь прорваться в районе села Мацковцы, Лубенского района.

С начала Великой Отечественной войны – Усенко на ее фронтах. Участвовал в боях на Юго-Западном и Южном фронтах. Участвовал в боях на государственной границе СССР, Киевской оборонительной операции. 23 сентября во время боев в окружении под Киевом (очевиднее всего – у Мацковцев) Усенко был ранен.

С декабря 1941 командовал 2-м кавалерийским корпусом Южного фронта. Еще не завершив формирование, корпус перешел в наступление и освободил Александрополь и ряд других населенных пунктов, однако не сумел в дальнейшем удержать позиции и был вынужден отойти, потеряв убитыми более 5000 человек, а также большое количество танков, орудий и минометов.

В апреле 1942 года Военный трибунал Южного фронта приговорил М.О.Усенка до 10 лет исправительно-трудовых лагерей без поражения в правах с отсрочкой исполнения приговора до конца войны, а 16 мая – понизил его в звании до полковника. 2 мая 1943, учитывая боевые заслуги Усенка, который в то время командовал дивизией, звание генерал-майора было ему возвращено, но приговор о 10 годах лишения свободы с него не сняли.

2 мая 1943 года М.О.Усенко погиб. Возвращаясь к освобожденному советской армией городу Бобров, машина генерала-майора М.О.Усенка наехал на мину. Похоронен он в городе Бобров, Воронежской области.

Из воспоминаний Сергея Михайловича Басманова узнаем, что:

«... они к вечеру прибыли в городок Оржица Полтавской области. Не успели расположиться, как его забрали в команду пограничников, чтобы идти в разведку на тот берег, так он стал вторым номером пулеметчика. Был ранен при выходе из окружения возле города Лубны. У их расчета разорвался снаряд, и осколок распорол ему ногу чуть выше лодыжки. Немецкие части рвались на восток, и они оказались в полукольце. Нужно было пробиваться к своим. Ими командовал тогда генерал, скорее всего, командир 219 дивизии, возможно, командующий 5 армией (по мнению Басманова). Он приказал выходить на поляну без наград. Собрал солдат и ска-

зал, что всем вместе выходить из окружения будет сложно. Три выхода: сдаться в плен, пойти к населению как гражданские, или пробиваться к своим».

Здесь, вероятнее всего, вариантов немного – либо это был генерал Алексеев, или – генерал Усенко.

Вот как рассказывал участник боев артиллерист **Скляров М. Д.** о выходе из окружения:

«... он с разведчиками, связными и радистами, шел по болоту, с трудом, вытягивая ноги из трясины, которая затягивала их. В кармане у них было по два сухаря и по четыре кусочка сахара и те размокли при форсировании реки. К суше осталось не так далеко, но им, обессиленным, он казался таким далеким этот момент. А над головами все летят осколки снарядов, толкут рядом мины, выбрасывая столбы грязи и воды».

Генерал **К. С. Москаленко** вспоминает, что с

«...небольшими группами бойцов и офицеров прорвались из окружения также командующий 26-й армией генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта генерал-майор И. Х. Баграмян, командиры корпусов генерал майоры А. И. Лопатин и П. П. Корзун, комбриг Ф. Ф. Жмаченко и многие другие».

Далеко не во всех случаях попытки вырваться из окружения увенчались успехом.

Тяжело контужен **Николай Лавринов** был подобран немцами на поле боя и брошен в концлагерь в Хорол на Пол-

тавшине.

Леонид Ефимович Беренштейн, вспоминал, что:

«...их дивизия была разбита в боях и они отходили на Оржицу, на Полтаву. Танками немцы загнали остатки дивизии на болотистые островки на реке Сула. Сначала немцы прочесывали с собаками заросли тростника в пойме реки, со всех сторон слышались автоматные очереди, крики – «Рос зольдат, плен. Выходи, шнель – шнель!». Но в ответ из островков красноармейцы отстреливались из винтовок. Немцы добивали их огнем из пушек и минометов. Картечью стреляли. Рядом с ним разорвался снаряд, и он потерял сознание.

Когда пришел в себя, то долго не мог понять, где он и что с ним происходит? По нему полевые мыши бегают. Сколько времени прошло с момента их последнего боя?

...Рядом лежали трупы трех его друзей. Невыносимо болела голова и нога. Вокруг тишина, стрельбы не слышно, но раздавались голоса на немецком языке и лай собак. Смотрит он на ногу, а из нее осколок торчит. Встать не может, сил нет. Попил воды из болота. Превозмогая боль, вырвал руками осколок из ноги, осторожно вылез из болота, выбрался из на земную твердь и, хромя, пошел к ближайшей деревни, к которой было примерно два километра.

У него был с собой пистолет с одной обоймой и граната «лимонка». Потом нашел на земле брошенную кем-то палку. К вечеру осторожно доковылял до села, а мимо него пронесется колонна немецких автомашин. Затаился, и в сумерках

пробрался к крайней хате. Хозяин запустил в дом, накормил горячей картошкой, хлебом и салом, помог перевязать раненую ногу. Хозяин сказал – «Сынок, тут в селе уже немцы, но на востоке еще слышна канонада, идет бой». Уже ночью в дом зашла группа командиров Красной Армии, все уже у гражданской одежде, такие же бедолаги, как и он, «окруженцы».

Судя по выправке, манере поведения и возрасту это были старшие командиры. Беренштейн доложил одному из них, кто он такой, и из какой части. Он сказал ему – «Лейтенант, вам, в первую очередь, надо переодеться». Хозяин сразу – «Снимай сынок форму, я дам тебе одежду». Командиры стали спорить между собой, что делать дальше. Один из них, старший по возрасту и, пожалуй, по званию, сказал следующее – «Киев взят немцами. Впереди нас – непроходимое болото, а все дороги забиты врагом. Обстановка сверхтяжелая. Путь на восток для нас сейчас закрыт. Я предлагаю, следовать за Днепр, на мою родину в Черкасские леса, и там организовать партизанский отряд». Один из присутствующих командиров ему возразил – «Нет, Устин Андреевич, я с комбатом попробую перейти линию фронта». Тот ответил – «Желаю удачи. Здесь все по доброй воле».

196 сд продолжает выход из окружения.

Из воспоминаний **Шатилова**:

«... всю ночь под дождем 196 сд была на марше, вскоре на востоке увидели зарево пожара. Разведчики доложили,

что горит село Большое Селецкое. На рассвете дивизия подошла к нему, увидев на месте домов только тлеющие головешки. Несмотря на дождь, несколько сот домов сгорели за считанные минуты. Фашистские факельщики жгли села с профессиональным знанием дела. У догорающих домов на окраине села, колонна остановилась, чтобы дать людям возможность высушить одежду и немного отдохнуть.

Привал был очень коротким, пока немцы потеряли дивизию из виду, следовало спешить, подальше уйти от опасности, пробиться ближе к линии фронта.

До рассвета доползли до леса. Дождь был спасением. На полевых аэродромах застряла немецкая авиация, раскисли дороги, и не рыщут по проселочным дорогам подвижные фашистские подразделения в поисках советских солдат, вырвавшихся из Оржицкого котла.

После полудня погода разгулялась, дождь прекратился и тотчас же над лесом появился самолет. Он летел низко, казалось, вот-вот заденет макушки деревьев. Неизвестно, обнаружил ли что немецкий разведчик или предположил, что, кроме как в этом лесу, негде спрятаться дивизии, сбежавшую из Оржицкого котла, но вслед за «рамой» прилетели трое «юнкерсов». Они сделали три захода, дважды прошили лес пулеметным огнем, а под конец сбросили листовки, призывающие, пока не поздно, сдаваться в плен.

Вскоре стало ясно, что дивизию обнаружено. Донесся гул танковых моторов. Шатилов с Качановым и Самсоненко вы-

бежали на поляну и увидели, как с трех сторон лес обкладывает немецкая пехота под прикрытием танков. Снова в ловушке, снова им надо пробиваться! А как это сделать?

Шатилов приказывает И. И. Самсоненко организовать ударную группу, человек шестьдесят, собрать для них гранаты и попробовать немедленно пробиться, пока фашисты НЕ окопались».

В рассказе «Война. Украина. Елена Филипенко», из солдатского письма:

«Товарищи бойцы! Говорю правду! Всем через немецкое кольцо не прорваться! У нас нет другого выхода, как только начать неожиданную атаку на танки! Остались только гранаты и бутылки с зажигательной смесью! Мне нужны шестьдесят человек!»

Тяжелое молчание не остановило полковника. Он понимал, что бойцы, которые одиннадцать дней прорываются из окружения, надеются выйти живыми. Вглядываясь в худые изможденные лица, красные от бессонницы глаза красноармейцев, стоящих перед ним в пожелтевших от дождей и солнца шинелях, он твердо сказал:

«В первых рядах я лично пойду с бойцами».

Первым ступил молодой боец, в кармане гимнастерки которого так и осталось лежать не отправленное письмо маме «о дяде Коле».

Минут через десять добровольцам, отчаянным и обстрелянным ребятам, было приказано атаковать гитлеровцев

и пробиться. Идти кучно. Короткими перебежками. Расчет на то, чтобы забросать врага гранатами. Ошеломить, не дать опомниться. Им прорываться. Остальные идут следом.

Через несколько минут завязался скоротечный ожесточенный бой. Крики «ура» утонули в разрывах гранат. Сработал элемент удачи, боевого везения. Гитлеровцы были сильнее, намного сильнее тех 60 смельчаков. У них танки, нет нужды в боеприпасах. И все же им не удалось отбить атаку. Группа прорыва прошла через их боевые порядки. Здесь сыграла свою роль смелость и дерзость наших бойцов: такой стремительности, такого напора фашисты не ожидали. А неожиданность – спутница боевого успеха, и еще и немного повезло.

Вслед за смельчаками проскочили командиры штаба и группа бойцов. Однако несколько подразделений стало. Опомнившись, фашисты закрыли коридор и отбили попытки этих подразделений вырваться. Понимая, что идти им на выручку было бессмысленно, Шатилов передал по цепи команду взять левее и идти на Малое Селецкое, которое, как видно по карте, находилось в шести километрах от леса, откуда дивизия только что вырвалась. Сначала шли кустами, потом началась болотистая дорога, куда уже немец не сунется.

Дорога привела дивизию в Малое Селецкое, село, которое стоит на реке Сула, в которую впадает река Оржица. Перед селом двое ребят лет двенадцати предупредили, что в селе

немцы, приехали на танках.

Мальчики привели к реке, первыми полезли в воду, показывая брод через Сулу. Дивизия расположились в дубовой роще на большом острове. Рядом раскинулся широкий заливной луг, на котором то там, то сям возвышались стога душистого сена. Бойцы сделали из него кровати и уснули мертвым сном. На лугу паслось колхозное стадо. Пожилой пастух рассказал, что коров ихних всех до единой переписал сельский староста и сказал, что это все принадлежат Гитлеру. Старик предложил зарезать пару яловых коров и накормить бойцов и в тот же день на восточном берегу реки Сулы покормили людей сытным обедом.

Едой по-братски поделились с пограничниками, которые также пробирались к линии фронта. Командовал ими не улыбкающийся капитан со шрамом на лице. Они отступали из-под Станислава. В начале пути их было около 500 человек, осталась десятая часть: остальные сложили головы на военных дорогах от границы до маленького села на Полтавщине. После короткого привала капитан повел своих пограничников короткой дорогой на Лубны.

На рассвете внезапно за селом поднялась беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба. Бойцы мгновенно вскочили, приготовились к бою. Посланный в разведку взвод Николая Кузнецова вернулся с большой группой командиров и красноармейцев дивизии, застрявших в лесу восточнее села Большое Селецкое, но все же сумевших прорваться и те-

перь они снова были с основными силами дивизии. А перестрелка началась тогда, когда эту группу в Малом Селецком обнаружил подвижной отряд фашистов, что рыскал в этом районе с целью ликвидации мелких групп советских солдат, которые выходили из окружения. В ходе перестрелки группа потерь не понесла. Силы дивизии выросли.

Днем тот же пастух рассказал, что фашистский отряд, который обстрелял на рассвете нашу группу, отставшую от основных сил, насчитывает не более 50 человек, имеет два броневика. Понятно, что фашисты атаковать дивизию такими силами не решались, хотя знали, что она находится на острове. Они, очевидно, ожидали подкрепления.

С помощью колхозников была собрана целая эскадра плоскодонок у села Грабовка. Там фашисты пока не появлялись. Переправившись через Сулу, подразделения расположились в прибрежных камышах в ожидании дальнейших указаний. В штабе взвешивали все «за» и «против», решая, куда идти дальше. В распоряжение дивизии прибыл посланец командира партизанского отряда. Он рассказал, что в Грабовке были танки, штук двенадцать, днем пошли, видимо, в Лубны. Немца во всей округе не найдешь, так что смело можно пробираться дальше.

По дороге к Грабовке колонну остановила группа партизан во главе с командиром (Батей), который доверительно рассказал Шатилову, что оставлен Полтавским обкомом партии. Отряд пока небольшой, людей принимают в него осто-

рожно, боятся нарваться на провокатора. Главную задачу на данном этапе партизаны видят в помощи подразделениям Красной Армии, выходящим из окружения.

Батя познакомил офицеров с обстановкой на фронте, показал на карте расположение фашистских комендатур и гарнизонов в прифронтовой полосе, подробно описал самый безопасный, по его мнению, маршрут к линии фронта, посоветовал, где сделать привалы на дневку».

В рассказе «Война. Украина. Елена Филипенко», из солдатского письма:

«...Мама, представляешь, в Грабовке я встретил дядю Колю, твоего сводного брата, которого ты так усиленно искала до войны! Он меня первым узнал! Я же твой портрет! Его жена, Тамара Ивановна – фельдшер. Дочь Таня, ей пятнадцать лет. Он работал в школе учителем немецкого языка. Большое Селецкое захватили гитлеровцы. В их доме поселились немецкие штабисты. Они возмущались, что война с русскими затягивается, что мы наступаем, несмотря на нехватку оружия, кругом орудуют партизаны. Их страшно боятся. Они не знали, что дядя Коля понимает немецкий и болтали обо всем. Он переснял тайком у них план наступления на Красную армию и передал партизанам. Мне подарил кортик. Я так рад, мама! Он надеется, что как только закончится война, мы все вместе соберемся...».

Вспоминает **Галина Колесник** из Онишок, что вдруг наступила тишина ненадолго. Послышался гул самолета, про-

летел и покружил. Они не знали, чей самолет это был. Старики и дети вылезали наружу, как слепые котята – в погребе было темно. Видят, какие-то бумаги летят, бросились собирать. На открытках написано: «Смерть красной сволочи!» Когда они читали это, из самолета по ним стреляли. Выманили они их листовками, чтобы уничтожить живых. Они бросились бежать кто куда. Затаились. Все вроде утихло, и вдруг опять гудит, кружит этот самолет. А потом снова все стихло.

Вылезли они из погреба, крутятся рядом, не знают, куда им идти. В дом боятся, потому что нет дома. Крыша провалилась, окна и двери выгорели, только верх русской печи торчит. Деревья их вырублены, немцы ими накрывали машины, танки, пушки, чтобы не видно было, откуда огонь ведут.

Пошли в дом, в то, что от дома осталось. Подходят, а на окне, которое выходит как раз во двор, висит немец вниз головой. Ноги наружу торчат. Они приехали к ним на мотоциклах в блестящих плащах. Плащ это и был. Но когда немец бежал через окно, то зацепился плащом. Там его и убили.

Ранним утром командир 125-й дивизии вермахта выехал на командный пункт 419-го полка, чтобы лично проследить за штурмом с. Зарожье.

Но, в силу разных причин, атака началась с сильным запозданием, только в 11.15. Тем не менее, бой завершился в пользу немцев, во второй половине дня сопротивление оборонявшихся было уже сломлено и началась зачистка. К вечеру в районе с. Зарожье, Зарог, Новоселица и в ле-

сах в полутора километрах к северу от с. Остаповка, после ожесточенного сопротивления, в плен попали 1700 красноармейцев и командиров. Общее количество пленных, захваченных в ходе боев и зачисток за день, составило около 10 тысяч человек.

К вечеру 421-й полк разместился в районе сел Плехов – Тарасовка – Чутовка,

420-й – одним батальоном занял с. Денисовка, другим – с. Лисевичев,

419-й – вокруг сел Зарожье и Денисовка, боевая группа майора Р. Шмидта перешла в села Чайковщина – Зарожье.

На следующий день планировалось проведение окончательной зачистки, сбора и подсчета пленных и трофеев, а также подготовка к новому маршу. По предварительным подсчетам, в полосе 125-й дивизии за время боев на окружение в плен взято 48 714 бойцов и командиров Красной Армии.

В течение ночи на 24 сентября и весь день в разных местах то и дело вспыхивали перестрелки. Отдельные группы красноармейцев и командиров все еще надеялись вырваться из окружения и выйти к своим, чтобы продолжать борьбу. Так, в частности, был обстрелян из винтовок расчет стоявшего на окраине с. Красеновка немецкого противотанкового орудия.

В 7.00 сформированный в 239-й дивизии передовой отряд

выступил маршем и в 12.00 вышел в район северо-западнее с. Лукомье, и после отдыха продолжил движение. Ему повезло, на всем пути ему ни разу не попались группы красноармейцев, хотя зачистка была в самом разгаре.

Казалось бы, отступающие войска Юго-Западного фронта должны были бы просто снести своей массой растянутые по фронту соединения 2-й ТГ, но нет: организованное сопротивление советских войск длилось не очень долго, и генерал-полковник Г. Гудериан снова готовит своих танкистов к наступлению на восток, на этот раз к своей заветной цели – Москве.

Ф. фон Бок отмечал:

«Танковая группа Гудериана будет готова атаковать 30 сентября»

25—26 СЕНТЯБРЯ

Часть войск с военными обозами и ранеными так и не смогли выйти из окружения. Они сражались до последней капли крови до 26 сентября.

Понятно, что мощная танковая группировка опытного и, безусловно, смелого генерала фон Хубе при поддержке гитлеровской авиации и непрерывного артогня «размели» их всех буквально в кровавую пыль, разбрасывая их с трудом собранные силы... Но сказано было: мертвые срама не имеют. Особенно те, что приняли героическую смерть, а не позорную...

Выдержки из дневника немецкого офицера:

«...Это картина ужаса. Я еще никогда не видел ничего подобного. Человеческие трупы и трупы лошадей, смешанные с машинами и устройствами различного рода. Санитарные транспорты – с медицинским инструментом. Тяжелые зенитки, пушки, гаубицы, танки, грузовики, легковушки – частично застрявшие в болоте, частично въехавшие в дома и деревья, свалившиеся с обрыва...».

Уцелевшие в боях, тяжелораненые, искалеченные бойцы и командиры различных частей Красной Армии еще в течение нескольких дней сопротивлялись и выходили небольшими группами из окружения.

«Дорогой смерти» обессиленные бойцы продвигались по маршруту: Оржица – Онишки – Ивахненко -Вороненцы – Духово – Куреньки – Снитин – Ахтырка.

В селе Новоселовка (с. Воронинцы) двое пастухов Безрогих Иван Лукич и Облап Иван Павлович стали проводниками для кавалеристов, проведя их ночью мимо немецких застав в направлении с. Духового к с. Богодаровка.

Здесь же у местной жительницы Деревянко Евдокии Иосифовны оставили раненого командира кавалерийской дивизии полковника Бацкалевича Александра Ивановича вместе с медсестрой и ординарцем. Жизнь командира была спасена.

Из Оржицкого окружения вышли также командиры: 41 артполка **майор И.К.Сидорчук**, 69 ксп **майор Гобзев**, 136 сп **подполковник М.А.Верьовкин**.

Одна из таких групп прорывалась через Заригский лес. Постоянно встречая немецкие заслоны, отряд настойчиво продвигался на Восток. Теряя в боях бойцов и нанося ощутимый урон врагу, отряд вышел в расположение частей Красной Армии.

Бойцы и командиры 26-й А еще в течение многих дней будут выходить из окружения мелкими группами с оружием, документами и орденами. В составе одной из последних групп окажется женщина, военный фельдшер. Будет преодолен крайне запутанный 600-километровый маршрут, которым группа выходила из окружения.

Бои в последних очагах сопротивления продолжались до конца сентября 1941 года.

После ликвидации нескольких попыток прорыва и основных очагов обороны немцы стали методично уничтожать оказывающие сопротивление разрозненные группы советских войск.

Так закончилась трагедия на левобережном Приднепровье. Но еще долго после этого, на всем обширном пространстве, где недавно кипела битва, валялись неубранные трупы, повсюду – в полях и в болотах, на огородах и в придорожных зарослях – под осенним дождем в грязи стонали, умоляя о помощи или о смерти, тяжелораненые люди, которых гитлеровцы безжалостно обрекли на медленную и мучительную смерть.

(Использованы фрагменты из рассказа «Госпиталь в Ере-

меевке» из книги С. С. Смирнова «Рассказы о неизвестных героях»).

Когда бой завершился, немцам открылась страшная картина смерти и разрушения, из воспоминаний немецкого солдата: «В Оржице русские согнали в одно место несколько тысяч автомашин и подожгли их. Черный дым поднимался к небосводу целыми днями. В кукурузных полях много русских покончили с собой, предпочитая смерть плену. В последнюю ночь русские уничтожали с криком и ревом свои последние запасы водки и устроили осветительными ракетами целый фейерверк. На следующий день „котел“ был ликвидирован. Взяты огромные массы военного снаряжения и лошадей. Полк доставил на сборные пункты 19000 военнопленных (о том, какую часть пленных составляли раненые, автор статьи намеренно умалчивает). На местах прорывов противник оставил полный хаос: сотни грузовых и легковых автомобилей были разбросаны на местности. Нередко люди в машинах были застигнуты огнем при попытке их покинуть и теперь высывались из дверей сожженные, как черные мумии».

«Вокруг автомашин лежали тысячи мертвых тел, в полях – части женских тел, раздавленных танками, обрывки формы русского генерала, который, очевидно, скрылся в гражданской одежде».

Многие источники пишут, что, возможно, именно на участке 16-й танковой дивизии погиб генерал май-

ор Усенко, но нам теперь уже известно, что он вышел из Оржицкого котла живым.

«Хотя ночи были уже холодными, теперь, днем, теплое солнце сияло над полем, усеянным трупами, и последние дни казались кошмарным сном».

Бои по очистке Киевского «котла» продолжались до 4 октября...

Когда бой затих, жители села Онишки похоронили погибших воинов. Среди них был и **Ефим Иванович Терехин.**

Когда Красная Армия изгнала фашистов (в 1943 году) и Онишки с Оржицей снова стали свободными, жители этих двух украинских сел бережно собрали останки погибших советских воинов и перезахоронили в братских могилах, что в самых центрах Онишок и Оржицы.

Такая же тяжелая обстановка сложилась для окруженных советских войск и в других местах. Однако везде находились смелые инициативные командиры, создавали отдельные отряды и группы численностью от нескольких десятков до нескольких тысяч человек и, возглавив их, пробивались из окружения.

Старший лейтенант Константин Голубев (офицер 159 сд) с разобщенных остатков подразделений и одиночных солдат сумел собрать боевую группу, которая под его командованием 4 октября самостоятельно вырвалась из окружения.

159 сд, которая в то время потеряла свое командование,

была дезорганизована авиацией, абсолютно небоеспособная и требовала укомплектования. Для остатков дивизии наступили трудные месяцы отступления. Голубев рассказывал, как ночью войска отрывались от наседающего противника, занимали новый рубеж и, задерживая немцев, снова отходили методом подвижной обороны. 17 сентября вместе со всем Юго-Западным фронтом наш герой оказался в окружении. Произошло это под селом Оржица.

Очевидно, все же, произошло это под селом Кандибовка, так как в Оржицу 159 сд так и не дошла.

К. Голубев был грамотным и смелым офицером, к нему тянулись люди. С разобщенных остатков подразделений и одиночных солдат старший лейтенант Голубев сумел сколотить боевую группу, которая под его командованием 4 октября самостоятельно вырвалась из окружения.

Сейчас несложно представить, как относились в то время к окруженцам. Даже расследовали «дело» этой боевой группы. Но ничем ее бойцы себя не запятнали. К. Голубеву было сохранено воинское звание, а 27 октября он был назначен помощником начальника охраны тыла другой дивизии.

В сентябре и октябре 1941 года из окружения прорвалось еще много отрядов и групп советских войск и народных ополченцев. На 1 октября 1941 года, по неполным данным, из состава войск Юго-Западного фронта вышло из окружения 21000 человек, в том числе 10 генералов. Некоторые группы пополнили партизанские отряды. Среди них был

и **Аркадий Гайдар**.

Артиллерист Н. В. Силкин (артмастер, 1-й формовочный артдивизион при штабе 21 й армии) вспоминал, что в городке Оржица 21/IX-1941 весь артдивизион был окружен немецкими войсками. При попытке выйти из окружения [они] были разбиты, после чего небольшими группами стали расходиться по разным направлениям, пытаясь выйти из окружения.

Он [в составе группы] в количестве 6 человек. 23/IX-41 г. из города Оржица пробирался к своим, русским. 25/IX-41 г. они зашли ночью к одному крестьянину с целью ночевки, который их накормил и уложил спать в сарай. В эту же ночь, когда они спали в сарае, пришли немцы и их (группу) в количестве 6 человек взяли в плен. Немцев было 13 человек, с ними вместе был и хозяин, у которого они остановились ночевать, освещал фонарем.

Сопротивление они не оказывали, их взяли сонных. При них было оружие: винтовки, пистолеты, автомат. Когда их из сарая вывели, то этой ночью вывезли на машинах в городок Хорол Полтавской обл., где он находился 8 дней, после чего ночью из этого лагеря сбежал. Пробежав километров 25, был задержан немецкими войсками и направлен в лагерь военнопленных в городок Семеновка Полтавской области в октябре 1941 г. Пробыв в лагере несколько дней, его взяли поить лошадей. Воспользовавшись случаем, он снова бежал и пошел в направлении на восток. Силы его иссякли,

и он решил поступить работать в один из колхозов в с. Федоровка Полтавской обл. Глава колхоза их повел в район якобы приписать в колхоз, а сам всех их (русских) сдал немцам.

М. Д. Зайденберг, санинструктор 114-го отдельного зенитного дивизиона. При отступлении в сентябре 1941 года на Полтавщине в районе села Оржица дивизион попал в окружение. К своим решили пробиваться, разделившись на группы. В ее группе было 11 человек. У городка Новые Санжары они неожиданно наткнулись на немцев. Группу советских военных, которая пряталась, кто то выдал, и они все попали в плен. Во дворе комендатуры пленных выстроили. После избиения и допросов их под вечер повели за околицу на расстрел. За мгновение до автоматных очередей мужчины закрыли ее, единственную в группе девушку. Мария пришла в сознание поздно ночью. Залитая кровью, она едва выбралась из-под трупов, чувствуя в теле острую боль. Фашистские пули все же «достали» ее, ранив в шею. Она шла, обессиленная, с кровавой раной. На ночь просилась в крестьянские дома, днем огибала немецкие посты. Ее спасение можно считать чудом, но на всю жизнь сохранились шрамы – следы пуль, и заблаговременно появилась седина.

Старший сержант Семен Бровтман, после ранения в ногу лечился в медсанбате, который разместился в городке Прилуки. А после того, как ему удалили осколок, эшелонном добрался до Оржицы на Полтавщине. Но здесь уже творился страшный кавардак. Не разобрать, где немцы, где наши.

По шею в воде Бровтман перешел через речку Оржица и поспешил скрыться в густых зарослях конопли. И только собрался отдохнуть и просушить одежду, как увидел, что через поле густой цепью шли гитлеровцы, вылавливая уцелевших бойцов. Не избежал плена и Семен. Его и почти двести других красноармейцев погнали в деревню Онишки и поместили в зале колхозного клуба.

Вспоминает **Максимова Вера Васильевна, военфельдшер**, их послали по частям, и она попала в артдивизион. Тогда медработников в различные части направляли, их было очень много. И вот пошло-поехало, только она прибыла в часть, их выдвинули к передовой, немец как начал бомбить и штурмовать наши позиции, они все оттуда, как говорится, без оглядки бежали. Вскоре они попали в окружение под г. Оржица Полтавской области, выходили из него 10 дней. Что уж скрывать, немец настолько жал со своей техникой тогда, что им было очень далеко до немецкого уровня. При выходе из окружения попала она в группу из 12 человек: 2 командиры, один сержант, остальные рядовые, командовал ими ст. лейтенант Ульянов.

Шли по компасу, перебирались через овраги, форсировали реки Сула и Псел. Представьте, лодок никаких нет, у бойцов были плащ-палатки, они их наполняли соломой, по несколько человек садились и переплывали, и вот если Сула еще спокойная река, то Псел сумасшедшая, не переправишься через нее и все. Здесь пришлось так сделать: мостик

был какой-то, по нему шла машина, и они под этой машиной зацепились и переехали, и сразу за ними шаткий мостик обвалился. А дальше было самое страшное, ведь передовая – это когда и немцы по тебе стреляют, и наши бьют, и вот надо было здесь пробраться.

В итоге вышли из окружения под Ахтыркой в Харьковской области, их встретили, а они все были в крови и грязи. Из 12 человек их осталось только семь, других или так тяжело ранило, что нельзя ничего сделать, или убило. Из одежды на них что попало было, у кого лапти, у кого немецкие шинели, но встретили их нормально, к особисту не повели, а сразу направили по разным частям, кого в комсостав, кого в медсостав.

Чуйков Иван Васильевич родился в 1914 году в с. Зеркло, Шарликского района, Чкаловской области. Воевал в составе 275 сп 117-й сд, который попал в окружение в городке Оржица Полтавской области. В немецком плену находился с 20 сентября 1941 года. Затем был отправлен в Германию.

Капитан Е. Пискунов вспоминает, что, на их счастье, все обошлось благополучно. К вечеру они обсушились и с наступлением темноты начали собираться в дорогу. Когда они спустились с чердака в сени и зашли в дом, то изрядно своим неожиданным появлением перепугали хозяев дома. Они разделяли их испуг. Если бы немцы обнаружили их, то естественно хозяевам было бы несдобровать. Они бы-

ли бы уничтожены. Они еще больше удивились, узнав, что бойцы всю ночь и день находились у них на чердаке. Постепенно страх их пропал. Они убедились, что это действительно советские бойцы и командиры, а не какие-то переодетые в обмундирование Красной армии провокаторы. Немцы и их холоуи, такую мерзость использовали. Подсылали переодетых в красноармейскую форму провокаторов, чтобы определить лояльность местных жителей к Красной армии.

Разговор у них пошел душевный. Они их на дорогу накормили, чем могли, и даже дали с собой из своего скудного пайка хлеба и сала. После чего они двинулись в путь дальше в общем направлении на Харьков.

На своем пути встречали отдельные группы командиров и солдат, которые выходили из окружения. Одни из них были в форме, другие переодетые в гражданскую одежду. Переодетым в гражданскую одежду пробираться было легче. Они могли двигаться даже днем. Полевые войска немцев, упоенные временными успехами, в первое время не обращали внимания на движение отдельных гражданских лиц и групп. Пискунов со своей группой решили не прибегать к такой маскировке, двигались в форме и с оружием, в основном в ночное время.

К северу от города Полтавы, когда они днем двигались перелесками, встретили группу гражданских лиц из четырех человек, троих мужчин и одну женщину. Вид у них был довольно жалкий, потрепанная одежда, как правило, из домо-

тканого материала, а обувь была еще хуже. У одного из них, который оказался старше всех, на ногах были одни галоши не первой свежести, подвязанные веревками. Они достаточно сильно их испугались, приняв за переодетых в красноармейскую форму немцев. Они, как указывает Пискунов, одетые были во все военное и имели оружие. Сели на обочине дороги и повели разговор, кто они и куда идут.

Ответ был довольно странным. «Идем, мол, из работ, на которые были мобилизованы для рытья окопов». Откровенного разговора все не получалось. Один из них, который был в одних галошах, выразил вслух мысль о том, что придет домой и в первую очередь закурит сигарету и выпьет 100 граммов водки. Ребята достали сигареты и угостили их, одновременно предложили им и выпить.

Они еще больше насторожились, откуда, мол, у них оказались сигареты, спирт и другие продукты. Чтобы развеять сомнения, что мы не те, за кого они нас принимают, предложили им пройти через населенный пункт, который был недалеко, и дать сигнал нам с окраины этого населенного пункта об отсутствии немцев.

Правда, надежды на этот сигнал был мало. Но мы ошиблись, они выполнили наше условие. Группа огородами вышла на окраину села, зашли в дом, в котором оказался один старик. Попросили у него дать что-нибудь закусить.

Дед достал огурцов и немного квашеной капусты и с неохотой процедил: «Больше ничего нет». У них сложи-

лось мнение, что дед про себя, очевидно, думал: «Много вас тут шляется». Спасибо старику и за то, что дал – достали спирт, налили каждому по половине стакана и предложили выпить. После выпивки разговор пошел веселее. Они предъявили свои удостоверения личности и спросили встречных спутников: «Кто вы такие?» Дед наш настолько подобрел, что даже дал на дорогу сала, а есть выставил все, что было в печи.

Наиболее пожилой человек, у которого ноги были обуты в подвязанные галоши, встал и представился: «Командир 116-й сд, подполковник Виктор Буянов». Представились и другие. Один был начальником районного отдела милиции, второй – старшина, а женщина оказалась секретарем районного Совета депутатов трудящихся.

В дальнейшем они следовали вместе с группой Пискунова, пока не вышли из окружения. Недалеко от г. Полтавы форсировали реку Ворсклу и взяли направление на Харьков. Переправляться им пришлось через несколько рек, а именно, через реки Оржица, Псел, Хорол и Ворскла.

...Командиров из их дивизии вышло из окружения более 150 человек.

Буянов вышел из окружения фактически единолично, где же он «потерял» тысячи своих солдат?

Как вспоминал бывший начальник штаба 117-й сд капитан **Обушенко Иван Федотович** – он вышел из окружения, даже вынес с собой дивизийную печать 117-й сд. Эта

печать очень и очень пригодилась. Во-первых, многим товарищам, которых он знал, особенно политработникам, выдал временные удостоверения.

Когда он вышел, конечно, не один, с ним были офицеры, то их поодиночке пропускала комиссия, в составе комиссии, как он помнит, был Серов. Обушенко показал и положил на стол им печать, а они сказали, взять с собой, она Вам еще пригодится. Так оно и было...

...У него даже была карта топографическая и дивизионная гербовая печать 117 сд. Он понимал, что товарищу бригадному комиссару Архангельскому, Данилову и другим товарищам было нелегко, а вообще всем, всем было тяжело...

Василий Степанович Михин, о дальнейших злоключениях его группы – рано утром из этого села пошли лесом. К полудню им стало видно, что это село горит. Видимо, немцы узнали о том, что случилось, и в отместку сожгли его.

Примерно в 16:00 разведка донесла ему, что немцы их преследуют. Минут через двадцать они уже были полностью окружены. Михин приказал окопаться и держать оборону. Подсчитали потери: одного взяли в плен, двое погибли, восемь человек были ранены.

Немцы в лес не пошли, они, видимо, боялись. Но лес ужасно простреливался из минометов и автоматов, изредка (немцы) бросали гранаты. Михина называли по фамилии, предлагали сдаться, сложить оружие. Обещали спасти жизнь и создать хорошие условия. Он на это отвечал выстрелами.

Картина была непривлекательная. К вечеру, то есть до часов 17—18, он решил прорываться из этого окружения, потому что другого выхода не было. Они с боем бросились из леса в кукурузу. Здесь они почти были пойманы.

Михин приказал спасаться, кто как может. Сбор с северной стороны опушки, от них в шести-семи километрах. Таким образом, они разошлись на мелкие группы. Немцы стали прочесывать кукурузу, пшеницу и копны, поэтому они уже прекратили сопротивление. И вот ужасный случай. Михина, наверное, заметили, что он мелькнул в стоге. Кто-то проколол штыком через копну. Ему немного задело голову. Он не успел опомниться, как около стога остановился мотоцикл, видимо, у него что-то сломалось, и он слышал, как гремят ключами. Копался он (немец) минут 10—15, потом подошел к нему и сел как раз на его ногу.

Слышит: закурил. Затем встал и начал кричать «Ком-мир». Михин сразу понял, что эта сволочь почувствовала его ногу и зовет помощь, чтобы его забрать. Михин приготовил пистолет и решил последнюю пулю оставить для себя, но в руки этим заклятым врагам не даваться. Прокопал дверцы, наблюдает, едет автомашина с группой автоматчиков. Подъехали, он (немец) в чем-то нашел общий язык с ними, погрузили мотоцикл и поехали. Вот уж тут Михин вздохнул. Мгновенно мелькнула мысль: значит, он будет жить, а жить так хочется.

Наступила темнота. Михин вылез из копны, пошел

к опушке, куда приказывал всем собраться. Когда он пришел и увидел большинство своих людей, то невольно заплакал. Друзья его также плакали и вместе с тем радовались, что они снова вместе. В этот день у них убили еще два человека и шесть человек ранили. Ночью он сделал сбор и пришел к выводу, что днем им дальше идти невозможно. Надо пробиваться только ночью, а днем на рассвете останавливаться в удобных местах, прятаться до следующей ночи. Роты он ликвидировал, потому что людей значительно стало меньше.

25.9.41. Ночью форсировали реку. Хорошо ели. Спокойно. День отдохали. Настроение у людей поднялся. Днем прятались в лесу, недалеко от села, на глазах у немцев. Ужасная картина: очень много наших пленных. Немцы целыми колоннами, людей по сто – сто пятьдесят гнали их неизвестно куда.

26.9.41. Форсировали реку. Недалеко от села был птицеводческий совхоз. По словам председателя, там было до четырех тысяч кур и, якобы, они еще цели. Их охраняли и кормили три – четыре бабушки и один дед.

Михин взял коня, мешки и трех автоматчиков. От села было 3—4 км. Вышел дедушка. Они ему сказали, что их сюда направил председатель колхоза. Он не возражал: «Берите, сколько вам надо, все равно немцы ежедневно берут». Они, недолго думая, вооружились палками и принялись за работу. И вот уже к концу их добычи, смотрят, а с другой стороны немцы тоже ловят кур. Михин подал команду: расстре-

лять немцев. Одного он убил сам, а второго младший **техник-лейтенант Бондарь**. Таким образом, у них было двойное достижение, и плюс к тому два мотоцикла. На одном он уехал, второй сожгли. В колхозе Михин и его бросил, потому что им было невозможно по дорогам ехать. Куры были зажарены и сварены. Ребята были очень довольны, что такой был удачный улов.

Из воспоминаний **Н. Панченко (Талочка)** – на одном из островов в Оржицком болоте, собралось человек сто – сто двадцать окруженцев, некоторые в одном белье и даже были совсем голые. Оружие – двенадцать винтовок, два автомата. Команду принял старший по званию пожилой майор.

Майор провел реорганизацию: назначил замполита, начальника особого отдела, продовольствия и другие хозяйственные службы. Личный состав разбил на две роты, а их – на отделения. Назначил командиров рот и отделений. Для придания бодрости заверил: «Кто будет отступать, буду расстреливать». Это он преувеличивал, патронов было очень мало и для боя, не только для расстрела.

Возможно, это была группа инженер-майора батальона аэродромного обслуживания Василия Степановича Михина. Очень похожи воспоминания, кроме того, не случайно, что у Талочки появился кожаный, с мехом внутри шлем, пожалуй, летный.

Михин закончил войну в Праге. Но до этого еще нужно было дожить.

Майор был деятельным, назначил людей вести постоянную разведку. Командирам рот приказал переписать всех по фамилиям. Сам взял разведку, пошел с ними, чтобы выбрать место для прорыва. Остров непрерывно обстреливали. Они просидели там двое суток. На небольшом военном совете решили идти на прорыв, вопрос о сдаче в плен даже не поднимался. Хотя такой вероятности никто не отметал. Даже не потому, что майор обещал расстрелять трусов несуществующими патронами. Кто не мог бороться, уже сдались, здесь на острове собрались те, кто надеялся пробиться к своим, и среди них Талочка.

По ночам стало холодно, но днем светило солнце – «бабье лето». Еды практически не было, ели грибы и верхушки елок, огонь не разжигали, опасаясь себя проявить, воды было более чем много. Лейтенант, как мог, помогал Талочке: разделил пополам совсем маленький кусочек шоколада, который завалялся в кармане. Днем спали под звуки прекращающегося жидкого минометного обстрела. Падающая с неба минометная мина так жутко воеет, что Талочке казалось, что вот-вот в следующую секунду мина попадет ей прямо в голову. К этому было трудно привыкнуть, как и к близкому разрыву снаряда, от которого Талочка вздрагивала всем телом. Закопали в общей яме документы, партийные билеты, поскольку все были уверены, что коммунистов и комсомольцев немцы расстреливают на месте. Талочка положила в яму и свой комсомольский билет.

Майор построил весь личный состав и объявил: «Мы окружены незначительной частью немецких войск, а потому нам нужно немедленно прорвать кольцо и уйти из этого острова. Во-первых, мы с голоду здесь умрем. Во-вторых, нас всех могут перебить. Задача такая. Поскольку оружия нет, надо морально воздействовать на немцев. Поэтому приказываю всему личному составу кричать, сколько сил: „Ура!“ Я пойду впереди, первая и вторая рота левым и правым флангом за мной. От меня не отрываться. Следить за моим направлением. Кто струсит, приказываю расстреливать». Это он снова для большей бодрости сказал.

Ночью отправились из болота. Уже в утренних сумерках вышли на твердую землю. Казалось, что немцев нет, и им сначала повезло. Но лес кончился, надо было пересечь луг к следующему лесу. Первые солдаты, вышедшие на открытое место, упали, с фланга стрелял пулемет. Майор крикнул: «Вперед!» И первым побежал, как и обещал, к близкому, казалось, лесу. За ним бросились с беспорядочным – «Ура!» и все остальные. Пулемет работал без остановок. До спасительного леса добралось на удивление много, с ними были лейтенант и Талочка. Четверых убило и восемь было ранено, в том числе легко ранен в ногу и майор. Прорвались. Немцы начали преследовать группу майора.

Передвигаться целой сотней невооруженных людей было сложно, и постепенно группа разбилась на более мелкие части. Через несколько дней блужданий по окрестно-

стям в группе под командой лейтенанта осталось трое солдат и больная Талочка. Она чуть брела, как во сне. Поднялась высокая температура, и она уже не могла идти самостоятельно, ее по очереди поддерживали солдаты.

Они прошли через деревушку Мацковцы уже недалеко от Лубен. **Отсюда была послана последняя радиограмма от окруженной группы 26-й А, принятая в 8 ч. 11 мин. 24 сентября по радио в Москве.**

Василий Панченко, вспоминает, что поступил приказ: всем на оборону Оржицы. Кроме шоферов. Он повез комзвода в райцентр. Начальник штаба сжигал документы. Сказал: «Как угодно отступать, продвигаться к городу Лубны, там наши». Пошли ночью через море огня. Ночи были темные, хоть глаз коли. их в группе подобралось четыре солдата, проползали по десять километров за ночь.

Утром нашли ров, скатились в него, надо было отдохнуть, сил нисколько не осталось. С собой был спирт, выпили, чтобы голод преодолеть и холод. Вдруг слышат страшный шум, гам на расстоянии. Выглянул один из них, вскрикнул: «Там автоматчики немецкие» Подошли те к нашему рву, один немец показывает автоматом вверх: вставляйте! В Панченко забрали наган, у ребят винтовки. Тогда еще винтовки у наших были. Трехлинейки. Отправили их в тыл.

Командир рембригады 18 тп 32 кд Романов – прожили мы на этом острове неделю или чуть больше. Потом узнали, что здесь много кур (птицеферма). На птицеферме был старик,

он просил не разорять ничего, иначе немцы его расстреляют.

Каждый из нас взял по жирной курице, и в немецких касках их сварили. С голоду весь жир и мясо съели без соли и хлеба, а завтра чуть Богу душу не отдали. Резкая боль в животе, понос и т. д.

Через несколько дней ночью солдаты проложили дорогу через воду из стогов ржи и сена, и многие перебрались на другой берег промокшими, так как проваливались в дороге. Перейдя на другой берег, обрадовались, что оказались на твердой земле: иди куда хочешь. Однако немцы засекли эти костры и утром рано всех забрали в плен.

Они с ребятами не пошли переходить на твердый берег. Тем самым, возможно, уберегли себя. Не помнит, на какие сутки немцы покинули село Нарышкино, и они свободно пошли по дороге мимо села.

Были рады просторам Русской Земли. Услышав артиллерийскую канонаду, обрадовались, что это наш фронт. А оказалось, что это немцы добивают наших воинов, окруженных в Диканьском лесу. Дальнейший путь был выбран другой. Он долго думал, возвращаться к жене в занятое нацистами Синельниково, или она уже оттуда уехала. Он (туда) не пошел. Далее путь лежал свободный, но только в своей армии, своей части.

После выхода из окружения и возвращения в свою часть почувствовал слабость, учащенный стул, питался чем попало – травами, не горькими листьями, рябиной, зернами пше-

ницы, подсолнечника и т. п. Старались за едой чаще заходить в селения, где нет немцев.

Через 36 дней вышел к деревне Алексеевка на берег реки, наши были на противоположном им берегу. Переплыли на бревнах к своим. Командир стрелковой дивизии предложил ему остаться в дивизии командиром автомобильной роты. Он сказал, что танкист и хотел бы в свою часть, 32кд. Спросил: «Может быть, Вы знаете, где она сосредоточилась после выхода из окружения, как я слышал, что она флаг вынесла, поэтому ее НЕ расформируют». И он тут же его обрадовал, сказав, что она пополняется в Подгорном. Отправил его, пожелав успеха. Потом нашел свою часть в Подгорном. И на этом закончились его мучения. Но живот болел. Он начал лечиться в части и затем после войны – в санаториях.

Уроженец села Степанищева (Первомайского района) **М. В. Романов** – командир огневого взвода в сентябре 1941 года, в городке Оржица попал в окружение. Солдаты-артиллеристы делали отчаянные попытки вырваться из вражеского кольца, которое непрерывно сжималось, но после прямого попадания немецкого снаряда в последнюю пушку сопротивление было подавлено.

Чудом уцелев после артобстрела, и получив контузию Михаил Романов оказался в фашистском плену. Начались долгие годы скитаний по лагерям.

196 сд продолжает выход из окружения.

Переночевало командование 196-й сд в районе Грабов-

ки, в домах. Личный состав также провел ночь под крышей, в тепле. Партизаны в соседних селах и на подступах к Грабовке выставили посты, чтобы в случае появления фашистов немедленно поднять тревогу. Усиленная охрана были выставлена и дивизией. На рассвете пришел проводник из села Худолиевки, куда планировалось идти. Это был мрачный на вид, неразговорчивый человек, который провел дивизию в свое село кратчайшим путем, а в ней солдаты отсиделись до ночи. В.Т.Шатилов и И. И. Самсоненко в доме, где они остановились, на русской печи увидели больного человека, который тихо стонал, впадал в полузабытье и что-то бормотал. Хозяин рассказал, что это сбитый немцами советский летчик. Он подобрал его в поле. Летчик был очень слаб, пожалуй, потерял много крови, и пульс его едва прослушивался. Шатилов вызвал врача из медсанбата, который осмотрел летчика, перевязал его раны, (он был ранен в обе ноги), оставил хозяевам бинтов, йода, белого стрептоцида и еще каких-то препаратов, проинструктировал хозяев, как ими пользоваться. Медикаментов было немного, но нельзя же было раненого летчика оставлять без помощи! Когда стемнело и собрались уходить, летчик позвал Шатилова к себе. Он говорил с трудом, но тот понял, что ему нужно. На клочке бумаги Шатилов набросал ему схему кратчайшего и безопасного пути к линии фронта – именно это он и просил. В теле раненого человека едва теплилась жизнь, а она уже думала о том, как выйти к своим войскам, и снова поднять-

ся в небо! На каждом шагу встречались мужество и отвага соотечественников. Война превратила героизм в норму, он стал общим, всенародным.

Опять дивизию передали в руки партизанского проводника, на этот раз молодого и веселого парня. На землю лег холодный густой туман, но проводник уверенно вел по маршруту, который проходил через родную деревню парня – Химковцы. От села и до села шли всю ночь и почти весь день, с помощью партизан, с помощью местного населения обходя опасные места. Неподалеку от Химковцев проходит шоссе из Лубен на Хорол. Когда дивизия подошла к ней, она была забита большой колонной вражеских войск. Туман был такой густой, что легко можно было нос к носу столкнуться с фашистами. Но разведчики во главе с младшим лейтенантом Воробьевым вовремя обнаружили противника, и подразделения дивизии залегли и выжидали время, когда шоссе будет свободным.

Более 30 километров шли без привала. Люди выбились из сил, командование решило дать им отдых. И здесь, в селе Григорьевка, произошла встреча с человеком, образ которого возникает живым и зримым через прошлые десятилетия. Этот человек – сельский учитель. У него в доме остановились на привал. Сначала учитель встретил (их) настороженно и недоверчиво. Но, убедившись в том, что это свои принес откуда то карту Полтавской области, на которой четко и точно была нанесена обстановка: дислокация немецких

войск, их гарнизонов, дороги, по которым фашисты маневрируют. Это был настоящий и неожиданный подарок, и командиры перенесли исключительно ценные данные, собранные учителем, на свою карту. Они словно осветили их дальнейший путь. Учитель рассказал о содержании беседы трех немецких полковников, свидетелем которой был. Фашисты, остановившись у него в доме, откровенно говорили о фронтовых делах, считая, что хозяин не знает немецкого языка. А учитель знал его, и потому, очевидно, он и застрял на территории, занятой фашистами.

По словам учителя, немцы очень встревожены тем, что фронт невероятно растянулся, что русские бьются устойчиво и упорно, что, несмотря на заверения командования вермахта об уничтожении основных сил Красной Армии, они сталкиваются с хорошо обученными и хорошо вооруженными новыми советскими дивизиями. Так, новый оборонительный рубеж фашисты встретили на реке Псел и не смогли с ходу его преодолеть. Война, по мнению полковников, принимает затяжной характер, а такая война Германию не устраивает.

Пугает немцев и партизанское движение, которое с каждым днем ширится. Партизаны нарушают коммуникации, нормальное снабжение войск и делают жизнь оккупационной власти неудобной и опасной. Рассказ учителя порадовал. Раз гитлеровцы заговорили подобным образом, значит, дела у них далеко не такие блестящие, как они пытаются представить их в своих листовках. Решили, что старший

политрук Качалов расскажет в подразделениях о том, что сообщил учитель. После войны Шатилову удалось установить фамилию и имя учителя-патриота. Это был **Пушкаренко Павел Афанасьевич**. После освобождения полтавской земли от фашистских оккупантов, выполнив поручение подпольного обкома партии, коммунист Пушкаренко вступил в Красную Армию, хотя из-за болезни был освобожден от военной службы. Он отважно боролся с врагом и погиб в 1944 году в боях под Львовом. Обо всем этом Шатилову написала жена учителя – Анна Федоровна. Послала она и довоенную фотографию мужа. Из нее смотрит интеллигентный молодой человек, застенчивый и добрый. У него было сердце солдата, мужественное и отважное.

Дни и ночи слились воедино, тянулись однообразной чередой, похожи друг на друга. Ночи дивизия проводила в дороге, днем же, когда не было тумана, солдаты отсиживались в лесах и балках, в рощах и перелесках, пытались слиться с красками осенней земли.

В одну из ночей прошли через вымерший, без единого огонька Хорол. В городе были немцы, но они, видимо, не ожидали, что у русских хватит смелости попробовать пройти у них под носом, и упустили подразделение. На их (Шатилова и его солдат) счастье, ночь была темная и ветренная. К тому же дивизия шла осторожно, соблюдая все правила маскировки. Разведчики ловко, без шума сняли часовых, охранявших мост через реку Хорол. Удалась эта опе-

рация, прежде всего, благодаря **капитану Паулю Кербергу**. Эстонец по национальности, Керберг в совершенстве владел немецким языком. Он рос в окружении детей прибалтийских немцев, и, по сути дела, немецкий был его вторым родным языком. Его он изучал в школе, затем совершенствовал в военном училище. Пауль в оригинале читал Гете и Шиллера, Маркса и Энгельса. И внешне он очень похож на немца: светловолосый, голубоглазый – истинный ариец. Зная это, командование часто использовало его и как переводчика, и как руководителя разведывательных групп в особо важных случаях.

Когда Шатилову доложили о том, что пройти мост в Хороле нельзя, а он усиленно охраняется, он сразу же вызвал Керберга. Задачу тот понял с полуслова. Надо заметить, что капитан знал караульную службу гитлеровцев и действовал в соответствии с их уставом. Быстро была извлечена из чемодана трофейная офицерская шинель, фуражку, ремни, и Керберг облачился в них, став настоящим часовым начальником. Вместе с четырьмя разведчиками, также одетыми в немецкую форму, он направился к мосту. В подобных случаях для успеха операции нужна тщательная подготовка: желательно путем наблюдения установить время смены часовых, потому что неурочная смена часовых может настроить фашистов и все пойдет прахом. В идеале нужно было бы узнать и пароль. Но на такую тщательную подготовку у нас времени не было. Керберг строил расчет на тем-

ную ночь и кажущуюся строгость: он прекрасно играл роль разгневанного фашистского начальника, который приводит в трепет солдатские души. Все произошло так, как было задумано. На вопрос часового: «Пропуск?» Керберг начал грубо ругаться, вроде того, мол, почему этот каналья часовой не узнает своего начальника, мол, оглох или ослеп он, что ли. Пока растерянный солдат выслушивал брань офицера, разведчики, которые сопровождали Керберга, подошли сзади и без шума прикончили немца. Примерно так же развивались события и на другом конце моста, где стоял второй часовой. Путь через реку был открыт.

На одиннадцатые сутки дивизия вышла к реке Псел. В то утро над их головами в течение часа с воем проносились снаряды. Это была артиллерийская дуэль, что свидетельствовало о том, что они подошли к линии фронта. И Шатилов, и Качанов, и Самсоненко очень боялись, как бы не ошибиться, как бы желаемое не принять за действительное. Кончилась артиллерийская канонада, и воцарилась тишина. Все сидели на берегу Псла и думали, что делать дальше. К счастью, появился старик с уздечкой, от него и узнали, что Красная Армия рядом. Услышанная новость, что дивизия наконец-то вышла к своим, что все проблемы остались позади и живы, несмотря на то, что все эти одиннадцать дней смерть шла по пятам, наполнила сердце радостью.

Кто-то плакал от счастья, кто-то целовал землю, кто-то пошел в пляс. А **Аня Величко, медсестра**, прикоманди-

рованная медицинской частью дивизии в наш штаб, от радости плакала и смеялась одновременно. И сердца начальства были наполнены чувством восхищения и благодарности к Ане, к ее подругам, в дивизии были десятки женщин, – медсестры и врачи, писаря и машинистки. Война – кровавый и невероятно тяжелый труд. Даже мужчинам, людям, которых жизнь мяла и трепала, жилистым, живучим, выносливым, и то время от времени было не под силу. А здесь нежные девушки и женщины, которых бы лелеять и оберегать от любых невзгод. Жизнь бросила их в самое пекло. Казалось, не выстоят. Но женщинам в боевой обстановке хватало мужества, которое считалось привилегией мужчин, не менее чем им. Война была безжалостна и к женщинам. Погибло много из них, даже такие, как Вера Керженевская. А вот Аня Величко выжила в этом аду.

Запомнился Шатилову в ту минуту и раненый капитан с другого подразделения, в Оржице упросивший зачислить его в дивизию. Услышав, что вышли к своим, он упал и не мог подняться. Около 150 километров прошагал он в целом после ранения, мобилизовав все свои силы, и вот когда цель, к которой он так страстно стремился, достигнута, эти силы, которые были на исходе, покинули его. Бойцы бережно положили капитана на самодельные носилки и донесли до берега, чтобы переправить через реку. У Шатилова тоже начали отказывать ноги, он шел последние метры с большим трудом: ступни и пальцы за время скитаний по тылам врага

покрылись гнойными волдырями. Но он, не думая о боли, обнял своего верного боевого друга полковника Самсоненко: – Кажется, вышли, дорогой Иосиф Иосифович! – Вышли, Василий Митрофанович!

Через реку Псел был проложен деревянный мост, но настил его был разобран, и, чтобы перебраться на противоположный берег, нужно уложить доски. Разведчик лейтенант Ватин подошел к берегу и на всю силу легких крикнул:

– Эй, товарищи, там на берегу! Дайте лодку!

В тот же миг из-за бруствера окопчика появилась голова красноармейца в каске. До этой минуты красноармеец, очевидно, из укрытия наблюдал за ними, видел взрывы их радости и понял, что перед ним люди, только что вышедшие из вражеского кольца. Он не первый раз встречал выходящие из окружения подразделения, поэтому не спешил, знал, что и как делать. Увидев красноармейца, Ватин повторил:

– Товарищ, лодку организуй, свои, не видишь, что ли!

– Сейчас будет лодка – не очень громко ответил красноармеец, но они услышали его.

Через несколько минут у окопчика появился командир, начальник красноармейца. В бинокль Шатилов хорошо разглядел шпалу в петлицах его гимнастерки. Капитан, вместе с двумя красноармейцами, подошел к срезу воды, они столкнули с берега лодку, и через минуту она направилась к нашему берегу. Выйдя из лодки, капитан опытным глазом отыскал среди них старшего по званию полковника Самсоненко

и, подойдя к нему, представился:

«Капитан Ермаков! Откуда и кто вы?»

– Полковник Самсоненко, начальник артиллерии 196-й стрелковой дивизии, ответил Иосиф Иосифович и, показывая на меня, добавил:

– командир дивизии майор Шатилов, по всем вопросам прошу обращаться к нему.

Шатилов достал из кармана гимнастерки удостоверение личности и протянул его капитану. Заметив на лице удивление, доложил:

– Генерал Куликов, командир дивизии, пропал без вести. Капитан Ермаков внимательно просмотрел удостоверение, просто и приветливо сказал:

– Мы вас ждали! Поздравляю с благополучным выходом из окружения! Шатилов уже тогда подумал, что об их приближении Ермакову известно от генерала Лопатина. И не ошибся. Он вышел из кольца раньше и предупредил, что со дня на день должна пробиться и 196-я сд. Все крепко жали руку Ермакову. Бойцы, которые окружили их, ловившие каждое слово беседы, окончательно убедились, что вражеское кольцо прорвано и дивизия соединилась с Красной Армией. Пришел конец скитаниям по вражескому тылу! Не было предела их радости и восторга. Они подхватили Шатилова, Качалова, Самсоненко на руки и начали качать. Шатилов летал то вверх, то вниз, и теплая волна благодарности наполняла сердце. Шатилов понимал, что этот жест под-

чиненных – благодарность своим командирам, которые сумели вывести их из вражеского окружения.

Однако главный сюрприз был впереди, виновником его оказался **капитан Иван Иванович Лявдонский**. В. М. Шатилов характеризует этого человека самыми добрыми словами, он был из тех людей, которые и в огне не горят, и в воде не тонут, находят выход из любого, самого безвыходного положения.

В мирное время Лявдонский ничем особо не выделялся. Работал добросовестно в своем пятом отделении штаба, командование претензий в отделению не имело. Но вот началась война, и он как бы заново родился в глазах окружающих, его способности широко раскрылись. Командование дивизии направило Лявдонского на помощь тыловым службам. Обязанности ему определили достаточно многогранные: помогать тыловикам, в походных условиях кормить, обувать, одевать личный состав, организовывать боепитание, медицинскую службу, подсказывать тыловикам, где и когда делают части маневр, занимают новые рубежи, и т. д..

С этой обязанностью Лявдонский отлично справлялся, и штаб соединения не желал другого такого энергичного помощника.

Когда стало ясно, что дивизия попала в окружение, В. М. Шатилов вызвал в штаб Лявдонского и спросил его мнение: как он считает, лучше выводить машины в общей колонне или попытаться вывести автотранспорт самостоя-

тельно? Капитан предложил вывести колонну самостоятельно.

Очевидно, это было единственно правильное решение. В обстановке, когда не ясно, где противник, каким маршрутом надо идти, когда придется принять бой, автоколонна может быть только ненужным бременем. В таких условиях легче пробираться в пешем порядке, не быть привязанными к дорогам. К тому же автомашины – не иголка, фашистские летчики обнаружат их без особых усилий и нацелят на них свои моторизованные подразделения. Так примерно рассуждали в штабе 196-й сд, так, конечно, думал и Лявдонский.

Капитан блестяще справился с поставленной задачей. Он вывел автомашины из вражеского кольца в полной исправности. В дороге он организовал отличную разведку, которая точно устанавливала, где немцы, куда идут, где свободная дорога, и только после этого колонна пускалась в путь. Неизвестным командованием образом Лявдонский узнал о выходе 196-й сд из вражеского окружения и встретил ее. Это было настоящим чудом, но это чудо сделали капитан Иван Иванович Лявдонский и его подчиненные.

Выводил он автомашины из немецкого тыла не порожняком, а загрузив их тюками с теплым бельем, шерстяными носками, перчатками, валенками, шапками-ушанками.

И вот теперь Лявдонский ходил перед строем и собственноручно выдавал красноармейцам и сержантам по паре белья, шапки и варежки, шерстяные носки. В остывшем воз-

духе уже чувствовалось приближение зимы, и такой подарок был очень кстати.

Лявдонский Иван Иванович, Украинская ССР, Днепропетровская обл., Юрьевский р-н, Днепропетровск, ул.2-я Чечеловка, дом.50, кв 2., жена -Садовничая Валентина (Лявдонская Валентина). Он позже погибнет в Германии, похоронен в Нюрнберге, южное кладбище мемориала.

Вспоминает бывший командир 9-й роты 275 сп **младший лейтенант Леженин Федор Иванович**, что когда он проснулся, стало светать. Кобыла никуда не ушла, стояла у его головы. Ему так было жалко, что она так же обеспокоена чем то, чувствовала что-то плохое. Он увидел, что она даже несколько и не ела, надел на нее уздечку, сел и поехали, а двое шли пешком.

Когда ехал по полю, то было видно, со всех сторон шли люди: по одному, по два человека, а то и группой – все шли в одно место, к реке Сула. На берегу было село, и они пришли туда, а там уже столько было людей, но своих он никого не встретил. Люди ходили, болтались, не находили, чем заняться. Есть было нечего, он зашел в один дом, там была женщина, отдал ей два одеяла, белье, что были в вещмешке, она дала ему вяленой сливы. К нему было, прибился средний командир, то ли медик, то ли интендант, он с ним не стал связываться, подумал, что не воин.

Вышел из села, на окраине лег на траву, достал карту, стал рассматривать, куда идти. А путей было два: либо на Харьков

или на Ахтырку. К нему подошел старший лейтенант артиллерист, у него ничего не было. Шел он руки в карманы, но он ему понравился, в нем он увидел что-то военное. Его заинтересовало, что у Леженина карта, пистолет, бинокль и т. д.

Стали они рассматривать карту, подходит еще один раненый летчик, то ли в левое, то в правое плечо, но был на ногах, у него тоже ничего не было, кроме банки сгущенного молока. Стали втроем рассматривать карту и принимать решение, куда двигаться. И решили они двигаться на Ахтырку, потому что Харьков был под вопросом: взят или не взят немцами, а подсказал им местный житель, как лучше идти на Ахтырку, где меньше преград на пути.

Им нужно было преодолеть две реки: Сулу и Удай. Пока разговаривали, к ним подошла группа пограничников с автоматами и в форме. Они попросились: «Товарищи командиры, мы с вами». Они отказать им не имели права.

Мужик из местного села перевез их на лодке через Сулу. Их уже собралось человек 30, и они пошли городами поселком. Впереди препятствие, река Удай. Они поздно вечером достигли реки и пытались ее форсировать, только стали переплывать, как их обстреляли, они открыли ответный огонь, их еще больше стали обстреливать. Вернулись назад, понесли потери, людей 5—7, стали двигаться в других направлениях, везде обстреливают. Сильно мешал раненый летчик, он очень просил, чтобы его не бросали, так они и сами не могли этого сделать...

Выстоял и **Мухангали Турмагамбетов**, и когда выходил из окружения на Полтавщине («немцы загнали нас в оржицкие болота, четыре дня сидели по пояс в воде, крошки во рту не было»), и когда был ранен и не мог идти (« ребята несли меня на руках»).

Вспоминает бывшая медсестра санитарного взвода 173-го мсб **Марасанова Анна Ивановна**, что утром повели их в лес. Шли они по болоту, по кочкам и был такой высокий камыш, не было видно головы. Затем отсиживались в лесу...

Перейдя на восточный берег реки Оржица, группы воинов 117-й сд из состава 173-го мсб и 121-го автобатата начали свой трудный путь к линии фронта.

Вспоминает бывший начальник 5 отделения штаба 117 сд **майор Долгошеев Афанасий Яковлевич** – дальше он повел в основном военнотружущих автобата и медсанбата. Перейдя реку, они несколько дней шли мокрыми, так как переходили полностью обмундированных и почти все разутыми...

Иваненко А. А. сначала выходил с ним, потом отстал. Его немногочисленная группа, хотя иногда было человек 70—75, ежедневно стихийно пополнялась военнотружущими из других частей и подразделений и так же ежедневно уходили (от группы) по неизвестным ему причинам (питаться было нечем, куда идти дальше ни он, ни кто другой не знали)...

Из воспоминаний **танкиста С. П. Мятишкина**: «Отступая, мы вели бои как пехота. В одном из таких боев меня

ранило в ногу.

Меня посадили в грузовую машину, которая довезла до села Оржица. Там мне сделали операцию. В Оржице скопилось большое количество военных и гражданских лиц, штабных командиров и раненых. И вся эта масса попала в окружение...

Те, кто прорвались из железной кольца, в том числе и я, сутки шли по болотам, добрались до села Большое Селецкое. Здесь тоже было много военного и гражданского люда. Мы с группой товарищей зашли в дом местного жителя Степаненко Ивана Даниловича. Из-за тесноты спали сидя. Раненая нога моя совсем отказывалась служить.

Утром в село ворвались гитлеровцы на танках. Многих наших взяли в плен, так как люди были почти безоружны и обессиленные. Я же, находясь в возбужденном состоянии, решил умереть на родной земле, но в плен не сдаваться. Сам не осознавая последствий своей просьбы, попросил хозяина дома Степаненко И. Д. закопать меня в огороде. Он повел меня в огород и раздвинув листья тыквы, указал на горловину ямы, в которую я и влез, взяв с собой винтовку с тремя патронами. Пролежал там двое суток.

Фашистов в селе уже не было, и я снова направился на восток. Шел по ночам. Оврагами и лесами добрался до села Тырнов Лохвицкого района. Раненая нога моя сильно распухла, стала плохо пахнуть. Но в этом селе оказался попавший в окружение армейский госпиталь. Врачи сделали все

необходимое, чтобы я выжил.

Лежали мы, раненые, в сарае навалом, кормились с полей кукурузой и картофелем, которые собирали те же раненые, которые могли передвигаться. Чем могли, подкармливали нас и жители».

Из произведения Б. Полевого «Знамя полка», изданного Саратовским областным издательством в 1943 году – остатки танкового полка, давно отрезанные от своих частей, продолжали борьбу, устраивали засады на дорогах и, нападая на немецкие танковые колонны, пытались сдержать и затормозить вражеские войска. Давно закончился бензин и танкисты заправляли свои машины на брошенных базах МТС, собирали боеприпасы на подбитых танках и продолжали воевать. В этих неравных боях полк таял. Наконец, 25 сентября в бою у Оржицы сгорели последние две машины. Из полка осталось 8 человек – **старший лейтенант Василий Шамриха, политрук Степан Шаповаленко, лейтенант Леонид Якута, старшина Григорий Лысенко, рядовые Никита Яковлев, Лев Насонов, Николай Ожерельев и Александр Савельев.** Это были танкисты без танков. Но они не думали сдаваться.

Ночью, в болоте у Оржицы, в шелестящих зарослях камыша лейтенант Шамриха сделал привал. Он достал из-за пазухи бережно завернутое в рубаху полковое знамя, развернул его при свете луны, прижал к сердцу скользкий шелк и сказал торжественно и решительно: «Пока мы, 8 человек, дер-

жим оружие, пока у нас этот флаг, полк наш не побежден, он существует и воюет. Поклянемся, товарищи, перед этим вот знаменем, что оружия не сложим и, пока живы, не бросим воевать. И первым, став на колени, он поцеловал угол шелкового полотнища. За ним молча выполнили то же его товарищи. Затем флаг Шамриха зашил в подкладку своей ватной куртки. Спешенные танкисты начали партизанскую войну.

После кровопролитного трехдневного боя и безуспешных попыток прорыва немецкого окружения, советские воины небольшими группами покидают Оржицу.

С большой группой войск с боями прорвались через вражеское кольцо командующий 26-й А генерал Ф. Я. Костенко и член Военного совета этой армии бригадный комиссар Д. А. Колесников. С частью войск пробились из окружения многие командиры корпусов, среди них **генералы П. П. Корзун, А. И. Лопатин, К. С. Москаленко, комбриг П. Ф. Жмаченко**. Вышло из окружения около 500 офицеров и солдат и управление 21-й армии во главе с командующим армией **генералом В. И. Кузнецовым, членом Военного совета генералом С. Ю. Колониным и начальником штаба генералом М. Гордовым**. В район Гадяча 24 сентября с окружения вышло 50 человек из отряда И. Х. Баграмяна – в основном офицеры оперативного отдела штаба фронта.

В течение 18—29 сентября 1941 на сборные пункты вышло из окружения всего более 10 тыс. Воинов Юго-Запад-

ного фронта. Прорвались из котла 117-я, 187-я, 219 сд 21-й А, 97-я, 297 сд.

До 1 октября это число возросло до 21 тыс. Выход разрозненных групп и одиночек продолжался и в последующие дни и недели. В ноябре 1941 из окружения вышел командующий авиацией фронта генерал-лейтенант **Ф. А. Астахов**. **К своим пробились: генерал А. Н. Сидельников, Н. С. Петухов, М. А. Парсегов, 1.1. Волкотрубенко, А. И. Данилов, бригадный комиссар А. И. Михайлов, командиры дивизий А. К. Берестов, С. К. Потехин, А.М. Ильин, Н. М. Панов, К.И. Новик, М. А. Романов, П. Панков, П. П. Корзун, П. И. Морозов, В.С. Тополев, С. Н. Веричев, П. С. Вороной.**

Маслич Иван Никифорович, 1909 г.р., ст. политрук, начальник политотдела 43 кд – «С окружения вышел организованно в конном строю и вывел до 40 человек – группу бойцов и командиров, в том числе раненного полковника – комдива 43 кд Селюкова».

Бекасов Алексей Петрович, 1908 г.р., мл. политрук, инструктор пропаганды 35 кп 43 кд – «С окружения вышел организованно».

Зеркаль Павел Федорович, 1909 г.р., старшина, старшина 40 кп 43 кд – «...из окружения вышел в полном порядке в конном строю, с оружием и в форме».

Однако, подавляющее большинство командиров и десятки тысяч красноармейцев остались навеки лежать в полтав-

ской земле – на берегах рек, в лесах и болотах, степях, оврагах, вдоль дорог и хуторов. Погибли **генералы А. Н. Смирнов, И. Трутко, Т. К. Бацанов**, начальник штаба артиллерии фронта **И. И. Затевахин**, начальник Юго-Западной железной дороги **П. М. Некрасов**. В плену оказались генералы **В. Н. Сотенский, И. Тхор, И. И. Алексеев, В. К. Закутный, И. М. Герасимов**, командиры **И. Бессонов, А. Н. Севастьянов**.

Арзамазов Дмитрий Семенович служил в 10-м полку связи при 26-й А под Оржицей Полтавской области. В 1941 году он попал в окружение, пробирался к своим, но был арестован и по решению трибунала расстрелян в 1942 году.

Судьба многих неизвестна и по сей день, например, **Щитковского Серафима Александровича** (31 декабря 1905 года) – старшего лейтенанта Красной Армии. 22 июня 1941 служил в г. Луцк. Семья Жена – Олифиец Нина, и 2 дочери (1925 и 1936 года рождения) – жили в Луцке. С первых дней войны, военная часть отступила к г. Чергнигову и последние сведения от него пришли 9 сентября 1941г. Пропал без вести (в районе города Оржица). Семья была эвакуирована в г. Куйбишев. Сейчас дочери проживают с семьями в Киев и в г. Москва.

К. Ф. Гродзицкий (1891—1969) служил врачом в армии, (1916—1918). В 1920—1935 гг. Работал главным врачом Наровлянского районной больницы. В Великую Отечествен-

ную войну служил ординатором медсанбата 200-й стрелковой дивизии (1941). Контужен в бою под Тарасовкой Полтавской области, попал в лагерь в Оржице, откуда бежал и вернулся домой в Наровлю (1941). Был начальником санитарной части партизанского отряда до сентября 1944 г. Бойцы называли К. Ф. Гродзицкого «партизанским академиком». В 1945—1949, 1951—1953 гг. Работал главным врачом районной больницы там же в Наровле. Казимир Францевич удостоен звания заслуженный врач БССР, награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Делев Константин Георгиевич, 1921 года рождения, лейтенант. В сентябре 1941 года в районе с. Оржица попал в окружение, а затем в плен, откуда бежал через несколько дней.

Здесь вот что нужно отметить. Киевский «котел» был отнюдь не таким непроницаемым, как это иногда пытаются представить. Достаточно взять данные из боевого и численного состава немецких войск, участвовавших в этой операции, чтобы понять – достаточно сил, чтобы перекрыть все возможные маршруты выхода из окружения частей и отдельных групп военнослужащих РККА у немцев просто не было. Кто действительно хотел выйти из окружения – то вышел. Примеров тому очень много.

Разные мнения есть по и тех, кто вышел и выходил из окружения, вот одно из них.

Из воспоминаний Н. С. Хрущева, по событиям конца сен-

тября 1941 года:

«...Вышел (из окружения) генерал Москаленко (ранее он командовал, по-моему, противотанковой бригадой). Мы со штабом располагались к северу от центра Харькова, в Помирках. Это когда-то было дачное место, любимое харьковчанами. Там произошел неприятный эпизод с генералом Москаленко. Он был очень злобно настроен по отношению к своим же украинцам, ругал их, что все они предатели, всех их надо выслать в Сибирь. Мне, конечно, неприятно было слушать, как он говорит бессмысленные вещи о народе, о целой нации в результате пережитого им потрясения. Народ не может быть предателем. Отдельные его личности – да, но никак не весь народ! И я спросил его: «А как же тогда быть с вами? Вы, по-моему, тоже украинец? Ваша фамилия – Москаленко?». «Да, я украинец, из Гришино». – «Я-то знаю Гришино, это на Донбассе». «Я совсем не такой».

«А какой же вы? Вы же Москаленко, тоже украинец. Вы неправильно думаете и неправильно говорите».

Тогда я первый раз в жизни увидел разъяренного Тимошенко. Они, видно, хорошо знали друг друга. Тимошенко обрушился на Москаленко и довольно грубо обошелся с ним (с моей точки зрения): «Что же ты ругаешь украинцев, что они предатели, что они против Красной Армии, что они плохо с тобой сделали?». А Москаленко, ругая их, приводил такой аргумент: он спрятался в коровнике, пришла крестьянка-колхозница, заметила его и выгнала из сарая, не да-

ла укрыться. Тимошенко реагировал очень остро: «Да, она правильно сделала. Ведь если бы ты залез в коровник в генеральских штанах и в генеральском мундире. А ты туда каким-то голодранцем залез. Она разве думала, что в ее коровнике скрывается генерал Красной Армии? Она думала, что залез какой-то воришка. А если бы ты был в генеральской форме, она бы поступила с тобой по-другому». Мне понравилось. И я сказал Москаленко: «Сейчас в окружении находится генерал Костенко с группой войск. Я убежден, что он выйдет из окружения. Послушаем, что он расскажет об отношении украинских колхозников к тем нашим военным, которые остались в окружении в таком тяжелом положении».

Часто приходилось тогда слышать, что украинцы проявляют недружелюбие к отступающей Красной Армии. Я разъяснял: «Вы поймите: почему это крестьяне украинцы должны приветствовать наше отступление? Они расстроены. Сколько труда затрачено. Ничего не жалели для укрепления армии, для укрепления нашей страны. И вдруг взорвалась такая катастрофа. Армия отступает, бросает население, бросает территорию. Естественно, они проявляют недовольство по отношению к тем, кто оставляет их в беде. Это не измена, а большая грусть».

Прошло несколько дней. Я заболел и лежал в том домишке в Харькове, где располагались члены украинского правительства, когда столицей Украины был Харьков. Этот дом занимал в свое время и первый секретарь ЦК КП (б) Украины

Косиор. Очень хороший особняк, со всеми службами и гаражом, окруженный железобетонным забором. Там-то мне и сообщили, что Костенко вышел из окружения. Я попросил передать Костенко, чтобы он немедленно приехал ко мне и доложил о произошедшем. Я знал Костенко и с большим уважением относился к нему. Он приехал, и я его спросил: «Ну, как дела?». Он говорил всегда с юмором. «Да, ничего, – отвечает, – люди плакали, когда мы отступали». Спрашиваю его дальше: «А как люди, охотно ли вам помогали, когда нужно было кормить вашу конную группу?» «Да что вы! Только скажи, так резали кур, и телят, и свиней, и овес давали для лошадей. Все отдавали. Люди, как люди. Сильно плакали, жалели, что так вот сложилось, что Красная Армия вынуждена отступить».

Мне очень приятно было слышать, как он развенчивал заявления некоторых людей, у которых под влиянием личных переживаний сложилось неправильное представление об украинцах. Это тоже были честные люди, я ни капли не сомневаюсь в преданности товарища Москаленко и других лиц. Я только сравниваю, как в тот момент реагировал украинец Москаленко и как реагировал украинец Костенко. И тот, и другой основывались на фактах. Только один основывался на том, что украинская крестьянка выгнала его из коровника, а другой – на то, как он выходил из окружения с группой войск в форме советского воина. Украинцы все делали для того, чтобы способствовать выходу из окружения

группы, которую вел генерал Костенко!

Когда мы стояли под Полтавой (еще до окончательного окружения Киевской группировки), у нас был подготовлен командный пункт в районе Ахтырки, между Харьковом и Сумами. Поэтому когда мы потом вынуждены были оставить Полтаву, то перебазировали свой штаб в Ахтырку. Ахтырка находилась в таком географическом пункте, что бойцы, офицеры и генералы, которые выходили из окружения от течения Сулы на Псел и Ворсклу, попадали потом раз в район Ахтырки. Впоследствии был командный пункт в Помирках. Часть людей, которая выходила из окружения на Харьков, попадала теперь в Помирки. Сюда пришел Москаленко, сюда же пришел и Костенко.

Грех не вспомнить о 116-й стрелковой дивизии. Сейчас, видя в Харьковском историческом музее ее знамя, многие удивляются: «Почему в таком хорошем состоянии?» Да потому, что в дивизии оно было уже третьим по счету. То, с которым начинали войну, было сплошь иссечено пулями и осколками: 116-я – одна из тех, что оказались в окружении под Киевом. В сентябре 1941 года дивизия была раздавлена наступавшими с кременчугского плацдарма гитлеровцами и исчезла из сводок и донесений. Из нескольких тысяч ее бойцов и командиров из окружения вышли пятеро: два офицера и три солдата. Они вынесли знамя части. Дивизия была сформирована заново. Это потом, в августе 1943 года она освобождала город Харьков и стала Харьковской.

Сражение за Оржицу завершилось. Однако мелкие стычки между немецкими частями и разрозненными группами красноармейцев еще продолжались. «Журнал боевых действий 125-й пехотной дивизии» приводит несколько таких эпизодов как образцов «фанатизма и упрямого ожесточения со стороны красных».

Так, один солдат был убит во время фуражировки, отряд под командованием некоего майора атаковал артиллерийскую батарею, находившуюся на отдыхе, кто-то через окно обстрелял комнату, где спали солдаты.

К вечеру немецкое командование подвело окончательные итоги сражения. Поражение 26-й армии было полным. Особенно страшной оказалась картина в районе с. Денисовка.

«Всякий, кто видел Денисовку, может это подтвердить. Это село представляло собой богатейший арсенал брошенных автомашин, повозок, разного рода вооружения вплоть до крупнокалиберных орудий. К тому же тысячи лошадей, пасущихся без седоков в ближайших окрестностях. Узкая дамба между Денисовкой и Золотухами стала сценой человеческой трагедии.

При попытке прорваться на север русские были сотнями уложены пулеметами 419-го и 420-го полков, а также 16-й танковой дивизии, которая держалась на северном берегу Оржицы. Справа и слева – болото. На дамбе, представлявшей собой слабое укрытие, лежали вплотную человек на человеке, все – мертвые».

Уже около полуночи солдаты 125-й пехотной дивизии получили новый приказ. Им предстояло на следующее утро выступить маршем на г. Миргород.

Бои закончились – разруха и хаос накрыли Оржиччину...

Из воспоминаний отца Романа Храпачевского Анатолия Храпачевского – его мама решила уехать из Лубен в Иржавец к их родственникам. Она поймала лошадь, нашла воз, они загрузились и поехали.

Коней на полях бродило очень много. Мама останавливалась, ловила свежего конягу, и они ехали дальше. За ними шло два немца, и когда мама перепрягали лошадей, то они их обгоняли, а с новым конем они их. Когда они их обогнали, из конопли вышли человек пять наших солдат, и с ними командир, и попросили у них дать им в то переодеться. Мама сказала (а это была правда), что у нее есть парадный комплект командирский и те отказались. После разговора командир вытащил из кобуры наган и забросил его в коноплю, а они поехали дальше. Это была последняя встреча с солдатами Красной Армии, вплоть до освобождения от немцев в 43-м году. Его он тоже хорошо помнит, как и начало войны.

Подъезжая к селу Оржице, что стоит на болотистой пойме реки Оржицы, они увидели высокую плотину, обсаженную толстыми ивами, насыпанную вдоль поймы. По всей насыпи, в основном с левой стороны, было много поломанных наших машин и убитых солдат.

О таком погроме Красной Армии он не помнит, чтобы ви-

дел где-то на фотографии или где-нибудь еще. На одной сожженной машине он видел обгоревшие трупы людей. Он подумал, что это были раненные, не смогли слезть с машины и сгорели. Еще видел наш перевернутый танк, не помнит, какой марки.

Помнит, что стоял страшный смрад (это было в начале октября, был солнечный день, но роев мух он не помнит), и мама ему закрывала голову и говорила: «Толечка, не смотри!», А ему все было интересно, но он ничего не понимал. По правой стороне плотины по полю ходили несколько немецких офицеров в фуражках с высокой тульей и шинелях.

По плотине они доехали до реки Оржица. Мост через реку был построен из различного военного хлама, скелетов машин, на которые были набросаны человеческие и лошадиные трупы, а по верху были проложены деревянные борта от машин, и по ним ездили, но нигде они никакой машины или телеги не встретили. Так они по этому мосту въехали в село Оржица. Село было сожжено и разбито, и только зеленели во дворах вишневые деревья.

От Оржицы они пошли в Иржавец, это 8—10 км оттуда. Не помнит, где они дели воз с конем и вещи, но дорогу к Иржавцу помнит.

На выходе из Оржицы были составлены и сожжены около пяти крупных и длинных куч из винтовок Мосина и другого ручного оружия, а перед этим кучами, у лагеря военнопленных, было место, огороженное столбами где-то по три-пять

метров высотой с натянутой колючей проволокой. Там были собраны орудия разных систем, и еще всякое железо.

По дороге в Иржавец валялись раздутые лошади, мертвые, с выставленными прямыми ногами, и как снопы валялись убитые наши солдаты, наши красноармейцы. Они еще не воняли, и мама по дороге вынимала у них из карманов гимнастерок медальоны с записанными адресами, куда сообщить об их смерти. Он не читал, так как хорошо читать не умел, но когда пришли наши, мама эти документы отнесла в военкомат – там было много этих бумажек. Еще по дороге он видел много русских винтовок, воткнутых штыком в землю.

Так они дошли до Иржавца. Приняли их тетя Маруся с дядей Андреем, и они остались у них...

Вот воспоминания человека, прошедшего через весь ужас Оржицкого котла. **Лев Иосифович Магомет, капитан**, командовал в 1941 году артиллерийским дивизионом, который дислоцировался в Павурске. С самого начала войны участвовал он в боях. Пришлось отступать. На болотистых берегах реки Оржица в жестокой битве артиллеристы потеряли большую часть своей техники и почти половину личного состава, но продолжали пробиваться на восток, пытались выйти из окружения. Затем Магомет был тяжело контужен; его подобрала местная жителя, и он остался лежать в крестьянской избе после ухода наших частей. Когда поднялся на ноги, линия фронта была уже далеко. Идти ту-

да по незнакомым дорогам, в одиночку переходить линию фронта – удастся ли это? Не вернее ли ему, в тылу фашистов, начать борьбу с ними? Призыв к партизанской войне брошен, в народе ходят слухи, что она уже началась. Вот и ему: дойти до тех мест, где он родился и рос, где каждый камень знаком, найти старых друзей, надежных товарищей для этой борьбы.

Так он и решил и пошел не на восток, а на запад, потому что родился и рос в городе Сквире Киевской области.

Пробирался от хутора к хутору, от села к селу, и само собой получалось, что дорога его почти совпала с дорогой недавнего отступления. Вот и Оржица.

Здесь – вон из той вышки – били советские пушки по фашистским танкам. До сих пор торчат среди поля горелые машины и белеют кресты на броне. А тогда, прорвавшись с тыла и фланга, они ползли по этим полям, плевались огнем, угрожали смести все на своем пути, сравнить все с землей

...А потом молотила фашистская авиация, именно молотила: волна за волной, бомба за бомбой, разрывы сливались в сплошной гул. И снова ползли танки.

Здесь, когда надо было выходить из кольца, советские солдаты сами взорвали часть своих орудий, разбили, разломали, закопали в землю самые ценные приборы и инструменты. Многие из них лежат теперь под этой землей.

Лев Иосифович, невольно замедлял шаги, сворачивая с дороги, останавливался перед испорченными пушечны-

ми лафетами, перед почти неузнаваемыми кучами металла. И ему казалось, что он видит лица людей, которых уже нет на свете, слышит сквозь грохот боя их хриплые голоса.

Как потерянный, не замечая людей, прошел он Оржицу, а потом сел или, может быть, упал на обочине пустынной дороги и – нечего скрывать правду – дал волю слезам и словам.

Не запомнить, что было сказано тогда, и неизвестно, к кому были обращены слова, но это было клятвой отомстить за все: за товарищей, за поруганную врагом советскую землю, за горе, за слезы, за кровь, клятвой – не знать покоя, пока ходят по советской земле двуногие коричневые звери.

Ф. Гальдер записал в дневнике:

«Почти полностью уничтожены группировки противника в котлах на восток от Киева. Наши войска приводят себя в порядок. Гудериан сосредоточивает войска своей группы».

КИЕВСКАЯ КАТАСТРОФА 1941 ГОДА: ЕЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В советской исторической литературе не любили вспоминать трагические события лета-осени 1941 года на советско-германском фронте. Для большинства населения оставались неизвестными подробности боевых операции, которые проводились в то время. Вместо этого все знали примеры подвига простых солдат и офицеров в боях с немецкими войсками – оборона Брестской крепости, подвиг летчика Гастелло, бои под Одессой и Севастополем, героизм жителей блокадного Ленинграда.

Несколькими предложениями в литературе упоминается Киевская катастрофа, а данных, которые давали бы информацию о событиях в Киевском котле и его очагах, вообще нельзя было найти.

Несмотря на потери, которые ЮЗФ получил в июне – июле 1941 года, фронт располагал значительными силами.

40-я армия генерал – лейтенанта В. М. Кузнецова (рубеж обороны Короп – Шостка по реке Десна) имела 31 950 солдат и офицеров, 248 орудий; 14 средних, 1 тяжелый и 40 легких танков, 69 бронемашин и танкеток (часть из них имела 45 мм противотанковые пушки).

21-я армия генерала В. М. Кузнецова (находясь на рубеже ЮЗФ, формально подчинялась Брянскому фронту) имела 79 575 человек личного состава, 499 орудий, 15 бронемашин и танкеток, 8 легких танков.

5-я армия генерала Потапова (занимала позиции севернее Киева) насчитывала 95 785 солдат и офицеров, 619 орудий.

37-я армия генерала А. А. Власова, имея в своем фронте укрепления КиУРа и Киев, насчитывала 108 759 солдат и офицеров, имела 1116 орудий и минометов.

Это были самые многочисленные и боеспособные силы ПЗФ.

26-я армия генерала Ф. Л. Костенко, которая занимала оборону южнее Киева по Днепру, располагала на 6 немецких дивизий 9 своих стрелковых дивизий.

38-я армия, которую 27 августа принял от генерала

Д. И. Рябышева генерал – майор М.В Фекленко, имела 77 069 солдат и офицеров, 503 орудия и миномета.

Фронт располагал авиацией, бомбардировщиками и истребителями, которые были в основной массе поделены между армиями и обслуживали потребности отдельных армий.

Кроме этого, в районе Днепра и Десны действовали корабли Пинской военной речной флотилии. Флотилия была создана в 1940 году из кораблей Дунайской, Днепровской флотилий и трофейных кораблей Польши и состояла из 7 мониторов, 15 бронекатеров, 4 канонерских лодок, минного заградителя, эскадрильи истребителей, зенитного артиллерийского дивизиона и роты морских пехотинцев. В период после 22 июня 1941 флотилию пополнили 4 канонерские лодки, 4 тральщика, 8 сторожевых лодок, 10 бронекатеров. На базе этого объединения были созданы Березинский, Припятский и Днепровский отряды, которые соответственно возглавляли капитан 2 – го ранга И. Брахтман, капитан – лейтенант К. В. Максименко и капитан 1-го ранга И. Л. Кравец. Общее командование флотилией осуществлял контр-адмирал Д. Д. Рогачев, флотилии было придано 78 орудий береговой артиллерии.

Таким образом, общее количество солдат и офицеров ЮЗФ составляло 760 000 человек, фронт имел 3923 орудия и миномета, 114 танков, 167 самолетов.

Возглавлял фронт генерал – полковник М. П. Кирпонос.

Когда 14 сентября клещи окружения сомкнулись в рай-

оне Лохвицы, немецкое командование пыталось как можно быстрее обеспечить плотность кольца окружения и не дать окруженным возможности вырваться. Но зря оно так спешило, ведь вместо организации прорыва, войска ЮЗФ пытаются занять рубежи для пассивной обороны. Чтобы побудить Кирпоноса к действиям, командующий ЮЗН маршал Тимошенко через начальника оперативного отдела штаба фронта полковника И. Х. Баграмяна отдает приказ -16 сентября войскам идти на прорыв кольца окружения. Полковник прилетел в Прилуки через занятую врагом территорию на самолете, поэтому письменные документы отсутствовали. Но без бумажного приказа Кирпонос не собирался спасать жизни своих солдат. «Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный», – сказал командующий фронтом. Пока послали в Москву за подтверждением приказа телеграмму, пока пришел ответ, было уже поздно: войска охватил хаос, контроль был утрачен, немцы закрепились на занятых рубежах. Результат: 452700 солдат и офицеров, 2642 орудия, 1225 минометов, 64 танка оказались в окружении, вышли из окружения не больше, чем 25 000 человек.

А вот начальник генерального штаба ОКХ Гальдер в дневнике с восторгом записал 14 сентября: «На юге прямо-таки классическое развитие операции на окружение». 18 сентября Гальдер уже удивляется, почему советские войска не идут на прорыв и пишет: «Наблюдаются лишь разрозненные по-

пытки пробиться на северо – восток». Это означает, что в маневренной войне, мысля категориями позиционной войны Первой мировой, нельзя было победить.

Другой значительной причиной поражения под Киевом было отсутствие взаимодействия различных родов войск: авиации, сухопутных сил, военной речной флотилии. Отвод войск за Днепр, выход немцев к Днепру обрекло корабли Пинской военной флотилии на гибель.

Еще одна причина киевской катастрофы – низкий уровень исполнительской дисциплины советских генералов и отсутствует контроля за выполнением приказов со стороны командующего Кирпоноса.

Есть вина в Киевской катастрофе и разведки, и штабов, и, в частности, Генерального Штаба РККА во главе с маршалом Шапошниковым. Разведка не смогла вовремя определить переход танковых дивизий из Днепропетровска, Запорожья и Каховки в Кременчуг. Только 5 сентября 1941 разведка делает предположение о возможном использовании танков и мотопехоты на Кременчугском плацдарме, но доказательств предоставлено не было и штабные офицеры эти предположения не учли. Вследствие стремительных действий немцев, информация в штаб ЮЗФ и в Генштаб в Москву поступала с опозданием, когда изменить ситуацию было уже невозможно. Историк А. Исаев отмечает, что гоняться за немецкими танковыми дивизиями в приграничных боях было трудно танковым корпусам РККА, а стрелковым

дивизиям вообще невозможно. Даже когда вырисовывалась вся картина действий немцев Генштаб и штаб ЮЗФ продолжали действовать по инерции, не внося изменений в планы, в соответствии с ситуацией. Вот яркий тому пример – в то время, когда надо было помочь войскам ЮЗФ вырваться из кольца, нанеся удар в слабом месте кольца окружения, Тимошенко проводит удар на Ромны. Эта операция имела бы значение на 15 – 20 дней раньше, потому что планировалась она, чтобы остановить танковые и моторизованные дивизии Гудериана. А когда войска были уже в окружении, это наступление было просто бессмысленной потерей техники и человеческих жизней. Если бы удар нанесли южнее, возможно последствия катастрофы были бы менее трагичны.

Ночью 13 сентября в телефонном разговоре маршалов Шапошникова и Тимошенко Шапошников фактически признавал и свою вину за Киевскую катастрофу: «Развитие действий танковых частей с Кременчугского плацдарма можно было ожидать». К сожалению, ответственность за эти ошибки понесли рядовые солдаты и офицеры РККА, оказавшиеся в Киевском котле.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что одним из главных виновников катастрофы является командование ПЗФ, в частности командующий фронтом М. П. Кирпонос, а также значительная вина лежит на командующих армиями фронта. В данной ситуации пассивная оборона, которая опиралась на Днепр, от-

давала инициативу в руки немецкого командования, которое имело более мобильные подразделения и могло наносить удары в опасных местах. Отсутствие действенного взаимодействия между войсками привело к гибели большей части Пинской военной флотилии, которая могла стать весомым аргументом в предотвращении захвата немцами плацдармов на Днестре и Десне. Третьим фактором поражения советских войск является низкий уровень исполнительской дисциплины советских генералов. Значительным фактором катастрофы стал и низкий профессионализм штабных офицеров, которые не смогли предсказать действия немецких войск и быстро среагировать на неожиданные угрозы. Здесь следует отметить и промахи в кадровой политике.

ИТОГИ ПОРАЖЕНИЯ

Поражение войск Юго-Западного фронта стало настоящей катастрофой для Красной армии, превзойдя по своим масштабам трагедию в Белоруссии. По состоянию на 1 сентября без фронтовых резервов, запасных частей и тылов в Юго-Западном фронте насчитывалось 752—760 тысяч человек, 3923 орудия и миномета, 114 танков, 167 боевых самолетов. К моменту окружения в котле оказались 452,7 тысячи человек, 2619 орудий, 1225 минометов, 64 танка. До 2 октября из окружения вышли почти 15000 человек. Немецкие историки считают, что под Киевом до 25 сентября силами групп армий «Юг» и «Центр» было взято в плен 665 000 человек. В это число вошли бойцы и командиры

не только Юго-Западного, но и Брянского фронта, пленные в августе-сентябре 1941 года.

Точность этих данных пусть остается на совести командования группы армий «Юг» и немецких историков. Безусловным остается лишь то, что число военнопленных было действительно огромным. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что командующие 6-й и 17-й немецкими армиями вынуждены были вывести из боя по одной пехотной дивизии в помощь охранникам, которые не справлялись с обслуживанием военнопленных. На долю пленнх под Киевом выпали еще большие страдания, чем те, которые пришлось испытать советским воинам, попавшим в руки врагов под Уманью.

Так, военнопленные, собранные в тылу 17-й армии, транспортировались пешком через Лубны и Хорол в район Умани на расстояние 400 км. За сутки марша протяженностью 30—40 и более километров им выдавалось по 20 граммов пшена и 100 граммов хлеба. Не будучи в состоянии справиться с транспортировкой пленнх, а может, и не желая того, командующий 6-й армией генерал Рейхенау приказал пристреливать ослабевших. Примечательно, что этот приказ не встретил возражений в высших военных инстанциях. Инспектировавший 6-ю армию полковник абвера Лаузен в докладе о приказе своему руководству 31 октября сетовал лишь на то, что расстрелы часто проводятся в населенных пунктах и местное население становится их свидетелем.

В этих ужасных условиях советские военнопленные со-

всем не напоминали «стадо послушных животных», голодных и угнетенных страхом, как их иногда изображают бывшие офицеры и генералы вермахта... Документы свидетельствуют как раз об обратном. Так, из доклада 25-й пехотной дивизии штабу 17-й армии, известно, что 25 сентября в районе Лубен взбунтовались 33 000 военнопленных армейского сборного пункта. Почти через месяц штаб все той же дивизии сообщал командующему тыловым районом группы армий «Юг», что «транспортировать военнопленных из-за сопротивления и истощения очень трудно».

В результате катастрофы под Киевом Красная армия потеряла сильное фронтовое соединение. По данным, опубликованным в 2001 году сотрудниками Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, в Киевской оборонительной операции Красная армия потеряла более 700 500 человек, из них 616 300 безвозвратно.

Несмотря на тяжелое поражение войск Юго-Западного фронта, оборона столицы Украины и всего Юго-Западного направления имела большое политическое и военное значение.

В самый тяжелый период войны в течение трех месяцев войска фронта измотали и обескровили группу армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта и заставили немецкое командование перебросить в район к востоку от Киева большие силы из группы армий «Центр» – 20-ю полевую армию и 2-ю танковую груп-

пу, чем облегчили до некоторой степени положение советских войск, которые преграждали немцам путь на Москву. Ожесточенные бои на киевском направлении не только стоили противнику больших потерь, но и более чем на месяц задержали его наступление на московском направлении, сорвав оперативные расчеты немецкого командования.

Тем самым боевые действия войск Юго-Западного фронта оказали большое влияние на дальнейший ход войны. Об этом свидетельствует признание и самых немецких генералов.

Например, бывший командующий 2-й танковой группы генерал Гудериан писал:

«Бои за Киев несомненно означают (для вермахта. – Прим. Авт.) большой тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех также большое стратегическое значение, остается под вопросом».

Гальдер прямо называл бой под Киевом «крупнейшей стратегической ошибкой в восточном походе» немецкого командования. Наконец, немецкий генерал Бутлар еще откровеннее писал о битве на киевском направлении:

«Через нее немцы потеряли несколько недель для подготовки и наступления на Москву, что, видимо, немало способствовало его провалу».